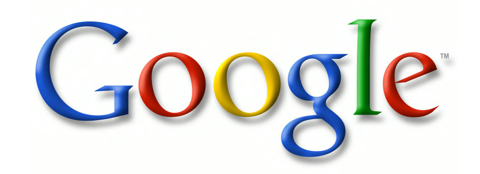

РУССКАЯ ШКОЛА

ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

ИЗДАВАЕМЫЙ ЕЖЕМѢСЯЧНО ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Я. Г. ГУРЕВИЧА.

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

№ 4.

АПРѢЛЬ 1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15-го апрѣля 1893 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО УЧЕБНОМУ ВѢДОМСТВУ.

ВЫСОЧАЙШЕЕ ПОВЕЛѢНІЕ.

О Высочайшемъ одобреніи дѣятельности мѣстъ и лицъ съ цѣлію развитія лѣсонасажденій и плодоводства.

По Высочайшему повелѣнію внесенъ въ Комитетъ Министровъ всеподданнѣйшій отчетъ за 1891 годъ о состояніи Екатеринославской губерніи.

Въ отчетѣ этомъ губернаторъ объясняетъ, что прекрасное состояніе лѣсныхъ и садовыхъ питомниковъ, учрежденныхъ при многихъ сельскихъ школахъ усиліями нѣкоторыхъ уѣздныхъ земствъ, мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ и мѣстнаго общества садоводства, а равно и частныхъ лицъ, будетъ содѣйствовать исполненію намѣреній правительства по расширенію въ губерніи лѣсоразведенія и плодоводства.

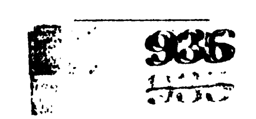
По изложенному объясненію губернатора состоялась Собственноручная Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка: «Это очень хорошо».

Выслушавъ означенный отчетъ въ засѣданіи 15-го декабря минувшаго года, Комитетъ Министровъ полагалъ: испросить Высочайшее Его Императорскаго Величества соизволеніе: 1) на предоставленіе Министрамъ Народнаго Просвѣщенія, Внутреннихъ Дѣлъ и Государственныхъ Имуществъ, по принадлежности, поставить въ извѣстность, чрезъ мѣстное начальство, подлежащія земства Екатеринославской губерніи, мѣстные училищные совѣты и общество садоводства, а равно и частныхъ лицъ, принимавшихъ участіе въ устройствѣ при народныхъ школахъ питомниковъ, съ цѣлью развитія въ краѣ лѣсонасажденій и плодоводства, что Его Величеству благоугодно было одобрить таковую ихъ дѣятельность и достигнутые ими результаты, и 2) объявить о семъ во всеобщее свѣдѣніе.

О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи, согласно предложенію г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія сенатора князя Волконскаго отъ 26-го января сего года за № 1.695, имѣю честь сообщить гг. директорамъ народныхъ училищъ и учительскихъ семинарій ввѣреннаго мнѣ С.-Петербургскаго учебнаго округа.

Объявляется по округу (Циркуляръ по С.-Петербургскому учебному округу. 1893 г. № 3).

*

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

О зачетѣ полугодій и о полукурсовыхъ испытаніяхъ.

На основаніи дѣйствующихъ правилъ о зачетѣ полугодій и о полукурсовыхъ испытаніяхъ возможны случаи, когда студентъ подвергается полукурсовому испытанію по истеченіи шести полугодій пребыванія его въ университетѣ. Засимъ, согласно тѣмъ-же правиламъ, зачетъ 5 и 6 семестровъ производится на основаніи, между прочимъ, представленнаго студентомъ сочиненія. Въ виду сихъ правилъ, нѣкоторые факультеты университетовъ допускаютъ возможность производить зачетъ сразу шести полугодій тѣмъ изъ студентовъ, которые, успѣшно выдержавъ по истеченіи шести полугодій полукурсовое испытаніе, представятъ одновременно сочиненіе или работу на одобренную факультетомъ тему.

Признавая такой зачетъ сразу шести полугодій неправильнымъ, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія отъ 6-го ноября 1892 г., за № 18.793, проситъ меня предложить начальству ввѣреннаго мнѣ университета, чтобы на будущее время правила о полукурсовыхъ испытаніяхъ и о зачетѣ полугодій соблюдались во всей строгости и къ записи на лекціи 5 и 6 семестровъ допускались лишь тѣ студенты, кои успѣшно выдержали полукурсовое испытаніе въ полномъ объемѣ его, зачетъ-же 5 и 6 семестровъ производился не ранѣе, какъ чрезъ годъ послѣ полукурсовыхъ испытаній, во всемъ согласно съ требованіями правилъ о зачетѣ полугодій.

Объявляется по округу (ib.).

О сообщеніи казеннымъ палатамъ объ исключеніи изъ податнаго состоянія лицъ, окончившихъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ, получившихъ ученыя степени или званія.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ увѣдомило Министерство Народнаго Просвѣщенія о томъ, что начальствами учебныхъ заведеній названнаго Министерства допускаются различныя нарушенія при исполненіи возложенной на нихъ закономъ (ст. 314 уст. о под. т. V св. зак. изд. 1857 г. и прим. къ ст. 316 того-же тома по прод. 1876 г.) обязанности сообщать казеннымъ палатамъ объ исключеніи изъ податнаго состоянія лицъ, окончившихъ курсъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ и получившихъ ученыя степени или званія, соединенныя съ правомъ на изъятіе изъ податнаго состоянія.

Изъ доставленныхъ одною изъ казенныхъ палатъ свѣдѣній оказывается, что нѣкоторыя учебныя заведенія вовсе не доставляютъ въ палату такого рода увѣдомленій, другія-же хотя и исполняютъ это требованіе закона, но не сообщаютъ свѣдѣній о томъ, когда и за какими №№ были выданы увольнительныя свидѣтельства отъ обществъ для поступленія въ различныя заведенія и съ какого времени подлежатъ упомянутыя лица исключенію изъ податнаго состоянія.

Такого-же рода нарушенія допускаются учебнымъ начальствомъ и относительно лицъ, поступившихъ на дѣйствительную службу по учебной части

безъ пріобрѣтенія особыхъ ученыхъ степеней. Между тѣмъ, отъ несоблюденія означеннаго требованія закона возникаетъ излишняя переписка, а сословныя управленія, по несвоевременности увѣдомленій о лицахъ, подлежащихъ исключенію, продолжаютъ насчитывать на этихъ лицъ, какъ членовъ обществъ, недоимки общественныхъ сборовъ и привлекаютъ ихъ къ отбыванію по обществу воинской повинности.

Въ виду вышеизложеннаго, г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 11-го февраля сего года за № 2.609, проситъ меня сдѣлать зависящее распоряженіе о томъ, чтобы начальства учебныхъ заведеній ввѣреннаго моему управленію округа неукоснительно доставляли въ подлежащія казенныя палаты подробныя свѣдѣнія о времени исключенія изъ податнаго состоянія лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ помянутыхъ учебныхъ заведеніяхъ и получившихъ ученыя степени или званія, соединенныя съ правами на исключеніе изъ податныхъ сословій, а также лицъ, поступившихъ на дѣйствительную службу по учебной части безъ пріобрѣтенія особыхъ ученыхъ степеней.

Объявляется по округу (ib.).

По вопросу о томъ, изъ какихъ предметовъ слѣдуетъ подвергать лицъ, имѣющихъ дипломъ II степени и желающихъ подвергнуться испытанію на дипломъ I степени.

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, предложеніемъ отъ 17-го февраля сего года, за № 2.931, увѣдомилъ меня, что попечителемъ одного изъ учебныхъ округовъ возбужденъ вопросъ о томъ, изъ какихъ предметовъ слѣдуетъ подвергать лицъ, имѣющихъ дипломъ II степени и желающихъ подвергнуться испытанію на дипломъ I степени, т.-е. изъ всѣхъ-ли предметовъ факультетскаго преподаванія, требуемыхъ на испытаніяхъ полукурсовыхъ и окончательномъ въ коммиссіяхъ, или только изъ предметовъ, входящихъ въ составъ окончательныхъ испытаній въ коммиссіяхъ?

По обсужденіи сего вопроса, его сіятельство находитъ, что означенныя выше лица должны подвергаться испытанію только изъ предметовъ, входящихъ въ составъ окончательныхъ испытаній въ коммиссіяхъ, такъ какъ они уже подвергались полукурсовому испытанію, ибо безъ того не могли-бы держать окончательнаго испытанія и удостоиться диплома II степени, или, до установленія полукурсовыхъ испытаній, подвергались полностью испытаніямъ въ коммиссіяхъ.

Объявляется по округу (ib.).

Оффиціальное извѣщеніе.

Сознавая пользу и необходимость существованія такихъ воспитательныхъ заведеній, въ коихъ иногородные и небогатые родители могутъ за умѣренную, сравнительно, плату помѣщать своихъ дѣтей, не боясь оставить

ихъ безъ надзора или на попеченіи лицъ, не всегда опытныхъ въ дѣлѣ воспитанія, Министерство Народнаго Просвѣщенія, съ Высочайшаго на то соизволенія, въ началѣ 1891 года, обратило особенное вниманіе попечителей учебныхъ округовъ и начальствъ среднихъ учебныхъ заведеній на крайнюю необходимость устройства пансіоновъ и общежитій, тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, при учебныхъ заведеніяхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, просило генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ, предводителей дворянства и почетныхъ попечителей сихъ заведеній оказывать свое содѣйствіе въ этомъ несомнѣнно полезномъ и благомъ дѣлѣ и склонять къ тому мѣстныя общества.

На этотъ призывъ Министерства, дворянство, общества и частныя лица отнеслись весьма сочувственно, выражая полную готовность и горячее желаніе всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами содѣйствовать учрежденію интернатовъ.

Матеріальное участіе мѣстныхъ обществъ и частныхъ лицъ въ содержаніи пансіоновъ и общежитій выразилось со времени означеннаго воззванія слѣдующимъ образомъ. Полтавское губернское земство отпустило на это дѣло 40 т. рублей, Омская городская дума—10 т. рублей, жители г. Тифлиса собрали по подпискѣ 24.033 руб. 44 коп., бакинскій 1-й гильдіи купецъ Арамянцъ далъ 11.286 руб., Таганрогская городская дума принесла въ даръ пустопорожнее мѣсто близъ зданія гимназіи въ размѣрѣ 2.500 кв. саж., оцѣниваемое въ 10 т. рублей, Изюмское уѣздное земство ассигновало 8 т. рублей, коммерціи совѣтникъ Стахѣевъ и нѣкоторые другіе изъ жителей г. Елабуги внесли 2.300 руб., въ Люблинской губерніи собрано 2.303 руб. 60 коп., Николаевское биржевое общество, церковно-приходское попечительство и отдѣленія торговыхъ домовъ въ Николаевѣ 970 руб., почетный попечитель Изюмскаго реальнаго училища А. В. Дементьевъ пожертвовалъ 2.000 руб., почетный попечитель Елатомской мужской гимназіи князь Кудашевъ предоставилъ деревянный домъ въ 5 комнатъ, а при нѣкоторыхъ заведеніяхъ за это время уже устроены и открыты общежитія и пансіоны.

Съ начала 1891 — 1892 учебнаго года открыты общежитія при слѣдующихъ учебныхъ заведеніяхъ:

1) При Казанской 3-й мужской гимназіи, въ зданіи заведенія, на плату, взимаемую съ самихъ учениковъ, живущихъ въ общежитіи, въ размѣрѣ 20 руб. съ каждаго.

2) При Сергіево-Посадской мужской прогимназіи, при пособіи почетнаго попечителя заведенія Ѳ. Н. Плевако, на счетъ пособія отъ общества вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ, на пожертвованія мѣстнаго городского общества и на взносъ платы за содержаніе воспитанниковъ.

3) При Вятской женской гимназіи, на пожертвованія разныхъ лицъ, въ суммѣ 4.219 рублей 26 копѣекъ, съ ежегодной платой по 160 руб.

4) При Сѣдлецкой женской гимназіи, въ наемномъ домѣ, насчетъ платы съ пансіонерокъ по 200 руб. въ годъ. На первоначальное обзаведеніе общежитія употреблена сумма изъ спеціальныхъ средствъ гимназіи.

5) При Петроковской мужской гимназіи, съ платой по 180 руб. съ каждаго; расходы по первоначальному устройству и по содержанію общежитія покрыты и покрываются изъ взносовъ родителей и опекуновъ.

6) При Люблинской мужской гимназіи, съ платою по 225 рублей за

полное содержаніе и за помощь въ научныхъ занятіяхъ, въ помѣщеніи бывшаго монастыря визитокъ, приспособленномъ для этого на счетъ спеціальныхъ средствъ гимназіи, съ тѣмъ, что деньги эти будутъ возвращены изъ доходовъ общежитія.

7) При Ростовской-на-Дону мужской гимназіи преподавателемъ гимназіи Козачковымъ устроено общежитіе, съ платой по 300 рублей въ годъ съ воспитанника.

8) При Александровской Борисоглѣбской мужской прогимназіи обществомъ вспомоществованія нуждающимся ученикамъ прогимназіи — общежитіе, въ наемномъ помѣщеніи на счетъ платы съ учениковъ.

Съ начала 1892—1893 учебнаго года открыты:

9) При Бѣлоцерковской мужской гимназіи интернатъ.

10) При Глуховской мужской гимназіи (открытъ) пансіонъ на средства почетнаго попечителя заведенія, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Николы Артемьевича Терещенко.

11) При Якутскомъ реальномъ училищѣ, пансіонъ во вновь отстроенномъ зданіи.

12) При Нарвской мужской гимназіи, въ помѣщеніи, нанятомъ и устроенномъ на средства почетнаго попечителя А. Ѳ. Гана, общежитіе, съ платой за квартиру, столъ и стирку бѣлья по 20 руб. въ мѣсяцъ.

13) При Бобровской мужской прогимназіи, въ наемномъ помѣщеніи, приспособленномъ и обставленномъ на счетъ частныхъ пожертвованій, коихъ собрано до 4.000 руб. Общежитіе съ платою за содержаніе по 125 руб.

14) При Пермскомъ Алексіевскомъ реальномъ училищѣ общежитіе.

15) При Сарапульскомъ Алексѣевскомъ реальномъ училищѣ, во флигелѣ училищнаго зданія, приспособленномъ и обставленномъ на средства почетнаго попечителя А. Т. Шипова и отчасти мѣстнаго уѣзднаго земства, общежитіе съ платою по 12 руб. въ мѣсяцъ съ каждаго воспитанника.

16) При Дерптской мужской гимназіи пансіонъ, съ платой за пансіонеровъ по 210 руб. (кромѣ 50 руб. единовременно при первоначальномъ поступленіи) и съ полупансіонеровъ по 100 руб. въ годъ, сверхъ платы за ученіе.

и 17) При Ревельской гимназіи Императора Николая I, пансіонъ съ платою за пансіонеровъ по 225 руб. въ годъ и, сверхъ того, по 25 руб. единовременно на первоначальное обзаведеніе, и за полупансіонеровъ съ платою по 70 руб. въ годъ, сверхъ платы за ученіе въ обоихъ случаяхъ.

Послѣдніе два пансіона открыты исключительно на счетъ ожидаемаго сбора за содержаніе воспитанниковъ.

Кромѣ перечисленныхъ выше вновь открытыхъ пансіоновъ и общежитій уже издавна существуютъ: при 62 среднихъ учебныхъ заведеніяхъ— пансіоны, а при 35—общежитія (Журн. Мин. Нар. Просв. 1893 г., апрѣль).

РАСПОРЯЖЕНІЕ ПОПЕЧИТЕЛЯ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.

Относительно постановки отмѣтокъ преподавателями объ успѣхахъ учениковъ.

Въ одной изъ гимназій преподаватель французскаго языка въ V классѣ, въ которомъ всѣхъ учениковъ по списку значилось 27, на одномъ изъ своихъ уроковъ, при двухъ отсутствующихъ ученикахъ, выставилъ въ классномъ журналѣ нижеслѣдующія отмѣтки: двумъ ученикамъ поставилъ по четыре (4) и четырнадцати ученикамъ по нулю (0), девять остальныхъ присутствовавшихъ на урокѣ учениковъ никакой отмѣтки не получили. Въ другой гимназіи, преподаватель греческаго языка въ VI классѣ отвѣты всѣхъ, находившихся у него на лицо, 23 учениковъ оцѣнилъ въ классномъ журналѣ такъ, что одинъ изъ нихъ получилъ два съ минусомъ (2—), одинъ оставленъ безъ отмѣтки, всѣ же остальные, числомъ 21, получили каждый по единицѣ (1).

Постановка такихъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ, отмѣтокъ въ классномъ журналѣ показываетъ совершенно не серьезное отношеніе этихъ преподавателей къ столь важному дѣлу, какъ оцѣнка успѣховъ и прилежанія учениковъ, а также свидѣтельствуетъ и объ отсутствіи надлежащихъ указаній со стороны начальниковъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ подобныя явленія могли имѣть мѣсто. Такъ какъ и по другимъ гимназіямъ и реальнымъ училищамъ въ срочныхъ вѣдомостяхъ, составляемыхъ четыре раза въ годъ, и въ классныхъ журналахъ, куда ежедневно вносятся аттестаціи объ успѣхахъ учениковъ, встрѣчается весьма большое число неудовлетворительныхъ отмѣтокъ, то я нахожу необходимымъ остановить вниманіе гг. начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній на этомъ прискорбномъ явленіи въ жизни нашихъ училищъ. Количество неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по тому или другому предмету, въ томъ или другомъ классѣ, бываетъ иногда столь велико, что, если судить объ успѣхахъ учениковъ по данному предмету по отмѣткамъ, можно придти къ заключенію, будто гимназія или реальное училище состоятъ изъ множества закоренѣлыхъ лѣнтяевъ, не поддающихся никакимъ мѣрамъ исправленія и не могущихъ усвоить себѣ, положенный въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, курсъ. Но на дѣлѣ обыкновенно оказывается, что отмѣтки, выставленныя въ оффиціальныхъ документахъ, къ каковымъ относятся классные журналы, срочныя вѣдомости, дневники и проч. совершенно не имѣютъ того значенія, какое должны онѣ имѣть на основаніи существующихъ на сей предметъ узаконоположеній и распоряженій Министерства Народнаго Просвѣщенія. Отмѣтки эти вовсе не выражаютъ собою оцѣнки познанія и успѣховъ учениковъ, ихъ вниманія и прилежанія, какъ-то, напр., требуется § 3 правилъ объ испытаніяхъ учениковъ (утвержд. г. Министромъ 12 марта 1891 г.), а появляются въ журналахъ весьма часто по соображеніямъ, ничего общаго съ этою оцѣнкою неимѣющимъ, причемъ многіе изъ преподавателей не скупятся на единицы, допускаютъ разные знаки (плюсы и минусы), а въ рѣдкихъ случаяхъ даже нули (0). Чрезмѣрное количество единицъ и двоекъ, ежедневно выставляемыхъ въ журналахъ, производитъ тяжелое впечатлѣ-

ніе на учениковъ и ихъ родителей. Ученики, незаслуженно получающіе дурныя отмѣтки, теряютъ всякую охоту къ ученію, привыкаютъ небрежно относиться къ своему дѣлу; родители начинаютъ съ недовѣріемъ относиться къ учебному заведенію. При этихъ-же условіяхъ объ успѣшности преподаванія не можетъ быть и рѣчи. Со стороны преподавателя требуется весьма большое умѣнье и весьма много такта, чтобы по достоинству оцѣнить отвѣтъ ученика. Весьма часто преподаватели склонны неудовлетворительный отвѣтъ ученика приписывать его лѣни. И какъ часто они ошибаются, считая лѣнтяемъ ученика старательнаго, но неумѣющаго приняться за дѣло надлежащимъ образомъ! Неудовлетворительность отвѣта происходитъ отъ множества причинъ, а не отъ одной только лѣни. Вселить прилежаніе и пріучить къ нему, особенно въ младшихъ классахъ, есть дѣло учителя. Что же касается до малоспособности или недостаточности развитія, то эти понятія относительныя, сильно растяжимыя. Прежде, нежели отнести ученика въ разрядъ неспособныхъ и мало развитыхъ и тѣмъ какъ-бы изгнать его изъ среды товарищей и заградить ему дорогу къ дальнѣйшему самоусовершенствованію, слѣдуетъ долго и долго потрудиться надъ нимъ, терпѣливо выжидая медленнаго роста его духовныхъ силъ и не торопиться оцѣнивать познанія и понятливость его двойкою или единицею. Нѣкоторые изъ преподавателей думаютъ, что ихъ обязанности ограничиваются объясненіемъ задаваемыхъ уроковъ, спрашиваніемъ учениковъ и постановкою въ журналахъ отмѣтокъ; никакой отвѣтственности за неуспѣхи учениковъ брать на себя они не желаютъ. Между тѣмъ, отвѣтственность эта и лежитъ, главнымъ образомъ, на учителѣ, а потому исправить единицу или двойку, т.-е. научить тому, чего онъ не знаетъ, долженъ самъ учитель своими мѣрами, принятыми прежде всего во время урока. Если исправленіе неуспѣвающаго ученика лежитъ на обязанности учителя, который по своей должности беретъ на себя трудъ научить ученика своему предмету, то естественно рождается вопросъ: есть-ли крайняя надобность ставить въ журналъ огульно дурныя отмѣтки, и такая постановка ихъ достигаетъ-ли какой-либо благотворной цѣли? Если учитель спрашиваетъ одного, другого, третьяго, десятаго и не получаетъ отвѣта, то ясно, что ученики, по какой-нибудь причинѣ, не зависящей, можетъ быть, отъ ихъ доброй воли выучить урокъ, не знаютъ заданнаго. Вмѣсто того, чтобы ставить имъ единицы, слѣдуетъ снова разучить тотъ-же урокъ въ классѣ. Постановка дурныхъ отмѣтокъ, безъ разбора, дѣйствуетъ вредно на учениковъ и имѣетъ иногда неблагопріятныя послѣдствія для учителей. Она отбиваетъ охоту учиться, поселяетъ недовольство противъ учителя и апатію къ предмету. Безъ любви-же къ труду и безъ любознательности ученика нельзя добиться никакихъ порядочныхъ результатовъ. А то и другое пробуждается и дѣйствуетъ въ ученикѣ преимущественно при помощи учителя. Многочисленныя неудовлетворительныя отмѣтки показываютъ, что учитель не умѣетъ вести дѣло преподаванія избраннаго имъ предмета. Отъ учителя зависятъ и дисциплина, и вниманіе, и прилежаніе и, наконецъ, успѣхи учениковъ. Слѣдовательно, умѣющій вести свое дѣло учитель всегда сумѣетъ найти надлежащія воспитательныя средства къ поднятію уровня успѣшности своихъ учениковъ, не прибѣгая, безо всякой надобности, къ двойкамъ и единицамъ. Двойки и еди-

ницы ни въ какомъ случаѣ не должны быть вносимы въ журналъ десятками, онѣ вообще могутъ быть употребляемы въ рѣдкихъ и единичныхъ случаяхъ. Чѣмъ рѣже будутъ ставиться единицы и двойки, тѣмъ бо̀льшее значеніе онѣ будутъ имѣть въ глазахъ учениковъ. Ставить безъ разбору, чуть не цѣлому классу, двойки и единицы противно самымъ элементарнымъ требованіямъ педагогики (Циркуляръ С.-Петербургскаго учебнаго округа. 1893 г. № 3).

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Опредѣленія Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія *).

Опредѣленіями Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Книги: 1) «*Павсанія*. Описаніе Еллады или Путешествіе по Греціи во II вѣкѣ по Р. Х. Переводъ съ греческаго, съ толкованіями и съ приложеніемъ статей: Историко-литературное значеніе Павсаніи; Краткій очеркъ исторіи искусства; Родословныя таблицы еллинскихъ династій и пр. *Г. Янчевецкаго*, директора Ревельской Александровской гимназіи. Спб. 1887—1889, стр. 839. Цѣна 5 руб.» и 2) «*Ф. А. Экштейнъ*. Преподаваніе латинскаго и греческаго языковъ, съ предисловіемъ *В. Шрадера*, попечителя университета въ Галле. Переведено подъ редакціей *Г. Янчевецкаго*. Ревель. 1889, стр. 132. Цѣна 3 руб.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Изданіе: «Историческое обозрѣніе. Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей *Н. И. Карѣева*. Томъ I—1890.—Томъ II—1891.—Томы III, IV, V—1892 г.»—рекомендовать для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Учебникъ сравнительной географіи шестого класса реальныхъ училищъ. Составилъ примѣнительно къ новой программѣ, утвержденной г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія 1888 г., преподаватель Кіевскаго реальнаго училища *И. П. Матченко*. Изданіе 2-е. Кіевъ. 1892, стр. II+204. Цѣна 1 руб.» — допустить въ видѣ руководства для VI класса реальныхъ училищъ впредь до появленія болѣе удобнаго учебника и одобрить для библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «*В. Н. Травинъ*. Руководство къ низшей геодезіи. Часть I. Съ приложеніемъ 29 таблицъ чертежей. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное *В. В. Травинымъ* (сыномъ), преподавателемъ геодезіи и математики въ Пензенскомъ землемѣрномъ училищѣ. Москва. 1893, стр. VII+324. Цѣна 3 руб.»—одобрить для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Маленькій лордъ Фонтлерой. *Франциски Бёрнетъ*. Переводъ съ англійскаго *С. Долгова*. Съ рисунками Реджинальда Бёрчи. По-

*) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія 1893 г., апрѣль.

вѣсть для дѣтей старшаго возраста. Москва. 1893, стр. 288»—одобрить для библіотекъ младшаго и средняго возраста среднихъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Латинская хрестоматія для I, II, III и IV классовъ гимназій. Примѣнительно къ новымъ программамъ Министерства Народнаго Просвѣщенія составилъ *И. Семеновичъ*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 1-й гимназіи. Часть I и II. Изданіе 2-е, исправленное, Москва. 1893, стр. II+133+II+159. Цѣна за обѣ части 1 руб.»—допустить въ качествѣ учебнаго пособія въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ Министерства.

— Книги: 1) «Начальная греческая хрестоматія. Связныя статьи греческія и русскія, для упражненія въ греческой этимологіи. Для III, IV и V классовъ гимназій. Составилъ *Э. Черный*, преподаватель древнихъ языковъ въ Московской 3-й гимназіи. Часть первая. Склоненіе именъ и спряженіе правильныхъ глаголовъ на ω. Изданіе 3-е, исправленное. Москва. 1893, стр. X+162. Цѣна 75 коп.»—2) «Книга упражненій въ греческой этимологіи по руководству *П. Везенера* и другимъ, съ приспособленіями къ употребленію въ русскихъ гимназіяхъ, составилъ *Э. Черный*. Изданіе 8-е, исправленное. Москва. 1893, стр. VII+280. Цѣна 1 р. 30 к.»—3) «Греческая грамматика гимназическаго курса *Э. Чернаго*. Часть первая. Этимологія. Изданіе 8-е, исправленное. Москва. 1893, стр. VI+243. Цѣна 1 руб.»—одобрить *первую* и *вторую* въ видѣ учебнаго пособія, а *третью* въ качествѣ руководства по греческому языку для гимназій и прогимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Книгу: «Э. Баховъ. Сборникъ статей для перевода съ греческаго на русскій и съ русскаго на греческій. Курсъ III и IV классовъ гимназій. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. Счастливцева,* преподавателя Виленской 1-й гимназіи. Изданіе 2-е, исправленное. Вильна. 1893, стр. 249. Цѣна 1 руб.»—одобрить въ качествѣ учебнаго пособія для гимназій Министерства.

— Брошюру: «Народныя сказки и пѣсни объ Іоаннѣ Грозномъ. *Іосифъ Сенигövъ*. Спб. 1893, стр. 42. Цѣна 30 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Contes et récits tirés des meilleurs auteurs Français contemporains, recueilles et annotés par *Alexandre Crottet* et *Alexandre Mann*. Troisième Fascicules. St.-Pétersbourg. 1893. Prix 40 cop.»—допустить къ употребленію въ качествѣ пособія при преподаваніи французскаго языка въ старшихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства Народнаго Просвѣщенія, мужскихъ и женскихъ.

— Книгу: «Исторія русской словесности для среднихъ учебныхъ заведеній. Сочиненіе *А. И. Незеленова* (въ двухъ частяхъ). Часть первая—съ древнѣйшихъ временъ до Карамзина.—Часть вторая—Карамзинскій и Пушкинскій періоды. Спб. 1893»—одобрить въ качествѣ учебнаго руководства для среднихъ учебныхъ заведеній.

Опредѣленія особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія (ib.).

Опредѣленіями особаго отдѣла Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденными г. Товарищемъ Министра, постановлено:

— Изданіе Сосновицкаго Александровскаго училища «Новая школа русскаго чистописанія, въ 7 тетрадяхъ. Бреславль. 1892. Цѣна каждой тетради 10 коп.»—допустить къ употребленію въ низшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

— Книгу: «Описаніе Архангельской губерніи для народныхъ училищъ. (Родиновѣдѣніе). Составилъ *В. Бѣловъ*. Архангельскъ. 1892. Въ 8-ю д. л., 80 стр. Цѣна 30 коп.» — допустить для класснаго употребленія въ двуклассныхъ и городскихъ училищахъ Архангельской губерніи и въ учительскія библіотеки всѣхъ низшихъ училищъ.

— Книгу: «Опытъ систематизаціи употребительнѣйшихъ ариѳметическихъ задачъ по типамъ. Составилъ *А. Терешкевичъ*. М. 1893. Въ 8-ю д. л., 100 стр. Цѣна 30 коп.» — допустить въ учительскія библіотеки начальныхъ училищъ съ тѣмъ, чтобы при слѣдующемъ изданіи авторомъ были приняты во вниманіе указанія Ученаго Комитета.

— Книгу: «Разсказы о великихъ и грозныхъ явленіяхъ природы. Составилъ *Н. Рубакинъ*. Изданіе Спб. Комитета грамотности. Спб. 1892. Въ 12-ю д. л., 115 стр. Цѣна 20 коп.»—допустить въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ.

— Изданную Харьковскимъ Обществомъ распространенія въ народѣ грамотности книгу: «Какъ и откуда добывается шелкъ? *М. Н. Енько*. Изданіе 2-е. Харьковъ. 1892. Въ 16-ю д. л., 37 стр. Цѣна не обозначена»—одобрить для ученическихъ библіотекъ народныхъ училищъ.

— Изданія того-же Общества: 1) «Желѣзныя дороги. 1892, стр. 54», 2) «Сибирь и переселенцы. *Н. К. Истоминой*, 1892, стр. 64», 3) «Друзья (разсказъ). 1892, стр. 32», 4) «Среди французовъ. Два разсказа *А. Доде*. 1891, стр. 23», 5) «Жанна д'Аркъ, дѣва Орлеанская. 1891, стр. 38» и 6) «Прекрасная Нивернеза. Исторія одного стараго судна. По *Доде*. 1892, стр. 56. Цѣна 4 коп.» (цѣна остальныхъ брошюръ не обозначена)—допустить въ ученическія библіотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній.

Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе императора Николая I.

(*Продолженіе*).

III.

Обсудивъ событія, совершившіяся въ Вильнѣ и Минскѣ, въ бытность въ этихъ городахъ Лиліенталя, графъ Уваровъ пришелъ къ убѣжденію, что при составленіи Положенія о еврейскихъ училищахъ нельзя руководиться исключительно воззрѣніями Лиліенталя и русскихъ образованныхъ евреевъ, что при этомъ не нужно игнорировать и тѣхъ воззрѣній на задачу школы и ея устройство, какихъ придерживалась еврейская масса. Такое учрежденіе, какъ школа, особенно при господствѣ принципа необязательности обученія, не могло быть навязано евреямъ силой; въ нее пойдутъ евреи лишь тогда, когда она болѣе или менѣе будетъ отвѣчать ихъ потребностямъ.

Соотвѣтственно этому проекты устройства училищъ для евреевъ, которые къ концу 1841 г. были уже совершенно изготовлены, должны были подвергнуться весьма существенной переработкѣ.

а) Прежде всего нужно было принять въ разсчетъ воззрѣніе евреевъ, что первоначальное обученіе дѣтей (въ возрастѣ отъ пяти до восьми лѣтъ) должно быть исключительно религіозное, что въ это время дитя не можетъ изучать общеобразовательныхъ предметовъ, и соотвѣтственно этому предоставить дѣтямъ до 8 лѣтъ обучаться прежнимъ порядкомъ, а не въ правительственныхъ школахъ. Но при этомъ обязательно позаботиться, чтобы постепенно, шагъ за шагомъ, вытѣснять меламдовъ изъ области первоначальнаго обученія дѣтей и передать важное дѣло первоначальнаго религіознаго обученія въ болѣе умѣлыя руки, а равнымъ образомъ подумать и о составленіи точной программы такого обученія.

б) Вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдовало спѣшить и закрытіемъ такихъ

публичныхъ (талмудъ-торъ) и частныхъ (хедеры) школъ, гдѣ обучались дѣти отъ 8 до 13 лѣтъ. Пусть эти школы по прежнему существуютъ до времени, но необходимо постепенно измѣнять ихъ организацію. Необходимо дать имъ опредѣленную програму, съ введеніемъ въ нее нѣкоторыхъ и общеобразовательныхъ предметовъ, необходимо ввести въ нихъ школьные порядки и, главное, открыть въ нихъ доступъ болѣе подготовленнымъ, чѣмъ меламды, учителямъ.

в) Чтобы предполагаемая реформа частнаго и общественнаго обученія евреевъ могла быть выполнена, необходимо привести въ извѣстность всѣхъ существующихъ частныхъ учителей и всѣ существующія частныя и общественныя еврейскія школы и подчинить ихъ контролю и руководству учебнаго начальства. Ближайшее наблюденіе за школами и учителями, подъ руководствомъ учебнаго начальства, всего лучше поручить благонадежнымъ евреямъ.

г) Правительственныя школы для еврейскихъ мальчиковъ отъ 8 лѣтъ безусловно должны были имѣть своею задачею—содѣйствовать распространенію между евреями общеобразовательныхъ свѣдѣній и подъему ихъ общаго развитія, но устройство ихъ должно въ возможно большей степени соотвѣтствовать воззрѣніямъ евреевъ на школу; онѣ должны въ возможно большей степени удовлетворять тѣмъ требованіямъ, какія предъявляютъ евреи къ школѣ. Въ силу этихъ соображеній въ этихъ школахъ должно быть отведено широкое мѣсто религіозному образованію евреевъ. И такъ какъ религіозное образованіе, по мнѣнію евреевъ, достигается не изученіемъ катихизиса, а изученіемъ источниковъ вѣры, т.-е. библіи и талмуда, то въ програму правительственныхъ еврейскихъ училищъ необходимо ввести и изученіе талмуда, и притомъ въ широкомъ объемѣ. Графъ Уваровъ отступилъ такимъ образомъ отъ прежнихъ своихъ воззрѣній на талмудъ, такъ ясно и рѣшительно высказанныхъ имъ въ упомянутыхъ выше запискахъ и всеподданнѣйшемъ докладѣ въ 1841 году. Но это не значитъ, чтобы онъ усвоилъ себѣ еврейскіе взгляды на талмудъ. И теперь онъ не допускалъ, чтобы обучающіеся въ правительственныхъ школахъ могли изучать какіе угодно отдѣлы талмуда, или изучать избранные отдѣлы талмуда во всей ихъ цѣлостности. Равнымъ образомъ онъ не допускалъ и того, чтобы учителямъ предоставлена была возможность руководствоваться какими угодно комментаріями. Безусловное допущеніе талмуда въ школьное обученіе и теперь онъ признавалъ крайне вреднымъ, такъ какъ обучающіеся могли при подобной постановкѣ дѣла наталкиваться на такія мѣста талмуда, которыя или оскорбляли ихъ нравственное чувство, или внушали воззрѣнія, несо-

гласныя съ дѣйствующими въ Россіи законами, и поддерживали фанатическую нетерпимость евреевъ. Такимъ образомъ, графъ Уваровъ считалъ нужнымъ допустить въ школы талмудъ, но онъ допускалъ чтеніе талмуда лишь въ извлеченіяхъ изъ избранныхъ отдѣловъ и притомъ съ непремѣннымъ намѣреніемъ обязать учителей пользоваться лишь такими комментаріями, которые съ правительственной и нравственной точекъ зрѣнія могли-бы быть признаны наименѣе опасными. Однимъ словомъ, для новыхъ еврейскихъ школъ графъ Уваровъ хотѣлъ создать талмудъ особаго рода, талмудъ, такъ сказать, школьный.

д) Графъ Уваровъ не считалъ уже теперь нужнымъ и вызовъ учителей для новыхъ школъ изъ заграницы. Съ одной стороны, для него вполнѣ уже выяснилось, что русскіе евреи весьма подозрительно смотрятъ на своихъ единовѣрцевъ, получившихъ образованіе въ западно-европейскихъ еврейскихъ школахъ, и склонны считать ихъ отступниками отъ вѣры; съ другой стороны, не являлось въ нихъ теперь и особой надобности: въ западно-европейскихъ еврейскихъ училищахъ талмудъ въ это время оставался въ пренебреженіи и кончившіе въ нихъ курсъ ученія не могли уже считаться особенно пригодными кандидатами на должности учителей въ русскихъ еврейскихъ школахъ, гдѣ талмудъ долженъ былъ занять весьма видное мѣсто въ программѣ преподаванія. Для русскихъ еврейскихъ училищъ въ ихъ новомъ видѣ нужно было искать учителей среди русскихъ евреевъ, и такъ какъ на такія должности кандидатовъ въ Россіи было немного, то по необходимости приходилось думать или о подготовленіи кандидатовъ на учительскія должности при высшихъ еврейскихъ школахъ, или о созданіи спеціальнаго учебнаго заведенія для подготовки учителей.

Къ такимъ воззрѣніямъ привело графа Уварова обстоятельное ознакомленіе съ событіями, сопровождавшими поѣздку Лиліенталя въ Вильну и Минскъ.

Но это были лишь главныя, основныя положенія, которыми слѣдовало руководствоваться при пересмотрѣ Положенія о еврейскомъ образованіи. Для болѣе-же удачнаго выполненія этой задачи приходилось имѣть въ виду не только эти основныя соображенія, но и массу мелочей. Ужъ если при созданіи системы еврейскаго образованія признано необходимымъ сообразоваться съ воззрѣніями на этотъ предметъ евреевъ, то слѣдовало провести эту мысль до конца. Въ существующихъ у евреевъ школахъ слѣдовало оставить все, что можно было оставить въ нихъ безъ нарушенія главнѣйшихъ требованій педагогики, новыя-же школы устроить такъ, чтобы онѣ, насколько возможно, сближались съ обычными у евреевъ школами.

Но какъ это сдѣлать?

Воззрѣнія, привычки русскихъ евреевъ лучше всего знали русскіе-же евреи. Графъ Уваровъ и остановился на мысли — привлечь ихъ къ разработкѣ новаго Положенія о еврейскихъ школахъ. Эта мысль тѣмъ болѣе улыбалась ему, что выполненіемъ ея онъ думалъ достигнуть и другой важной цѣли—успокоенія евреевъ. Онъ полагалъ, что если разработка новаго Положенія будетъ поручена евреямъ, пользующимся уваженіемъ среди русскихъ ихъ единовѣрцевъ, то это произведетъ прекрасное впечатлѣніе на все русское еврейское общество, и евреямъ нечего уже будетъ опасаться, что новыя школы будутъ могилой ихъ вѣры.

Остановившись на изложенныхъ соображеніяхъ, графъ Уваровъ представилъ въ половинѣ іюня 1842 г. всеподданнѣйшій докладъ, которымъ испрашивалось Высочайшее повелѣніе на подчиненіе всѣхъ еврейскихъ учебныхъ заведеній надзору Министерства Народнаго Просвѣщенія и на учрежденіе коммиссіи, имѣвшей положить главныя основанія дѣйствіямъ по устройству образованія евреевъ. Въ заключеніе доклада Министръ говоритъ: «Смѣю надѣяться, что это несомнѣнное доказательство великодушнаго попеченія Вашего Императорскаго Величества объ умственномъ образованіи евреевъ, въ Имперіи обитающихъ, послужитъ къ усугубленію того рвенія къ исполненію Высочайшей воли, которое начинаетъ проявляться въ благонамѣреннѣйшихъ изъ нихъ и которое уповательно въ сердцахъ многихъ ожидало только гласнаго изреченія воли Вашего Императорскаго Величества». Государь одобрилъ этотъ докладъ, и 22 іюля состоялось слѣдующее Высочайшее повелѣніе *):

Высочайшимъ рескриптомъ въ 19 день августа 1827 г. на имя бывшаго Министра Народнаго Просвѣщенія, адмирала Шишкова, состоявшимся, повелѣно распространить надзоръ Министерства Народнаго Просвѣщенія на всѣ безъ исключенія учебныя заведенія, кромѣ военныхъ и духовныхъ. На основаніи сей мѣры, силой которой подчинены уже Министерству Народнаго Просвѣщенія всѣ еврейскія училища въ Имперіи, Государь Императоръ, по всеподаннѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія, 22 іюля 1842 года Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Надзоръ Министерства Народнаго Просвѣщенія надъ всѣми еврейскими учебными и учеными учрежденіями, раввинскими школами, клаузами и другими, какого-бы они наименованія ни были, въ коихъ евреи занимаются какъ ученымъ толкова-

---

*) Сборникъ постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, т. II, отд. II, стр. 242 (изд. 1864 г.).

ніемъ закона своего и книгъ священныхъ, такъ и обученіемъ и воспитаніемъ юношества, учредить на общихъ основаніяхъ, по учебной части существующихъ. 2) Для ближайшаго содѣйствія видамъ правительства учредить временно въ Петербургѣ коммиссію изъ 4 раввиновъ, т.-е. по одному изъ каждаго генералъ-губернаторства, въ коихъ проживаютъ евреи, по назначенію Министерства и по предварительному соглашенію съ мѣстными генералъ-губернаторами. 3) Коммиссіи именоваться коммиссіею, Высочайше учрежденною для образованія евреевъ въ Россіи. Устройство въ ней внутренняго порядка и дѣлопроизводства предоставить Министерству Народнаго Просвѣщенія. 4) По окончаніи трудовъ коммиссіи закрыть оную, съ назначеніемъ членамъ ея вознагражденія, по усмотрѣнію Министерства, изъ тѣхъ же источниковъ, которые предназначаются на устройство еврейскихъ училищъ.

Указъ этотъ, своевременно распубликованный въ Сенатскихъ вѣдомостяхъ, не могъ не произвести на евреевъ сильнѣйшаго дѣйствія.

Онъ давалъ понять евреямъ, что распространеніе въ ихъ средѣ образованія составляетъ предметъ заботъ не отдѣльныхъ частныхъ лицъ, не Министра лишь Народнаго Просвѣщенія, а самого Государя. Отсюда евреи могли заключить, что противодѣйствіе открытію еврейскихъ училищъ было-бы противодѣйствіемъ Высочайшей волѣ. Евреямъ оставалось только подчиниться этой волѣ и отказаться отъ всякихъ попытокъ помѣшать открытію училищъ. Минскіе евреи, не соглашаясь на предложеніе Лиліенталя устроить новыя училища, заявляли и ему, и губернатору, что они тогда только послѣдуютъ волѣ правительства, если угодно будетъ оному дать рѣшительное приказаніе. Теперь это условіе воспринимало полную силу, и евреямъ какъ минскимъ, такъ и всѣмъ прочимъ, обитающимъ въ Россіи, оставалось лишь содѣйствовать устройству новыхъ школъ.

Вопросъ о разработкѣ основныхъ положеній, на которыхъ должна быть построена система еврейскаго образованія, предоставлялось рѣшить коммиссіи изъ евреевъ. Такой составъ коммиссіи долженъ былъ служить для евреевъ достаточнымъ ручательствомъ въ томъ, что ихъ религіозныя потребности и требованія, предъявляемыя ими школѣ, будутъ въ достаточной мѣрѣ приняты въ соображеніе при составленіи Положенія о еврейскихъ училищахъ и что при устройствѣ школъ всего менѣе будетъ преслѣдуема цѣль обращенія евреевъ въ христіанство. Такимъ образомъ, обнародованіе указа 22 іюня 1842 г. должно было поколебать силу и значеніе самаго важнаго опасенія, съ которымъ встрѣчались евреями новыя школы,—опасенія, состоявшаго въ томъ,

будто школы были устраиваемы для обращенія евреевъ въ христіанство.

Если что и могло еще смущать евреевъ послѣ опубликованія Высочайшаго указа, то развѣ возвѣщенное имъ подчиненіе существовавшихъ у евреевъ училищъ надзору Министерства Народнаго Просвѣщенія. Въ силу этого обстоятельства въ строѣ старыхъ еврейскихъ школъ очевидно должны были послѣдовать перемѣны, и эти излюбленныя евреями школы не могли остаться совершенно такими, какими привыкли ихъ видѣть евреи. Но значеніе и этихъ опасеній ослаблялось тѣмъ, что характеръ перемѣнъ, какія предполагалось внести въ строй жизни старыхъ еврейскихъ школъ, подлежалъ опредѣленію той самой еврейской коммиссіи, которая должна была составить Положеніе о новыхъ училищахъ. При такомъ условіи евреи могли и имѣли основаніе разсчитывать, что члены коммиссіи не допустятъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ строѣ этихъ школъ.

Обнародованіе указа 22 іюня 1842 г. должно было произвести особенно сильное дѣйствіе на образованныхъ евреевъ. Теперь они смѣло могли выступить на сцену дѣятельности. Теперь они являлись проповѣдниками въ средѣ еврейства тѣхъ самыхъ идей, которымъ правительство придавало чрезвычайно важное, жизненное значеніе, и, разумѣется, всегда могли разсчитывать на поддержку со стороны власти.

При такихъ обстоятельствахъ Министерство Народнаго Просвѣщенія смѣло и рѣшительно, казалось, могло приступить къ исполненію плановъ по устройству новыхъ еврейскихъ училищъ: ни откуда, повидимому, не могло грозить ему опасности сопротивленія его предпріятіямъ. Но графъ Уваровъ хорошо помнилъ, что произошло въ Вильнѣ и Минскѣ, и рѣшилъ дѣйствовать на этотъ разъ крайне осторожно. Онъ все-таки и на этотъ разъ допускалъ возможность противодѣйствія евреевъ его начинаніямъ и призналъ необходимымъ благовременно устранить ихъ. Опасность могла грозить ему съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны могла помѣшать осуществленію его плановъ фанатическая еврейская толпа. Правда, имъ все, казалось, было сдѣлано для того, чтобы успокоить евреевъ, и дальше идти въ уступкахъ евреямъ было невозможно; но вѣдь съ толпой разсуждать трудно. Еврейская масса, въ высшей степени консервативная, видѣвшая въ каждой внѣшней перемѣнѣ условій ихъ жизни покушеніе на религію и очень хорошо понимавшая, что новыя школы не могутъ не внести въ строй еврейской жизни совершенно новые элементы, все-таки могла отказать въ своемъ сочувствіи этимъ новымъ школамъ. Но если

это противодѣйствіе окажется болѣе сильно, тогда евреи рѣшительно скомпрометируютъ себя въ глазахъ правительства, и Уварову трудно уже сдѣлать что-либо для нихъ. Съ другой стороны, нельзя было разсчитывать и на то, что въ члены еврейской коммиссіи попадутъ непремѣнно такіе люди, которые, пользуясь полнымъ уваженіемъ еврейскаго общества, могли-бы стать беззавѣтными исполнителями воли правительства и усердными проводниками въ еврейскую жизнь тѣхъ новыхъ началъ, которыя укажетъ имъ правительство. Очень возможно было ожидать, что въ члены коммиссіи могутъ попасть такія лица, которыя не съумѣютъ или не захотятъ войти въ просвѣтительные виды правительства и будутъ отголоскомъ воззрѣній фанатической еврейской толпы... И тогда правительству трудно будетъ усвоить ихъ взгляды, и, стало быть, занятія коммиссіи не приведутъ ни къ какимъ добрымъ результатамъ.

Волнуемый подобными опасеніями, графъ Уваровъ не замедлилъ принять и мѣры для устраненія тѣхъ возможныхъ препятствій къ осуществленію предначертанныхъ плановъ, какіе подсказывались ему его опытомъ, его предусмотрительностью.

22 іюля 1842 года онъ сообщилъ попечителямъ учебныхъ округовъ Кіевскаго и Виленскаго содержаніе Высочайшаго указа 22 іюня и поставилъ имъ въ обязанность наблюдать за впечатлѣніемъ, какое Высочайшая воля произведетъ на евреевъ. Своими наблюденіями попечители обязаны были дѣлиться съ Министромъ.

Независимо отъ этого, извѣстному намъ Лиліенталю поручено было Министромъ объѣхать обитаемыя евреями въ Россіи губерніи. Въ руководство дана ему инструкція, подробно излагающая его обязанности при этомъ объѣздѣ. Приводимъ важнѣйшіе пункты этой въ высшей степени любопытной инструкціи.

п. 4. Вы объясните евреямъ, что цѣль Высочайшей воли, въ силу которой еврейскія учебныя и ученыя учрежденія поставлены подъ надзоръ Министерства Народнаго Просвѣщенія и предпринимается учрежденіе на счетъ правительства еврейскихъ школъ, состоитъ въ томъ, чтобы приблизить ихъ, безъ всякаго посягательства на ихъ религію, къ истинно гражданской и нравственной жизни, которая можетъ быть достигнута только путемъ общечеловѣческаго образованія. Въ этихъ видахъ вы переговорите съ раввинами и еврейскими обществами и укрѣпите ихъ проповѣдями и чтеніями въ готовности исполнить волю Его Величества.

п. 5. Вы возьмете на себя трудъ изслѣдовать настроеніе умовъ касательно предстоящихъ нововведеній, равно и узнать, въ какихъ

мѣстностяхъ и на кого правительство можетъ разсчитывать на поддержку и гдѣ гнѣздится духъ противодѣйствія.

п. 6. Вы не преминете посѣщать тѣхъ евреевъ, которые пользуются особымъ почетомъ въ своихъ обществахъ, и объясните имъ обстоятельно, какое вліяніе можетъ имѣть на благо ихъ единовѣрцевъ исполненіе гуманныхъ намѣреній Его Величества.

п. 8. Вы потрудитесь вникнуть по возможности въ домашнее воспитаніе евреевъ, освѣдомитесь о числѣ, образѣ мыслей, способностяхъ и современномъ положеніи меламедовъ и замѣтите себѣ тѣхъ изъ нихъ, которые особенно выдаются своими познаніями и нравственными качествами.

п. 9. Обратите особенное вниманіе на тѣхъ молодыхъ людей, которые похвальнымъ своимъ трудолюбіемъ пріобрѣли уже нѣкоторыя познанія въ наукахъ и могутъ своимъ благороднымъ рвеніемъ въ пользу блага своихъ единовѣрцевъ содѣйствовать исполненію намѣреній правительства или назначеніемъ ихъ на должность учителей или приготовленіемъ ихъ къ педагогическому поприщу въ общихъ заведеніяхъ Имперіи *).

Въ тотъ-же день, 22 іюля, когда написаны были предложенія попечителямъ и дана инструкція Лиліенталю, графъ Уваровъ снесся съ губернаторами тѣхъ губерній, отъ которыхъ имѣли быть выбраны кандидаты въ члены коммиссіи; чтобы удовлетворить своему назначенію, эти депутаты, разъяснялъ Министръ губернаторамъ, кромѣ всеобщаго уваженія у евреевъ, должны отличаться еще такими качествами, которыя соотвѣтствовали-бы духу правительства **).

Найти такихъ лицъ было, конечно, не легко въ тогдашнемъ еврейскомъ обществѣ и, вѣроятно, вслѣдствіе этого именно соображенія графъ Уваровъ остановился на мысли—пригласить въ составъ коммиссіи двухъ заграничныхъ знаменитыхъ евреевъ—Кремье и Монтефіоре. Авторитетъ этихъ лицъ стоялъ слишкомъ высоко въ глазахъ евреевъ всего міра, и конечно, русское еврейство, если-бы Кремье и Монтефіоре приняли участіе въ трудахъ коммиссіи, могло-бы быть спокойно, что коммиссія не допуститъ ничего противнаго интересамъ еврейства. Но вмѣстѣ съ этимъ и графъ Уваровъ могъ быть спокоенъ, что такія образованныя лица, какъ Кремье и Монтефіоре, не допустятъ проведенія въ новое Положеніе о еврейскихъ училищахъ такихъ принциповъ, которые были-бы противны просвѣтительнымъ

*) Маргулисъ. Вопросы евр. жизни, стр. 43—45.

**) Дѣло Витеб. Губер. Прав. Св. № 1 1842 г. № 16.

видамъ правительства. Присутствіе Кремье и Монтефіоре въ Имперіи представлялось, такимъ образомъ, дѣломъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ интересамъ правительства, и Уваровъ не замедлилъ пригласить этихъ лицъ въ коммиссію, поручивъ написать имъ письма Лиліенталю.

Лиліенталь отправился въ путь тотчасъ-же послѣ того, какъ получилъ инструкцію. Эта вторая поѣздка Лиліенталя совершилась при условіяхъ, несравненно болѣе благопріятныхъ, чѣмъ первая. Появленію его вездѣ предшествовало опубликованіе Высочайшаго указа; во многихъ мѣстахъ онъ нашелъ себѣ горячихъ союзниковъ въ лицѣ образованныхъ евреевъ, смѣло выступавшихъ впередъ, подъ знаменемъ Высочайшаго повелѣнія, на борьбу съ невѣжествомъ и фанатизмомъ. Пользуясь этими благопріятными обстоятельствами, Лиліенталь вездѣ разъяснялъ евреямъ мысль о необходимости идти на встрѣчу желаніямъ правительства и воспользоваться въ высшей степени благопріятнымъ для евреевъ настроеніемъ правительства. Нельзя, однакожъ, не отмѣтить при этомъ, что Лиліенталь, вѣроятно, съ цѣлью лучше подѣйствовать на евреевъ, позволялъ себѣ, между прочимъ, поддерживать самые невѣроятные слухи. По словамъ Маргулиса, въ еврейскомъ обществѣ циркулировалъ тогда слухъ, что въ еврейскомъ комитетѣ за евреевъ стоятъ лишь Уваровъ и предсѣдатель комитета Киселевъ, другіе-же члены дѣйствуютъ противъ евреевъ и склоняются къ мысли объ образованіи еврейскихъ казенныхъ колоній для заселенія русскихъ степей или отдаленныхъ мѣстностей Сибири. Это были вздорные слухи. Какъ могли члены комитета думать о поселеніи евреевъ въ Сибири, когда Императоръ Николай I еще до образованія комитета высказался противъ переселенія евреевъ въ Сибирь и тогда-же утвердилъ проектъ объ образованіи земледѣльскихъ еврейскихъ колоній на югѣ Россіи? О какихъ-то «казенныхъ» колоніяхъ тогда и рѣчи не могло быть въ комитетѣ. То правда, что изъ членовъ комитета наиболѣе расположенными къ евреямъ дѣйствительно были Киселевъ и Уваровъ; но и дѣятельность прочихъ членовъ комитета не даетъ малѣйшихъ основаній сказать, чтобы они противодѣйствовали желанію Государя сдѣлать евреевъ болѣе полезными членами государства посредствомъ образованія. Эти слухи, повторяемъ, были вздорные слухи, и тѣмъ не менѣе Лиліенталь былъ не прочь поддерживать ихъ и, пользуясь ими, запугивать евреевъ предстоящими имъ бѣдами, если они будутъ противодѣйствовать намѣреніямъ правительства.

Лиліенталь посѣтилъ всѣ главныя мѣстности въ чертѣ еврейской осѣдлости и исполнилъ свою миссію вполнѣ удовлетворительно. Онъ

съумѣлъ внушить евреямъ чувство глубокой благодарности Государю за Его заботливость о благѣ евреевъ, и изъ всѣхъ важнѣйшихъ мѣстъ черты осѣдлости евреевъ поступали къ Министру Народнаго Просвѣщенія прошенія повергнуть къ подножію Престола чувства живѣйшей благодарности и вѣрноподданнической преданности за открываемое евреямъ поприще нравственнаго возрожденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Лиліенталь собралъ довольно полныя свѣдѣнія какъ объ образѣ тогдашняго воспитанія евреевъ, такъ и о лицахъ, способныхъ и готовыхъ содѣйствовать видамъ правительства, и эти свѣдѣнія давали основанія для увѣренности, что между тогдашними русскими евреями находилось не мало молодыхъ образованныхъ людей, могущихъ занять съ пользою мѣста учителей въ предполагаемыхъ еврейскихъ училищахъ *).

Къ концу декабря Лиліенталь возвратился въ Петербургъ.

Не такъ гладко пошло дѣло образованія коммиссіи. Не сбылось, прежде всего, желаніе Уварова видѣть въ средѣ членовъ коммиссіи Кремье и Монтефіоре. Какъ сказано, Лиліенталь передалъ имъ приглашеніе Уварова, но тщеславный Кремье не считалъ возможнымъ отправиться въ Россію иначе, какъ по приглашенію самого Государя. Этотъ отвѣтъ очень опечалилъ Уварова и особенно Лиліенталя, и послѣдній,—неизвѣстно только, съ вѣдома-ли графа Уварова или по собственной инціативѣ,—употреблялъ всѣ усилія къ тому, чтобы побудить Кремье пріѣхать въ Петербургъ. Такъ, по его указаніямъ, еврейскія общества Бердичева и Одессы отправили къ Кремье особые адресы съ просьбой о пріѣздѣ. Но и эти усилія не поколебали рѣшимости Кремье и въ отвѣтъ одесскимъ евреямъ онъ повторилъ то-же, что высказалъ и въ письмѣ къ Лиліенталю.

Затѣмъ выборы кандидатовъ въ члены коммиссіи, произведенные въ 4-хъ генералъ-губернаторствахъ, кончились также не вполнѣ удачно. Высочайшій указъ 22 іюня предписывалъ выбрать четырехъ кандидатовъ-раввиновъ, а выбрано было только два раввина: Ицка Ицхакинъ, Воложинскій раввинъ (отъ Виленскаго генералъ-губернаторства), и Мендель Шпейерсонъ, любавичскій раввинъ (отъ Бѣлорусскаго генералъ-губернаторства). Что касается генералъ-губернаторствъ Новороссійскаго и Кіевскаго, то выборъ перваго изъ нихъ остановился на докторѣ Штернѣ, директорѣ одесскаго еврейскаго училища, а Кіевскаго, извѣстнаго Бибикова, нетерпѣвшаго раввиновъ,—

*) Всеподданнѣйшій отчетъ М. Н. П. за 1842 г. Ж. М. Н. П. 1842 г., т. 38, стр. 30.

на бердичевскомъ банкирѣ Гальперинѣ. Однако-же, дѣлать было нечего, и, чтобы открыть коммиссію, Уваровъ испросилъ, чрезъ еврейскій комитетъ, Высочайшее разрѣшеніе пополнить число членовъ коммиссіи, въ случаѣ недостатка раввиновъ, учеными и благонадежными евреями и окончить занятія коммиссіи въ 4-хъ-мѣсячный срокъ.

Въ силу этого разрѣшенія, въ число членовъ коммиссіи и были назначены упомянутыя нами лица. Но, сверхъ того, къ коммиссіи прикомандированы: докторъ Лиліенталь, который, по отзыву Министра, «достаточно ознакомился съ предположеніями объ образованіи евреевъ и провѣрилъ оныя соображеніями своими на мѣстахъ ихъ жительства» и два чиновника Министерства Народнаго Просвѣщенія— Врончевко и Дукшта-Дукшинскій. Первому изъ нихъ поручено предсѣдательствовать въ коммиссіи, второй назначенъ дѣлопроизводителемъ коммиссіи.

Коммиссія открыта была Министромъ Народнаго Просвѣщенія 6 мая 1843 года.

Наименьшимъ умственнымъ развитіемъ и образованіемъ, наименьшею способностью понять и оцѣнить правительственные виды относительно образованія евреевъ, наибольшею приверженностью къ еврейскимъ обычаямъ и воззрѣніямъ на школу несомнѣнно отличались члены коммиссіи — раввины. Ицка Ицхакинъ, Воложинскій раввинъ и глава Воложинскаго ешибота, всю жизнь свою просидѣлъ за талмудомъ и ничего не хотѣлъ знать, кромѣ талмуда, какъ не позволялъ онъ ученикамъ своимъ, проходившимъ подъ его руководствомъ курсъ талмуда, заниматься иной наукой, кромѣ талмудической. Мендель Шнейерсонъ, знаменитѣйшій изъ еврейскихъ цадиковъ своего времени, былъ наиболѣе яркимъ представителемъ хасидизма, замѣнившаго всѣ положительныя вѣрованія іудейства мистическими бреднями о цадикахъ, какъ выразителяхъ воли Божества, и, въ зависимости отъ настроенія цадиковъ, столько-же способнаго къ крайнему религіозному изувѣрству, какъ и къ необузданному разгулу. Что могло быть общаго между этими раввинами и остальными членами изъ евреевъ, особенно между Штерномъ и Лиліенталемъ, людьми неизмѣримо болѣе образованными, чѣмъ эти раввины? А между тѣмъ обстоятельства сложились такъ, что всѣ остальные члены коммиссіи должны были заботливо прислушиваться къ голосу этихъ раввиновъ и соображаться съ ихъ мнѣніями. Оба они пользовались громаднымъ уваженіемъ со стороны евреевъ: первый — мискагидовъ, приверженцевъ талмуда, второй—евреевъ, принадлежащихъ къ сектѣ хасидовъ. И если-бы эти вліятельныя въ еврейскомъ мірѣ лица не признали

возможнымъ дать согласіе на постановленія, которыя будутъ выработаны коммиссіей, эти труды смѣло можно было-бы считать напрасными: одного слова неодобренія трудамъ коммиссіи со стороны Ицки или Менделя было-бы достаточно для того, чтобы ихъ приверженцы были настроены враждебно противъ постановленій этой коммиссіи, изъ какихъ-бы умныхъ людей она ни состояла.

Въ виду такого доминирующаго положенія Воложинскаго и Любавичскаго раввиновъ въ коммиссіи невольно приходилось принимать въ соображеніе ихъ желанія, удовлетворять ихъ требованіямъ и, конечно, не мало употребить труда, чтобы расположить ихъ къ принятію хотя бы самыхъ основныхъ предположеній Уварова, при чемъ, конечно, они всего менѣе могли быть посвящены въ планы относительно уничтоженія меламдовъ и т. п. Не легкое само по себѣ, это дѣло крайне затруднялось тѣмъ, что Ицка и Мендель говорили только на жаргонѣ, который непонятенъ былъ не только предсѣдателю, но и Лиліенталю, и членамъ коммиссіи приходилось бесѣдовать съ ними черезъ переводчиковъ.

Этимъ доминирующимъ положеніемъ двухъ раввиновъ въ коммиссіи естественно опредѣлился и характеръ всѣхъ постановленій ея по вопросу о еврейскомъ образованіи.

I. Коммиссія признала желательнымъ устройство особыхъ для еврейскихъ мальчиковъ въ возрастѣ не менѣе 8 лѣтъ училищъ какъ перворазрядныхъ (низшихъ), такъ и второразрядныхъ (высшихъ); но, по ея соображеніямъ, училища эти слѣдовало устроить соотвѣтственно тѣмъ воззрѣніямъ на школу, какія установились въ еврейскомъ обществѣ въ теченіе вѣковъ. Вслѣдствіе этого въ новыхъ училищахъ учителями могли быть только евреи, а главнымъ предметомъ преподаванія — Законъ Божій, проходимый, однакоже, отнюдь не въ формѣ катихизиса, а въ первоначальныхъ его источникахъ (Библія и талмудъ). Учебное время должно быть не менѣе 7—8 часовъ въ день. Преподаваніе общихъ предметовъ было допущено въ этихъ училищахъ, но они должны были занимать второстепенное положеніе: на преподаваніе ихъ предполагалось удѣлить не болѣе трети учебнаго времени.

Министерству Народнаго Просвѣщенія удалось добиться лишь того, чтобы въ новыя школы было признано необходимымъ ввести общіе школьные порядки и была составлена подробная программа преподаванія еврейскихъ предметовъ съ указаніемъ мѣстъ талмуда, какія подлежатъ прочтенію въ школахъ, а равно комментаріевъ, которымъ учителя должны слѣдовать при разъясненіи Библіи и талмуда.

II. Коммиссія окончательно признала неудобнымъ поручить преподаваніе въ училищахъ евреямъ-иностранцамъ, на которыхъ русскіе евреи смотрѣли, какъ на вѣроотступниковъ. Признано было нужнымъ образовать контингентъ учителей изъ русскихъ евреевъ, и соотвѣтственно этому признано было необходимымъ учредить учительскую семинарію, возложивъ на эту семинарію и подготовленіе раввиновъ. Это учебное заведеніе—въ старшихъ, по крайней мѣрѣ, классахъ—должно было отличаться еще болѣе еврейскимъ характеромъ, чѣмъ низшія училища: въ старшихъ классахъ этого заведенія вовсе не слѣдовало допускать преподаванія общихъ предметовъ.

III. Старыя еврейскія школы, публичныя (талмудъ-торы и ешиботы) и частныя (хедеры), могли продолжать свое существованіе и на дальнѣйшее время; но преподаваніе въ нихъ еврейскихъ предметовъ обязательно должно быть ведено по программамъ, выработаннымъ коммиссіей, равно какъ должны быть введены въ нихъ и нѣкоторые общіе школьные порядки (раздѣленіе училищъ на классы, веденіе списковъ, экзамены и т. п.).

Въ старшихъ отдѣленіяхъ талмудъ-торъ и во второстепенныхъ хедерахъ, гдѣ обучались дѣти 8—13 лѣтъ, рекомендовалось вводить и преподаваніе русскаго языка; въ ешиботахъ-же и младшихъ отдѣленіяхъ талмудъ-торъ и хедеровъ могли быть по прежнему преподаваемы исключительно еврейскіе предметы.

Учителями въ талмудъ-торахъ, хедерахъ и ешиботахъ на первое время могли оставаться по прежнему меламды, не подвергаясь какому-бы то ни было испытанію. Отъ нихъ требовалось лишь заявить о своихъ занятіяхъ учебному начальству. Но затѣмъ и эти учителя, и всѣ тѣ, которые впослѣдствіи пожелали-бы заняться преподаваніемъ въ старыхъ школахъ, обязательно должны подвергаться испытанію.

IV. Домашнее образованіе евреевъ на первое время должно было по прежнему оставаться въ рукахъ меламдовъ. Они должны были только заявить о себѣ учебному начальству и, по полученіи разрѣшенія вести обученіе дѣтей по выработаннымъ коммиссіей программамъ и книгамъ, одобреннымъ Министерствомъ. Но затѣмъ и на евреевъ должны были распространиться общія, существовавшія въ Россіи, правила относительно домашняго обученія, съ нѣкоторыми, впрочемъ, измѣненіями. Важнѣйшимъ изъ нихъ было то, что дѣти до 8-милѣтняго возраста должны были получать исключительно религіозное образованіе. По мѣрѣ-же распространенія на евреевъ общихъ правилъ о домашнемъ обученіи и прежніе меламды, если желали про-

должать занятія, всецѣло должны были подчиняться этимъ правиламъ и непремѣнно подвергаться испытанію на право обученія.

V. Наблюденіе за домашнимъ обученіемъ и какъ за частными, такъ и общественными и казенными училищами возлагалось, подъ руководствомъ учебнаго начальства, исключительно на евреевъ.

Къ августу коммиссія окончила свои занятія и 6-го августа она была закрыта Товарищемъ Министра Народнаго Просвѣщенія.

Труды коммиссіи переданы были въ Министерство Народнаго Просвѣщенія, и на основаніи ихъ составлены были новые проекты относительно образованія евреевъ. Въ концѣ 1843 г. проекты внесены были въ еврейскій Комитетъ.

Еврейскій Комитетъ имѣлъ уже въ 1841 г. случай высказать свой взглядъ на постановку еврейскаго образованія. Этого взгляда онъ придерживался и теперь. И теперь онъ былъ убѣжденъ, что цѣль образованія евреевъ должна состоять лишь въ постепенномъ сближеніи ихъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ и въ искорененіи суевѣрія и вредныхъ предразсудковъ, внушаемыхъ ученіемъ талмуда, и потому естественно онъ не считалъ цѣлесообразнымъ учреждать для образованія евреевъ такія училища, гдѣ на преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ отведена лишь 1/3—1/4 учебнаго времени, гдѣ во главѣ еврейскихъ предметовъ поставленъ талмудъ, гдѣ всѣ учителя и надзиратели—евреи. Такія училища, по взгляду Комитета, могли лишь поддерживать въ евреяхъ уваженіе къ талмуду и еврейскую замкнутость, исключительность. Комитетъ, конечно, зналъ очень хорошо, какія обстоятельства побудили графа Уварова сдѣлать евреямъ серьезныя уступки и придать училищамъ тотъ характеръ, какой они получили въ новыхъ проектахъ, но Комитетъ полагалъ, что обнаружившееся въ Минскѣ и Вильнѣ противодѣйствіе евреевъ устройству новыхъ общеобразовательныхъ училищъ вовсе не даетъ основанія для заключенія, что это противодѣйствіе евреевъ можетъ быть устранено лишь полною капитуляціей правительства предъ еврейскими воззрѣніями. Оно можетъ быть ослаблено и устранено и другими, болѣе достойными правительства, средствами.

Графъ Уваровъ, возражая своимъ сочленамъ по Комитету на этого рода замѣчанія, особенно настаивалъ на томъ, что онъ вполнѣ раздѣляетъ взглядъ Комитета на цѣль еврейскаго образованія и что на представленные проекты никакъ нельзя смотрѣть, какъ на попытку рѣшить вопросъ о еврейскомъ образованіи въ самой его сущности. Проекты эти имѣютъ лишь временное значеніе. При составленіи ихъ, дѣйствительно, имѣлось въ виду оказать снисхожденіе къ настоящему

быту и вѣковымъ предубѣжденіямъ обитающихъ въ Россіи евреевъ, что всѣ проекты «примѣнены имъ къ настоящему положенію вещей и къ умственному состоянію большинства евреевъ». Сдѣлано-же это именно съ цѣлью обезпечить успѣхъ дѣла въ будущемъ. Коль скоро для евреевъ устроены будутъ училища по представленнымъ проектамъ, евреи охотно пойдутъ въ эти училища. А когда это состоится, Министру Народнаго Просвѣщенія уже не трудно будетъ приступить къ преобразованію ихъ именно въ томъ направленіи, которое представляется Комитету наиболѣе желательнымъ. Тогда можно будетъ постепенно сокращать преподаваніе талмуда, расширять преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ и мало-по-малу измѣнять преподавательскій персоналъ введеніемъ въ него христіанъ».

Но и эти завѣренія не успокоили Комитета. Онъ находилъ, что особыя еврейскія училища, учрежденныя подъ управленіемъ евреевъ, не представляютъ ручательства, по крайней мѣрѣ, въ скоромъ достиженіи преобразованія еврейскаго народа, а участіе евреевъ въ управленіи училищами можетъ имѣть послѣдствія, противныя ожиданіямъ правительства, и представитъ неудобства, особенно въ то время, когда надобно будетъ, при сліяніи еврейскихъ училищъ съ общими, уничтожить столь важное преимущество евреевъ—участіе ихъ въ управленіи.

Такимъ образомъ, еврейскій Комитетъ не призналъ возможнымъ одобрить проекты графа Уварова во всей ихъ совокупности и внесъ въ нихъ весьма существенныя поправки, совершенно измѣнявшія всю систему еврейскаго образованія.

Измѣненія эти состояли въ слѣдующемъ:

1) Для распространенія между евреями истиннаго просвѣщенія Комитетъ призналъ наиболѣе необходимымъ стараться привлечь ихъ въ общія наши среднія и высшія заведенія. Отдѣливъ, такимъ образомъ, изъ массы евреевъ всѣхъ тѣхъ, которые своимъ состояніемъ и вліяніемъ поддерживаютъ, такъ сказать, еврейскую самобытность, можно будетъ дѣйствовать на остальныхъ тѣмъ съ большею силой и успѣхомъ, что, потерявъ главныхъ членовъ своихъ, еврейскія общества должны будутъ скорѣе подчиниться общимъ мѣрамъ сліянія ихъ съ коренными жителями. Комитетъ высказалъ, такимъ образомъ, ту-же самую мысль, какая лежала въ основѣ закона 1835 года, и съ мыслью этой, если не принимать въ разсчетъ, что среднія и высшія заведенія еще слишкомъ мало были проникнуты русскимъ духомъ, трудно было-бы не согласиться. Изученіе учащимися въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ евреями отечественнаго языка, сознательное усвоеніе учебнаго матеріала, преподаваемаго въ національномъ духѣ, сбли-

женіе съ товарищами-христіанами, продолжительное пребываніе въ школѣ подъ руководствомъ начальниковъ и преподавателей христіанъ и подъ постояннымъ воздѣйствіемъ школьныхъ порядковъ, основанныхъ на принципахъ христіанства,—все это, вмѣстѣ съ постепеннымъ подъемомъ уровня развитія, въ несравненно большей степени можетъ содѣйствовать сближенію евреевъ съ христіанскимъ народонаселеніемъ, чѣмъ обученіе въ какихъ-бы то ни было особыхъ еврейскихъ школахъ. Но Комитетъ не ограничился лишь повтореніемъ основной мысли закона 1835 года. Онъ нашелъ нужнымъ, съ одной стороны, поощрить евреевъ къ опредѣленію своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія, а съ другой—облегчить для нихъ возможность подготовлять своихъ дѣтей къ поступленію въ эти заведенія. Въ видахъ достиженія первой цѣли Комитетъ считалъ нужнымъ предоставить нѣкоторыя права и преимущества оканчивающимъ курсъ не только высшихъ учебныхъ заведеній, какъ это признано закономъ 1835 года, но и среднихъ учебныхъ заведеній и даже уѣздныхъ училищъ. Комитетъ постановилъ: 1) окончившіе курсъ уѣздныхъ училищъ, въ случаѣ поступленія на военную службу, находятся въ оной только половину положеннаго срока, 2) окончившіе курсъ въ гимназіяхъ освобождаются лично отъ рекрутства и 3) получившіе университетскіе аттестаты студентовъ, кандидатовъ и магистровъ причисляются къ почетному гражданству личному, а докторовъ — къ почетному гражданству потомственному. Чтобы облегчить для евреевъ возможность опредѣлять своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія, Комитетъ призналъ необходимымъ: 1) Открыть особыя подготовительныя для евреевъ училища. Училища эти должны быть общеобразовательныя; ихъ слѣдуетъ организовать по типу приходскихъ училищъ. Преподаваніе въ нихъ закона еврейской вѣры можетъ быть допущено, но лишь въ объемѣ, приличномъ возрасту и понятіямъ учениковъ. Никакихъ подробныхъ программъ по еврейскимъ предметамъ, общихъ для всѣхъ училищъ этого рода, давать не слѣдуетъ; составленіе-же ихъ въ соотвѣтствіи съ степенью развитія евреевъ въ данной мѣстности и другими обстоятельствами нужно предоставить попечителямъ учебныхъ округовъ. Между тѣмъ, Министерство должно стараться, по возможности, нынѣшній образъ ученія еврейской вѣры замѣнить катихизисомъ, въ родѣ употребляемыхъ въ Германіи, а число учебныхъ для того часовъ, по мѣрѣ укорененія новой системы образованія, приводить постепенно въ соразмѣрность съ дѣйствительною потребностью. Завѣдываніе этими училищами «по учебной и полицейской частямъ» Комитетъ возлагалъ на смотрителей изъ христіанъ, съ под-

чиненіемъ имъ всѣхъ учителей заведенія; преподаваніе предметовъ еврейскаго закона Комитетъ рекомендовалъ поручать евреямъ; преподавателями другихъ предметовъ могли быть какъ христіане, такъ и евреи. При этомъ Комитетъ предоставилъ Министру, «въ случаѣ надобности», вызывать образованныхъ евреевъ изъ чужихъ краевъ, преимущественно изъ Баваріи, Пруссіи и Австріи, на счетъ еврейскихъ училищныхъ источниковъ. Правительственныя еврейскія училища подчинены штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ; наблюденіе-же за преподаваніемъ еврейскаго закона вѣры Комитетъ предоставилъ казеннымъ раввинамъ, но съ тѣмъ, чтобы они не входили ни въ какія распоряженія, а о своихъ замѣчаніяхъ доносили смотрителямъ уѣздныхъ училищъ, которые представляютъ о томъ по начальству. 2) Открывать при уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ параллельныя отдѣленія въ томъ случаѣ, если невозможно будетъ помѣстить въ основныя отдѣленія всѣхъ евреевъ, которые пожелали-бы поступить въ эти заведенія. Въ этихъ параллельныхъ отдѣленіяхъ Комитетъ рекомендовалъ вводить преподаваніе наукъ реальныхъ *) и со временемъ допускать въ нихъ, если окажется возможнымъ, и христіанъ мѣщанскаго и купеческаго состояній. Затѣмъ, никакихъ другихъ, особыхъ для евреевъ училищъ, курсъ которыхъ превышалъ-бы курсъ приходскихъ училищъ, Комитетъ первоначально полагалъ не открывать.

Но когда Уваровъ разъяснилъ Комитету, что существующія въ чертѣ еврейской осѣдлости уѣздныя училища переполнены учащимися, что на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 23 апрѣля 1840 г. всѣ дворянскія училища и гимназіи въ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ: Кіевской, Волынской и Подольской, гдѣ еврейское народонаселеніе весьма значительно, должны быть преобразованы въ закры-

*) Для разъясненія этого пункта постановленія Комитета необходимо указать на то, что съ конца 30-хъ годовъ въ Россіи начали возникать заведенія, дававшія учащимся въ нихъ такъ-называемое реальное образованіе. Прототипомъ ихъ служила 3-я Московская гимназія, открытая 29-го марта 1839 года. Въ главномъ или реальномъ курсѣ этого заведенія классическимъ языкамъ мѣста не было; въ немъ проходились: Законъ Божій, математика, бухгалтерія, коммерческое законовѣдѣніе, естественная исторія, физика, химія, технологія, русскій языкъ и словесность, исторія, географія, статистика, новые языки, чистописаніе, черченіе и рисованіе. Устройство такихъ заведеній считалось тогда полезнымъ, между прочимъ, и въ тѣхъ видахъ, чтобы отвлекать дѣтей низшихъ сословій отъ поступленія въ гимназіи (Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи Шмидта, стр. 361). Для евреевъ, по ихъ вѣками выработанной наклонности къ торговой дѣятельности, заведенія подобнаго типа казались наиболѣе симпатичными и желательными. Брестскіе «друзья новаго просвѣщенія» въ извѣстномъ уже намъ воззваніи прямо выражаютъ желаніе, чтобы для нихъ устроены были школы, которыя могли-бы служить переходными заведеніями или для раввинскихъ училищъ, или для промышленныхъ школъ (Моргулисъ. Вопросы евр. жизни, стр. 27).

тыя, т.-е. такія заведенія, куда доступа приходящимъ не будетъ, Комитетъ призналъ возможнымъ устраивать и училища 2-го разряда, тамъ лишь, впрочемъ, гдѣ, по многочисленности народонаселенія евреевъ и по особеннымъ мѣстнымъ обстоятельствамъ, не предвидится возможности посылать еврейское юношество въ общія уѣздныя училища и гимназіи. Но эти училища должны быть организованы не такъ, какъ предполагало организовать ихъ Министерство Народнаго Просвѣщенія. Общія науки должны быть преподаваемы въ нихъ въ объемѣ, опредѣленномъ для уѣздныхъ училищъ; преподаваніе еврейскихъ предметовъ должно быть поставлено въ нихъ такъ-же, какъ и въ училищахъ 1-го разряда. Во главѣ училища 2-го разряда долженъ быть поставленъ смотритель изъ христіанъ; учителями общихъ предметовъ могутъ быть въ нихъ и христіане, и евреи. Училища этого рода непосредственно подчинены губернскимъ директорамъ училищъ. Наблюденіе за преподаваніемъ еврейскихъ предметовъ возложено на раввиновъ.

Устройство «еврейскихъ учительскихъ семинарій» Комитетъ призналъ желательнымъ, но онъ предназначилъ эти учебныя заведенія не только для приготовленія учителей еврейскихъ училищъ, какъ полагалъ графъ Уваровъ, но и общественныхъ раввиновъ, и назвалъ эти заведенія «Раввинскими училищами».

Уваровскій проектъ ставилъ во главѣ учительской семинаріи директора-еврея и давалъ преобладающее значеніе еврейскимъ предметамъ, удѣляя на преподаваніе общихъ предметовъ лишь 72 урока изъ общаго количества 288 уроковъ; Комитетъ смотрѣлъ на дѣло иначе. Соотвѣтственно основной точкѣ зрѣнія на задачи еврейскаго образованія Комитетъ далъ преобладающее значеніе преподаванію общихъ предметовъ и ввелъ преподаваніе этихъ предметовъ въ раввинскихъ училищахъ въ объемѣ гимназическомъ. Что касается еврейскихъ предметовъ, то Комитетъ постановилъ преподавать ихъ въ отдѣленіи для приготовленія учителей «въ такой степени, чтобы воспитанники онаго могли преподавать эти предметы въ училищахъ 1 и 2 разрядовъ, а въ раввинскомъ — сколько необходимо для образованія раввина, отклоняя если не при самомъ началѣ, то, по крайней мѣрѣ, при первой возможности, всѣ излишнія философскія умозрѣнія комментаторовъ талмуда».

Во главѣ раввинскихъ училищъ Комитетъ поставилъ директоровъ изъ христіанъ, а надзоръ за преподаваніемъ еврейскихъ предметовъ постановилъ ввѣрять, подъ руководствомъ директора, инспектору изъ евреевъ.

По проекту Уварова, для поступленія въ раввинскія училища нужно было окончить курсъ ученія въ училищѣ 2-го разряда; Комитетъ открылъ доступъ въ раввинскія училища и кончившимъ курсъ ученія въ училищахъ 1-го разряда, и, чтобы дать этимъ лицамъ возможность подготовиться къ слушанію курса училища, призналъ необходимымъ устроить при раввинскихъ училищахъ приготовительные классы съ трехгодичнымъ учебнымъ курсомъ.

Существованіе еврейскихъ школъ стараго типа и домашняго обученія подъ руководствомъ меламдовъ Комитетъ допустилъ, но управленіе ими было организовано значительно иначе, чѣмъ предполагалъ Уваровъ. И школы, и меламеды должны были первоначально поступить въ вѣдѣніе особыхъ коммиссій, во главѣ которыхъ стоялъ непремѣнно христіанинъ (директоръ училищъ или штатный смотритель училища), а затѣмъ они должны перейти въ вѣдѣніе смотрителей казенныхъ еврейскихъ училищъ, каковыми лицами могли быть только христіане.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, для уменьшенія вліянія домашнихъ учителей или меламдовъ на домашнее воспитаніе еврейскаго юношества, Комитетъ рекомендовалъ Министерству принять слѣдующія мѣры: 1) затруднять выдачу дозволительныхъ свидѣтельствъ тѣмъ евреямъ, которые не занимались еще обученіемъ, подвергая ихъ строгому испытанію не только въ предметахъ еврейскаго закона, но и въ общихъ предметахъ, и 2) по приготовленіи въ достаточномъ числѣ учителей въ раввинскихъ училищахъ, прекратить вовсе выдачу дозволительныхъ свидѣтельствъ на домашнихъ учителей закона тѣмъ, которые не обучались въ низшихъ еврейскихъ училищахъ.

Таковы были главныя основанія системы еврейскаго образованія, выработанной Комитетомъ.

Что эта новая система не соотвѣтствовала чаяніямъ евреевъ, было слишкомъ очевидно. А потому нельзя было сомнѣваться и въ томъ, что евреи будутъ сильно смущены, когда дойдетъ до нихъ вѣсть о тѣхъ капитальныхъ перемѣнахъ, какія еврейскій Комитетъ счелъ нужнымъ произвести въ проектахъ еврейской коммиссіи. Но возможно-ли было вовсе не обращать вниманіе на то, какое впечатлѣніе могло-бы произвести на евреевъ опубликованіе постановленій и соображеній Комитета въ ихъ полномъ видѣ? Ни Уваровъ, ни Комитетъ этого не думали. Желая возможно большаго успѣха новымъ школамъ, они естественно не могли не принимать въ разсчетъ того впечатлѣнія, какое будутъ производить на евреевъ правительственные акты объ образованіи ихъ, и потому считали нужнымъ щадить евреевъ. Въ этихъ видахъ признано было наиболѣе цѣлесообразнымъ

представить на Высочайшее усмотрѣніе и затѣмъ опубликовать въ видѣ Монаршей милости для евреевъ, въ Высочайшемъ указѣ на имя Министра Народнаго Просвѣщенія, лишь основныя мѣры для образованія евреевъ; подробности-же мѣръ изложить въ особомъ журналѣ, который, по удостоеніи Высочайшаго утвержденія, долженъ, до представленія отъ Министра Народнаго Просвѣщенія окончательнаго положенія, служить ему руководствомъ, не стѣсняя его, впрочемъ, въ развитіи системы образованія евреевъ, съ тѣмъ только «непремѣннымъ правиломъ, чтобы всѣ распоряженія исходили изъ прямаго разума поставленныхъ въ журналѣ началъ. Мѣры сіи должны объять и предварительныя правила о меламдахъ, о которыхъ кратко будетъ упомянуто въ Высочайшемъ указѣ, а основанія изложатся въ журналѣ».

23-го іюля 1844 года Государь Императоръ утвердилъ постановленія Комитета съ тѣмъ исключеніемъ, что призналъ болѣе удобнымъ сократить 25-тилѣтній срокъ военной службы кончившимъ курсъ ученія въ уѣздныхъ училищахъ на 10 лѣтъ и къ словамъ постановленія «окончившіе курсъ наукъ въ объемѣ гимназическомъ освобождаются лично отъ рекрутства» прибавилъ: полномъ.

Исполненіе этого Высочайшаго повелѣнія не требовало много времени. И дѣйствительно, 13-го ноября 1844 года уже подписанъ былъ проектъ Высочайшаго указа Министру Народнаго Просвѣщенія и былъ Высочайше утвержденъ журналъ Комитета, въ которомъ были сведены всѣ указанія его, которыми долженъ былъ руководствоваться Министръ Народнаго Просвѣщенія. Въ тотъ-же день утверждены были Министромъ разсмотрѣнныя Комитетомъ и одобренныя имъ: 1) временныя правила о подчиненіи еврейскихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній, равно какъ и домашнихъ учителей надзору Министерства Народнаго Просвѣщенія; 2) Положеніе о казенныхъ еврейскихъ училищахъ; 3) Положеніе о раввинскихъ училищахъ; 4) Положеніе о еврейскихъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и о домашнихъ учителяхъ.

Въ Высочайшемъ указѣ Министру Народнаго Просвѣщенія изображено содержаніе правительственнаго акта, который въ сборникѣ постановленій озаглавленъ «о главныхъ основаніяхъ евреевъ», отчасти уже извѣстно читателю. Въ немъ и приведены всѣ тѣ указанія на постановку еврейскаго образованія, которыя не могли войти въ указъ Министру Народнаго Просвѣщенія. Но въ этотъ-же актъ вошли и составлявшіяся уже послѣ 23-го іюля постановленія Комитета о порядкѣ приведенія въ исполненіе правительственныхъ распоряженій о еврейскомъ образованіи. Эти постановленія будутъ изложены въ слѣдующемъ отдѣлѣ настоящей статьи.

Что касается Положеній о еврейскихъ училищахъ, утвержденныхъ Министерствомъ, то въ настоящемъ мѣстѣ статьи мы коснемся лишь вопроса о томъ, насколько отразились въ нихъ тѣ измѣненія, которыя еврейскій Комитетъ счелъ нужнымъ внести въ проекты Министерства, составленные на основаніи еврейской коммиссіи.

Нѣкоторыхъ изъ этихъ измѣненій невозможно было обойти въ Положеніи. Такъ, нельзя было не сказать въ Положеніи о составѣ учителей въ еврейскихъ училищахъ. Но и эти пункты изложены крайне осторожно. Въ Положеніи не говорится, что смотрителями училищъ имѣютъ быть христіане, что учителями общихъ предметовъ могутъ быть и христіане, и евреи, а замѣчается лишь, что завѣдываніе училищемъ ввѣряется смотрителю изъ училищныхъ чиновниковъ, что учителя, преподающіе Законъ Божій, должны быть изъ евреевъ (§§ 8, 9 и 44). О томъ, что вновь учрежденныя училища 1-го разряда имѣютъ главною задачею—подготовленіе евреевъ къ поступленію въ общія заведенія, что училища 2-го разряда слѣдуетъ учреждать лишь тамъ, гдѣ, по разнымъ причинамъ, нельзя посылать евреевъ въ общія заведенія, что въ училищахъ 1-го разряда общіе предметы должны быть проходимы въ объемѣ приходскихъ училищъ, а въ училищахъ 2-го разряда—въ объемѣ уѣздныхъ—въ Положеніи умолчано. Тамъ сказано лишь: цѣль еврейскихъ училищъ 1-го разряда состоитъ въ распространеніи первоначальныхъ, болѣе или менѣе всякому еврею нужныхъ свѣдѣній (§ 7), и исчислены предметы преподаванія въ нихъ (§ 14). Равнымъ образомъ и объ училищахъ 2-го разряда сказано, что они, соотвѣтствуя уѣзднымъ училищамъ, имѣютъ особенною цѣлью приспособленіе юношества къ торговому и промышленному состояніямъ (§ 42), и указано, какіе предметы будутъ преподаваться въ нихъ (§ 49). Ни программъ учебныхъ, ни таблицы часовъ къ Положеніямъ не приложено. Въ Положеніи замѣчено лишь, что распредѣленіе учебныхъ предметовъ по часамъ предоставляется распоряженію Министра Народнаго Просвѣщенія (§§ 15 и 50).

Равнымъ образомъ и въ правилахъ о подчиненіи еврейскихъ учебныхъ заведеній надзору Министерства не упомянуто ни о томъ, что эти заведенія подлежатъ въ свое время закрытію, ни о томъ, что Министерство будетъ стремиться къ уменьшенію вліянія меламдовъ на домашнее воспитаніе евреевъ.

Такъ осторожно были составлены эти правила.

А. Бѣлецкій.

(Продолженіе будетъ).

МАЛЕНЬКІЕ МОРЯКИ.

(Изъ воспоминаній о морскомъ корпусѣ).

(Окончаніе).

IX.

Въ плаваніе назначались только три старшіе класса, примѣрно сто восемьдесятъ человѣкъ, считая по тридцати воспитанниковъ въ каждомъ изъ двухъ отдѣленій класса. Остальные воспитанники, не разъѣхавшіеся по домамъ, переѣзжали на лѣто въ «Бараки», дачу Морского корпуса, верстахъ въ шести, семи отъ Ораніенбаума, по Нарвской дорогѣ.

Такимъ образомъ, кадеты до младшаго гардемаринскаго класса, случалось, и не видали ни моря, ни военнаго корабля и знакомились съ вооруженіемъ судна и съ парусами по бригу, стоявшему въ громадной залѣ морского корпуса. Парусныя ученія на этомъ бригѣ, производившіяся подъ наблюденіемъ корпусныхъ офицеровъ, моряковъ лишь по мундиру, были, разумѣется, одной забавой, не имѣющей ничего общаго съ ученіемъ въ морѣ. Въ теченіи шестилѣтняго или семилѣтняго пребыванія въ корпусѣ будущіе моряки находились въ плаваніи—да и то въ Финскомъ заливѣ—всего мѣсяцевъ шесть, семь—время, конечно, весьма недостаточное для подготовки мальчика къ тяжелому морскому ремеслу, требующему и особаго призванія, и извѣстной закалки, и, наконецъ, физической выносливости. При такой системѣ береговаго воспитанія моряковъ, да еще педагогами, никогда не плававшими, неудивительно, что, по выходѣ изъ корпуса, многіе тотчасъ-же бросали службу, какъ только знакомились съ ея тяжелыми условіями, совершенно напрасно потративъ время на приготовленіе себя въ моряки, и всѣ вообще выходили изъ корпуса очень мало приготовленные къ морскому дѣлу. Молодые офицеры, обязан-

ные, по своему положенію, учить матросовъ, сами должны были учиться азбукѣ морского дѣла въ плаваніи.

Тогда еще были моряки, воспитанные въ школѣ Лазарева, Нахимова и Корнилова, и молодымъ офицерамъ была возможность дѣйствительно научиться морскому дѣлу, особенно если они попадали въ дальнее плаваніе къ хорошему капитану или въ эскадру адмирала, заботившагося о дѣйствительной морской выучкѣ и о развитіи тѣхъ качествъ, безъ которыхъ немыслимъ дѣльный морякъ: находчивости, хладнокровія въ опасности и умѣнья внушить къ себѣ довѣріе подчиненныхъ.

Такимъ морскимъ учителемъ въ то время былъ хорошо извѣстный во флотѣ, теперь уже маститый адмиралъ, а тогда еще молодой контръ-адмиралъ Андрей Александровичъ Поповъ, бывшій черноморецъ и севастопольскій герой, командовавшій нѣсколько разъ маленькими эскадрами кругосвѣтнаго плаванія, съ которыми онъ ходилъ по океанамъ, показывая русскій военный флагъ въ разныхъ уголкахъ земного шара.

Морская молодежь шестидесятыхъ годовъ (да и капитаны того времени), конечно, хорошо помнятъ этого «разносителя», грозу офицеровъ, вспыльчиваго до бѣшенства и въ то-же время необыкновенно добраго человѣка, любимаго матросами, дѣятельнаго, энергичнаго и страстно преданнаго своему дѣлу моряка, который, бывало, въ океанѣ переводилъ съ судна на судно офицеровъ, или входилъ подъ парусами на рейдъ по ночамъ, самъ стоя на бакѣ. Съ шестидесятыхъ годовъ это былъ едва-ли не единственный выдающійся адмиралъ, который дѣйствительно образовывалъ моряковъ и создалъ школу. По крайней мѣрѣ, по словамъ заслуживающихъ довѣрія почтенныхъ моряковъ, лучшіе командиры судовъ въ настоящее время почти всѣ—ученики А. А. Попова, плававшіе съ нимъ юными офицерами.

Здѣсь не мѣсто подробно говорить объ этомъ крайне своеобразномъ и интересномъ типѣ «безпокойнаго адмирала», какимъ былъ А. А. Поповъ и о которомъ среди моряковъ и до сихъ поръ ходитъ не мало разсказовъ. Эта оригинальная личность, сдѣлавшая для образованія моряковъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ адмираловъ, заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго и подробнаго описанія. Замѣчу только, что молодые гардемарины и мичмана, плававшіе съ А. А. Поповымъ, обязаны ему не только тѣмъ, что стали хорошими моряками, но и тѣмъ, что, благодаря ему, многіе пополнили крайне скудное образованіе, полученное въ Морскомъ корпусѣ, и изучили иностранные языки и вообще пріучились къ занятіямъ.

*

Этотъ «безпокойный адмиралъ», бывало, по вечерамъ требовалъ къ себѣ всѣхъ гардемариновъ въ адмиральскую каюту, читалъ имъ лучшія произведенія русской литературы и послѣ бесѣдовалъ о прочитанномъ, а то дастъ что-нибудь переводить или вручитъ какую-нибудь иностранную книгу и попроситъ разсказать потомъ содержаніе—волей-неволей приходилось заниматься. А когда судно приходило въ портъ, адмиралъ вмѣстѣ съ молодежью съѣзжалъ на берегъ и ходилъ, осматривая все достопримѣчательное: ходилъ по докамъ, по заводамъ, осматривалъ суда, укрѣпленія, предпринималъ экскурсіи и требовалъ затѣмъ подробнаго письменнаго описанія. Такимъ образомъ, благодаря этому «безпокойному адмиралу», молодые моряки дѣйствительно знакомились съ посѣщенными городами, а не съ одними только ресторанами и увеселительными заведеніями.

И бранили-же тогда этого «неугомоннаго дьявола»! Но за-то съ какою сердечной благодарностью вспоминали потомъ тѣ-же моряки своего назойливаго и подъ-часъ бѣшенаго морского учителя, этого «безпокойнаго адмирала», такъ заботившагося о своихъ младшихъ товарищахъ.

Пора, однако, возвратиться къ прерванному разсказу.

Послѣ недѣльнаго отпуска передъ плаваніемъ, два казенные портовые парохода доставили всѣхъ насъ, назначенныхъ въ кампанію, въ первыхъ числахъ іюня, изъ Петербурга на большой кронштадтскій рейдъ и развезли по кораблямъ стоявшей на рейдѣ практической эскадры подъ вице-адмиральскимъ флагомъ на флагманскомъ кораблѣ.

Наше отдѣленіе старшаго гардемаринскаго класса, въ числѣ двадцати шести человѣкъ, было высажено на восьмидесяти-четырехъ пушечный паровой корабль «Орелъ», поражавшій, какъ и всѣ суда, своимъ безукоризненно вытянутымъ такелажемъ, выправленными на диво реями и тою умопомрачительной чистотой, какою вообще отличаются военныя суда.

Корпусный офицеръ, бывшій при насъ въ качествѣ воспитателя, совсѣмъ безличный и ограниченный человѣкъ, показывавшійся ежедневно въ нашемъ помѣщеніи только для проформы и все плаваніе проскучавшій въ качествѣ «пассажира» на кораблѣ, поставилъ насъ на шканцахъ во фронтъ и представилъ старшему офицеру, высокому капитанъ-лейтенанту, видимо оторванному отъ какого-то дѣла.

Наше прибытіе не доставило, кажется, старшему офицеру большого удовольствія, и этотъ, чѣмъ-то озабоченный морякъ съ маленькими, щурившимися глазами, не особенно радушно принялъ своихъ

новыхъ подчиненныхъ, прибавлявшихъ ему, и безъ того по горло занятому, лишнюю заботу. Онъ, однако, былъ «радъ познакомиться», объявилъ, что завтра распишетъ насъ по вахтамъ, внушительно попросилъ насъ «не загадить констапельской» (нашего помѣщенія) и исчезъ, объявивъ, что сейчасъ выйдетъ капитанъ.

Черезъ минуту изъ капитанской каюты вышелъ, направляясь къ намъ неторопливой, мѣрной походкой, низенькій, сутуловатый и кряжистый пожилой человѣкъ съ Георгіемъ 3-й степени за храбрость на своей короткой шеѣ, съ краснымъ, загорѣлымъ лицомъ, обрамленнымъ густыми подстриженными бакенбардами. Опущенная его голова совсѣмъ уходила въ плечи.

Это былъ капитанъ 1 ранга Ѳ. С. Кернъ, извѣстный своей храбростью севастопольскій герой, описанный Толстымъ въ его севастопольскихъ разсказахъ

Онъ глядѣлъ изъ-подлобья и на видъ казался сердитымъ этотъ нашъ капитанъ, оказавшійся потомъ очень добрымъ и мягкимъ человѣкомъ, не смотря на его суровую внѣшность медвѣдя. Говорилъ онъ, словно лаялся, отрывисто, лаконическими фразами. Короткое привѣтствіе, обращенное къ намъ, закончило представленіе, и мы спустились въ свое помѣщеніе—въ «констапельскую», довольно обширную каюту въ нижней жилой палубѣ, подъ каютъ-компаніей.

На слѣдующій день мы снялись съ якоря.

X.

Наша «служба» на кораблѣ была очень легкая. Расписанные по вахтамъ, мы исполняли при вахтенныхъ офицерахъ роль посыльныхъ къ капитану и передатчиковъ приказаній, стояли у компаса, слѣдя за правильностью курса, ѣздили при шлюбкахъ, но большую часть времени проводили въ бездѣльничествѣ въ своей констапельской. Состоявшій при насъ корпусный офицеръ былъ самъ совсѣмъ невѣжественный человѣкъ, чтобы занять насъ какими-нибудь полезными для будущаго офицера занятіями и, такимъ образомъ, пребываніе на кораблѣ имѣло только ту хорошую сторону, что мы могли «присматриваться» къ строгому порядку судовой жизни и къ управленію кораблемъ. При съѣздахъ на берегъ мы вмѣстѣ съ офицерами посѣщали рестораны и, случалось, вмѣстѣ съ ними и кутили. А на нашемъ кораблѣ офицеры были большіе любители выпить. Особенно первый лейтенантъ и начальникъ 2-й вахты, князь М., оба лихіе парусные моряки, были такіе завзятые пьяницы, что рѣдко ихъ можно было ви-

дѣть трезвыми. И на вахту они выходили, зарядившись, что не мѣшало, однако, имъ быть исправными вахтенными начальниками. На берегу они гуляли во всю, и рядъ скандаловъ ознаменовывалъ ихъ пребываніе во всѣхъ портахъ, начиная отъ Ревеля и кончая Балтійскимъ портомъ. Возвращались оба эти пріятеля съ берега иногда въ такомъ видѣ, что ихъ должны были подъ руки поднимать по трапу на палубу и вести въ каюты, что, съ точки зрѣнія морской дисциплины, представляло явный соблазнъ. Капитанъ, суровый морякъ черноморской школы, конечно, зналъ это и косо поглядывалъ на этихъ офицеровъ, но онъ былъ слишкомъ добрый человѣкъ, чтобы, какъ выражаются на морскомъ жаргонѣ, «протестовать ихъ», т.-е. списать съ корабля и сообщить по начальству о причинахъ, и они, такимъ образомъ, проплавали все лѣто въ безпрерывно пьяномъ состояніи. Впрочемъ, репутація этихъ двухъ старыхъ лейтенантовъ, типичныхъ представителей кронштадтскихъ забубенныхъ головушекъ дореформеннаго времени, тѣхъ пьяницъ-моряковъ, о которыхъ слагались цѣлыя легенды и которые давали вообще всѣмъ морякамъ славу пьяницъ,— репутація ихъ и безъ того была слишкомъ хорошо извѣстна всѣмъ, и оба они, вскорѣ послѣ плаванія, были уволены въ резервъ, а затѣмъ и въ отставку. Въ тѣ времена «очищали» флотъ.

Приходилось намъ, юнцамъ, «присматриваться» и къ обращенію съ матросами и видѣть вопіющую жестокость по отношенію къ людямъ. Самъ капитанъ не прибѣгалъ къ кулачной расправѣ и, сколько помнится, ни разу не приказывалъ наказывать матросовъ линьками, а только ругался въ минуты гнѣва или служебнаго возбужденія. Но старшій офицеръ положительно былъ жестокъ, и притомъ жестокъ съ какою-то холодной, безстрастной выдержкой. Ни одного «аврала» или ученія не проходило безъ того, чтобы не было окровавленныхъ имъ лицъ; нерѣдко случалось слышать раздирающіе стоны, раздающіеся съ бака, гдѣ происходили экзекуціи. Намъ, юнцамъ, невольно приходилось быть свидѣтелями этихъ отвратительныхъ сценъ, потому что старшій офицеръ, вѣроятно, для нашей «морской закалки», приказывалъ иногда кому-нибудь изъ насъ присутствовать при наказаніи. Я никогда не забуду этой обнаженной человѣческой спины, покрытой красными рубцами отъ линьковъ, этихъ короткихъ, отрывистыхъ стоновъ и вскрикиваній, этихъ озвѣрѣлыхъ боцмановъ, наносящихъ размѣренные удары, и этого улыбающагося лица старшаго офицера, присутствовавшаго при наказаніи.

Когда матросъ, наказанный за самую пустую вину, получивъ пятьдесятъ ударовъ линькомъ (линекъ — толстая веревка съ узломъ

на концѣ), осторожно надѣвалъ рубаху на свою окровавленную спину, старшій офицеръ взглянулъ на меня и, удивленный, вѣроятно, моимъ взволнованнымъ видомъ, проговорилъ съ насмѣшкой:

— Что, молодой человѣкъ, взволновались? Вы не баба-съ. Надо пріучаться къ службѣ!

По счастью, если-бы и была охота «пріучаться къ службѣ», столь своеобразно отожествляемой съ жестокостью, нашему поколѣнію пріучаться не приходилось. Русскій флотъ былъ наканунѣ отмѣны тѣлесныхъ наказаній и «жестокость» начинала выходить изъ моды.

Нечего и прибавлять, что у насъ на кораблѣ дрались почти всѣ офицеры, дрались, конечно, боцмана и унтеръ-офицеры, а самая невозможная и отборная ругань, свидѣтельствующая о виртуозной изобрѣтательности моряковъ по этой части, стономъ стояла во время ученій и авраловъ.

Вся эта отрицательная сторона морской службы тогдашняго времени на нѣкоторыхъ изъ насъ, уже нѣсколько охваченныхъ просвѣтительнымъ вѣяніемъ шестидесятыхъ годовъ, дѣйствовала удручающимъ образомъ. Двое товарищей рѣшительно собирались, по окончаніи курса, выйти въ отставку. Большинство, впрочемъ, «закаливало» свои нервы...

Само собою разумѣется, что всѣ мы восхищались капитаномъ, который въ нашихъ глазахъ являлся идеаломъ лихого и безстрашнаго моряка. Намъ, молодымъ морякамъ, и весело, и жутко было глядѣть, какъ однажды «Орелъ» подъ всѣми парусами влетѣлъ въ узкія ворота ревельской купеческой гавани, управляемый зоркимъ глазомъ стараго «парусника» капитана. И самъ онъ, сдержанный, молчаливый, изрѣдка отдающій рѣзкія, повелительныя приказанія, и вся его крѣпкая фигура морского волка—все это, разумѣется, плѣняло и вызывало на подражаніе, такъ что многіе стали ходить сгорбившись, какъ и капитанъ, и говорить такъ-же отрывисто и рѣзко.

Но особенные восторги возбудилъ онъ въ насъ послѣ весьма критическаго случая, бывшаго съ нами въ это плаваніе и, конечно, памятнаго всѣмъ, пережившимъ нѣсколько ужасныхъ минутъ, незабываемыхъ во всю остальную жизнь. Примѣръ хладнокровнаго безстрашія и мужества нашего капитана въ эти минуты былъ однимъ изъ цѣнныхъ морскихъ уроковъ для будущихъ моряковъ.

Какъ теперь помню, мы шли подъ всѣми парусами съ ровнымъ вѣтромъ, проходя мрачный и вѣчно туманный островъ Гогландъ, около котораго, въ 1857 году, такъ трагически, въ двѣ, три минуты пошелъ ко дну во время поворота, на глазахъ всей эскадры, корабль

«Лефортъ» съ восьмьюстами человѣками экипажа и тремястами уволенныхъ матросовъ съ ихъ женами и дѣтьми, которыхъ перевозили изъ Ревеля въ Кронштадтъ. Предполагали тогда, что корабль погибъ вслѣдствіе неправильной нагрузки, имѣя слишкомъ высоко центръ тяжести, или, что, быть можетъ, худо закрѣпленныя орудія перекатились во время поворота на подвѣтренную сторону на накренившійся бортъ. Какъ-бы то ни было, но ни одна живая душа не могла ничего объяснить — ни одинъ человѣкъ не спасся. Катастрофа случилась въ пятомъ часу утра.

Память объ этомъ трагическомъ событіи еще была жива среди моряковъ и, проходя Гогландъ, мы всѣ жадно слушали въ констапельской разсказъ одного старика матроса, бывшаго сигнальщикомъ на одномъ изъ кораблей эскадры и видѣвшаго гибель злосчастнаго «Лефорта».

Только-что кончилъ разсказъ свой старикъ матросъ, какъ всѣ мы почувствовали, что вдругъ нашъ «Орелъ» положило совсѣмъ на бокъ, и услышали зычный голосъ боцмана, призывавшаго всѣхъ на верхъ.

Охваченные паникой, мы бросились на верхъ.

На верху ревѣлъ набѣжавшій шквалъ и нашъ «Орелъ» съ убранными парусами стремительно летѣлъ поваленный шкваломъ, кренясь все болѣе и болѣе. На ютѣ, гдѣ я долженъ былъ находиться по росписанію, стоялъ капитанъ, серьезный и молчаливый. Ютъ представлялъ собою совершенно наклонную плоскость... Корабль все больше и больше ложился. Невольно въ головѣ пронеслась мысль о «Лефортѣ». Команда въ какомъ-то боязливомъ смятеніи столпилась на палубѣ. Многіе крестились. Выбѣжавшіе офицеры были блѣдны, какъ смерть. Раздалась команда старшаго офицера—закрѣпить трепыхавшіеся паруса, но матросы не двигались съ мѣста.

Корабль все кренило больше и больше.

Капитанъ стоялъ по прежнему безстрашный и тихо отдалъ приказаніе старшему офицеру готовить топоры, чтобы рубить мачты. Старшій офицеръ бросился внизъ. Прошло еще нѣсколько томительныхъ секундъ...

— Готово!—крикнулъ старшій офицеръ, показываясь въ люкѣ.

— Есть!—спокойно отвѣчалъ капитанъ.

И ни черточки страха, ни одной дрогнувшей нотки въ его голосѣ!..

Шквалъ пронесся далѣе. «Орелъ» сталъ медленно, словно съ усиліемъ, подниматься и, наконецъ, поднялся. Радостное чувство озарило всѣ лица. И необыкновенно серьезное и напряженное лицо капитана прояснилось.

Снова поставили паруса, и капитанъ спустился къ себѣ въ каюту съ такимъ, повидимому, спокойнымъ видомъ, точно ничего особеннаго не случилось. Только теперь, казалось мнѣ, онъ какъ-то нервнѣе подергивалъ, по своему обыкновенію, плечами. Мы, молодежь, впервые испытавшіе страшныя минуты въ морѣ, глядѣли на капитана съ восторженнымъ удивленіемъ, и долго еще въ констапельской онъ былъ предметомъ нескончаемыхъ разговоровъ.

Тогда разсказывали, что этотъ критическій случай произошелъ отъ недостаточности балласта, бывшаго на кораблѣ, и обвиняли портовое начальство. Какъ-бы то ни было, но по приходѣ въ Ревель мы прибавили балласту.

Вспоминается мнѣ еще одинъ эпизодъ, рисующій этого почтеннаго моряка.

Это было на Кронштадтскомъ большомъ рейдѣ. Часу въ пятомъ послѣ обѣда, старшій офицеръ послалъ одного изъ товарищей съ четверкой (небольшая шлюбка съ четырьмя гребцами)—отвезти больного матроса на берегъ и сдать его въ госпиталь. Вѣтеръ былъ противный, и шлюбка отправилась подъ веслами.

Къ вечеру вѣтеръ сталъ свѣжѣть, разводя большое волненіе. Шлюбка не возвращалась. Капитанъ то и дѣло выходилъ на верхъ и спрашивалъ: «не видать-ли четверки?» Получая отвѣтъ, что не видать; онъ безпокойно двигалъ плечами, сердито крякалъ и, приказавъ сигнальщику не сводить глазъ съ рейда, нервно ходилъ по палубѣ, заложивъ руки за спину. Безпокойство его видимо расло съ каждой минутой, съ каждымъ усиливающимся порывомъ вѣтра. Онъ сдѣлалъ выговоръ старшему офицеру, что тотъ послалъ маленькую шлюбку на берегъ вмѣсто того, чтобы послать катеръ.

— Теперь, видите-съ... свѣжо... Имъ не выгрести... Они, разумѣется, пойдутъ подъ парусами...

Старшій офицеръ старался успокоить капитана предположеніемъ, что посланный со шлюбкой гардемаринъ Ф. не рѣшится возвращаться при такомъ вѣтрѣ на корабль и благоразумно переночуетъ у пристани.

— Вы думаете-съ? А я такъ думаю-съ, что Ф. именно и пойдетъ-съ и, конечно, поставитъ паруса... Молодость отважна-съ...

И капитанъ самъ взялъ бинокль и сталъ глядѣть въ заволакивавшійся мглой горизонтъ.

Начинало темнѣть. Вѣтеръ усиливался. Шлюбка не показывалась.

Капитанъ не сходилъ съ юта. Онъ то хватался за бинокль, то безпокойно ходилъ взадъ и впередъ, словно звѣрь въ клѣткѣ, то снова

останавливался и вглядывался въ подернутое бѣлыми зайчиками волнующееся море.

— Четверка навѣрное осталась на берегу,—снова замѣтилъ старшій офицеръ, самъ видимо обезпокоенный.

— Не думаю-съ! рѣзко отвѣтилъ капитанъ.

И какъ-бы въ подтвержденіе его психологическаго пониманія, сигнальщикъ весело крикнулъ:

— Четверка идетъ!

Капитанъ стремительно спустился съ юта и бросился къ трапу.

Въ полумракѣ, едва освѣщаемомъ слабымъ свѣтомъ луны, совсѣмъ близко летѣла къ кораблю, накренившись и ныряя въ волнахъ, маленькая четвѣрка подъ парусами.

— Видите-съ! радостно промолвилъ капитанъ, обращаясь къ старшему офицеру.

И его, обыкновенно суровое лицо, освѣщенное свѣтомъ фонарей, которые держали выбѣжавшіе фалгребные, озарилось хорошей, свѣтлой улыбкой.

Черезъ минуты двѣ-три шлюбка, на половину залитая водой, пристала къ борту. Гардемаринъ Ф., юноша лѣтъ шестнадцати, поднялся на палубу весь мокрый. Возбужденный, съ раскраснѣвшимся отъ волненія лицомъ, онъ доложилъ старшему офицеру, что больной матросъ сданъ въ госпиталь и вручилъ квитанцію.

— А зачѣмъ вы не остались на берегу? Развѣ вы не видѣли, что свѣжій вѣтеръ, а? строго спросилъ капитанъ.

— Я полагалъ, что онъ не настолько свѣжъ, чтобъ не идти,—отвѣтилъ Ф.

— То-то полагали-съ... А онъ свѣжъ... Надѣюсь, рифы были взяты?..

— На ходу взялъ-съ.

— Ну, ступайте-съ, переодѣньтесь... Ишь мокрый совсѣмъ... Да потомъ ко мнѣ милости просимъ чай пить-съ... А вы молодецъ-съ! И я на вашемъ мѣстѣ тоже пошелъ-бы... да-съ! неожиданно прибавилъ капитанъ и крѣпко пожалъ руку молодому человѣку.

И, уходя въ каюту, приказалъ гребцамъ дать по чаркѣ водки.

Послѣ двухмѣсячной кампаніи, во время которой мы побывали въ Ревелѣ, Гельсингфорсѣ и Балтійскомъ портѣ и познакомились тамъ съ кюмелемъ, шведскимъ пуншемъ и финляндской «сексой», мы съ эскадрой вернулись въ Кронштадтъ, хотя и присмотрѣвшіеся къ морскому дѣлу, но все-таки очень мало въ немъ понимавшіе и даже ни

разу за все время не бравшіе въ руки секстана. И такъ было на всѣхъ корабляхъ. Корпусные офицеры, посылавшіеся съ кадетами, и сами не умѣли обращаться съ секстаномъ, такъ ужъ куда показывать другимъ. Да и вообще эти господа въ большинствѣ были люди далеко несвѣдущіе, и посылка ихъ съ кадетами имѣла характеръ лишь полицейскаго надзора.

Черезъ день или два по приходѣ въ Кронштадтъ, за нами пришелъ изъ Петербурга пароходъ, и мы распростились съ «Орломъ», чтобы больше никогда его не видать. И онъ, и другіе деревянные корабли черезъ два-три года мирно стояли въ гавани и вскорѣ, когда на смѣну имъ явились броненосцы, были проданы на сломъ.

Не пришлось болѣе видѣть и той варварской дрессировки матросовъ съ порками, какую мы видѣли на «Орлѣ». Доброму «старому времени» со всѣми его ужасами пѣли отходную. Во флотѣ, какъ и вездѣ, повѣяло новымъ духомъ. И флотъ «не пропалъ», какъ предвѣщали тогда многіе старики-моряки, втайнѣ недовольные реформами, вводимыми великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, и въ особенности—отмѣной тѣлесныхъ наказаній. Оказалось, что могла существовать и дисциплина, могли быть и хорошіе матросы и безъ варварствъ прежняго времени.

XI.

Къ 15-му августа мы всѣ собрались въ классы и снова пошла обычная корпусная жизнь, для насъ, впрочемъ, выпускныхъ нѣсколько болѣе свободная.

Въ началѣ сентября начали готовиться къ традиціонному празднованію старшимъ курсомъ дня равноденствія. По обыкновенію, сборы къ этому празднованію держались въ секретѣ отъ начальства, хотя начальство, разумѣется, хорошо знало, что и въ этомъ году, какъ и ранѣе, во всѣ предъидущіе года, этотъ традиціонный обычай повторится и что помѣха ему можетъ только вызвать еще бо̀льшій скандалъ. Съ каждаго человѣка собирали по два, по три рубля для шитья костюмовъ въ предстоящей процессіи. Вопросъ о костюмахъ вызывалъ горячіе дебаты.

Но въ нашемъ курсѣ явились и протестанты противъ этого обычая, находившіе, что тратить деньги на такое шутовство нелѣпо Такихъ протестантовъ набралось насъ пять человѣкъ. Мы выпустили «прокламацію», въ которой убѣждали остальныхъ товарищей не устроивать шутовскаго маскарада и деньги, предназначенныя для этой цѣли, отдать на выписку нѣсколькихъ журналовъ и газетъ.

Несмотря на горячій тонъ и, казалось намъ, неопровержимую убѣдительность «прокламаціи», она не имѣла никакого успѣха и дала намъ лишь одного новаго приверженца. Огромное большинство крѣпко стояло за сохраненіе «обычая» и къ предложенію выписать журналы отнеслось безъ малѣйшаго сочувствія. Всѣхъ насъ, протестантовъ, не безъ ядовитой ироніи называли «литераторами». Мы, въ свою очередь, называли представителей большинства «шутами гороховыми».

Нѣсколько вечеровъ подрядъ происходили совѣщанія для выработки программы распредѣленія ролей и для рѣшенія существеннаго вопроса: кого изъ начальствующихъ лицъ слѣдуетъ на предстоящемъ празднествѣ предать анаѳемѣ и кому провозгласить многія лѣта. Совѣщанія эти были очень оживлены и вопросъ объ анаѳематствованіи, надо признаться, не возбуждалъ большихъ разногласій. Рѣшено было предать проклятію почти все корпусное начальство, за весьма немногими исключеніями. Но такъ какъ преданіе проклятію столь значительнаго числа педагоговъ и учителей, каждаго въ отдѣльности, заняло-бы слишкомъ много времени и могло вызвать нежелательное вмѣшательство начальства, то постановлено было: провозгласить анаѳему лишь болѣе выдающимся лицамъ, а остальныхъ проклясть въ общемъ перечисленіи фамилій.

Наканунѣ дня равноденствія всѣ костюмы были доставлены въ корпусъ и припрятаны въ надежныхъ мѣстахъ распорядителями. Ночью происходила примѣрка костюмовъ и кое-какія поправки. Все это дѣлалось въ величайшемъ секретѣ.

Слѣдующій день прошелъ какъ обыкновенно. Казалось, ничто не предвѣщало традиціоннаго празднества, и корпусное начальство, обыкновенно боящееся этого дня, казалось не особенно возбужденнымъ. Однако, ротный командиръ нѣсколько разъ въ этотъ день показывался въ ротѣ, видимо желая узнать настроеніе. Но «настроеніе» было, повидимому, самое спокойное.

Наконецъ, вернулись отъ ужина и тотчасъ-же въ роту стали собираться всѣ однокурсники, бывшіе унтеръ-офицерами въ другихъ ротахъ... Дежурный офицеръ благоразумно исчезъ, чтобы ничего не видѣть и не знать, такъ какъ хорошо понималъ, что всякая его попытка помѣшать манифестаціи вызвала-бы крупный скандалъ. Такіе скандалы, при безтактности начальства, бывали и оканчивались не особенно пріятно для обѣихъ сторонъ. Не показывались въ этотъ вечеръ ни ротный командиръ, ни дежурный по корпусу, ни директоръ. Узнавши, что празднество будетъ, они сидѣли по своимъ квартирамъ

и ждали, чтобы манифестація прошла только скорѣй и спокойнѣй, не осложнившись какими-нибудь серьезными безпорядками.

Тѣмъ временемъ участвовавшіе въ процессіи—весь старшій курсъ, за исключеніемъ шести протестантовъ—торопливо одѣвались въ спальной въ свои костюмы, приклеивали бороды, красили лица и т. п.

Въ сосѣднихъ залахъ роты уже нетерпѣливо ждутъ процессіи зрители: кадеты средняго и младшаго гардемаринскихъ классовъ и прибѣжавшіе тайкомъ воспитанники другихъ ротъ. Дневальные, въ ожиданіи хорошей подачки, зорко сторожатъ за дверями, готовые предупредить, лишь только завидятъ начальство.

Все готово. Процессія въ стройномъ порядкѣ, при торжественномъ пѣніи гимна равноденствію, двинулась изъ спальной.

Среди двигавшихся тихимъ шагомъ различныхъ морскихъ божествъ миѳологіи, среди тритоновъ, нереидъ, русалокъ, наядъ,—одѣтыхъ или, вѣрнѣе, полуодѣтыхъ въ болѣе или менѣе подходящіе костюмы подводнаго царства, блестѣвшихъ фольгой и блестками, съ вѣнками на головахъ и съ зажженными свѣчами,—среди разныхъ морскихъ чудищъ—рыбъ и черепахъ,—высоко надъ головами остальныхъ возсѣдалъ на тронѣ, несомый шестью полуголыми подводными придворными, Нептунъ съ длинной сѣдой бородой и въ большой блестящей коронѣ. Костюмъ его ограничивался поясомъ изъ зеленой изрѣзанной бумаги, замѣнявшей морскую траву. Въ одной рукѣ у него былъ трезубецъ, а въ другой—учебникъ астрономіи Зеленаго. Видъ у Нептуна былъ торжественно-серьезный.

Процессія обошла обѣ залы и направилась, сопровождаемая зрителями, въ спальную средняго гардемаринскаго курса. Тамъ она остановилась. Пѣніе прекратилось.

Тогда, среди мертвой тишины, былъ прочитанъ изъ учебника астрономіи параграфъ, опредѣляющій равноденствіе и начинающійся, если мнѣ не измѣняетъ память, словами: «Когда эклиптика...»

По окончаніи чтенія этого параграфа, Нептунъ спустился съ трона. Выйдя впередъ, на середину спальни, между раздвинутыми кроватями, онъ проговорилъ:

— Слушайте, братія!

И затѣмъ торжественно-мрачнымъ голосомъ, стараясь брать своимъ басомъ низкія ноты, провозгласилъ:

— Директору морского корпуса, что въ г. С.-Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ, контръ-адмиралу «Сережкѣ» такому-то анаѳема!

— Анаѳема!—загремѣли въ отвѣтъ десятки голосовъ, подхваченные и зрителями.

Нептунъ стукнулъ трезубцемъ объ полъ и продолжалъ:

— Инспектору классовъ того-же корпуса, капитану 1-го ранга «Алешкѣ» такому-то... анаѳема!

— Анаѳема!—снова повторили всѣ.

— Баталіонному командиру, капитану 1-го ранга, «Павлушкѣ» такому-то, по прозванію «Копчикъ»,—анаѳема!

— Анаѳема!

Нептунъ по очереди продолжалъ провозглашать имена эконома, нѣсколькихъ ротныхъ командировъ и дежурныхъ офицеровъ и двухъ, особенно нелюбимыхъ преподавателей, и послѣ каждаго провозглашенія раздавалось протяжное и мрачное: «анаѳема».

Остальные затѣмъ были перечислены вмѣстѣ и преданы были проклятію en masse.

Послѣ паузы Нептунъ провозгласилъ уже въ мажорномъ тонѣ:

— Мудрому и славному нашему дежурному офицеру и преподавателю, благороднѣйшему лейтенанту Ильѣ Павловичу Алымову многія лѣта!

— Многія лѣта!—весело загремѣли голоса.

Провозглашеніе многолѣтія заняло, впрочемъ, весьма немного времени, такъ какъ удостоившихся этой чести лицъ было мало—всего, сколько помнится, три или четыре человѣка.

Затѣмъ Нептунъ снова взобрался на тронъ, и процессія тѣмъ-же порядкомъ, съ пѣніемъ, возвратилась въ спальную. Участвовавшіе быстро переодѣлись и послѣ недолгихъ бесѣдъ всѣ улеглись спать. Все было окончено.

Явился и дежурный офицеръ и мирно зашагалъ по своей дежурной комнатѣ.

Оставить, однако, совсѣмъ безъ вниманія бывшей манифестаціи начальство морского корпуса считало ниже своего достоинства, и потому на другой день, послѣ классовъ, нашу роту выстроили во фронтъ, объявивъ, что идетъ директоръ корпуса. Семеня ножками и стараясь казаться сердитымъ, къ намъ подошелъ, сопровождаемый баталіоннымъ командиромъ, инспекторомъ и ротнымъ, директоръ, довольно неказистый на видъ старикъ, добродушный, незлобивый и очень недалекій человѣкъ, котораго вчера предавали анаѳемѣ, надо думать, болѣе для соблюденія традиціоннаго обычая, чѣмъ по заслугамъ. Никакого проклятія онъ не заслуживалъ, и всѣ очень хорошо знали, что почтенный старикъ никого не обижалъ, никого не преслѣдовалъ и управлялъ корпусомъ номинально, находясь подъ вліяніемъ инспектора классовъ. Кромѣ того, ходили слухи, что онъ на время лишь назначенъ директоромъ, и его, по правдѣ говоря, не ставили ни въ грошъ и совсѣмъ не боялись.

Выпучивъ свои глаза, директоръ поздоровался съ нами и, краснѣя болѣе отъ неумѣнія говорить, чѣмъ отъ негодованія, нѣсколько секундъ стоялъ въ безмолвіи, видимо затрудняясь съ чего начать и безпомощно озираясь на почтительно стоявшаго сзади «дипломата»— инспектора классовъ.

— Э... э... э... это какъ-же?.. началъ наконецъ директоръ, сознавая, что надо-же что-нибудь сказать. Вчера... э... э... э... шумъ, безпорядокъ... Это срамъ-съ... И я не потерплю, понимаете, не потерплю-съ... Меня трудно разсердить, но если я разсержусь... выгоню изъ корпуса... Да-съ... Выгоню... Выгоню-съ!

Добрякъ клепалъ на себя безбожнымъ образомъ. Онъ и теперь не сердился, а исполнялъ свою «роль», вѣроятно, подсказанную ему инспекторомъ.

— И кто это выдумалъ вчера эти безпорядки-съ... Кто зачинщики-съ?.. Выходите впередъ...

Никто, разумѣется, не выходилъ.

— Значитъ, всѣ-съ? Ну, я со всѣхъ и взыщу-съ... Со всѣхъ... и строго взыщу-съ... Непремѣнно взыщу-съ... Э-э-э... Будете помнить-съ...

Вѣроятно, дѣло ограничилось-бы этимъ обѣщаніемъ и добрякъ ушелъ-бы, убѣжденный, что напугалъ всѣхъ насъ, но взглядъ его случайно упалъ на маленькаго Г., который, слушая несвязную рѣчь директора, лукаво улыбался своими смѣющимися глазами.

Это ужъ было слишкомъ!

— Э-э-э... вы еще смѣяться... Директоръ говоритъ, а онъ смѣется... Вы, значитъ, зачинщикъ и есть... Подъ арестъ его! — вдругъ крикнулъ визгливымъ тенорком почтенный старикъ, внезапно закипая при видѣ этого насмѣшливаго взгляда.— На недѣлю... На хлѣбъ... на воду!.. Онъ всегда во всемъ коноводъ... Я знаю... Я все знаю-съ...

Директоръ, конечно, и не догадывался, что онъ сажалъ подъ арестъ «протестанта», не принимавшаго участія во вчерашней процессіи и не бывшаго никогда коноводомъ, и, еще разъ пригрозивъ, что онъ строго взыщетъ, ушелъ, сопровождаемый свитой.

Г. со смѣхомъ собирался идти въ «главную арестантскую» (главный карцеръ) и только просилъ, чтобъ товарищи не забыли ему приносить съѣстного. Товарищи предлагали идти къ директору и сказать, что онъ не принималъ никакого участія въ празднованіи равноденствія, но Г. не согласился. «Не все-ли равно? Вѣдь онъ не за участіе меня посадилъ, а за улыбку!» говорилъ, продолжая смѣяться, маленькій Г. Онъ, впрочемъ, просидѣлъ всего два дня. Послѣ двухъ

дней директоръ позвалъ его къ себѣ и самымъ добродушнымъ образомъ простилъ, проговоривъ на прощанье:

— А вы, молодой человѣкъ, впередъ помните-съ... э-э-э... что когда говоритъ начальникъ, надо слушать, а не смѣяться... А то что будетъ-съ, если всѣ будутъ смѣяться надъ начальниками?.. Какъ вы думаете-съ?

И такъ какъ Г. затруднялся отвѣчать, то добрякъ и поспѣшилъ объяснить ему:

— Будетъ-съ всеобщій кавардакъ... Вотъ что будетъ-съ!

— Дешево отдѣлались, почтенный,—ядовито замѣтилъ инспекторъ классовъ, обращаясь на другой день къ Г. въ классѣ... Начальство надо почитать, а не улыбаться, когда оно говоритъ... Вотъ тоже и этотъ почтенный,—указалъ инспекторъ классовъ на ме́ня, — стишки пописываетъ про начальство и думаетъ, что это очень либерально... Какъ-бы за это серьезно не поплатиться... Какъ вы полагаете, почтенный?—обратился инспекторъ классовъ ко мнѣ, прочитавшій переписанное товарищемъ стихотвореніе, въ которомъ героемъ былъ онъ.— Вѣдь это вы занимаетесь стихоплетствомъ?—презрительно добавилъ онъ.

— Занимаюсь, по временамъ,—отвѣчалъ я.

— Я такъ и думалъ... Смотрите, почтенный, какъ-бы, вмѣсто выпуска изъ корпуса, не остаться еще на годъ... Держите ухо востро... Начальство терпѣливо и попечительно, но и оно иногда теряетъ терпѣніе... и особенно не любитъ строптивыхъ... Видно, журналовъ нынѣшнихъ начитались... Разныя глупости нравятся?..

Несмотря на предостереженіе инспектора, мнѣ не пришлось «держать ухо востро». Черезъ мѣсяцъ совершенно неожиданно я оставилъ корпусъ. По просьбѣ отца я былъ назначенъ въ трехлѣтнее кругосвѣтное плаваніе, и въ началѣ октября, простившись съ товарищами, уѣхалъ въ Кронштадтъ, чтобъ явиться на корветъ.

Экзаменъ мнѣ пришлось держать въ Печелійскомъ заливѣ на эскадрѣ передъ экзаменной коммиссіей моряковъ, а не передъ сонмомъ нашихъ корпусныхъ педагоговъ.

К. Станюковичъ.

О школьной реформѣ съ точки зрѣнія гигіениста.

(Взглядъ проф. Цэендера).

Казалось-бы, что каждый образованный человѣкъ, прошедшій курсъ гимназіи или какого-либо иного общеобразовательнаго заведенія, могъ-бы быть самымъ компетентнымъ судьей того, насколько подготовила его школа для жизни. Между тѣмъ, исключительно компетентными въ подобной оцѣнкѣ считаютъ себя обыкновенно учителя. Они зорко стерегутъ педагогію, какъ свою неотъемлемую собственность, о которой они только одни могутъ судить и рядить правильно. Что-же, однако, показываетъ жизнь?

За послѣднее время гигіена сдѣлалась наукой, по-истинѣ навязчивой; она предъявляетъ свои права всюду, гдѣ только имѣется подозрѣніе въ посягательствѣ на здоровье человѣка; она отстаиваетъ, равнымъ образомъ, свое право на подобающую ей роль въ области педагогіи и на защиту учащихся противъ тѣхъ методовъ преподаванія, которые вредны или противны здоровому тѣлесному развитію. Она требуетъ чтобы мускулатура ребенка не оставалась безъ упражненія и совершенствованія, чтобы развитіе скелета въ періодѣ роста не теряло естественнаго своего равновѣсія; она настаиваетъ на томъ, чтобы оставалось свободное время для упражненія и развитія тѣлесныхъ силъ и тѣлесной ловкости; она заявляетъ желаніе, чтобы кровь не портилась отъ дыханія въ испорченномъ воздухѣ; она заботится о зрѣніи учащихся и, наконецъ, обращаетъ вниманіе и на процессы умственной дѣятельности, которые въ концѣ-концовъ основываются на тѣлесномъ фундаментѣ, если не зависятъ отъ него, пожалуй, безусловно, и которые въ этомъ отношеніи уже, конечно, подлежатъ суду медицины.

Изученіе памяти съ гигіенической точки зрѣнія заслуживаетъ особеннаго вниманія.

Центръ тяжести первоначальнаго обученія лежитъ, какъ извѣстно,

почти исключительно въ памяти. Самостоятельное сужденіе немыслимо, прежде чѣмъ не накопится извѣстная сумма свѣдѣній, и всякая попытка преждевременно вызывать и культивировать у ученика самостоятельное сужденіе будетъ неудачна; она приводитъ обыкновенно къ тому, что ученики прямо заимствуютъ сужденіе учителя и безсознательно болѣе или менѣе усваиваютъ его одною памятью. Только лишь въ высшихъ классахъ гимназіи можетъ впервые идти рѣчь о самостоятельномъ сужденіи, ибо, какъ мы уже сказали, сужденіе безъ знанія тѣхъ вещей, о которыхъ судишь, будетъ являться, конечно, прямымъ противорѣчіемъ съ тѣмъ, что должно быть даваемо и поощряемо школою.

Школьное обученіе, исключая самостоятельную работу при писаніи сочиненій, при рѣшеніи математическихъ и иныхъ задачъ и т. п., въ сущности, зиждется на способности воспріятія, есть преимущественно только работа памяти. Поэтому, и въ данномъ случаѣ задача гигіены— сколь возможно болѣе заботиться о томъ, чтобы здоровое развитіе ея не нарушалось вслѣдствіе метода обученія.

Памятью обыкновенно злоупотребляютъ. Сегодня ребенокъ учи то, завтра или даже сегодня на слѣдующемъ урокѣ учи другое, и все съ благонамѣренной цѣлью закрѣпить знаніе. Чего онъ не вызубритъ хорошо, его заставляютъ учить, переписывать разъ, 3, 10 разъ; его для освѣженія памяти подвергаютъ наказаніямъ! Конечно, такая устарѣлая педагогика зиждется на совершенно ложныхъ представленіяхъ о природѣ памяти. Правда, намъ неизвѣстенъ еще процессъ, управляющій функціей памяти, однако мы знаемъ, что тончайшія нервныя волокна мозга играютъ при этомъ важную роль и что волокна эти не переносятъ того грубаго обращенія, какое приходится имъ терпѣть иногда въ области памяти.

До тѣхъ поръ, пока намъ приходится ограничиваться гипотезами и пока у насъ нѣтъ фактически противорѣчащихъ анатомическихъ или физіологическихъ наблюденій, мы склоняемся къ тому, чтобъ не допускать существованія мѣстнаго центра силы памяти, оптическаго или иного какого-либо, связаннаго съ чувственными впечатлѣніями «поля памятованія» (Erinnerungsfeld). Мы скорѣе считаемъ память не локализированною или сосредоточенною гдѣ-либо въ мозгу силою такъ, чтобы при рѣзко ограниченномъ болѣзненномъ разрушеніи этого спеціальнаго мѣста стало возможнымъ совершенное уничтоженіе силы памяти и вмѣстѣ съ тѣмъ невредимость всѣхъ прочихъ умственныхъ и душевныхъ силъ; напротивъ того, вполнѣ справедливо было-бы допустить, что, вслѣдствіе мѣстнаго заболѣванія и происходящаго оттого

разрушенія близлежащихъ ассоціаціонныхъ волоконъ, могутъ обнаружиться частичныя разстройства памяти съ едва, пожалуй, уловимыми или-же совсѣмъ неуловимыми разстройствами интеллекта.

Если мы къ этому добавимъ, что разнообразнымъ чувственнымъ и душевнымъ ощущеніямъ, какъ извѣстно, отвѣчаетъ иногда индивидуально весьма разнообразная способность воспоминанія и что чувственное ощущеніе способно вызывать и памятный образъ другого чувства, то такимъ образомъ мы хотя-бы поверхностно коснемся всѣхъ относящихся сюда фактовъ, важныхъ въ физіологическомъ отношеніи.

Чѣмъ новѣе, чѣмъ неожиданнѣе впечатлѣнія памяти, чѣмъ значительнѣе и живѣе вызываемыя ими интересъ и участіе, чѣмъ чувствительнѣе мы настроены и чѣмъ болѣе наклонны къ воспріятію впечатлѣній и чѣмъ доступнѣе для воздѣйствія на насъ внѣшнихъ вліяній, тѣмъ легче обыкновенно образуются въ насъ прочные образы воспоминанія. Уже тѣмъ однимъ, что въ поздніе годы обыкновенно уменьшается интересъ ко всему, отчасти легко объясняется ослабленіе памяти въ старости. Главную-же, впрочемъ, причину ослабленія съ лѣтами памяти всегда почти должно искать въ злоупотребленіи и антигигіеническомъ пользованіи ею въ юности и въ годы послѣдующей за ней жизни.

Далѣе, всѣмъ извѣстно наблюденіе, что память во всякомъ возрастѣ способна воспринимать лишь извѣстное количество матеріала. Если-же наваливать на нее сразу больше того, сколько она можетъ одолѣть, то рушится вся машина, орудующая образами воспоминанія, а съ тѣмъ вмѣстѣ нерѣдко гибнетъ и весь накопленный запасъ; часто не удерживается ею даже та доля, которая, будучи одна накопленною, могла-бы удержаться легко и вѣрно. Что при этомъ происходятъ въ мозгу извѣстныя анатомическія измѣненія, какъ, напр., растяженіе или разрывы нѣкоторыхъ тончайшихъ нервныхъ волоконъ, никто оспаривать не станетъ. Мы только не можемъ отдать себѣ въ этомъ отчетъ такъ строго, какъ, положимъ, въ случаяхъ болѣзненныхъ измѣненій, происходящихъ внутри глаза при насилованіи его работою вблизи. Конечно, и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ возможны исключенія. Не каждый глазъ, насилуемый работой, тотчасъ-же дѣлается близорукимъ: необходимо, кромѣ того, еще и наслѣдственное предрасположеніе. Равнымъ образомъ, и не всякая временно обремененная память немедленно становится болѣзненною и слабою. Вообще-же количество и качество матеріала, подлежащаго усвоенію, должны быть соразмѣрены тщательнѣйшимъ образомъ съ силами учащихся, потому что воспріемлющая способность повышается

или понижается въ строгой зависимости именно отъ степени правильной или неправильной соразмѣренности учебнаго матеріала т. е. въ одинаковомъ соотношеніи съ ложнымъ и вѣрнымъ соразмѣреніемъ его.

Есть дѣти, у которыхъ, повидимому, нѣтъ никакой памяти и у которыхъ тотчасъ-же все вывѣтривается, но есть, съ другой стороны, субъекты, обладающіе невѣроятною, по интензивности, памятью. Извѣстный примѣръ указываютъ на Моцартѣ, который 14-ти лѣтъ, прослушавъ въ Римѣ въ великій четвертокъ Miserere Аллегри, воспроизвелъ его цѣликомъ на память. Подобные-же примѣры на дѣтяхъ, дальнѣйшее развитіе которыхъ далеко не напоминаетъ Моцарта и которое даже, пожалуй, едва замѣтно превышаетъ средній уровень человѣческихъ способностей, встрѣчаются отнюдь нерѣдко. Поэтому въ данномъ случаѣ совсѣмъ нѣтъ нужды допускать какое-либо сверхъестественное дарованіе. Скорѣе можно предположить, что это именно отвѣчаетъ первоначально нормальному качеству всякаго хорошо организованнаго человѣческаго мозга, когда онъ съ самаго ранняго дѣтства счастливымъ образомъ и правильнымъ путемъ направляется къ извѣстной симпатичной цѣли, или-же, говоря точнѣе, когда онъ способенъ быть направляемымъ къ такой цѣли, или, наконецъ, когда онъ самъ собою дошелъ до ней.

Сообразно этому, и плохая память основывается не только на несовершенной организаціи извѣстныхъ частей мозга, но большею, даже, пожалуй, наибольшею частью должна быть объясняема неудачнымъ упражненіемъ ея въ ранней юности.

Безграничная почти воспріимчивость и прочность памяти въ годы дѣтства, съ одной стороны, и краткость жизни — съ другой должны были-бы служить серьезнымъ предостереженіемъ тому, чтобъ не обременять дѣтскую память, особенно такими вещами, которыя недоступны пониманію ребенка и которыя не могутъ быть ассоціируемы съ имѣющимися уже до того въ памяти, и чтобы ничто не заучивалось наизусть, какъ говорится, «in futuram oblivionem»—только лишь для «укрѣпленія памяти» или въ цѣляхъ будущаго такъ-называемаго «формальнаго развитія». Этимъ способомъ память нельзя «укрѣпить». Крѣпость памяти, если можно такъ выразиться, заключается собственно въ качествѣ воспринятаго и въ его правильномъ упорядоченіи и переплетеніи съ прочимъ матеріаломъ для памяти, но она не заключается въ способности въ короткое время воспринять много и тотчасъ-же все это снова забыть (Prädiger-Gedächtniss, память проповѣдника).

Говорятъ, что отъ частаго повторенія образы воспоминанія могутъ

глубже, тверже и прочнѣе запечатлѣваться въ памяти, однако и это правило далеко не изъято отъ исключеній. Случается, что послѣ многихъ повтореній не обнаруживается никакого образа воспоминанія, или-же образъ этотъ по обнаруженіи все болѣе и болѣе блѣднѣетъ. За-то и наоборотъ, случается, что вещи полузабытыя или даже совершенно забытыя всплываютъ вдругъ наружу и какъ-бы безо всякаго видимаго повода. Вообще повтореніе видѣннаго, слышаннаго и т. д. не въ состояніи само по себѣ закрѣпить образъ воспоминанія; тутъ еще не хватаетъ чего-то. Тутъ нужно нѣчто душевное, чтобъ оплодотворить повтореніе, чтобъ сдѣлать его способнымъ вызвать къ жизни образъ и закрѣпить въ памяти. Да, чѣмъ болѣе память воспринимаетъ, тѣмъ явственнѣе и прочнѣе становится образъ даже и безъ повторенія.

Главное, слѣдовательно, заключается въ той связи, въ какой мы можемъ воспринятое сопоставить съ другимъ воспринятымъ. Образъ воспоминанія, не связанный «нитями мыслей» съ тѣми или другими представленіями и не связанный въ особенности съ тѣми изъ нихъ, которыя намъ пріятны, которыя насъ интересуютъ, — такой образъ обыкновенно непроченъ; онъ скоро забывается.

Память не укрѣпляется, а разрушается отъ бездушнаго зубренья.

Иной разъ кажется, что по мѣрѣ накопленія свѣдѣній теряется способность удержанія ихъ въ памяти. На основаніи этого можно было-бы подумать, что образы воспоминаній представляютъ точно нѣчто вѣсомое и что въ головѣ человѣка можетъ умѣститься лишь опредѣленное ихъ количество. Однако, опытъ показываетъ противное. Примѣры другого рода могутъ, въ свою очередь, говорить за то, что съ количествомъ воспринятаго повышается и способность къ большему еще воспринятію. Память походитъ на обширную библіотеку, въ которой она, какъ библіотекарь, держитъ все въ должномъ порядкѣ. Что толку было-бы во всемъ нашемъ знаніи, во всемъ богатствѣ памяти, если-бы то, чего мы ищемъ, отсутствовало, или могло быть отыскиваемо только послѣ долгихъ напрасныхъ стараній.

Авторъ «философіи безсознательнаго», Э. Ф. Гартманъ говоритъ весьма справедливо: «Въ мышленіи все клонится къ тому, чтобъ у человѣка въ соотвѣтственный моментъ было соотвѣтственное представленіе». Иными словами выходитъ: наши образы воспоминаній должны быть такъ упорядочиваемы и усвояемы, чтобы выступали сами собою, лишь только по связи идей требуется или оказывается желательнымъ ихъ проявленіе. Однако произойти это можетъ только въ томъ случаѣ, если упорядоченіе ихъ совершается съ самаго

начала въ правильной связи и по правильнымъ принципамъ. Весь матеріалъ для мышленія легче всего обнаруживается тѣми путями, какими онъ и попалъ въ сокровищницу памяти.

Найти субъективно-вѣрные принципы упорядоченія есть, разумѣется, дѣло самого человѣка. Прочное ассоціированіе усвояемаго при первоначальномъ обученіи можетъ ему, впрочемъ, значительно облегчить трудъ, такъ точно, какъ, съ другой стороны, безсвязность, дробленіе и изолированіе учебныхъ предметовъ безконечно затрудняетъ, даже дѣлаетъ невозможною правильную работу памяти для юнаго еще, совершенно неопытнаго питомца. Non multum sed multa, не чрезмѣрное количество свѣдѣній, но только безпорядочное и безсвязное ихъ многоразличіе приводитъ собственно къ обремененію памяти.

Дѣтская память особенно воспріимчива; воспринятое въ дѣтствѣ отзывается на всю послѣдующую жизнь человѣка *). Вотъ почему такое существенное значеніе имѣетъ осторожное и толковое обращеніе съ этою важнѣйшею изо всѣхъ умственныхъ способностей въ ранніе годы жизни.

Другая часть задачи, лежащая на школѣ, состоитъ въ воспитаніи.

Ученіе и воспитаніе—двѣ весьма различныя вещи. Ученіе имѣетъ преимущественно отношеніе къ памяти и должно заботиться о томъ, чтобъ не навязывать дѣтской памяти ни слишкомъ много, ни, равно, слишкомъ мало; не навязывать ничего недоступнаго дѣтскому пониманію, а главное—ничего безсвязнаго. Воспитаніе-же имѣетъ дѣло съ совершенно другимъ родомъ дѣятельности; всякое воспитаніе есть собственно лишь самовоспитаніе, которымъ, конечно, можно руководить, но которому нельзя учить или приказывать. Ученіе можно сравнить съ заботою, какую садовникъ прилагаетъ къ почвѣ, изъ которой корни его растеній и деревья извлекаютъ нужную имъ пищу; воспитаніе-же уподобляется дальнѣйшему уходу садовника, когда онъ заботится объ успѣшномъ возрастаніи и развитіи растенія, устраняетъ встрѣчающіяся имъ препятствія, предоставляя въ то-же время дальнѣйшій ростъ и развитіе ему самому и дѣйствію солнца. Всякое дѣйствительное воспитаніе, повторяемъ, есть ничто иное, какъ самовоспитаніе: испытаніе собственныхъ силъ въ противоположность силамъ противодѣйствія окружающей среды. Всякій другой родъ такъ-называемаго воспитанія есть только дрессировка. «Воспитать» и «мочь» суть по-

*) Natura tenacissimi sumus eorum, quae rudibus annis percepimus (что выучиваемъ мы въ юные годы, то лучше всего удерживается въ памяти). Квинтиліанъ.

нятія соотносительныя. Умѣнье пріобрѣтается только путемъ самовоспитанія и самодѣятельности, но отнюдь не посредствомъ простого ученья. Знать и мочь — вотъ конечная цѣль школы. Вопросъ о школьной реформѣ долженъ-бы былъ направляться не только къ пріобрѣтенію прочныхъ многознаній, но еще гораздо болѣе къ пріобрѣтенію умѣній.

Нѣмецъ-учитель, по словамъ извѣстнаго педагога Визе, говоритъ ученику: «слушай, что̀ я говорю»; учитель-англичанинъ, наоборотъ, «смотри, что̀ я дѣлаю». Англійское воспитаніе, поэтому, по мнѣнію его, дѣйствительнѣе нѣмецкаго: оно лучше вооружаетъ для жизни. Но что̀ же означаетъ это лучшее вооруженіе, если не сообщеніе умѣнья? Нѣмецъ-учитель знай-себѣ учитъ, преподаетъ, и не думаетъ о томъ, что всякое умѣнье можетъ быть добыто только самостоятельною дѣятельностью, но не ученіемъ и преподаваніемъ.

Остановимся, для примѣра, хотя-бы на письменныхъ упражненіяхъ въ стилѣ по древнимъ языкамъ. Пріобрѣтенію ловкости въ обращеніи съ языкомъ, а объ руку съ тѣмъ и сознательному уясненію его себѣ, можно содѣйствовать только самостоятельнымъ трудомъ. Въ Англіи требуютъ отъ учениковъ даже поэтическихъ упражненій въ чуждыхъ языкахъ. Какъ-бы ни былъ ученикъ до школы настроенъ непоэтически, ему во всякомъ случаѣ не слѣдовало-бы дозволять попытокъ выражаться въ стихахъ, какъ на древнихъ, такъ и на родномъ языкѣ, хотя-бы это и имѣло цѣлью пріучить ученика къ пониманію мѣры собственныхъ силъ и къ болѣе правильной оцѣнкѣ успѣховъ товарищей. Вообще, знакомство съ древнеклассической метрикой и просодіей слѣдовало-бы по справедливости признать пустымъ и негоднымъ балластомъ для памяти. Гораціовыхъ одъ и цицероновской латыни не должно требовать отъ учениковъ. Отчего начинающимъ учиться латинскому или греческому языку тотчасъ-бы не давать—устно или письменно, все равно—составлять маленькія предложенія и испытывать силы на мелкихъ работахъ, хотя-бы лексиконъ ихъ и не былъ еще великъ? Тогда ученики сами увидали-бы, чего у нихъ не хватаетъ, и, пожалуй, работали-бы съ большимъ удовольствіемъ и съ живѣйшимъ интересомъ, вмѣсто того, чтобъ вѣчно только слушать, что̀ имъ говорятъ. Но такого рода работы относятъ, по теперешнимъ обычаямъ, въ разрядъ «домашнихъ занятій», за совершенное упраздненіе которыхъ мы равнымъ образомъ подаемъ нашъ голосъ. Для чего, спрашивается, работы эти исключаютъ изъ школы и переносятъ въ семью? Развѣ самостоятельныя работы не могутъ точно такъ-же, и даже лучше, исполняться въ школѣ, гдѣ

учитель—въ случаѣ нужды—имѣется на-готовѣ и можетъ ежеминутно придти на помощь, вмѣсто того, чтобы дома, волей-неволей, обращаться къ старшимъ братьямъ или сестрамъ, къ отцу или матери? Будучи перенесена въ школу (которой она собственно и принадлежитъ), «домашняя работа» распредѣлялась-бы лучше и равномѣрнѣе, такъ какъ обусловливала-бы и одинаковые ея сроки. Въ одинъ и тотъ-же срокъ, напр., въ одинъ часъ, способный ученикъ сдѣлаетъ количественно болѣе, слабый гораздо менѣе, но за-то обремененіе работой отдѣльныхъ учениковъ станетъ отъ того равномѣрнѣе, тогда какъ при одинаковыхъ домашнихъ занятіяхъ слабый ученикъ принужденъ недостатокъ своихъ силъ возмѣщать удлиненіемъ потребляемаго на работу времени, и потому будетъ гораздо сильнѣе обремененъ, чѣмъ ученикъ болѣе одаренный, быстрѣе работающій. Благодаря перенесенію такъ-называемыхъ домашнихъ работъ въ стѣны школы, весь вопросъ о переутомленіи сразу сошелъ-бы со сцены или, наче говоря, онъ сразу могъ-бы быть урегулированъ, и урегулированъ именно самими учителями.

Конечно, сами учителя при такихъ условіяхъ оказались-бы нѣсколько болѣе обремененными, чѣмъ теперь, поэтому увеличеніе окладовъ содержанія явилось-бы неизбѣжнымъ... Затѣмъ, спрашивается, къ чему собственно строимъ мы новые школьные дворцы и вводимъ всевозможныя цѣлесообразныя приспособленія, когда самыя важныя школьныя работы, т.-е. тѣ, которыя требуютъ самодѣятельности со стороны ученика, заставляемъ выполнять въ рабочихъ помѣщеніяхъ родительскаго дома, во всѣхъ отношеніяхъ гораздо хуже обставленныхъ? Наконецъ, вслѣдствіе описываемыхъ порядковъ совершенно пропадаетъ возбуждающее (поощрительное) вліяніе совокупной работы, а это вѣдь составляетъ далеко немаловажную и, конечно, не нездоровую форму самостоятельнаго умственнаго напряженія.

Относительно математики равнымъ образомъ можно сказать, что воспитаніе въ математическомъ мышленіи существенно могло-бы быть облегчено, если-бы домашнія занятія были перенесены въ стѣны школы. Во всей области школьнаго обученія и школьнаго воспитанія наибольшую важность и наибольшую неизбѣжность имѣетъ самостоятельная работа именно въ математикѣ. Обученіе должно-бы было, въ сущности, вестись такимъ образомъ, чтобы ученикъ давно изобрѣтенное какъ-бы съизнова открывалъ подъ руководствемъ учителя; чтобы онъ долголѣтнюю работу изобрѣтателя, со всѣми сопричастными дѣлу ошибками, продѣлывалъ самъ еще разъ подъ руководствомъ учителя.

Проф. Цэендеръ не думаетъ, чтобы лучшихъ результатовъ по занятіямъ въ математикѣ можно было достигнуть только путемъ увеличенія часовъ занятій. Многія гимназіи, при одномъ и томъ-же, не увеличенномъ количествѣ часовъ достигаютъ того, что молодые люди кончаютъ въ нихъ курсъ съ вполнѣ удовлетворительной подготовкой по математикѣ. Въ этой отрасли знаній суть состоитъ не столько въ томъ, чтобъ много знать (много выучить на память), сколько въ томъ, чтобъ дѣльно воспользоваться извѣстнымъ, хотя-бы и ограниченнымъ математическимъ запасомъ знаній, вполнѣ овладѣть имъ; слѣдовательно, чтобы добиться возможности рѣшать всѣ задачи, заключающіяся въ предѣлахъ этого запаса, и притомъ рѣшать ловко, легко и съ полной увѣренностью.

Правильное математическое мышленіе должно и можетъ начинаться уже при первыхъ и простѣйшихъ вычисленіяхъ сложенія и умноженія; путемъ-же заучиванія наизусть оно не развивается ни малѣйшимъ образомъ, хотя-бы захотѣли пожертвовать на него вдвое или втрое болѣе часовъ противъ теперешняго.

Если-бы высказываемый здѣсь взглядъ былъ невѣренъ, то, конечно, невозможно было-бы ставить бóльшія требованія, не увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ и переутомленія; а равно невозможно было-бы и при непониженныхъ требованіяхъ устранить переутомленіе. Предъявляемыя школою требованія и переутомленіе находились-бы въ состояніи полнаго равновѣсія, такъ что малѣйшее отягощеніе съ одной стороны тотчасъ-же вело-бы непосредственно къ повышенію съ другой. Стремленіе, съ одной стороны, удержаться на томъ уровнѣ образованія, какой дается настоящими гимназіями, а съ другой стороны естественное стремленіе пещись о тѣлесной силѣ и здоровьѣ націи съ ранняго дѣтства и способствовать ихъ процвѣтанію—находились-бы поэтому въ непримиримомъ противорѣчіи между собою, и всякая попытка найти равновѣсіе была-бы тщетной. Къ счастью, однако, высказанный здѣсь взглядъ совершенно правиленъ, и можно быть увѣреннымъ, что большинство людей, съ нимъ несогласныхъ, въ сущности, его раздѣляетъ, или-же уклоняется отъ него лишь въ мелочахъ.

Въ заключеніе проф. Цэендеръ касается вопроса о предотвращеніи безпощаднаго расточенія рабочей силы учениками при обращеніи съ объемистыми лексиконами. Такіе лексиконы—достояніе ученыхъ, а не учениковъ. Не лучше-ли было-бы, еслибъ учитель избавилъ учениковъ отъ выписыванія словъ на дому и объяснялъ-бы имъ самъ каждое новое слово? Живая рѣчь дѣйствуетъ сама по себѣ внуши-

тельнѣе, чѣмъ тягостная возня съ толстѣйшимъ словаремъ, да и учитель могъ-бы въ такомъ случаѣ съ большимъ правомъ требовать, чтобы каждое объясненное имъ слово не забывалось снова или, по крайней мѣрѣ, не такъ легко, какъ это дѣлается теперь *). Съ гигіенической точки зрѣнія слѣдуетъ, кромѣ того, настаивать на упраздненіи большихъ словарей еще и потому, что всѣ они, безъ исключенія, ради экономіи на цѣнѣ и бумагѣ, печатаются плохо, не говоря уже о томъ, что многочисленныя сокращенія и различные значки, образуютъ, въ свою очередь, родъ маленькаго словаря. Не забывая, что словари обыкновенно печатаются на дурной бумагѣ и мелкимъ компактнымъ шрифтомъ, надо прибавить, что тревожное перебѣганье со страницы на страницу въ лексиконѣ несравненно вреднѣе для глазъ, особенно для близорукихъ, нежели спокойное чтеніе книги, даже отличающейся одинаковыми съ лексикономъ типографскими недостатками. Наконецъ, если-бы, въ виду важности самодѣятельности ученика, считалось необходимымъ пріученіе его къ обращенію съ толстыми словарями, то на это можно возразить, что искусство обращаться со словаремъ дается безъ особеннаго труда и что въ наше время, когда энциклопедическій лексиконъ сталъ книгою книгъ, получается полная возможность къ постоянному ежедневному обращенію съ словарями.

А. Виреніусъ.

---

*) Вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ проф. Цэендера о непроизводительности работы, связанной съ самостоятельнымъ отыскиваніемъ словъ по лексикону учениками младшихъ и среднихъ классовъ,—работы, поглощающей безъ крайней надобности много времени, мы полагаемъ однако-жъ, что отъ учениковъ старшаго возраста можно и должно требовать умѣнья самостоятельно пользоваться словаремъ и находить для каждаго неизвѣстнаго ученику слова наиболѣе подходящее къ данному тексту значеніе его. *Ред.*

Вопросъ о приготовленіи преподавателей для гимназій.

Въ петербургскомъ педагогическомъ мірѣ много толковъ по вопросу о приготовленіи гимназическихъ учителей, снова возбужденному въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Возбужденъ этотъ вопросъ проектомъ объ учрежденіи педагогической семинаріи или педагогическаго института, недавно обсуждавшемся въ Ученомъ Комитетѣ Министерства.

Безспорно, вопросъ о средствахъ приготовленія хорошихъ учителей—очень важный вопросъ во всякомъ государствѣ, которое желаетъ имѣть у себя хорошо поставленныя школы, правильно организованное и успѣшное преподаваніе. Да онъ и не первый разъ возбуждается въ Россіи. Напротивъ, онъ возбуждался у насъ много разъ и много разъ рѣшался, хотя обыкновенно не надолго, требуя для себя все новаго и новаго рѣшенія. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ былъ закрытъ Главный Педагогическій Институтъ, въ теченіе тридцати лѣтъ поставлявшій учителей въ гимназіи и частью въ городскія училища на всю Россію, и былъ замѣненъ педагогическими курсами, имѣвшими въ теченіе шести лѣтъ болѣе номинальное, чѣмъ дѣйствительное существованіе, хотя они и были разомъ открыты въ пяти университетскихъ городахъ: въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Казани и Кіевѣ. Полная неудача этого послѣдняго учрежденія, заставившая въ первые-же годы его существованія пожалѣть о закрытіи Главнаго Педагогическаго Института, и настоятельная нужда въ учителяхъ для гимназій, число которыхъ въ то время постоянно увеличивалось, привела къ нѣкоторому возстановленію покойнаго Педагогическаго Института, хотя въ другомъ видѣ и подъ другимъ названіемъ. 27 іюня 1867 года состоялось Высочайшее повелѣніе объ открытіи, взамѣнъ этихъ курсовъ, Историко-филологическаго Института въ Петербургѣ. Хотя самое названіе этого института показываетъ, что онъ учрежденъ былъ только для приготовленія преподавателей по предметамъ историко-филологическимъ, т.-е. для образованія учителей древнихъ язы-

ковъ, всеобщей и русской исторіи, русскаго языка и словесности (тогда какъ бывшій Главный Педагогическій Институтъ давалъ учителей по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса), но вскорѣ оказалось, что новый институтъ былъ не въ состояніи доставлять и въ этой сферѣ потребнаго количества преподавателей, въ особенности по древнимъ языкамъ, и Министерство Народнаго Просвѣщенія принуждено было прибѣгать къ другимъ мѣрамъ, чтобы замѣщать преподавательскія должности. Когда, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, была проведена реформа гимназій въ смыслѣ усиленной классической школы, то недостатокъ учителей древнихъ языковъ былъ такъ великъ, что, не довольствуясь приглашеніемъ массы учителей изъ-за границы, преимущественно изъ западно-славянскихъ земель *), Министерство Народнаго Просвѣщенія сочло нужнымъ рѣшиться на крайнюю мѣру—на открытіе (1873 г.) русской филологической семинаріи за границей, именно въ Лейпцигѣ, а затѣмъ (1875 г.) и другого Историко-филологическаго Института—въ Нѣжинѣ. Этихъ учрежденій, вмѣстѣ съ университетами, питомцы которыхъ, идущіе по историко-филологическому факультету, также ищутъ большею частью преподавательской карьеры, оказалось, наконецъ, достаточно для доставленія нужнаго персонала къ замѣщенію учительскихъ должностей въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ по предметамъ словеснымъ и историческимъ (въ учителяхъ по математикѣ, физикѣ и естественной исторіи недостатка не чувствовалось), а въ восьмидесятыхъ годахъ, когда оказалось, что нѣтъ надобности открывать новыя гимназіи, даже почувствовался въ приготовленномъ учительскомъ персоналѣ избытокъ. Тогда было рѣшено закрыть только-что преобразованную въ институтъ лейпцигскую семинарію, которая къ началу девяностыхъ годовъ и прекратила свое существованіе.

Теперь изъ заведеній, имѣющихъ прямое назначеніе приготовлять учителей для гимназій, остаются лишь два историко-филологическихъ института—Петербургскій и Нѣжинскій. Собственно говоря, недостатка въ кандидатахъ на учительскія должности, и при существованія однихъ этихъ учрежденій, въ настоящее время нѣтъ: напротивъ, и теперь еще чувствуется въ нихъ избытокъ, отзывающійся невыгодно на молодыхъ людяхъ, получающихъ филологическое и историческое образованіе въ университетахъ съ цѣлью посвятить себя со временемъ

*) Съ 1866 по 1871 годъ болѣе 100 славянъ поступило на русскую службу въ качествѣ преподавателей (См. «Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи» Шмидта, стр. 546).

преподавательской дѣятельности. Избытокъ этотъ происходитъ отъ того, что новыхъ гимназій не открывается, а скорѣе даже происходитъ ихъ сокращеніе. Въ связи съ недостаткомъ преподавательскихъ мѣстъ въ гимназіяхъ, въ свою очередь, стоитъ и видимое уменьшеніе въ послѣдніе годы числа студентовъ не только на историко-филологическихъ факультетахъ, но и въ самихъ историко-филологическихъ институтахъ. При такомъ положеніи вещей, если только предположить, что оно не измѣнится въ ближайшемъ будущемъ, было бы, повидимому, странно думать объ открытіи новаго педагогическаго заведенія съ названіемъ-ли семинаріи, или института. Но проектъ, о которомъ идетъ рѣчь, выходитъ изъ той мысли, что историко-филологическіе институты, какъ Петербургскій, такъ и Нѣжинскій, не удовлетворяютъ своему назначенію. Въ немъ даже прямо говорится слѣдующее: «Въ большинствѣ случаевъ ихъ питомцы не имѣютъ достаточнаго научнаго образованія для высшихъ классовъ гимназій, и никто до сихъ поръ не заявилъ себя настоящимъ педагогомъ и двигателемъ нашего учебно-воспитательнаго дѣла».

Авторъ проекта полагаетъ, что вмѣсто этихъ институтовъ, а до поры до времени и рядомъ съ ними, лучше всего *избрать* «образцовую» гимназію, при которой-бы получали не только практическую, но и теоретическую подготовку будущіе учителя гимназій, и которая должна сдѣлаться со временемъ мѣстомъ педагогической выправки преподавателей не только во всѣхъ гимназіяхъ, но и во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи. Я не считаю себя въ правѣ входить въ подробности проекта, еще обсуждающагося въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія и уже значительнымъ образомъ видоизмѣненнаго въ томъ учрежденіи, гдѣ онъ разсматривался, и не обнародованнаго въ общее свѣдѣніе. Но въ виду пользы, какая можетъ быть принесена дѣлу отечественнаго образованія печатнымъ обсужденіемъ вопроса о приготовленіи учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, нахожу не лишнимъ высказать по этому поводу нѣкоторыя соображенія.

Всякій проектъ, стремящійся на мѣсто стараго поставить новое, исходитъ изъ мысли, что предлагаемое имъ есть нѣчто болѣе совершенное, чѣмъ то, что̀ имъ отмѣняется. Иначе и не должно быть. Было-бы болѣе чѣмъ странно предлагать то, что̀, даже по мысли автора проекта, улучшить существующаго не можетъ и даже носитъ въ себѣ опасность привести къ худшему. Между тѣмъ, какъ часто бываетъ, что новыя учрежденія оказываются хуже старыхъ и требуютъ скорой замѣны ихъ другими! Это достаточно показала и исторія нашихъ учрежденій, создававшихся въ видахъ приготовленія преподавателей.

Мы видѣли, какъ по закрытіи Главнаго Педагогическаго Института, тридцать лѣтъ дававшаго преподавателей не только въ среднія, но отчасти въ низшія и въ высшія учебныя заведенія, сталъ быстро ощущаться недостатокъ въ гимназическихъ преподавателяхъ, и какъ создававшіяся одно за другимъ учрежденія были долго не въ состояніи пополнить пробѣла, оставленнаго въ нашемъ образованіи исчезновеніемъ Главнаго Педагогическаго Института. Созданные взамѣнъ его педагогическіе курсы, отъ которыхъ создатели ихъ такъ многаго ожидали, не привели ровно ни къ чему и оставили Россію безъ учителей въ такое время, когда она стала въ нихъ особенно нуждаться, такъ что надобно было прибѣгнуть къ выпискѣ массами учителей изъ заграницы, что было, безъ сомнѣнія, совсѣмъ нежелательнымъ фактомъ въ недавней исторіи нашего образованія,—фактомъ, неблагопріятные плоды котораго наша средняя школа не перестаетъ пожинать и до настоящей минуты. Даже учрежденіе историко-филологическихъ институтовъ не могло исправить ошибки конца пятидесятыхъ годовъ: вообще въ дѣлѣ образованія гораздо легче разрушать, чѣмъ создавать: ingenia studiaque oppresseris facilius, quam revocaveris, какъ говорится у Тацита. Вотъ чего никогда не должны упускать изъ вида составители проектовъ, направленныхъ къ закрытію тѣхъ или другихъ учебныхъ заведеній и къ замѣнѣ ихъ другими! Учебныя заведенія отъ времени до времени нуждаются въ преобразованіяхъ, но и эти преобразованія всегда надобно производить не только умѣлою, но и очень осторожною рукою. Иногда все преобразованіе должно заключаться лишь въ перемѣнѣ администраціи и въ качественномъ усиленіи преподавательскаго персонала, и этого бываетъ нерѣдко достаточно, чтобы захирѣвшее-было заведеніе зажило новою и цвѣтущею жизнью. Старыя англійскія граматическія школы существуютъ съ конца среднихъ вѣковъ и не перестаютъ давать образованныхъ людей самой могучей націи въ Европѣ. Германскіе университеты въ большинствѣ случаевъ существуютъ нѣсколько столѣтій и служатъ въ наше время самыми цвѣтущими разсадниками высшаго образованія въ средѣ европейскихъ народовъ. Уничтоженіе Наполеономъ I старыхъ университетскихъ корпорацій во Франціи принесло образованію этой передовой страны Европы вредъ непоправимый, хотя оно и вызывалось общей реформой ея государственнаго строя, и теперь приходится французамъ возвращаться къ соединенію факультетовъ въ университеты, какъ къ мѣрѣ, долженствующей непремѣнно поднять въ странѣ уровень высшаго образованія. Такъ и у насъ нужно было въ свое время одно обновить, другое усилить, третье прибавить въ Глав-

номъ Педагогическомъ Институтѣ, и мы до сихъ поръ владѣли-бы удовлетворительнымъ спеціальнымъ учрежденіемъ для приготовленія гимназическихъ учителей, какъ Франція владѣетъ своей École normale supérieure, доставляющей ея лицеямъ хорошо подготовленныхъ преподавателей, французской наукѣ хорошихъ работниковъ, французской литературѣ выдающихся писателей.

Что такая важная обязанность, какова обязанность наставника подростающихъ поколѣній, требуетъ спеціальной подготовки, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Да и нельзя сказать, чтобъ сознаніе этой потребности прежде было чуждо руководителямъ русскаго просвѣщенія. Забота о средствахъ приготовленія учителей была знакома еще Петру Великому, который возлагалъ эту задачу на учреждавшуюся имъ академію наукъ. Екатерина II нарочно выписала изъ Венгріи извѣстнаго педагога, директора народныхъ училищъ въ Темешварскомъ уѣздѣ, Янковича де-Миріево, въ Россію, съ цѣлью нетолько заведенія у насъ народныхъ школъ, но и приготовленія для нихъ учителей. Тогда-же образовалась въ Петербургѣ, по указу 9-го іюня 1783 г., первая въ Россіи педагогическая семинарія подъ названіемъ: *Главное народное училище*, выдѣлившее изъ себя черезъ три года *учительскую семинарію*, которая въ качествѣ закрытаго педагогическаго заведенія, предшественника Педагогическаго института, существовала до первыхъ лѣтъ царствованія императора Александра I. При этомъ государѣ было обращено особое вниманіе на приготовленіе учителей для гимназій, замѣнившихъ собой Екатерининскія главныя народныя училища. Преобразованной въ 1803 г. академіи наукъ, Московскому университету, а равно и предполагаемымъ къ открытію университетамъ Харьковскому и Казанскому предписывалось имѣть учительскіе или педагогическіе институты, каковая обязанность была включена и въ одинъ изъ параграфовъ университетскаго устава 1804 года. Между тѣмъ, еще до изданія этого устава была принята важная мѣра: Министръ Народнаго Просвѣщенія графъ П. В. Завадовскій получилъ 20-го мая 1803 г. Высочайшее позволеніе на открытіе въ Петербургѣ *учительской гимназіи*, которая черезъ годъ (16-го апрѣля 1804 г.) была переименована въ *Педагогическій институтъ*. Это было уже вполнѣ и на хорошую ногу организованное заведеніе для приготовленія учителей, хотя оно и было первоначально устроено въ видѣ отдѣленія университета, который предполагалось открыть въ Петербургѣ въ одно время съ Харьковскимъ и Казанскимъ университетами. Но такъ какъ Петербургскій институтъ продолжалъ существовать какъ отдѣльное учреж-

деніе и былъ лучше устроенъ, чѣмъ Педагогическіе институты при университетахъ, то его еще въ 1816 г. переименовали въ Главный Педагогическій институтъ, обязанностью котораго было поставлять хорошо приготовленныхъ преподавателей во всѣ учебныя заведенія Россіи, находящіяся въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, не исключая и частныхъ учебныхъ заведеній или пансіоновъ. Но этотъ институтъ, который еще въ первый свой періодъ сталъ давать не только учителей для гимназій, но и профессоровъ для университетовъ, не есть тотъ Главный Педагогическій институтъ, который безъ достаточной причины покончилъ свое существованіе въ 1859 году. Институтъ, о которомъ теперь у насъ идетъ рѣчь, былъ, по проекту тогдашняго попечителя графа С. С. Уварова, въ 1819 году преобразованъ въ С.-Петербургскій университетъ. Но вскорѣ стали находить, что преобразованіе Главнаго Педагогическаго института въ университетъ не закрыло собой потребности въ особомъ высшемъ спеціальномъ учрежденіи для образованія педагоговъ, и Главный Педагогическій институтъ въ 1828 г. (указомъ 30-го сентября) былъ возстановленъ вмѣстѣ со вторымъ его разрядомъ (устроеннымъ въ 1817 г.), имѣвшимъ назначеніе приготовлять преподавателей для городскихъ училищъ. О томъ, что̀ слѣдовало за закрытіемъ этого высшаго разсадника педагогическаго образованія въ Россіи, мы говорили выше.

Такимъ образомъ, начиная съ Петра Великаго до нашихъ дней не прекращались правительственныя заботы объ учрежденіи заведеній, откуда выходили-бы надлежащимъ образомъ подготовленные преподаватели въ отечественныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Но только лица, въ рукахъ которыхъ находилась судьба нашихъ учебныхъ заведеній, никакъ не могли отыскать такого типа педагогическаго учрежденія, на которомъ-бы можно было окончательно остановиться. Учительскія семинаріи, учительскія гимназіи, педагогическіе институты открывались, закрывались, преобразовывались въ другія заведенія, снова открывались, снова закрывались и замѣнялись новыми, часто совсѣмъ къ дѣлу не подходящими. Нельзя не видѣть, что во многихъ случаяхъ тутъ дѣйствовали на авось, т.-е. не имѣя ни ясно сознанной цѣли, ни твердо установившагося плана, ни руководящаго принципа, ни, наконецъ, надлежащаго знакомства съ опытомъ другихъ народовъ въ томъ-же дѣлѣ. Поэтому невольно рождается вопросъ: то, что̀ предлагается проектомъ, недавно обсуждавшимся въ Ученомъ Комитетѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія, имѣетъ-ли болѣе прочные устои, чѣмъ многочисленные проекты, столько разъ

приводившіеся въ исполненіе какъ-бы лишь для того, чтобы въ скоромъ времени вызвать новые проекты съ новыми планами, которые, по осуществленіи ихъ, оказывались также малосостоятельными? Въ чемъ сила этого проекта? Что̀ даетъ увѣренность въ томъ, что предлагаемая имъ «образцовая» гимназія, при которой должны получать педагогическое образованіе будущіе учителя, и есть именно то учрежденіе, котораго намъ недоставало и которое обезпечитъ наши среднія школы хорошими преподавателями?

Авторъ проекта, какъ все заставляетъ думать, получилъ свое вдохновеніе изъ книжки *) гиссенскаго профессора педагогики Германа Шиллера, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть директоръ гимназіи и состоящей при ней педагогической семинаріи. Книжка, безспорно, хорошая, и знакомство съ ней для всякаго, трактующаго о данной матеріи, обязательно. Тамъ проф. Шиллеръ разсказываетъ не только о томъ, какъ приготовленіе учителей велось и ведется въ Германіи, но и разбираетъ разныя мнѣнія нѣмецкихъ педагоговъ относительно того, какая система образованія будущихъ учителей предпочтительнѣе—университетская-ли (Seminarien in Verbindung mit der Universität), или гимназическая (Seminarien nach der Universitätszeit). Та и другая система находится въ настоящее время въ Германіи въ дѣйствіи. Профессоръ Шиллеръ отдаетъ предпочтеніе гимназической (такъ будемъ называть ее для краткости) системѣ, съ которою онъ связанъ и собственнымъ опытомъ. Въ педагогической семинаріи, состоящей при гимназіи, долженъ кандидатъ на учителя дополнить свое университетское образованіе, получить спеціально педагогическое образованіе въ теоріи, тамъ-же долженъ образоваться педагогически и на практикѣ. Но и въ самой Германіи эта система—все-таки новая, только еще завоевывающая себѣ почву, поэтому еще возбуждающая много возраженій, и если она находитъ себѣ въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ признаніе, такъ что можетъ въ нихъ **) утвердиться окончательно, то и тамъ встрѣчаетъ противъ себя, по словамъ самого г. Шиллера, «широко распространившееся мнѣніе, что соединеніе семинаріи съ учебнымъ заведеніемъ не должно быть *постояннымъ*, а должно зависѣть, главнымъ образомъ, отъ *личныхъ условій*» (стр. 126). Это значитъ: хорошъ директоръ гимназіи, которому ввѣрено руководство находящейся при ней семинаріей, обла-

---

*) Pädagogische Seminarien für den höheren Lehramt. Geschichte und Erfahrung. Von *Dr. Herman Schiller*. Leipzig, 1890. 168 стран. текста.

**) Самъ Шиллеръ указываетъ именно на Гессенъ и Пруссію.

даетъ нужными для такого важнаго дѣла, какъ образованіе учителей, качествами, хорошъ составъ преподавателей въ его гимназіи, можетъ этотъ составъ служить образцомъ для молодыхъ педагоговъ,—можно оставить при ней педагогическую семинарію, а если *личныхъ* условій, этихъ persönnliche Vorbedingungen, какъ это лучше выражается по нѣмецки, нѣтъ, то и возлагать на такую «образцовую» гимназію приготовленіе преподавателей было-бы напрасно. Г. Шиллеръ считаетъ этотъ взглядъ «устарѣвшимъ», но такъ-ли это? Тамъ, гдѣ все зависитъ отъ *личнаго* руководства, отъ *личныхъ* примѣровъ, тамъ, гдѣ рѣшаетъ вопросъ о педагогическомъ образованіи, о годности быть хорошимъ учителемъ не столько преподанная будущему педагогу теорія, которая сама по себѣ можетъ быть превосходною, сколько практика, которую онъ долженъ себѣ усвоить отъ живыхъ людей и проявить такъ, какъ его тому научили, личность директора, личность руководящаго практически персонала необходимо, и притомъ въ величайшей степени, должна обусловливать достоинство педагогическаго учрежденія.

Нельзя не удивляться, что авторъ проекта, имѣющій, по видимому, вообще къ нѣмецкимъ порядкамъ нѣкоторое пристрастіе, присталъ именно къ этому типу педагогическаго учрежденія, къ типу столь шаткому, столь мало испытанному, еще не установившемуся въ самой Германіи. Онъ забылъ и о томъ, что если какое-нибудь учрежденіе, не смотря на свою новизну и недостаточную установленность, можетъ дѣйствовать съ успѣхомъ въ какомъ-либо опредѣленномъ мѣстѣ, то это еще не даетъ никакого ручательства въ томъ, что оно хорошо будетъ дѣйствовать и въ другомъ мѣстѣ. Наша среда совсѣмъ другая, совсѣмъ не германская. И наши университеты имѣлось въ виду создать по германскому образцу; а между тѣмъ можетъ-ли быть что-нибудь болѣе разнящееся по духу, по внутреннему устройству, по характеру дѣятельности, чѣмъ русскіе и германскіе университеты? На практикѣ оказались общими у тѣхъ и другихъ университетовъ только названія: ректоръ, деканъ, ординарный и экстраординарный профессоръ, приватъ-доцентъ и т. п. Eadem magistratuum vocabula... и только. И гимназіи наши, совершенно скопированныя при реформѣ 1871 г. съ нѣмецкихъ, несмотря на общность всевозможныхъ названій и терминовъ до аттестата зрѣлости включительно, никогда не имѣли ни духа, ни характера своихъ оригиналовъ. Ни Шиллеровъ между директорами, ни Цумптовъ между учителями въ нихъ никогда не было и не будетъ, и даже не можетъ быть. Среда другая, порядки другіе, общій строй жизни, и государственной и общественной

ной, другого характера. Я не хочу сказать, чтобы среди русскихъ ученыхъ и педагоговъ не могло быть людей настолько умныхъ и знающихъ свое дѣло, чтобы быть не ниже Шиллера и Цумпта: люди могутъ быть (и, вѣроятно, есть) не только не ниже, но гораздо выше этихъ германскихъ дѣятелей, а на практикѣ все-таки у насъ сводится къ тому, что Шиллеры и Цумпты въ нашей гимназической средѣ отсутствуютъ. Они здѣсь не имѣютъ для себя необходимой почвы и обстановки. Поэтому, создавать у насъ какое-либо учрежденіе, гдѣ весь разсчетъ на успѣхъ стоитъ въ зависимости отъ личности руководителя, а не отъ самого учрежденія, какъ таковаго, значитъ идти на вѣрную неудачу. Неудача, неизбѣжная какъ судьба, постигла-бы—говорю это съ непоколебимымъ убѣжденіемъ—и педагогическую семинарію или институтъ при «образцовой» гимназіи, еслибъ проекту, о которомъ идетъ рѣчь, привелось дойти до осуществленія, какъ-бы онъ видоизмѣненъ ни былъ.

Волей-неволей мы придемъ къ такому типу учрежденія для образованія учителей, который уже испытанъ въ исторіи нашего просвѣщенія, далъ не мало хорошихъ плодовъ, да и больше подходитъ къ характеру нашего государства,—государства въ высокой степени централистическаго,—къ типу Главнаго Педагогическаго института. Въ Германіи, раздробленной прежде на много, теперь на нѣсколько государствъ, этого типа педагогическаго учрежденія нѣтъ, и потому авторъ проекта къ этому типу не обращается. Онъ упоминаетъ о Главномъ Педагогическомъ институтѣ, оставившемъ столь хорошую память въ исторіи русскаго образованія, только для того, чтобы сказать, что онъ былъ закрытъ 15 ноября 1858 г. (въ дѣйствительности онъ прекратилъ свое существованіе только лѣтомъ 1859 года) и замѣненъ педагогическими курсами. Эти педагогическіе курсы, въ полномъ смыслѣ слова мертворожденное учрежденіе, имѣвшее лишь номинальное существованіе, его занимаютъ несравненно больше: тогда какъ Главному Педагогическому институту у него посвящено ровно *пять строкъ*, этимъ несчастнымъ педагогическимъ курсамъ онъ удѣляетъ болѣе *десяти страницъ*. Хорошо или худо исполнялъ свою миссію Главный Педагогическій институтъ, онъ объ этомъ не разсуждаетъ, тогда какъ его много занимаетъ вопросъ, почему педагогическіе курсы, въ основу которыхъ, по его словамъ (стр. 24), «собственно была положена вполнѣ правильная мысль», не удовлетворили своему назначенію? Учрежденіе, которое, если сложить оба его періода, цѣлыхъ полстолѣтія разливало свѣтъ высшаго образованія въ Россіи, служа вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ сильнымъ, когда-либо существовавшимъ у насъ,

*

разсадникомъ педагогическихъ дѣятелей, имъ не изучено, а учрежденіе своимъ жалкимъ существованіемъ показавшее лишь, какая была жестокая ошибка закрыть Главный Педагогическій институтъ, разбирается имъ съ большою подробностью.

Между тѣмъ, не въ первый разъ компетентные люди разсуждаютъ у насъ о томъ, каково должно быть въ Россіи учрежденіе, готовящее педагогическихъ дѣятелей для среднихъ учебныхъ заведеній. Вопросъ этотъ былъ очень умѣлою рукою затронутъ почти ровно сорокъ лѣтъ назадъ покойнымъ Н. А. Вышнеградскимъ, братомъ нынѣшняго государственнаго дѣятеля, въ рѣчи «О спеціально-педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ», произнесенной на торжественномъ актѣ Главнаго Педагогическаго института 30-го сентября 1853 года, въ день празднованія двадцатилѣтія этого заведенія. Я сказалъ: *умѣлою рукою*. И это правда. Покойный профессоръ и педагогъ, славившійся своимъ рѣдкимъ даромъ слова, былъ человѣкъ большого ума и обладалъ головой замѣчательно ясною и логическою. Мнѣ это пріятно сказать о своемъ бывшемъ наставникѣ, лекціи котораго (къ сожалѣнію, рѣдкіе въ послѣдніе годы) мы слушали съ нескрываемымъ восхищеніемъ. Посмотрите, напр., какъ онъ, послѣ обычнаго въ торжественныхъ случаяхъ предисловія, приступаетъ къ своему вопросу:

«Въ настоящее время существуютъ два различные способа приготовленія будущихъ наставниковъ: первый состоитъ въ томъ, что молодые люди, по окончаніи курса въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ, вступаютъ въ спеціальное закрытое воспитательно-учебное заведеніе, и тамъ исключительно готовятся къ своей будущей должности. Таковъ Главный Педагогическій институтъ; тотъ-же характеръ у насъ имѣютъ духовныя академіи. Второй способъ состоитъ въ томъ, что молодые люди, вступая въ открытыя заведенія, посѣщаютъ общія чтенія профессоровъ, присоединяя къ нимъ теоретическое изученіе педагогики. Такой способъ приготовленія будущихъ наставниковъ существуетъ въ германскихъ университетахъ. Предпосылая своему дальнѣйшему разсмотрѣнію ту непреложную истину, что при всякомъ устройствѣ учебной части учащимся можно дѣлать успѣхи и не дѣлать ихъ, мы беремъ смѣлость разсмотрѣть, который изъ двухъ, употребляемыхъ нынѣ, способовъ приготовленія наставниковъ надежнѣе, который изъ двухъ, при одинаково совершенномъ исполненіи, обѣщаетъ болѣе успѣха».

Когда читаешь такую простую, въ высокой степени ясную и естественную постановку очень нелегкаго вопроса, то приходится сказать, что самъ Сократъ не могъ-бы начать своей рѣчи о томъ-же пред-

метѣ яснѣе, проще и естественнѣе. Авторъ исходитъ изъ даннаго положенія, какимъ оно является у насъ и заграницей. Онъ не говоритъ, какъ у насъ стали-бы теперь говорить, что при такомъ-то устройствѣ педагогическихъ учрежденій выходятъ хорошіе педагоги, а при такомъ-то никуда негодные: напротивъ, онъ высказываетъ дѣйствительно «непреложную истину», что «при всякомъ устройствѣ учебной части учащимся можно дѣлать успѣхи и не дѣлать ихъ». Тутъ не указывается на Германію, какъ на непремѣнный образецъ для подражанія въ дѣлѣ педагогики, а указывается на ея тогдашній способъ приготовленія учителей совершенно наравнѣ съ тѣмъ, какъ это дѣло практикуется у насъ, и притомъ не только относительно свѣтскихъ, но и духовныхъ заведеній. Извѣстно, что наши духовныя заведенія до реформы ихъ въ семидесятыхъ годахъ были поставлены у насъ, гораздо тверже гимназій, что ученіе въ нихъ всегда было сильнѣе, чѣмъ въ послѣднихъ, что воспитанники семинарій давали намъ,—не говоря уже о прошлыхъ временахъ,—даже въ текущемъ столѣтіи, большинство тѣхъ молодыхъ людей, которые, пройдя черезъ школу Главнаго Педагогическаго института или черезъ школу университета, посвящали себя педагогическому поприщу. Поэтому упомянуть о духовныхъ академіяхъ, издавна и исключительно поставлявшихъ учителей въ духовныя семинаріи, было въ данномъ случаѣ совершенно умѣстно. Взявши все это во вниманіе, легко понять, что произнесенная сорокъ лѣтъ назадъ рѣчь «о спеціально-педагогическихъ учебныхъ заведеніяхъ» серьезнѣе смотритъ на дѣло отечественной потребности въ хорошихъ педагогическихъ учрежденіяхъ, чѣмъ нынѣшній проектъ, предлагающій ни больше, ни меньше, какъ взять за образецъ Гиссенскую гимназію съ педагогической семинаріей, руководимыми проф. Шиллеромъ, и дѣлу конецъ.

Н. А. Вышнеградскій прежде всего выясняетъ намъ, что университеты, какъ открытыя заведенія, существующія для высшаго факультетскаго образованія, не могутъ такъ хорошо исполнять свою миссію приготовленія молодыхъ людей къ спеціально-педагогическому поприщу, какъ педагогическіе институты, которые должны быть непремѣнно закрытыми заведеніями. Указавъ на то, что самое преподаваніе факультетскихъ предметовъ для лица, имѣющаго своимъ назначеніемъ быть преподавателемъ, должно имѣть другой характеръ, неудобный для университета (гдѣ не имѣется въ виду спеціально-педагогическаго образованія слушателей, при которомъ требуется, напр., разсмотрѣніе руководствъ отечественныхъ и иностранныхъ), профессоръ педагогики въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ съ особен-

нымъ удареніемъ выставляетъ на видъ, что педагогическое поприще требуетъ отъ готовящагося къ нему вообще особыхъ качествъ, которыя надобно въ нихъ развивать уже при самомъ преподаваніи имъ научныхъ предметовъ. Отъ будущаго педагога непремѣнно требуется, чтобъ онъ «любилъ святое дѣло науки»: иначе какъ онъ можетъ возбудить эту любовь въ ученикахъ своихъ? Такъ какъ, сдѣлавшись наставникомъ, онъ обязанъ совершенствоваться въ своихъ познаніяхъ и не быть «мертвымъ для науки наставникомъ», то въ немъ еще во время ученія слѣдуетъ всячески развивать стремленіе къ самостоятельному изслѣдованію, вооруживъ его свѣдѣніями объ источникахъ, сообщивъ ему пріемы, какими добываются свѣдѣнія изъ этихъ источниковъ, начала и духъ критической повѣрки того, что̀ уже сдѣлано другими. Правда, это требуется въ настоящее время—замѣтимъ мы отъ себя—и отъ всякаго достойнаго университетскаго преподаванія, но дѣло въ томъ, что въ воспитаніи будущихъ наставниковъ это развитіе любви къ самостоятельному и непосредственному изученію научныхъ данныхъ и критическому отношенію къ готовымъ свѣдѣніямъ должно считаться обязательнымъ. Далѣе, «даръ слова, умѣнье ясно и безпрепятственно выражать каждую мысль свою, умѣнье говорить внятно и пріятно, будучи достоинствомъ и въ каждомъ образованномъ человѣкѣ, составляютъ необходимую принадлежность хорошаго наставника». Болѣе или менѣе совершенный даръ слова, конечно, дается въ основаніи своемъ самою природой, но совершенствованіе его зависитъ отъ насъ самихъ. Поэтому, «профессоръ, имѣющій въ своей аудиторіи будущихъ наставниковъ, обязанъ не столько говорить самъ, сколько открывать случай къ тому своимъ ученикамъ», что̀ мало имѣетъ мѣста при университетскомъ преподаваніи. Далѣе, если повторенія въ другихъ заведеніяхъ имѣютъ цѣлью лишь повѣрку знаній учащихся, то «въ курсахъ спеціально педагогическихъ повторенія имѣютъ мѣсто почти безпрерывно: опредѣливъ предметъ и методъ своей науки, профессоръ заставляетъ молодыхъ людей непрестанно дѣлать извлеченія, изъясненія, критическія разсмотрѣнія и, наконецъ, цѣлыя научныя изслѣдованія; плоды этихъ отдѣльныхъ занятій, постоянно руководимыхъ совѣтами и указаніями профессора, излагаются молодыми людьми въ аудиторіи предъ всѣми товарищами, принадлежащими къ тому-же факультету». Конечно, такія упражненія могутъ дѣлаться и въ другихъ заведеніяхъ; но тамъ, гдѣ все направлено къ одной ближайшей цѣли, гдѣ къ услугамъ учащихся всегдашнее руководство, къ этой именно цѣли направленное, гдѣ одинаковыя занятія живущихъ подъ одной крышей товарищей могутъ дѣйствовать только стимули-

рующимъ образомъ, тамъ все это идетъ правильнѣе и плодотворнѣе. Наконецъ, прибавляетъ профессоръ педагогики, и ближайшій надзоръ надъ готовящимися къ званію наставниковъ юношества молодыми людьми, надзоръ, который въ закрытомъ заведеніи такъ удобенъ, и ознакомленіе съ ихъ характеромъ и направленіемъ то-же имѣютъ свое значеніе. По всѣмъ этимъ соображеніямъ покойный педагогъ и приходитъ къ заключенію, что закрытыя учебныя заведенія, въ дѣлѣ приготовленія учителей, предпочтительнѣе открытыхъ: таковы именно и есть у насъ духовныя академіи и педагогическій институтъ, таковы во Франціи учительскія семинаріи, созданныя на основаніи закона о народномъ образованіи въ 1833 г. Институтскій профессоръ забылъ о парижской Ecole normale supérieure, которая была прежде, какъ и теперь для Франціи, именно тѣмъ самымъ, чѣмъ для насъ былъ Главный Педагогическій институтъ.

Въ этой рѣчи покойнаго Н. А. Вышнеградскаго пріятно поражаетъ въ наше время то, что въ ней и слѣда нѣтъ того до крайности надоѣвшаго намъ нынѣшняго способа чисто внѣшнихъ доказательствъ, когда вамъ серьезнѣйшія вещи доказываютъ ничѣмъ инымъ, какъ ссылкою на мнѣнія того или другого *знаменитаго* ученаго, *знаменитаго* педагога. Не говоря уже о томъ, что знаменитость указываемаго лица, сплошь да рядомъ, не заходитъ за предѣлы какой-нибудь Сены или Геттингена и есть знаменитость совершенно мнимая, слѣдуетъ твердо помнить, что и дѣйствительно знаменитые люди часто бываютъ очень односторонни въ своихъ сужденіяхъ и что мнѣнію одного знаменитаго педагога или ученаго всегда можно противопоставить мнѣніе другого, не менѣе знаменитаго, а иногда и болѣе. Не нужно забывать и того, что хорошее въ одномъ мѣстѣ можетъ и не быть хорошимъ въ другомъ, попавъ въ неподходящія къ его развитію условія. Нѣтъ, покойный профессоръ педагогики выясняетъ свой тезисъ методомъ чисто внутреннихъ доказательствъ, раскрывающихъ предъ нами самую природу предмета. Потому-то онъ и не подумалъ придти къ выводу, къ какому непремѣнно пришелъ-бы въ то время авторъ подавшаго поводъ къ нашему разсужденію проекта, что самый лучшій способъ приготовленія учителей тотъ, который принятъ въ Германіи, т.-е. способъ образованія ихъ въ университетахъ, какъ въ открытыхъ заведеніяхъ. Вѣдь, Главному Педагогическому институту, когда его закрывали, и ставилось больше всего въ вину то, что онъ былъ закрытымъ педагогическимъ заведеніемъ, какихъ нѣтъ въ Германіи. Нѣтъ, говорю я, Н. А. Вышнеградскій совершенно естественно пришелъ къ заключенію, что Педагогическій

институтъ, какъ онъ созданъ въ Россіи, и есть то заведеніе, какое требуется для образованія хорошихъ преподавателей для гимназій. Онъ не поколебался даже поставить въ уровень съ нимъ наши духовныя академіи, чтó для нынѣшнихъ составителей проектовъ звучало-бы совсѣмъ дико, хотя извѣстно, что наиболѣе сильныя мыслительныя и ученыя головы въ Россіи выходили не изъ университетовъ, а изъ духовныхъ академій.

Итакъ, есть серьезныя основанія полагать, что педагогическое учрежденіе, въ которомъ мы нуждаемся, есть то самое, которое представлялъ собой еще не очень давно у насъ Главный Педагогическій институтъ, и первая мысль, какая должна была-бы появиться въ головѣ автора проекта новой педагогической школы, должна была быть мыслью о возстановленіи безъ нужды закрытаго полезнаго учрежденія. Чѣмъ будетъ у насъ «образцовая» гимназія съ педагогической семинаріей по типу гиссенскаго заведенія, мы не знаемъ, и гораздо больше побужденій имѣемъ думать, что это будетъ нѣчто странное и ненормальное, чѣмъ нѣчто естественное и правильное. Чѣмъ же будетъ у насъ Педагогическій институтъ, это не можетъ быть для насъ тайною. Такое заведеніе дважды открывалось у насъ и было въ дѣйствіи почти полстолѣтія, исполняя свою обязанность настолько удовлетворительнымъ образомъ, насколько можно было требовать отъ русскаго педагогическаго учрежденія въ данномъ положеніи и въ данное время. Въ первый разъ оно сошло со сцены для того, чтобы быть переименованнымъ въ университетъ, который и началъ съ перваго момента функціонировать, какъ вполнѣ благоустроенное и достойное имени столичнаго университета учрежденіе. Тогда думали, что университетъ, въ которомъ Петербургъ дѣйствительно нуждался, будетъ и университетомъ, двери котораго открыты для всѣхъ, желающихъ получить высшее образованіе, и педагогическимъ институтомъ, приготовляющимъ учителей, какъ и Педагогическій институтъ, собственно такъ называемый. Но опытъ не замедлилъ показать, что Главный Педагогическій институтъ есть незамѣнимое университетомъ учрежденіе, и не прошло десяти лѣтъ, какъ онъ былъ снова открытъ почти въ томъ-же самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ до преобразованія въ университетъ. Тридцать лѣтъ спустя, его закрыли, чтобъ открыть какіе-то педагогическіе курсы, которые въ теченіе шести лѣтъ своего существованія не получили никакой организаціи и вызывали улыбку у всѣхъ тѣхъ, кто, какъ будущіе учителя, такъ и номинальные ихъ руководители, имѣли къ этому фантастическому учрежденію отношеніе. Ясно было для всѣхъ, что учрежденіемъ

этихъ несчастныхъ курсовъ было сдѣлано дѣло совсѣмъ, неразумное, и люди умные стали говорить о возстановленіи въ третій разъ Педагогическаго института. Основательность этихъ рѣчей отвергать, въ виду печальнаго опыта съ педагогическими курсами, никто не могъ, но на дѣлѣ вышло не то, что требовалось. Былъ возстановленъ не Главный Педагогическій институтъ, а только его половина, подъ названіемъ Историко-филологическаго института. Я не стану говорить теперь, чего не достаетъ этой половинѣ бывшаго Главнаго Педагогическаго института, чтобы стать достойнымъ замѣстителемъ своего бывшаго предшественника. Во всякомъ случаѣ, нужно было открывать не половину, а въ цѣльномъ видѣ Главный Педагогическій институтъ, и открывать не какъ филологическое, а какъ именно педагогическое заведеніе, безъ котораго, въ томъ или другомъ видѣ, какъ показалъ опытъ, нашей странѣ обойтись невозможно.

Нужно возстановить Главный Педагогическій институтъ, какъ высшее центральное учрежденіе для образованія преподавателей какъ въ классическія, такъ и въ реальныя школы (общаго образованія). Нужно возстановить его не въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дѣйствовалъ въ послѣдніе годы, будучи лишенъ находившагося при немъ средняго заведенія, а въ томъ, въ какомъ онъ находился до преобразованія его въ директорство И. И. Давыдова,—преобразованія, въ самомъ институтѣ постоянно осуждавшагося. Говоря о томъ или другомъ видѣ возстановленія, я имѣю въ виду лишь общія черты, идею и общій планъ учрежденія, а не мелочи, не всѣ отдѣльныя черты, которыя при измѣнившихся обстоятельствахъ не только могутъ быть, но и должны быть другія, какъ ихъ укажутъ новыя потребности, новое положеніе русской науки, болѣе высокая степень государственнаго и общественнаго развитія. И если только это дѣло возстановленія испытаннаго уже въ своихъ хорошихъ результатахъ учрежденія будетъ поведено твердою рукой, съ яснымъ и высокимъ сознаніемъ цѣли, съ истинною любовью къ отечественному просвѣщенію, то столько времени колебавшаяся судьба нашего педагогическаго образованія несомнѣнно найдетъ свою настоящую дорогу, и пора несчастныхъ опытовъ прекратится.

В. Модестовъ.

ПЕДАГОГИ И ВЗАИМОПОМОЩЬ.

(Продолженіе).

XV.

Обзоръ мѣропріятій въ области взаимопомощи среди петербургскихъ педагоговъ мы должны-бы были начать съ очерка мѣропріятій, получившихъ свое начало въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ. Но мы сдѣлаемъ отступленіе и начнемъ съ очерка дѣятельности «Общества попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи», состоящаго подъ августѣйшимъ покровительствомъ Е. В. Государыни Императрицы. Оно возникло 6 октября 1866 года подъ именемъ «Филантропическаго общества попечительства гувернантокъ въ Россіи» и, какъ показываетъ самое названіе, въ началѣ не носило характера взаимопомощи. Только позднѣе, побуждаемое практическою жизнью, оно постепенно видоизмѣнило характеръ своей дѣятельности, приближаясь все болѣе и болѣе къ идеѣ коопераціи.

Въ настоящее время «Общество попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи» является старѣйшимъ среди учрежденій, обязанныхъ своимъ возникновеніемъ общественной инціативѣ; въ нынѣшнемъ году оно переживаетъ двадцать седьмую годовщину своего существованія, непрерывно дѣйствуя и постоянно развивая свою высокоплодотворную и почтенную дѣятельность. Такимъ образомъ, возникновеніе «Филантропическаго общества попечительства гувернантокъ въ Россіи» относится къ знаменательной эпохѣ шестидесятыхъ годовъ и дѣлаетъ честь отзывчивости извѣстнымъ слоямъ тогдашняго культурнаго класса нашего общества: оно избрало объектомъ своей благотворительности дѣйствительно достойнѣйшее сословіе общественныхъ дѣятелей. Къ тому-же, въ этомъ случаѣ наше общество шло по слѣдамъ правительства, которое еще много раньше по заслугамъ оцѣнило этихъ незамѣтныхъ общественныхъ тружениковъ. Въ указѣ Правительствующему Сенату, при обнародованіи «Положенія

о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ», данномъ 1-го іюля 1834 года, мы читаемъ:

«Подвергая разсмотрѣнію постепенно всѣ части народнаго воспитанія и приглашая всѣхъ любезныхъ вѣрноподданныхъ нашихъ къ содѣйствію въ достиженіи высокой цѣли, столь тѣсно сопряженной съ благосостояніемъ всѣхъ и каждаго, Мы признали необходимымъ утвердить связь между воспитаніемъ домашнимъ и публичнымъ. На сей конецъ повелѣли Мы Министру Народнаго Просвѣщенія начертать особое положеніе, по силѣ коего, съ одной стороны, лица, съ честію и пользою посвятившія себя воспитанію домашнему, будутъ отнынѣ считаться въ дѣйствительной службѣ по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ другой—опредѣляются обязанности, постановляемыя правительствомъ въ замѣнъ даруемыхъ правъ и преимуществъ. Утвержденное Нами и при семъ препровождаемое *Положеніе о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ* да будетъ сугубымъ изъявленіемъ неизмѣннаго Нашего намѣренія устроить на прочныхъ началахъ систему, долженствующую обнять всѣ отрасли народнаго воспитанія и дать оному направленіе постоянное,—направленіе, соотвѣтствующее ожиданіямъ благомыслящихъ и Нашему попеченію о нравственномъ благоустройствѣ любезнаго Нашего отечества» *).

Познакомимся теперь съ тою частью *Положенія* о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ, которое касается домашнихъ учительницъ, составившихъ предметъ заботъ «Филантропическаго общества попечительства гувернантокъ въ Россіи». Такое ознакомленіе съ юридическими нормами, въ которыхъ поставленъ этотъ классъ русскихъ педагоговъ, дастъ лучшее пониманіе задачъ и цѣлей Общества и уразумѣніе всей его дальнѣйшей дѣятельности.

«Для обезпеченія родителей въ избраніи благонадежныхъ ихъ дѣтямъ руководителей и для содѣйствія общимъ видамъ правительства въ отношеніи къ народному просвѣщенію, говорится въ *общихъ основаніяхъ* Положенія о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ,—учреждается особое званіе домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ. Лица, желающія опредѣлиться въ частные дома для нравственнаго воспитанія дѣтей, обязываются пріобрѣсть свойственное имъ изъ упомянутыхъ званіе, дающее имъ на то право. Въ званіе домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ открывается доступъ людямъ всякаго свободнаго состоянія **), если они удовлетворятъ условіямъ Положенія», которыя, въ главныхъ чертахъ, заключаются въ слѣдующемъ. Эти лица вообще должны были принадлежать одному изъ христіанскихъ исповѣданій; должны быть достаточно извѣстны со стороны своихъ нравственныхъ качествъ. Послѣ этихъ общихъ условій, вторую

---

*) Сборникъ постановленій по Мин. Нар. Просвѣщенія. Т. II, отд. II.

**) Изданіе Положенія относится къ эпохѣ крѣпостнаго права.

ступень составляли науки и знанія, по мѣрѣ предназначенія каждаго изъ вышеозначенныхъ званій. Требованія въ этомъ отношеніи были весьма серьезны, даже и безотносительно, но они пріобрѣтаютъ еще большее значеніе, если принять во вниманіе время, къ которому относится изданіе Положенія. Званіе домашняго наставника присваивается исключительно тѣмъ лицамъ, которыя оканчиваютъ полный курсъ ученія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, выдерживаютъ съ успѣхомъ испытанія и получаютъ аттестатъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента или дипломъ на ученую степень отъ одного изъ русскихъ университетовъ; къ этому-же разряду причисляются и удостоенные ученыхъ степеней въ духовныхъ академіяхъ. Званіе домашняго учителя предоставляется тѣмъ лицамъ, которыя хотя не пріобрѣли ни званія дѣйствительнаго студента, ни ученой степени, но доказали на установленномъ для того испытаніи, что они имѣютъ подробныя и основательныя свѣдѣнія въ тѣхъ предметахъ, которые они намѣрены преподавать. Даже вышедшіе въ отставку штатные учителя гимназій и равныхъ имъ учебныхъ заведеній имѣютъ право быть домашними учителями и получить установленное для этого свидѣтельство, не подвергаясь испытанію только послѣ трехлѣтняго преподаванія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ. Испытаніе на званіе домашняго учителя тогда производилось въ университетахъ и лицеяхъ, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ не было высшихъ учебныхъ заведеній,—въ гимназіяхъ; въ настоящее время, сверхъ того, это испытаніе производится еще въ особомъ комитетѣ при Министерствѣ Нар. Просвѣщенія.

Таковъ былъ объемъ научныхъ требованій для полученія званія домашняго наставника, учителя и учительницы. Сверхъ того, лица, пріобрѣтавшія указанное званіе, если желали пользоваться преимуществами, присвоенными по Положенію, о чемъ скажемъ ниже,—должны быть подданными Россіи. Что касается до надзирателей и надзирательницъ, роль которыхъ ограничивается попеченіемъ о физическомъ воспитаніи и присмотромъ за дѣтьми, то эти лица не обязаны подвергаться испытаніямъ и добывать свидѣтельства о познаніяхъ, а только представлять удостовѣреніе въ хорошемъ поведеніи и доброй нравственности.

Отъ этихъ общихъ положеній перейдемъ къ частнымъ, касающимся только домашнихъ учительницъ. Женщины, желающія заниматься нравственнымъ воспитаніемъ дѣтей въ частныхъ домахъ, допускаются къ этому только по полученіи свидѣтельства на званіе домашней учительницы; обученіе однимъ искусствамъ и рукодѣліямъ такого права не даетъ; свидѣтельство-же домашней учительницы

дается только по выполненіи совершенно тѣхъ-же условій, какъ и для домашняго учителя. Отъ обязанности добывать свидѣтельства на званіе домашней учительницы освобождаются лишь окончившія воспитаніе въ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ отъ правительства и состоящихъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

Преимуществъ, даваемыхъ, по Положенію, наставницамъ и учительницамъ, немного и они очень не велики, а именно: тѣ изъ нихъ, которыя достигли глубокой старости или подверглись продолжительной неизлечимой болѣзни, если не имѣютъ собственнаго достаточнаго содержанія, получаютъ пожизненное пособіе изъ капитала призрѣнія, имѣющагося для этой цѣли при Департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія; оставшіеся послѣ смерти такихъ лицъ сироты мужского пола опредѣляются въ пансіоны при гимназіяхъ на казенное содержаніе, съ платою за нихъ, въ случаѣ неимѣнія вакансіи, изъ процентовъ съ того-же капитала, наконецъ, на счетъ этого-же источника и по мѣрѣ средствъ его пристраиваются и сироты женскаго пола въ соотвѣтственныя ихъ званію воспитательныя заведенія. Такимъ образомъ, права домашнихъ учительницъ являются болѣе ограниченными сравнительно съ правами домашнихъ наставниковъ и учителей, такъ какъ тѣ, сверхъ всего вышеизложеннаго, пользуются правомъ на нѣкоторые чины и ордена и правомъ перехода изъ податнаго состоянія въ привиллегированное.

Что касается капитала, изъ котораго черпаются всѣ средства для удовлетворенія домашнихъ наставниковъ, учителей и учительницъ, то при изданіи Положенія 1834 года въ первоначальный составъ его были обращены тѣ суммы, которыя накопились при Департаментѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія отъ взимаемыхъ съ 1823 года *) съ каждаго свидѣтельства на право обученія въ частныхъ домахъ по 50 руб. и составившихъ въ моментъ изданія Положенія до 45 тысячъ рублей ассигнаціями. Въ послѣдующее время въ составъ того-же капитала шли по прежнему взносы, взимаемые за свидѣтельства на званіе наставниковъ по 50 руб. и домашнихъ учителей и учительницъ по 40 руб. ассигнаціями (теперь 15 руб. сер.). Въ этотъ-же капиталъ поступали деньги, взыскиваемыя съ лицъ мужского пола названныхъ категорій при производствѣ ихъ въ чины и при пожалованіи золотыхъ и серебряныхъ медалей, а также всѣ выморочныя имущества этихъ лицъ и штрафы какъ съ лицъ, преподававшихъ

*) Высочайше утвержденное Положеніе 20-го февраля.

безъ пріобрѣтенія правъ на это, такъ и съ родителей и родственниковъ или опекуновъ, въ домахъ которыхъ находились для воспитанія дѣтей лица, не имѣющія установленныхъ свидѣтельствъ; штрафы эти равнялись 250 рублямъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Наконецъ, для усиленія капитала призрѣнія принимались и добровольные взносы отъ благотворителей и по духовному завѣщанію.

Само собою разумѣется, что размѣры названнаго капитала не могли быть велики, вотъ почему *въ Положеніи о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ домашнимъ наставникамъ и учителямъ*, изданномъ въ февралѣ 1853 года, въ мотивахъ къ Положенію *) указывается съ особенною настойчивостью на то, чтобы пенсіи и пособія опредѣлялись со строгою разборчивостью и осмотрительностью, на точномъ основаніи вновь издаваемыхъ правилъ, «не теряя при томъ изъ виду, что означенныя пенсіи и единовременныя пособія домашнимъ наставникамъ и учителямъ, домашнимъ учительницамъ и наставницамъ, а равно и семействамъ всѣхъ сихъ лицъ, и на будущее время ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть обращены ни на государственное казначейство, ни даже на какія-либо другіе, состоящіе въ распоряженіи самого Министерства, капиталы».

Самое полученіе пенсій и пособій, на основаніи Положенія 1853 года, обставлено чрезвычайно подробными и строгими формальностями. Такъ, напримѣръ, правомъ на полученіе пенсіи и пособія пользуются только тѣ домашніе наставники и наставницы, учителя и учительницы, а также остающіяся послѣ смерти этихъ лицъ семейства, которыя, порядкомъ установленнымъ Положеніемъ 1834 года, предъявятъ удостовѣренія (отъ предводителя дворянства или подлежащаго учебнаго начальства) «о постоянномъ безпорочномъ и усердномъ отправленіи своихъ обязанностей и, сверхъ того, о неимѣніи собственныхъ достаточныхъ для ихъ содержанія средствъ». Размѣръ пенсій и пособій слѣдующій: для домашнихъ наставниковъ—270 руб., для учителей, учительницъ и наставницъ—160 руб. въ годъ. Право на полученіе пенсіи даетъ безпорочная служба въ теченіи 25-ти и болѣе лѣтъ; прослужившіе-же менѣе этого срока, а именно: отъ 20-ти до 25-ти лѣтъ, при совершенномъ прекращеніи занятій воспитаніемъ юношества, получаютъ половину оклада пенсіи. Всѣ остальные сроки службы даютъ право только на единовременное пособіе, а именно: прослужившіе отъ 10-ти до 20-ти лѣтъ, при полной старости и дрях-

*) Выписка изъ журнала Государственнаго Совѣта; дѣло Департамента Министерства Народнаго Просвѣщенія № 43.

лости, а слѣдовательно, и неспособности къ занятіямъ, удостовѣреннымъ законнымъ путемъ (предводителями дворянства, директорами училищъ), имѣютъ право на единовременное пособіе въ размѣрѣ годового оклада пенсіи. Сроки службы, дающіе право на полученіе пенсіи и пособія, сокращаются на пять лѣтъ, «во вниманіе къ происшедшимъ отъ отлично усердной службы болѣзненнымъ припадкамъ, не позволяющимъ заниматься воспитаніемъ юношества или прекращеніемъ занятій по совершенно разстроенному здоровью». Эти сроки сокращаются на 10-ть лѣтъ, если наставникъ, учитель или учительница получатъ на службѣ тяжкія увѣчья, напримѣръ, лишатся рукъ, ногъ и т. п. Что касается до пенсій и пособій семействамъ, то таковыя назначаются на основаніи общаго пенсіоннаго устава изъ слѣдовавшихъ мужьямъ или отцамъ или матерямъ ихъ, по Положенію, пенсій. Въ случаѣ-же преждевременной смерти, за службу въ 10-ть лѣтъ семейство и дѣти получаютъ только половину оклада въ пособіе, а свыше 10-ти лѣтъ—полный окладъ. Назначеніе этихъ пенсій и пособій зависитъ отъ Министра Народнаго Просвѣщенія, по представленію окружного училищнаго начальства. Прекращаются пенсіи: вдовѣ по выходѣ вновь замужъ, а дѣтямъ по достиженіи совершеннолѣтія, за исключеніемъ увѣчныхъ и неизлечимо больныхъ, которые получаютъ пенсію до своей смерти.

Очевидно, эти условія дѣлаютъ полученіе пенсій и пособій дѣломъ въ высшей степени трудно достижимымъ, а осложненіе этихъ условій формальными подробностями и исключеніями сводятъ всѣ преимущества и права Положенія о пенсіяхъ и пособіяхъ къ еще болѣе ограниченнымъ размѣрамъ, а главное—до минимума сокращаютъ контингентъ лицъ, имѣющихъ право на полученіе пенсіи. Въ самомъ дѣлѣ, пенсіи, напримѣръ, не распространяются на тѣхъ, кто не внесъ своевременно положенныхъ денегъ за выданныя имъ на званія свидѣтельства; на занимающихся только начальнымъ обученіемъ дѣтей, чтенію, письму и ариѳметикѣ, по особо установленнымъ для сего свидѣтельствамъ; на обучающихъ только искусствамъ, художествамъ и рукодѣлью; на надзирателей и надзирательницъ, занимающихся только физическимъ воспитаніемъ дѣтей; на обучающихъ только въ частныхъ пансіонахъ и училищахъ; на дающихъ уроки въ частныхъ домахъ по часамъ, но не находящихся постоянно при дѣтяхъ; на уроженцевъ и уроженокъ Великаго княжества Финляндскаго, иностранныхъ подданныхъ и на домашнихъ учителей и учительницъ нехристіанскихъ исповѣданій; наконецъ, не зачисляется въ выслугу пенсіи и пособій время внѣдѣйствительнаго отправленія обязанностей, а

также и безъ соблюденія всѣхъ изданныхъ для зачтенія этого времени правилъ. Не вдаваясь на этотъ послѣдній счетъ въ подробности, мы упомянемъ хотя-бы о томъ коренномъ условіи, на основаніи котораго домашніе наставники, учителя и учительницы обязаны, по окончаніи каждаго года, представлять директору училищъ отчеты въ своихъ трудахъ и занятіяхъ и въ то-же время доставлять одобрительныя о себѣ свидѣтельства отъ предводителей дворянства и отъ лицъ, у которыхъ они исполняютъ обязанности своего званія *).

Принимая во вниманіе все вышеизложенное и имѣя въ виду сумму обязанностей домашнихъ наставницъ, учительницъ и надзирательницъ, а также трудность дѣла первоначальнаго воспитанія и обученія, нельзя не признать, что предоставляемыя Положеніями о домашнихъ наставникахъ, учителяхъ и учительницахъ и о пенсіяхъ и пособіяхъ имъ преимущества являются далеко неправомѣрными, недостаточными и сверхъ того крайне устарѣлыми, въ особенности по отношенію къ наставницамъ, учительницамъ и надзирательницамъ. Такое несоотвѣтствіе происходитъ, главнымъ образомъ, оттого, что Положеніе 1834 года и даже 1853 года для настоящаго времени представляются крайне устарѣлыми и недостаточными. Они, очевидно, были разсчитаны на существовавшіе тогда условія, когда подъ домашними учителями и учительницами разумѣлись лица, жившія въ домахъ помѣщиковъ или вообще зажиточныхъ людей на полномъ содержаніи. Въ ту эпоху количество низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній было крайне невелико; все образованіе чаще всего ограничивалось тѣмъ, что давали домашніе наставники. Поэтому эти лица нерѣдко оставались въ одной и той-же семьѣ по десятку и болѣе лѣтъ, послѣдовательно обучая всѣхъ дѣтей лица, у котораго они жили, и даже иногда его внуковъ. Такимъ человѣкомъ по необходимости дорожили, онъ дѣлался какъ-бы членомъ семьи и нерѣдко такіе наставники оставались до смерти въ пріютившемъ ихъ домѣ или обезпечивались для вполнѣ безбѣднаго существованія подъ старость. Намъ извѣстны примѣры семей, въ которыхъ, по окончаніи образованія каждаго ея члена, воспитателямъ выдавалось единовременно по 10-ти и болѣе тысячъ рублей сер. въ единовременное пособіе, или назначались пожизненныя пенсіи, размѣрами, въ среднемъ, не менѣе тысячи рублей сер. въ годъ. При такихъ условіяхъ помощь правительства была дѣломъ второстепеннымъ и являлась на сцену въ крайне рѣдкихъ случаяхъ. Но

*) См. «Дополнительныя правила о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ», утвержденныя Министромъ Народнаго Просвѣщенія 2-го августа 1834 года.

въ настоящее время дѣло представляется въ совершенно иномъ видѣ. Домашнихъ наставниковъ и наставницъ указаннаго первоначальнаго типа встрѣчается чрезвычайно мало. Теперь домашніе учителя и учительницы въ большинствѣ случаевъ не живутъ въ семействахъ, а являются въ дома для занятій на одинъ или нѣсколько часовъ. Ихъ роль, вслѣдствіе обилія разнаго рода учебныхъ заведеній, свелась къ простой подготовкѣ дѣтей для поступленія въ начальные классы этихъ заведеній. Отсюда сокращеніе самаго срока занятій и меньшее за эти занятія вознагражденіе, особенно въ виду громаднаго предложенія услугъ.

XVI.

Всего менѣе удовлетворительнымъ нынѣ можетъ быть названо положеніе наставницъ, учительницъ и надзирательницъ. Большинство этихъ лицъ подходитъ подъ тѣ категоріи, которыя не пользуются, по Положенію, правомъ на полученіе пенсіи, а слѣдовательно, не имѣютъ никакого обезпеченія въ то время, когда, по причинѣ болѣзни или старости, силы имъ измѣнятъ и прекратится единственный источникъ къ существованію—личный трудъ; сбереженія-же у этихъ тружениць не можетъ быть, потому что получаемаго за занятія вознагражденія едва хватаетъ на существованіе.

Это печальное положеніе наставницъ, домашнихъ учительницъ и надзирательницъ и было главною побудительною причиною учрежденія, 6 октября 1866 года, «Филантропическаго общества попечительства гувернантокъ въ Россіи». Благая мысль объ основаніи его принадлежитъ Э. И. Штельбъ, при дѣятельномъ участіи пасторовъ: Рихтера, Стирена и Кротте, начальницъ пансіоновъ: С. Х. Астафьевой и Е. П. Заливкиной, А. М. Груздева, Н. А. Ланге, Г. Ф. Лебурде, Е. И. Гаусманъ, Э. И. Герке, Е. П. Максимовичъ, Ѳ. И. Минцлова, Ѳ. Х. Паули, Г. С. Попова, М. Г. Протопоповой, бар. А. Г. фонъ-деръ-Роопъ, П. Я. Ростовцева, В. К. и К. К. Штельбъ. Участіе послѣднихъ было особенно цѣнно потому, что это были лица, всего болѣе практически знакомыя съ положеніемъ женщинъ, посвятившихъ себя начальному воспитанію и образованію подростающаго поколѣнія.

При своемъ основаніи Общество поставило, въ главныхъ чертахъ, тѣ цѣли, которыя остаются основными въ его дѣятельности и теперь и которыя обезпечили ему жизненность, развитіе и всеобщее сочувствіе. Цѣли эти были слѣдующія: 1) доставленіе мѣстъ членамъ Общества; 2) выдача ссудъ и пособій; 3) устройство библіотеки для чле-

новъ Общества; 4) учрежденіе пріюта для доставленія членамъ возможности имѣть жительство и пропитаніе по самой умѣренной цѣнѣ.

Управленіе дѣлами Общества было поручено наблюдательному комитету, директрисѣ и дѣлопроизводителю, при чемъ первымъ предсѣдателемъ комитета былъ вице-президентъ генеральной консисторіи—пасторъ Рихтеръ. Главными доходами Общества были членскіе взносы, плата за рекомендаціи воспитательницъ *), и затѣмъ пожертвованія; всего къ концу перваго отчетнаго года было 228 членовъ и имѣлось капитала 432 руб. 61 коп. Главная дѣятельность Общества сосредоточивалась на доставленіи занятій и мѣстъ членамъ, пособія-же выдавались только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

Такъ скромно началась, 27 лѣтъ тому назадъ, дѣятельность «Филантропическаго общества попечительства гувернантокъ въ Россіи», развившаяся въ настоящее время до размѣровъ, ставящихъ эту организацію въ ряду передовыхъ среди однородныхъ ей общественныхъ учрежденій. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли, съ какимъ количествомъ членовъ и съ какими денежными средствами начало свою дѣятельность это Общество, и вотъ къ 1 января 1893 года оно уже насчитываетъ 634 члена, а капиталъ его достигаетъ 56.442 руб. 43 коп.

Такое крупное общественное дѣло заслуживало-бы вниманіе и само по себѣ; имѣя-же въ виду, что это Общество, какъ увидитъ читатель, является въ своихъ цѣляхъ и задачахъ совершенно аналогичнымъ съ только-что возникшимъ «Петербургскимъ педагогическимъ обществомъ взаимной помощи» и служитъ какъ-бы его прототипомъ,—знакомство съ главными моментами исторіи, жизни и съ организаціей этого Общества становится въ высшей степени поучительной и въ теоретическомъ, и въ практическомъ отношеніяхъ.

Мы уже говорили, что «Филантропическое Общество попечительства гувернантокъ въ Россіи» въ началѣ своей дѣятельности носило чисто благотворительный характеръ. Впослѣдствіи, подъ давленіемъ житейскаго опыта, оно постепенно мѣняло характеръ своей дѣятельности, приближая ее къ характеру кооперативныхъ организацій. Самымъ крупнымъ моментомъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать 1870 годъ, когда Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ былъ утвержденъ совершенно переработанный уставъ Общества и оно стало именоваться «Обществомъ попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи». На основаніи новаго устава, завѣдываніе дѣ-

*) Согласно постановленію общаго собранія 15 марта 1892 года эта плата отмѣнена.

лами перешло въ руки правленія, избираемаго общимъ собраніемъ въ составѣ 9 лицъ; должность директрисы была замѣнена должностью дѣлопроизводительницы и ея помощницы, избираемыхъ правленіемъ. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ характера и административнаго строя Общество расширило также и свою дѣятельность, прибавивъ къ первоначальнымъ цѣлямъ: а) образованіе новаго капитала для учрежденія постояннаго пріюта для престарѣлыхъ членовъ и для выдачи постоянныхъ пенсій и б) открытіе образцоваго училища. Въ прошломъ году послѣдовало новое измѣненіе общаго устава,—въ видахъ согласованія его съ пенсіоннымъ, утвержденнымъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ въ 1879 году. Если мы прибавимъ еще, что въ 1877 году при Обществѣ учреждена ссудо-сберегательная касса, а 8 мая 1885 года послѣдовало Высочайшее соизволеніе на принятіе Общества подъ августѣйшее покровительство Е. И. В. Государыни Императрицы, то этимъ мы исчерпаетъ главные моменты его жизни.

XVII.

Перейдемъ теперь къ знакомству съ нынѣ дѣйствующимъ основнымъ уставомъ Общества и его филіальныхъ отдѣловъ.

Согласно своему уставу, оно имѣетъ цѣлью заботиться объ *улучшеніи положенія* лицъ женскаго пола, занимающихся воспитаніемъ и образованіемъ дѣтей, т.-е. наставницъ, воспитательницъ, надзирательницъ и преподавательницъ наукъ, языковъ и искусствъ. Въ видахъ достиженія этихъ задачъ, Общество: а) доставляетъ безвозмездно мѣста и уроки воспитательницамъ и учительницамъ, состоящимъ его членами, безъ различія національностей; б) выдаетъ нуждающимся изъ упомянутыхъ лицъ денежныя ссуды, а въ исключительныхъ случаяхъ оказываетъ единовременное пособіе безъ возврата; в) оно основало библіотеку для ознакомленія дѣйствительныхъ членовъ съ лучшими педагогическими и учебными руководствами и съ книгами для дѣтскаго чтенія; г) устроило дешевыя помѣщенія для доставленія временно нуждающимся дѣйствительнымъ членамъ квартиръ и содержанія по самой умѣренной цѣнѣ, до улучшенія ихъ положенія; д) образовало капиталъ для выдачи пожизненныхъ пенсій, на основаніи особаго положенія.

Что касается до постояннаго убѣжища для дѣйствительныхъ членовъ, сдѣлавшихся, по преклоннымъ лѣтамъ или по болѣзненному состоянію, неспособными къ содержанію себя трудомъ, и открытія образцоваго училища, то эти двѣ послѣднія задачи Общества остаются пока неосуществленными.

Средства Общества составляютъ: а) членскіе взносы; б) пожертвованія и доходы отъ литературныхъ вечеровъ, лекцій, концертовъ и т. п., устраиваемыхъ въ его пользу, и в) сборъ въ кружки.

Общество состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ, членовъ-соревнователей и почетныхъ, причемъ соревнователями могутъ быть лица обоего пола. Въ званіи почетныхъ членовъ утверждаются лица, пожертвовавшія не менѣе 300 руб. или оказавшія, либо могущія оказать особенную пользу Обществу. Кромѣ того, этимъ званіемъ пользуются основатели Общества, подписавшіе первоначальный уставъ. Членами-соревнователями именуются лица, платящія ежегодно шесть руб. или внесшія единовременно не менѣе 50 руб. Дѣйствительные члены платятъ ежегодно пять руб. или вносятъ единовременно не менѣе 75 руб. Желающіе поступить въ дѣйствительные члены обязаны представить свидѣтельства на право заниматься педагогическою дѣятельностью или-же рекомендацію извѣстнаго правленію лица.

Дѣйствительные члены имѣютъ право: а) на помѣщеніе ихъ Обществомъ на мѣста учительницъ, воспитательницъ и надзирательницъ; б) на полученіе пенсіи, на основаніи устава пенсіонной кассы, утвержденнаго Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 30 декабря 1891 года; в) на полученіе ссудъ, за поручительствомъ двухъ состоятельныхъ членовъ Общества въ вѣрной и своевременной уплатѣ, а въ исключительныхъ случаяхъ—на полученіе единовременныхъ пособій безъ возврата; г) на помѣщеніе въ дешевыя квартиры и пріютъ; д) на безвозмездное пользованіе книгами изъ библіотеки; е) на безвозмездную помощь врача Общества, и ж) на храненіе денегъ въ его сберегательной кассѣ.

Что касается до общаго порядка управленія, то оно отличается нѣкоторыми особенностями сравнительно съ другими Обществами подобнаго рода. *Общее* завѣдываніе дѣлами ввѣряется правленію, дѣйствія котораго контролируются общимъ собраніемъ членовъ и повѣрочною коммиссіею. Завѣдываніе-же *текущимъ* дѣлопроизводствомъ возлагается, подъ наблюденіемъ правленія, на дѣлопроизводительницу и ея помощницу. Правленіе Общества состоитъ изъ 9 лицъ, избираемыхъ общимъ собраніемъ изъ членовъ Общества, безъ различія пола. Правленіе само избираетъ ежегодно изъ среды своей предсѣдателя и кассира и приглашаетъ врача Общества. Для своихъ занятій правленіе собирается по мѣрѣ надобности, но не менѣе одного раза въ мѣсяцъ, при чемъ (на что мы обращаемъ особенное вниманіе) въ засѣданіяхъ его имѣютъ право присутствовать, но безъ права рѣшаю-

щаго голоса, и прочіе члены Общества; при этомъ желающіе сдѣлать какія-либо заявленія излагаютъ ихъ письменно, и правленіе, внеся эти заявленія въ журналъ, постановляетъ по нимъ опредѣленіе, съ указаніемъ основаній принятаго рѣшенія. Однако, по усмотрѣнію правленія, засѣданія могутъ быть закрытыми.

Послѣдній параграфъ устава Общества, по нашему глубокому убѣжденію, составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ гарантій успѣха его дѣятельности, потому что это право участія въ засѣданіяхъ правленія, предоставленное уставомъ всѣмъ членамъ Общества, является какъ-бы фактическимъ непрерывнымъ участіемъ всѣхъ членовъ Общества въ самыхъ дѣлахъ его. Вотъ прекрасный примѣръ разрѣшенія вопроса о противорѣчіяхъ и даже нерѣдко полномъ антагонизмѣ между правленіемъ и Обществомъ, со всѣми ихъ печальными послѣдствіями нерѣдко не только для хода текущихъ дѣлъ, но и самой жизни и существованія различныхъ Обществъ.

На обязанности правленія лежитъ: а) попеченіе объ успѣшномъ развитіи дѣятельности Общества и принятіе мѣръ къ осуществленію его цѣли; б) разрѣшеніе текущихъ вопросовъ и представленіе съ своимъ заключеніемъ предложеній, подлежащихъ сужденію общаго собранія; в) составленіе и представленіе на утвержденіе общаго собранія примѣрной смѣты расходовъ Общества и годового отчета о дѣйствіяхъ правленія; г) сообщеніе общему собранію списка лицъ, предлагаемыхъ въ почетные члены; д) установленіе порядка относительно дѣлопроизводства и счетоводства; е) утвержденіе въ званіи членовъ Общества; ж) опредѣленіе размѣра ссудъ и пособій; з) завѣдываніе всѣми учрежденіями Общества черезъ выбранныхъ лицъ; и) ревизія дѣлопроизводства и счетоводства, а также повѣрка кассы; і) созваніе общихъ собраній.

Исполнительная власть поручается дѣлопроизводительницѣ и ея помощницѣ, избираемымъ правленіемъ изъ членовъ Общества, за дѣйствіе которыхъ поэтому оно отвѣчаетъ. Эти два лица являются фактически главными дѣятелями, потому что завѣдываютъ текущимъ дѣлопроизводствомъ и всею хозяйственною частью Общества. Дѣлопроизводительница принимаетъ, въ опредѣленное время, лицъ, имѣющихъ надобность въ содѣйствіи Общества, вскрываетъ всѣ поступающія на его имя бумаги и письма, причемъ по нетерпящимъ отлагательства дѣлаетъ исполненія и о всѣхъ ихъ въ ближайшемъ засѣданіи докладываетъ правленію; производитъ расходы, разрѣшенные правленіемъ; принимаетъ, для передачи кассиру, поступающія въ пользу Общества деньги и выдаетъ въ этомъ квитанціи; при со-

дѣйствіи помощницы завѣдываетъ библіотекой, дѣлаетъ необходимыя покупки, наблюдаетъ за цѣлостью имущества, ведетъ книги, вѣдомости и всю необходимую по дѣламъ переписку. Сверхъ того, дѣлопроизводительница присутствуетъ въ засѣданіяхъ правленія съ правомъ совѣщательнаго голоса. За свой нелегкій трудъ дѣлопроизводительница и помощница ея получаютъ денежное вознагражденіе по представленію правленія и съ утвержденія общаго собранія. Кромѣ того, первая пользуется квартирою въ помѣщеніи Общества.

Третьимъ и притомъ главнѣйшимъ административнымъ òрганомъ Общества является его общее собраніе. Оно окончательно рѣшаетъ всѣ дѣла и вопросы. Общее собраніе бываетъ обыкновенное и чрезвычайное; функціи ихъ одинаковы съ учрежденіями подобнаго рода въ другихъ обществахъ.

Считаемъ нужнымъ обратить вниманіе еще на одинъ параграфъ устава (§ 58), который говоритъ: «Члены Общества имѣютъ право въ общемъ собраніи дѣлать заявленія и по предметамъ, не вошедшимъ въ составъ программы, объявленной правленіемъ, но обсужденіе такихъ вопросовъ допускается не иначе, какъ по опредѣленію общаго собранія». Это новое важное преимущество членовъ Общества попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ является логическимъ послѣдствіемъ широкаго права участія всѣхъ членовъ Общества въ засѣданіяхъ правленія и составляетъ новую существенную гарантію наиболѣе правильнаго теченія дѣлъ.

XVIII.

Обратимся теперь къ тому, что сдѣлано почтеннымъ Обществомъ за долгіе годы его существованія.

Первымъ дѣломъ Общества, конечно, было доставленіе занятій и мѣстъ своимъ членамъ. Сначала дѣло началось въ скромныхъ размѣрахъ, но впослѣдствіи, завоевавъ довѣріе публики осторожною и безупречною дѣятельностью въ этой области, Общество быстро расширило эту функцію своей дѣятельности и, напр., въ прошломъ 1892 году за *указаніемъ* воспитательницъ, учительницъ, надзирательницъ, компаньонокъ и лектрисъ въ Общество обратилось 402 лица; *предложеніе* со стороны лицъ, занимающихся педагогическою дѣятельностью, было 404; *помѣщено* 182 лица, что составитъ болѣе 45 проц. всѣхъ требованій. За весь-же періодъ дѣятельности Общества имъ было помѣщено болѣе $5^1/_2$ тыс. лицъ. Результаты, безспорно, въ высшей степени почтенные.

Вторымъ дѣломъ Общества было устройство квартиръ для членовъ, временно нуждающихся въ помѣщеніи, до пріисканія себѣ мѣстъ. Первоначально такое общежитіе было устроено на Пескахъ. Квартира состояла изъ восьми комнатъ, меблированныхъ всѣмъ необходимымъ для удобства живущихъ. Среднимъ числомъ, въ этихъ такъ-называемыхъ «дешевыхъ квартирахъ» помѣщалось ежегодно по 75 членовъ. 10 лѣтъ тому назадъ, это дѣло было расширено и дешевыя квартиры были переведены на Владимірскую улицу, въ мѣсто болѣе центральное, представлявшее большія удобства и членамъ, жившимъ въ нихъ, и для правленія Общества. Въ этомъ новомъ помѣщеніи одновременно могло жить 20 лицъ, съ платою въ общихъ комнатахъ отъ 5 до 7 руб. въ мѣсяцъ, а въ отдѣльныхъ—отъ 10 до 14 руб. Въ прошломъ году дешевыя квартиры переведены въ новое, еще болѣе обширное, помѣщеніе, на Литейномъ проспектѣ (д. № 43), гдѣ помѣщается и правленіе Общества. Сверхъ того, въ 1876 году правленіемъ былъ сдѣланъ опытъ устройства постоянныхъ квартиръ съ полною обстановкою для учительницъ; но такъ какъ содержаніе этой квартиры приносило убытокъ Обществу, то, по постановленію собранія въ 1879 году, она была закрыта.

Третьимъ, и притомъ самымъ важнымъ, дѣломъ Общества было основаніе *пенсіоннаго капитала*, по мысли одного изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ Общества—А. В. Линка, теперь уже покойнаго, несшаго непрерывно въ теченіи 16 лѣтъ обязанности члена повѣрочной коммиссіи, дѣятельнаго участника въ устройствѣ дешевыхъ квартиръ и крупнаго жертвователя на дѣла Общества. Основаніе пенсіонному капиталу было положено собранною для этой цѣли суммою въ 1.803 руб. Впослѣдствіи, а именно въ 1875 году, членскій взносъ былъ увеличенъ на одинъ рубль, который и постановлено отчислять въ пенсіонный капиталъ. Въ слѣдующіе затѣмъ годы приращеніе пенсіоннаго капитала происходило ежегодно, приблизительно, въ размѣрѣ одной тысячи рублей, такъ что къ 1886 году пенсіонный капиталъ состоялъ изъ суммы 13.618 руб. 42 коп.

Наконецъ, и общество, въ лицѣ нѣкоторыхъ жертвователей, откликнулось на благое дѣло обезпеченія подъ старость труженицъ на нивѣ общественнаго воспитанія и образованія. Такъ, въ 1886 году, В. Н. и С. П. фонъ-Дервизъ пожертвовали въ пенсіонный фондъ 1.000 руб. Въ томъ-же году въ средѣ бывшихъ учениц членa-основателя Общества С. Х. Астафьевой (скончавшейся въ августѣ 1886 года) возникла мысль почтить память покойной составленіемъ пенсіоннаго капитала ея имени, для чего и было приступлено къ сбору по-

жертвованій, и къ 1-му января 1893 года этотъ капиталъ уже составилъ сумму въ 3.067 руб. 29 коп. Въ 1888 году положено основаніе пенсіонному капиталу имени скончавшагося въ этомъ году почетнаго члена А. В. Линка. Члены Общества, изъ уваженія къ памяти покойнаго и глубоко цѣня его труды и заботы въ дѣлѣ улучшенія быта воспитательницы и учительницы, почтили память его сборомъ пожертвованій на пенсію его имени; это доброе дѣло поддержали многіе сослуживцы А. В. Линка, и къ 1-му января 1893 года капиталъ его имени равнялся 2.575 руб. 97 коп.

Въ 1889 году правленіе Общества, движимое чувствомъ живѣйшей радости по поводу спасенія Ихъ Императорскихъ Величествъ и Ихъ Августѣйшей Семьи отъ угрожавшей имъ опасности 17-го октября 1888 года, предложило общему собранію отчислить изъ оборотнаго капитала 2.600 руб. на учрежденіе пенсіи имени Ея Величества—для выдачи этой пенсіи лицу, состоящему членомъ Общества не менѣе 20 лѣтъ и по болѣзни или по старости лишенному возможности заниматься педагогическою дѣятельностью. Въ маѣ того-же года Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на присвоеніе учреждаемой Обществомъ пенсіи наименованіе «Маріинской», и съ 17-го октября того-же года эта пенсія уже выдается воспитательницѣ, состоящей членомъ съ самаго основанія Общества и по болѣзни лишенной возможности продолжать педагогическую дѣятельность. Въ 1890 году правленіе Общества, желая ознаменовать 25-ти-лѣтіе его существованія, приступило къ сбору пожертвованій на спеціальную пенсію «въ память 25-ти-лѣтія Общества»; къ 1-му января 1893 г. уже собрано 2.742 руб. 24 коп. Въ 1892 году при Обществѣ открытъ сборъ пожертвованій на пенсію имени покойной княгини А. А. Оболенской, бывшей начальницы частной женской гимназіи въ Петербургѣ; этотъ капиталъ къ 1-му января 1893 г. равнялся 926 руб. 31 коп. Наконецъ, въ капиталъ имени покойнаго члена Общества Н. К. Ешевскаго къ 1-му января 1893 г. собрано 407 р. 49 к.

Такимъ образомъ, путемъ усиленнаго сбора пожертвованій, ежегоднаго устройства вечеровъ, сборъ съ которыхъ поступаетъ въ пенсіонный фондъ, и учрежденія именныхъ пенсій, ростъ пенсіоннаго капитала сильно увеличился, такъ что къ 1-му января 1893 г. онъ уже равнялся почтенной цифрѣ—48.352 руб. 79 коп.

Это быстрое развитіе средствъ пенсіоннаго капитала побудило правленіе Общества еще въ 1879 году приступить къ выработкѣ проекта пенсіоннаго устава, который былъ одобренъ собраніемъ чле-

новъ въ мартѣ 1891 года и въ декабрѣ того-же года утвержденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Въ виду поучительности этого частнаго примѣра практическаго разрѣшенія пенсіоннаго вопроса, мы считаемъ долгомъ познакомить читателей съ основаніями организаціи этого отдѣла Общества.

Пенсіонная касса учреждена, согласно § 2 основного устава Общества, «для выдачи пенсіи лицамъ женскаго пола, занимающимся педагогическою дѣятельностью и состоящимъ дѣйствительными членами Общества». Пенсіи выдаются пожизненно, въ размѣрѣ 120 руб. въ годъ, а правомъ на полученіе пользуются, безъ различія національностей, подданства и исповѣданія, тѣ изъ дѣйствительныхъ членовъ Общества, которые удовлетворяютъ слѣдующимъ условіямъ: 1) дѣйствительно состояли членами Общества въ сложности (хотя-бы и съ перерывами) 25 лѣтъ; 2) представили законныя доказательства принадлежности къ педагогической профессіи, и 3) имѣютъ не менѣе 46 лѣтъ отъ роду. Лица, удовлетворяющія всѣмъ этимъ условіямъ и желающія воспользоваться пенсіей, обязаны подать въ правленіе письменное заявленіе. Всѣ эти лица, впредь до назначенія имъ пенсіи, считаются кандидатками на пенсію, заносятся въ особый кандидатскій списокъ и освобождаются отъ уплаты членскаго взноса въ пользу Общества, съ сохраненіемъ всѣхъ правъ, продоставленныхъ уставомъ дѣйствительнымъ членамъ Общества. Кандидатки заносятся въ списокъ по старшинству наступленія для нихъ права на полученіе пенсіи; лица-же, для которыхъ такое право наступаетъ въ одномъ и томъ-же году, располагаются по старшинству ихъ возраста. Въ январѣ каждаго года правленіе опредѣляетъ число открывающихся въ томъ году новыхъ пенсій, которыя и назначаетъ ближайшимъ по очереди кандидаткамъ. Пенсіонерки имѣютъ право, не внося членскаго взноса, пользоваться библіотекой Общества, совѣтомъ его врачей и установленною нѣкоторыми аптеками скидкою со стоимости медикаментовъ, отпускаемыхъ дѣйствительнымъ членамъ. Выдача пенсіи прекращается со дня смерти пенсіонерки, но причитавшаяся по этотъ срокъ сумма выдается лицамъ, представившимъ удостовѣреніе о расходахъ, произведенныхъ за счетъ умершей, если эти лица обратятся въ правленіе съ ходатайствомъ въ теченіи полугода со дня смерти пенсіонерки. Въ случаѣ закрытія Общества пенсіонный капиталъ его долженъ быть внесенъ въ какое-нибудь другое благотворительное учрежденіе или-же въ Государственный банкъ съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ съ него продолжалась выдача пенсій какъ тѣмъ лицамъ, которыя уже получали ихъ, такъ равно и всѣмъ тѣмъ, которыя, имѣя право

на пенсію, не получали ея только за неимѣніемъ достаточнаго числа пенсій. Лишь по выбытіи всѣхъ лицъ, которыя имѣютъ право на полученіе пенсіи, этому капиталу можетъ быть дано другое назначеніе, имѣющее связь съ педагогическою дѣятельностью; постановленіе объ этомъ уставъ возлагаетъ на послѣднее общее собраніе.

Кромѣ этихъ общихъ пенсій, существуютъ еще *спеціальныя*. Въ распоряженіи Общества, какъ мы видѣли, такія пенсіи уже имѣются, а равнымъ образомъ могутъ и впредь поступать капиталы для выдачи пенсій на особыхъ условіяхъ. Такимъ капиталамъ по уставу присваивается имя жертвователя и они вносятся или на опредѣленныхъ, по соглашенію правленія съ жертвователемъ, условіяхъ выдачи учреждаемой пенсіи, или-же безъ указаній условій. Въ послѣднемъ случаѣ пенсія назначается дѣйствительнымъ членамъ, въ случаяхъ полной неспособности ихъ существовать своимъ трудомъ, удостовѣренной опредѣленнымъ уставомъ порядкомъ.

Общество стало выдавать пенсіи съ прошлаго 1892 года и въ настоящее время ихъ получаетъ шестеро лицъ, двое спеціальныя пенсіи: имени Ея Величества, въ память 17-го октября 1888 года, и имени члена основателя, С. Х. Астафьевой, и четверо общія—изъ процентовъ съ общаго пенсіоннаго капитала, по 120 р. въ годъ.

Крупною отраслью дѣятельности Общества является его *сберегательная касса*. Начало этому дѣлу было положено въ 1877 г., когда былъ составленъ, принятъ собраніемъ и утвержденъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ уставъ кассы. Вотъ главныя его положенія. Вклады въ кассу для сбереженія, начиная отъ рубля, принимаются только отъ членовъ Общества, причемъ общая сумма вкладовъ одного лица не должна превышать 500 руб. На вклады начисляются четыре процента въ годъ. Возвратъ суммъ изъ кассы дѣлается по письменному требованію вкладчицы. Если въ возвратъ требуется не болѣе тридцати руб. за разъ, то требуемая сумма выдается безотлагательно; въ противномъ случаѣ деньги выдаются по истеченіи трехъ дней. Для разсчетовъ съ вкладчицами каждой изъ нихъ выдается книжка, въ которую вписываются какъ принимаемые, такъ и возвращаемые вклады и проценты. Въ случаѣ смерти вкладчицы, принадлежащіе ей вклады остаются въ вѣдѣніи кассы безъ начисленія процентовъ со дня смерти до явки наслѣдниковъ, которымъ и выдаются деньги на общемъ основаніи законовъ; на томъ-же основаніи поступаютъ и съ невзятыми вкладами въ теченіи 10-ти лѣтъ.

Дѣло сберегательной кассы еще не получило достаточнаго развитія, какъ можно заключить изъ того, что къ 1-му января 1893 года въ

кассѣ состояло всего только 13 вкладчицъ, въ общемъ на сумму 1.000 руб. 45 коп.

Кромѣ этихъ главныхъ отраслей дѣятельности, Общество проявило свою энергію во многихъ другихъ отношеніяхъ на пользу своихъ членовъ. Такъ, въ 1882 году былъ учрежденъ фондъ для выдачи изъ процентовъ съ него пособія неизлечимо больнымъ членамъ Общества. Основаніе этому фонду было положено сборомъ съ духовнаго концерта весною 1883 года. Съ 1879 года Общество получило право устраивать лотерею; до 1888 года такихъ лотерей было двѣ, а съ этого времени лотереи разыгрывались ежегодно, за исключеніемъ прошлаго 1892 года. Сверхъ того, нуждающимся дѣйствительнымъ членамъ выдаются пособія изъ средствъ Общества и изъ 100 руб., которые ежегодно, начиная съ 1886 года, жертвуются для этой цѣли В. Н. фонъ-Дервизомъ для живущихъ въ дешевыхъ квартирахъ. Въ прошломъ 1892 году было выдано пособій на сумму 475 р. семнадцати членамъ Общества. Затѣмъ, съ 1871 года дѣйствительные члены получили право пользоваться ссудами, выдаваемыми за поручительствомъ двухъ состоятельныхъ членовъ Общества. Высшій размѣръ ссуды не превышаетъ 50 руб. Сверхъ того, члены имѣютъ возможность пользоваться безплатнымъ леченіемъ у врачей, изъявившихъ на то свое согласіе, уступкой отъ 25% до 50% съ лекарствъ въ нѣкоторыхъ аптекахъ и безплатнымъ совѣтомъ по юридическимъ вопросамъ у нѣкоторыхъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Въ 1870 году, по иниціативѣ и при дѣятельномъ участіи извѣстнаго педагога I. И. Паульсона, было положено основаніе библіотеки. Въ настоящее время она состоитъ изъ 2.516 томовъ и въ ней получается безплатно 15 журналовъ и газетъ.

Въ 1871 году былъ сдѣланъ первый опытъ чтенія лекцій въ помѣщеніи правленія—съ цѣлью поднять уровень педагогическаго образованія членовъ и ознакомить ихъ съ новыми методами преподаванія. Первымъ лекторомъ былъ преподаватель нѣмецкаго языка К. К. Маакъ, принявшій на себя этотъ трудъ безвозмездно. Затѣмъ, въ 1872 году правленіе, съ разрѣшенія общаго собранія, пригласило нѣсколько извѣстныхъ преподавателей для чтенія лекцій, на что и была ассигнована небольшая сумма денегъ. Въ 1874 году читались лекціи по методикѣ географіи и ариѳметики, по французскому языку и математикѣ (алгебрѣ) и давались примѣрные уроки опытными педагогами въ присутствіи членовъ воспитательницъ и учительницъ. Въ 1875 году рѣшено было устроить систематическіе курсы по тремъ языкамъ, русскому, французскому и нѣмецкому, и по ариѳметикѣ. Къ

сожалѣнію, говоритъ очеркъ, эти курсы просуществовали недолго и не получили желаемаго развитія. Причиною этого было существованіе другихъ однородныхъ учрежденій; сюда нужно отнести: педагогическіе курсы при женскихъ гимназіяхъ, учительскую семинарію, чтенія въ Соляномъ городкѣ, курсы при пятой гимназіи и при Владимірскомъ училищѣ и, наконецъ, съ 1878 года высшіе женскіе курсы. Всѣ эти учрежденія привлекали къ себѣ лицъ, желавшихъ пополнить свое образованіе, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій давали извѣстныя права своимъ слушательницамъ. Въ виду этого въ 1878 году чтеніе лекцій было прекращено. Одновременно съ чтеніемъ лекцій, въ помѣщеніи-же правленія устраивались педагогическія совѣщанія воспитательницъ и учительницъ по вопросамъ преподаванія и воспитанія съ педагогами-спеціалистами. Въ числѣ послѣднихъ достаточно назвать: В. А. Евтушевскаго, барона М. І. Косинскаго, И. Н. Михайлова, А. Н. Страннолюбскаго, Н. И. Раевскаго и В. Θ. Эвальда, чтобы судить о серьезности этого дѣла и о пользѣ, какую оно принесло членамъ Общества.

Заключимъ нашъ очеркъ разнообразной и благотворной дѣятельности «Общества попеченія о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи» слѣдующимъ новымъ и въ высшей степени трогательнымъ фактомъ въ области его мѣропріятій. Въ годъ двадцатипятилѣтія бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ была учреждена въ помѣщеніи дешевыхъ квартиръ одна комната, для проживанія трехъ (а если представится надобность, то и болѣе) лицъ, неимѣющихъ средствъ платить за свое помѣщеніе; срокъ пребыванія въ безплатной комнатѣ—двухмѣсячный. Желающіе занять кровать въ этой комнатѣ обязаны подать прошеніе въ правленіе Общества; при равенствѣ условій просительницъ, преимущество дается старѣйшей по времени пребыванія ея членомъ Общества.

Н. Арепьевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.

(Окончаніе).

VIII.

Американскія женщины въ литературѣ и въ журналистикѣ.

Русскому читателю очень трудно дать понятіе объ участіи американскихъ женщинъ въ литературѣ или въ журналистикѣ, такъ какъ пришлось-бы, вслѣдъ за авторами статей о дѣятельности женщинъ въ этихъ сферахъ, перечислять рядъ именъ писательницъ, конечно, совсѣмъ неизвѣстныхъ внѣ Америки, или въ особенности приводить цѣлые десятки журналовъ, которые издавались или издаются женщинами и которые, конечно, то-же неизвѣстны даже въ Англіи. Надо при этомъ имѣть въ виду, что въ Соединенныхъ Штатахъ выходитъ до 17.000 періодическихъ изданій, т.-е. одна треть всѣхъ, выходящихъ на земномъ шарѣ.

Мы знаемъ условія образованія женщинъ въ прошломъ столѣтіи, и поэтому не удивимся, узнавъ, что до эпохи возстанія колоній противъ Англіи женщины лишь случайно участвовали въ національной литературѣ. Въ первой половинѣ текущаго столѣтія многія женщины имѣли большой успѣхъ въ литературѣ, ихъ произведенія читались даже въ Англіи, но теперь вполнѣ заслуженно преданы забвенію. Особенно плодовиты были женщины «Новой Англіи», такъ что число томовъ ихъ произведеній доходило до 35 (Марія Чайльдъ) и даже 37. Успѣхъ романовъ г-жъ Чайльдъ и Седжуикъ, однако, значительно уменьшился, когда онѣ вздумали писать брошюры противъ рабовладѣнія.

Со второй половины текущаго столѣтія начинаютъ появляться прекрасные бытовые романы, написанные женщинами, и между ними имѣвшій всемірный успѣхъ романъ Бичеръ Стоу «Хижина дяди Тома».

Основанные въ 50-годахъ журналы «Harper's Magazine» и «Atlantic Monthly» (мы имѣли случай цитировать первый изъ этихъ двухъ весьма популярныхъ въ Америкѣ журналовъ) весьма охотно принимали женщинъ въ число своихъ сотрудниковъ, и нѣсколько женщинъ составили себѣ имя, работая въ этихъ журналахъ. Изъ массы писательницъ, которыхъ произведенія появлялись во второй половинѣ текущаго столѣтія и появляются теперь, мы приведемъ Луизу Олькотъ, которой сочиненія дошли и до Россіи, восхищая множество юныхъ сердецъ и въ нашемъ отечествѣ.

Начало участія женщинъ въ журналистикѣ относится къ 40-мъ годамъ, когда онѣ основали нѣсколько журналовъ—съ проповѣдью освобожденія негровъ, а также и первый дѣтскій журналъ въ Америкѣ. Надо сказать, что проповѣдь аболиціонизма иногда сопровождалась крупными матеріальными потерями: не разъ случилась, что редакцію разносила толпа. Такъ, напр., случилось съ г-жей Суисгельмъ, которая принялась, однако, за изданіе другого журнала, усиленно поддерживала кандидатуру Линкольна на президентскій постъ и лишь съ началомъ войны прекратила изданіе журнала, отправившись съ арміей въ качествѣ сестры милосердія. Теперь женщины работаютъ во многихъ главныхъ журналахъ и газетахъ Союза въ качествѣ членовъ редакціи, корреспондентовъ, репортеровъ и т. п. Въ ассоціаціяхъ журналистовъ, существующихъ во многихъ штатахъ, часто насчитывается не одинъ десятокъ женщинъ.

Женщины часто сами издаютъ модные журналы, журналы, преслѣдующіе спеціально интересы женскаго труда, журналы, въ которыхъ ведется проповѣдь распространенія на женщинъ всѣхъ политическихъ правъ американскаго гражданина. Даже женщины-негритянки издаютъ газеты, въ которыхъ защищаютъ интересы своей расы.

Женскій трудъ нашелъ себѣ самое сочувственное отношеніе въ журналистикѣ; здѣсь мужчины ихъ встрѣтили наиболѣе дружелюбно, здѣсь вознагражденіе получается женщинами наравнѣ съ мужчинами и въ исключительныхъ случаяхъ достигаетъ десятковъ тысячъ рублей.

Мы уже знаемъ мнѣніе Брайса о томъ, что «американки стоятъ на болѣе высокомъ уровнѣ литературнаго образованія, чѣмъ европейскія женщины»; но, по мнѣнію того-же англійскаго ученаго, «и число женщинъ-писательницъ гораздо болѣе значительно въ Америкѣ, чѣмъ въ Европѣ. Въ особенности въ поэзіи пріобрѣли большую извѣстность многія изъ американскихъ женщинъ, имена которыхъ совершенно неизвѣстны въ Европѣ» (стр. 401, т. III). Что-же удивительнаго, что у насъ, въ Россіи, извѣстно всего два-три имени американскихъ женщинъ-писательницъ!

IX.

Американскія женщины въ дѣлахъ благотворительности и какъ иниціаторы полезныхъ общественныхъ реформъ.

«Въ дѣлахъ благотворительности ни одна страна не только не превзошла Соединенные Штаты, но не можетъ и равняться съ ними», говоритъ Брайсъ («Американская демократія», т. III, стр. 384). Мы, русскіе, слишкомъ хорошо узнали справедливость мнѣнія Брайса: отношеніе американцевъ къ голоду, постигшему значительную часть Россіи въ 1892 году, навсегда останется въ памяти русскаго народа — отъ самыхъ просвѣщенныхъ представителей его и до такихъ, которые вмѣстѣ съ помощью въ первый разъ узнали о самомъ существованіи этого высоко-гуманнаго народа.

Мы знаемъ также отъ того-же профессора Брайса, что «никакая другая страна не обязана такъ много женщинамъ, какъ Америка,— не обязана имъ такъ много тѣмъ, что есть лучшаго въ ея общественныхъ учрежденіяхъ» (т. III, 402). Зная все это, мы, однако, все-же не ожидали встрѣтить такого полнаго подтвержденія вышеприведеннаго мнѣнія объ американкахъ, какое мы нашли въ книгѣ г-жи Мейеръ. Мы хотѣли-было опустить совершенно дѣятельность американскихъ женщинъ на поприщѣ благотворительности, такъ какъ вездѣ, кажется, за женщиной признается право (а въ нѣкоторыхъ общественныхъ сферахъ—даже обязанность) заниматься дѣлами благотворительности. Однако слишкомъ велика разница какъ въ задачахъ, такъ и въ достигнутыхъ результатахъ благотворительной дѣятельности женщинъ въ Европѣ и въ Америкѣ, чтобы ее можно было обойти молчаніемъ.

Во всѣхъ штатахъ можно найти большое число пріютовъ для дѣтей, и женщинамъ принадлежитъ видная роль въ ихъ организаціи; отъ нихъ-же исходила иниціатива этого дѣла, когда въ 1800 году въ Бостонѣ возникъ первый такой пріютъ. Отъ женщинъ исходила иниціатива въ устройствѣ дѣтскихъ садовъ, которые стали появляться въ Америкѣ въ 70-хъ годахъ, ими-же устроена первая школа сестеръ милосердія и сидѣлокъ въ Нью-Іоркѣ. Американскія женщины выказали столько желанія и умѣнья заниматься благотворительностью, что въ четырехъ мѣстахъ (Массачусэтсъ, Коннектикутъ, Висконсинъ, Нью-Іоркъ) нѣсколько женщинъ назначены членами государственныхъ управленій по благотворительности (State Board of Charity).

Женщины организовали до 50 обществъ для помощи дѣвушкамъ, работающимъ на фабрикахъ и въ магазинахъ. Онѣ устраиваютъ помѣщенія, гдѣ эти дѣвушки проводятъ вмѣстѣ вечера въ развлеченіяхъ, играхъ, танцахъ и т. п. Тамъ же устраиваются библіотека, читальная, идетъ обученіе желающихъ ручнымъ работамъ, счетоводству, пѣнію и даже, въ элементарномъ, конечно, видѣ, разнымъ наукамъ; Общество доставляетъ часто этимъ дѣвушкамъ даровую медицинскую помощь, помогаетъ пріискивать работу. Другія подобныя общества устраиваютъ для такихъ дѣвушекъ дешевыя кухмистерскія, куда, впрочемъ, имъ предоставляется приходить даже съ собственной провизіей: Общество желаетъ только доставить имъ возможность отдохнуть во время перерыва работы въ чистомъ и приличномъ помѣщеніи. Иногда учреждается нѣчто въ родѣ такъ-называемыхъ «сосѣдскихъ гильдій», описанныхъ проф. Янжуломъ въ Сборникѣ въ пользу голодающихъ, изданномъ «Русскими Вѣдомостями». Нанимается для этого особый домъ, гдѣ устраиваются всѣ приспособленія какъ для развлеченій, такъ и для серьезныхъ занятій (библіотека, уроки наукъ и искусствъ), при этомъ имѣютъ въ виду всѣ возрасты. Такимъ образомъ составляется нѣчто въ родѣ клуба, съ членовъ котораго взимается плата—максимумъ 3 рубля въ годъ ($1^1/_2$ долл.) для семьи со всѣми дѣтьми. Молодые люди разнаго пола проводятъ время вмѣстѣ и на урокахъ, и во время развлеченій, и только хорошее можно сказать про вліяніе ихъ другъ на друга. Большинство этихъ обществъ вошло въ Ассоціацію, т.-е. союзъ между собой (The Association of working girls'societies); каждый годъ гдѣ-нибудь бываетъ конгрессъ делегатовъ отъ всѣхъ обществъ, число которыхъ въ 1890 г. дошло до 250.

Недавно въ Чикаго образовалось Общество, состоящее преимущественно изъ женщинъ, для помощи рабочимъ женщинамъ и дѣтямъ въ случаѣ притѣсненій хозяевъ, неуплаты денегъ, злоупотребленія объявленіями съ предложеніемъ труда и т. п. Мѣстный верховный судъ оффиціально засвидѣтельствовалъ пользу для правосудія упомянутаго Общества, и въ книгѣ г-жи Мейеръ приводится это свидѣтельство.

«Союзъ женщинъ» въ Иллинойсѣ взялъ на себя задачу слѣдить за исполненіемъ всѣхъ постановленій, регулирующихъ женскій и дѣтскій трудъ на фабрикахъ и мастерскихъ; Общество съумѣло добиться назначенія правительствомъ штата извѣстнаго числа фабричныхъ инспекторовъ-женщинъ.

Мы уже знаемъ примѣры основанія женщинами госпиталей для доставленія практическаго образованія женщинамъ-врачамъ, но, кромѣ такихъ госпиталей, на средства женщинъ открыто много больницъ

съ чисто благотворительными цѣлями. Больница для душевнобольныхъ въ Пенсильваніи на 800 человѣкъ, женскимъ отдѣленіемъ которой завѣдуетъ д-ръ Алиса Беннетъ съ двумя помощницами, можетъ служить образцомъ гуманнаго обращенія съ такими больными. Существуютъ общества женщинъ, которыя берутъ на себя задачу доставлять бѣднымъ людямъ, въ случаяхъ серьезной болѣзни, опытныхъ сидѣлокъ. Въ южныхъ штатахъ для такого занятія оказались особенно пригодны дѣвушки-негритянки, за которыми всѣ признаютъ терпѣливый, мягкій и любящій характеръ.

Хотя довольно много госпиталей для помощи бѣднымъ основано женщинами, или на средства, добытыя ими, однако мужчины всегда привлекаются къ участію въ дѣлѣ или какъ доктора, или, если обязанности докторовъ исполняются женщинами, какъ члены совѣта по администраціи госпиталей.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія извѣстная англійская филантропка Елизавета Фрай сдѣлала очень много для улучшенія условій, въ которыхъ содержались заключенныя въ тюрьму женщины. Этотъ примѣръ вызвалъ подражаніе въ Америкѣ и въ 1834 г. основалось женское Общество «Нравственнаго обновленія» въ Нью-Іоркѣ. Это Общество поставило себѣ цѣлью систематически посѣщать тюрьмы и изслѣдовать условія, въ которыхъ живутъ заключенныя женщины. Много разъ обращалось Общество съ петиціями къ законодательнымъ собраніямъ штата и просило улучшеній въ тюремныхъ порядкахъ; оно добилось такимъ образомъ полнаго раздѣленія половъ и назначенія женщинъ-надзирательницъ на женскихъ отдѣленіяхъ. Не всегда, впрочемъ, было легко посѣщать тюрьмы, и женщинамъ-посѣтительницамъ случалось получать отказы, откровенно мотивированные дурнымъ состояніемъ мѣстъ заключенія. Нѣкоторыя женщины берутъ на себя трудъ регулярно посѣщать заключенныхъ, ведя для нихъ переписку и навѣщая отъ ихъ имени ихъ друзей.

Въ штатѣ Нью-Іоркъ съ 1854 года существуетъ Общество, которое устроило пріютъ для перваго устройства женщинъ, выпущенныхъ изъ тюремъ; такія-же Общества существуютъ и въ нѣкоторыхъ другихъ штатахъ. Особенно замѣчательна дѣятельность въ этомъ направленіи миссъ Линды Джильбертъ, которая въ теченіи 15 лѣтъ доставила работу 6 тысячамъ преступницъ, отбывшимъ наказаніе. Она-же подарила разнымъ тюрьмамъ 22 библіотеки. Л. Джильбертъ продолжаетъ свою дѣятельность до сего дня, начавъ ее чуть-ли не съ дѣтскаго возраста.

Признаніе обществомъ заслугъ женщинъ въ этомъ направленіи

выразилось въ окончательномъ утвержденіи законодательной властью въ 1887 году положенія о государственной тюрьмѣ въ Индіанополисѣ, которая единственная, вѣроятно, въ мірѣ управляется исключительно женщинами. Она долго передъ этимъ существовала въ видѣ опыта, и администрація тюрьмы вполнѣ оправдала всѣ хорошія ожиданія. Можно ожидать, что и въ другихъ штатахъ вскорѣ откроются подобныя тюрьмы, или-же женскія отдѣленія существующихъ мѣстъ заключенія перейдутъ въ исключительное завѣдываніе женщинъ.

Съ 1877 года женщины повсемѣстно стали указывать на необходимость назначенія такъ-называемыхъ «полицейскихъ матронъ» въ мѣстахъ, гдѣ подвергаются предварительному заключенію арестованныя полиціей женщины (Matrons for the Police Stations),—тѣмъ болѣе, что въ Америкѣ, какъ и вездѣ, можно попасть въ полицейскій участокъ по тысячѣ другихъ поводовъ, кромѣ преступленія, не говоря уже о возможныхъ ошибкахъ и недоразумѣніяхъ. Теперь во многихъ большихъ городахъ уже есть такія «матроны», и въ трехъ штатахъ (Массачусэтсъ, Нью-Іоркъ, Пенсильванія) законъ требуетъ назначенія ихъ во всѣхъ городахъ съ извѣстнымъ числомъ жителей. «Десять лѣтъ тому назадъ смѣялись надъ этимъ движеніемъ, а черезъ 10 лѣтъ не будутъ понимать возможности другого порядка вещей», говоритъ составительница статьи о дѣятельности женщинъ на пользу заключенныхъ въ тюрьмахъ.

Мы уже знаемъ, что желаніе помочь дѣлу освобожденія негровъ вывело въ первый разъ женщину на арену общественной дѣятельности. Много сдѣлали американскія женщины и для блага индійцевъ.

Вообще можно сказать, что отношеніе американцевъ къ индійцамъ всегда было дурно, но это скорѣе вина отдѣльныхъ лицъ и федеральнаго правительства, чѣмъ всего американскаго народа. «Между американцами болѣе, чѣмъ между другими народами, распространено убѣжденіе, что справедливость и равноправность должны быть соблюдаемы какъ въ отношеніяхъ между людьми, такъ и между націями. Когда затрагивается вопросъ о человѣколюбіи, онъ всегда здраво разрѣшается сердцемъ американца. Дурное обхожденіе съ индійцами не дѣлаетъ чести ни западнымъ колонистамъ, ни федеральному правительству, которое въ своихъ попыткахъ оказать покровительство этимъ дикарямъ часто не имѣло успѣха или потому, что его агенты дѣлали ошибки, или потому, что оно дѣйствовало недостаточно скоро и осмотрительно. Но народъ всегда желалъ великодушнаго обращенія съ аборигенами и всегда относился сочувственно ко всѣмъ предложеніямъ, которыя дѣлались въ ихъ пользу» (Брайсъ, т. III, 125—6). Далѣе

Брайсъ указываетъ на предложенія въ пользу индійцевъ, «съ которыми покойная (въ русскомъ изданіи невѣрно переведено: «покойный Helen Jackson») Элена Джаксонъ обращалась къ американцамъ такъ настойчиво и такъ краснорѣчиво».

Въ книгѣ г-жи Мейеръ мы находимъ подробное описаніе дѣятельности г-жи Джаксонъ, указаніе на ея статьи въ знаменитой газетѣ «New-York Tribune» (издававшейся извѣстнымъ американскимъ писателемъ и филантропомъ Томасомъ Грили), затѣмъ—на ея книгу «Одинъ вѣкъ позора» (т.-е. дурного отношенія къ индійцамъ—A Century of Dishonour). Видя, что эта серьезная книга не читается съ такимъ усердіемъ, на какое она разсчитывала, г-жа Джаксонъ описала все, что видѣла лично въ жизни индійцевъ и въ отношеніи къ нимъ людей бѣлой расы, въ формѣ романа «Ramona», имѣвшаго большой успѣхъ даже въ Европѣ (есть, напр., изданіе Таухница). Заслуги ея были оцѣнены, а правительство назначило ее однимъ изъ своихъ агентовъ въ индійской территоріи, гдѣ она черезъ 5 лѣтъ умерла.

Другая американка—миссъ Алиса Флетчеръ, производя ученыя изслѣдованія въ 1882 г. среди индійцевъ, заинтересовалась ихъ жизнью, стала усердно изучать ихъ бытъ, выработала проектъ одного закона объ улучшеніи положенія индійцевъ той мѣстности, въ которой она была (штатъ Небраска), возбудила общественный интересъ своимъ предложеніемъ и имѣла удовольствіе видѣть, что законодательное собраніе въ Вашингтонѣ приняло во вниманіе ея дѣятельность и издало соотвѣтствующій законъ. Она продолжала работать, издавая цѣнныя монографіи по этнографіи, археологіи изучаемаго ею края, о животной и растительной жизни въ штатѣ Небраска. Она также много сдѣлала для распространенія образованія среди индійцевъ, жертвуя на это иногда собственныя деньги; между прочимъ, она доставила возможность одной индіанкѣ получить медицинское образованіе и нѣсколькимъ индійцамъ изучить юридическія науки, она-же устроила отдѣлъ индійскихъ произведеній на выставкѣ въ Луизіанѣ 1884—1885 г. Съ 1887 г. Алиса Флетчеръ постоянно назначалась президентами Союза исполнять разныя порученія федеральныхъ властей по устройству индійцевъ въ Аляскѣ, Небраскѣ и Идаго (Idaho).

Это, конечно, единичные примѣры высокополезной работы, исполненной по влеченію сердца даровитыми женщинами, но эта дѣятельность тѣсно соединена съ дѣятельностью цѣлаго Общества женщинъ, возникшаго въ концѣ 70 годовъ и поставившаго себѣ цѣлью ограждать всѣ законныя права индійцевъ. Этому Обществу, въ которомъ, впрочемъ, было много и мужчинъ, но которое возникло, однако,

по иниціативѣ женщинъ, удалось собрать въ 1880 г. 15 тысячъ подписей для петиціи президенту Соединенныхъ Штатовъ, въ которой указывалась настоятельная необходимость немедленной дѣятельности для цивилизованія краснокожихъ дикарей и добросовѣстнаго экономическаго устройства ихъ. Петиція 1881 г. была подписана 50 тыс. лицъ, а петиція 1883 г. 150 тысячами лицъ. Мы хотѣли-бы привести цѣликомъ эти краснорѣчивыя заявленія, подписанныя секретаремъ Общества Амаліей Куинтонъ—авторомъ статьи о дѣятельности женщинъ на пользу индійцевъ въ книгѣ г-жи Мейеръ. До сихъ поръ президентами этого Общества выбирались женщины; теперь занимаетъ эту обязанность бывшій секретарь Общества г-жа Куинтонъ, прежде занимала г-жа Дикинсонъ—извѣстная въ Америкѣ писательница; читатель можетъ судить о качествѣ статей, составляющихъ книгу г-жи Мейеръ. Мы знаемъ, кромѣ того, что, заговоривъ о добрыхъ начинаніяхъ въ пользу индійцевъ, англичанинъ Брайсъ сослался на ту самую Элену Джаксонъ, съ которой мы, слѣдуя примѣру г-жи Куинтонъ, начали свое изложеніе о дѣятельности женщинъ въ пользу индійцевъ.

Послѣднее время возникъ уже цѣлый рядъ обществъ съ такою-же программой дѣятельности, и цѣлую страницу заняло-бы одно перечисленіе этихъ обществъ и ихъ спеціальныхъ задачъ, ведущихъ къ общей цѣли—поднятію умственнаго и нравственнаго развитія, а также матеріальнаго благосостоянія индійцевъ.

Мы думаемъ, что и въ этомъ отношеніи уже много сдѣлано въ Америкѣ, такъ какъ «индійскихъ дѣтей школьнаго возраста считается въ Соединенныхъ Штатахъ 39 тысячъ, разбросанныхъ въ 19 штатахъ и территоріяхъ, въ школьные списки занесено 16 тысячъ дѣтей, изъ которыхъ ежедневно присутствуетъ въ школѣ не менѣе 1/3 (Boone, Education in the United States, стр. 258). Мы думаемъ, что и въ этомъ отношеніи Соединенные Штаты представляютъ исключеніе въ хорошую сторону среди другихъ государствъ, на территоріи которыхъ живутъ полуцивилизованные или вовсе дикіе народы.

Замѣчательно, что иниціатива присоединенія Соединенныхъ Штатовъ къ международному обществу «Краснаго Креста» принадлежитъ женщинѣ, г-жѣ Бартонъ. Когда, въ 1863—1864 годахъ, происходили совѣщанія делегатовъ разныхъ правительствъ въ Женевѣ, результатомъ которыхъ явилось соглашеніе о неприкосновенности или, лучше сказать, нейтральности въ военное время больницъ, подвижныхъ лазаретовъ, самихъ раненыхъ и всего вообще состава лицъ, ухаживающихъ за больными, Соединенные Штаты, гдѣ происходила въ то время гражданская война, не приняли участія ни на конгрессѣ, ни въ обра-

зовавшемся послѣ конгресса международномъ «Красномъ Крестѣ». Въ то время, когда велись переговоры делегатовъ въ Женевѣ, въ Америкѣ, гдѣ происходила международная война, «организація помощи больнымъ и раненымъ,—говоритъ Мэкри,—была поистинѣ изумительна... Если требовалась сидѣлка—тысячи патріотичныхъ женщинъ предлагали свои услуги... Деньги стекались въ такомъ-же изобиліи, какъ и припасы. Однимъ словомъ, дѣло помощи солдатамъ было развито «въ такихъ широкихъ размѣрахъ, которые и во снѣ не снились тѣмъ, у кого идея организаціи этой помощи была заимствована» *) (Мэкри, стр. 122—124). Вотъ въ такое-то время особенно выдѣлилась своею полезною дѣятельностью г-жа Бартонъ. Во время франко-прусской войны она очень много работала сначала въ Страсбургѣ, а затѣмъ въ Парижѣ. Исполненная глубокаго человѣколюбія, дѣятельность ея среди павшаго духомъ населенія была признана всѣми, и Тьеръ лично посѣтилъ ее, чтобы выразить признательность французовъ. Съ 1877-го и до 1881 года г-жа Бартонъ неустанно писала, читала публичныя лекціи въ разныхъ штатахъ, обращая вниманіе американскаго общества на необходимость присоединенія къ международному обществу «Краснаго Креста». Въ 1881 году президентъ Соединенныхъ Штатовъ Джэмсъ Гарфильдъ въ своемъ первомъ президентскомъ посланіи американскому сенату рекомендовалъ присоединеніе къ женевской конвенціи. Г-жа Бартонъ была приглашена явиться лично въ сенатъ для доклада о дѣятельности «Краснаго Креста» въ Европѣ. Въ 1882 году законъ о присоединеніи Соединенныхъ Штатовъ къ международному Обществу «Краснаго Креста» прошелъ единогласно въ сенатѣ и въ конгрессѣ и былъ немедленно утвержденъ президентомъ Артуромъ, занявшимъ этотъ постъ послѣ безвременно погибшаго Джэмса Гарфильда. Съ тѣхъ поръ правительство Соединенныхъ Штатовъ два раза назначало г-жу Бартонъ делегатомъ на международные конгрессы Общества «Краснаго Креста», происходившіе въ Европѣ.

По настоянію г-жи Бартонъ, американское Общество «Краснаго Креста» выговорило себѣ право включить въ свой уставъ распространеніе своей дѣятельности и на помощь населенію въ случаѣ крупныхъ общественныхъ бѣдствій. Этимъ американское Общество отличается отъ другихъ національныхъ Обществъ «Краснаго Креста», и въ Соединенныхъ Штатахъ эта поправка имѣетъ особенный смыслъ,

---

*) Образцомъ для американцевъ послужила дѣятельность англичанки, г-жи Найтингель, во время крымской войны.

такъ какъ тамъ менѣе всего вѣроятна какая-бы то ни было война. Въ послѣднія 10 лѣтъ почти ежегодно на громадной территоріи Штатовъ гдѣ-нибудь разражалось крупное общественное бѣдствіе: наводненія, пожары, желтая лихорадка въ эпидемической формѣ, ураганы въ южныхъ штатахъ и т. п., и вездѣ немедленно являлась г-жа Бартонъ, широко организуя помощь бѣдствующему населенію, показывая всѣмъ примѣръ самопожертвованія, присутствія духа и ревностнаго трудолюбія. Статья въ книгѣ г-жи Мейеръ объ участіи женщинъ въ дѣятельности и въ самомъ возникновеніи американскаго отдѣленія «Краснаго Креста» принадлежитъ перу самой г-жи Бартонъ. Какъ и всѣ статьи въ этой книгѣ, эта статья написана въ высшей степени скромно, причемъ авторъ совершенно игнорируетъ свои собственныя заслуги. На этотъ разъ г-жа Мейеръ въ первый и послѣдній разъ измѣняетъ своему нейтральному положенію издательницы и указываетъ читателю на слишкомъ очевидныя заслуги г-жи Бартонъ, благодаря чему мы и получили возможность отдать ей полную справедливость.

Только глубокое убѣжденіе въ склонности людей злоупотреблять спиртными напитками и въ большомъ вредѣ этого явленія для всего общества могло внушить женщинамъ такое страстное отношеніе къ этому вопросу, что ихъ дѣятельность къ устраненію зла принимала временами совершенно необыкновенный характеръ и по справедливости иногда называется «Женскимъ крестовымъ походомъ противъ пьянства». Профессоръ Брайсъ говоритъ, что «основанное женщинами Общество трезвости (Women's Christian Temperance Union) имѣло многочисленныя развѣтвленія и было въ западныхъ Штатахъ самымъ вліятельнымъ противникомъ торговли опьяняющими напитками, а нѣкоторыя женщины обнаружили въ борьбѣ съ пьянствомъ необычайное рвеніе» (Брайсъ, т. III, стр. 390).

Общество, о которомъ говоритъ Брайсъ, имѣетъ до 200.000 членовъ; оно распространяетъ массу брошюръ, устраиваетъ публичныя лекціи, стараясь убѣдить людей во вредѣ опьяняющихъ напитковъ. То-же Общество издаетъ нѣсколько газетъ, изъ которыхъ «Union Signal» расходится въ 85.000 экземплярахъ. Типографія Общества, находящаяся въ Чикаго, въ которой работаютъ преимущественно женщины, напечатала въ 1889 году 130 милліоновъ страницъ брошюръ и книгъ противъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Общество это желаетъ возможнаго сокращенія, или даже полнаго запрещенія продажи алкоголя въ томъ или другомъ видѣ (кромѣ медицинскихъ и мануфактурныхъ цѣлей), какъ это уже существуетъ въ

штатѣ Канзасъ. За недостаткомъ мѣста, мы не можемъ передавать законодательныхъ мѣропріятій въ другихъ штатахъ, такъ или иначе смягчающихъ возможный вредъ отъ слишкомъ свободной продажи вина и водокъ.

Не довольствуясь національною дѣятельностью, американскія женщины послали делегатовъ въ другія страны—для проповѣди подобныхъ взглядовъ на употребленіе спиртныхъ напитковъ; такимъ образомъ къ нимъ присоединилось или, можетъ быть, по ихъ иниціативѣ даже и возникло женское Общество трезвости въ Великобританіи. Уже нѣсколько лѣтъ дѣлаются попытки распространить дѣятельность Общества, теперь «Всемірнаго», на Канаду, Японію, Китай (противъ употребленія опіума), Цейлонъ, Швейцарію, Норвегію, Германію и т. д. Первымъ президентомъ этого «Всемірнаго Женскаго Общества Трезвости» была Маргарита Брайтъ (сестра Джона Брайта), которая въ то-же время была президентомъ «Великобританскаго національнаго Общества». Теперь президентомъ состоитъ г-жа Виллардъ—авторъ статьи о женскихъ Обществахъ трезвости въ книгѣ г-жи Мейеръ. На 1893-й годъ въ Чикаго назначенъ всемірный конгрессъ женскихъ Обществъ трезвости.

Проф. Янжулъ въ статьяхъ о «Пьянствѣ и борьбѣ противъ него» («Вѣстн. Евр.», 1888 г., №№ 6—8) говоритъ по поводу попытокъ запрещенія продажи спиртныхъ напитковъ въ Соединенныхъ Штатахъ слѣдующее: «Если запретительное законодательство оказалось неудачнымъ въ большихъ городахъ, то въ маленькихъ городахъ и въ деревняхъ не только пьянство, но даже и самое умѣренное употребленіе спиртныхъ напитковъ прекратилось. Общая картина трезвости въ современной Америкѣ не подлежитъ сомнѣнію» (№ 7, стр. 13). Такой успѣхъ въ значительной степени зависитъ, по мнѣнію проф. Янжула, отъ дѣятельности Обществъ трезвости (мужскихъ и женскихъ).

Заключая наше—по необходимости краткое—обозрѣніе крайне разнообразныхъ формъ, которыя принимаетъ въ Америкѣ благотворительная дѣятельность женщинъ, мы не можемъ не пожалѣть вмѣстѣ съ г-жей Ловэлъ (авторомъ одной изъ статей о благотворительности женщинъ), что не дали болѣе полной картины этой дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, читатель понимаетъ самъ, что если въ Америкѣ, по мнѣнію г-жи Ловэлъ, подробный отчетъ объ этой дѣятельности могъ-бы ободрить однихъ и вдохновить другихъ, то такой-же отчетъ на русскомъ языкѣ былъ-бы безконечно полезнѣе, такъ какъ наглядно показалъ-бы разстояніе, отдѣляющее насъ отъ нашихъ заатлантическихъ друзей, такъ неопровержимо доказавшихъ искренность

и безкорыстіе своихъ чувствъ въ прошломъ году. Надо, впрочемъ, замѣтить, что американцы не разъ и прежде выказывали готовность помочь бѣдствующему европейскому населенію, къ какой-бы націи оно ни принадлежало. Мэкри поражается размѣромъ денежныхъ средствъ, собранныхъ во время междоусобной войны для помощи солдатамъ: общая сумма этихъ пожертвованій доходитъ до 70 милліоновъ долларовъ. «Въ это самое время, когда Америка боролась за свое существованіе и приносила такія страшныя жертвы, чтобы поддержать свои арміи и смягчить ужасы войны, у нея еще оставался избытокъ сочувствія для бѣдныхъ ланкаширскихъ рабочихъ и она посылала въ пособіе имъ за океанъ нѣсколько кораблей, нагруженныхъ съѣстными припасами» (Мэкри, стр. 128). Дальнѣйшее описаніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ отправку кораблей, во многомъ напоминаетъ тѣ, при которыхъ въ прошломъ году была оказана американцами помощь бѣдствующему русскому народу. Припомнимъ при этомъ, что Англія во время американской междоусобной войны очень ясно показывала первое время свои симпатіи къ возставшимъ южнымъ штатамъ и что она вообще была такъ далека отъ нейтралитета, что въ 1873 году международный судъ посредниковъ присудилъ Англію къ уплатѣ Соед. Штатамъ трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ за убытки, понесенные отъ крейсеровъ «Сэмтера» и «Алабамы», снаряженныхъ въ Англіи для южныхъ штатовъ во время междоусобной войны.

Въ нашей статьѣ мы старались, гдѣ могли, на ряду съ главными данными изъ книги г-жи Мейеръ приводить свидѣтельства и другихъ лицъ, по большей части проф. Брайса. Мы избрали для такого дополненія преимущественно трудъ Брайса потому, что въ своемъ сочиненія англійскій ученый показываетъ глубокую проницательность въ сужденіяхъ объ американской жизни и учрежденіяхъ,—сужденіяхъ, основанныхъ притомъ на неоднократныхъ посѣщеніяхъ страны и на глубокомъ и широкомъ знакомствѣ съ мѣстной исторіей и литературой, особенно соціально-политической и юридической. Какъ видно изъ многихъ мѣстъ сочиненія, Брайсъ, кромѣ того, лично знакомъ со многими выдающимися людьми между учеными и государственными и общественными дѣятелями Соед. Штатовъ; на каждомъ шагу читатель убѣждается также въ близкомъ знакомствѣ Брайса съ жизнью и учрежденіями всѣхъ западно-европейскихъ націй. Закончимъ и на этотъ разъ ссылкой на его сочиненіе: «Ни въ одной странѣ женщины не принимали такого-же, какъ въ Соед. Штатахъ, блестящаго участія въ предпріятіяхъ, задуманныхъ съ какою-нибудь

нравственною или филантропическою цѣлью... Ихъ забота о бѣдныхъ, въ учрежденіи благотворительныхъ и исправительныхъ заведеній, неоцѣнимы... Въ большихъ городахъ общества, завѣдывающія организаціей благотворительности, находятся большею частью подъ женскимъ управленіемъ; а благодаря тому, что американскія женщины пользуются въ этихъ случаяхъ большою свободою и обладаютъ такимъ знаніемъ дѣла, какое рѣдко встрѣчается среди европейскихъ женщинъ, онѣ приносятъ неоцѣнимую пользу въ такомъ дѣлѣ, важность котораго возрастаетъ съ каждымъ днемъ, вмѣстѣ съ размноженіемъ бѣдняковъ» (Брайсъ, т. III, стр. 390).

Заключая свою статью объ американскихъ женщинахъ, профессоръ Брайсъ говоритъ: «Нерѣдко высказывалось мнѣніе, что американскія народныя массы стоятъ на одномъ уровнѣ съ средними классами европейскаго населенія; но это мнѣніе болѣе вѣрно по отношенію къ американскимъ женщинамъ, чѣмъ по отношенію къ американскимъ мужчинамъ, въ особенности болѣе вѣрно въ сельскихъ округахъ и на Западѣ, чѣмъ въ приатлантическихъ городахъ» (гдѣ преимущественно сосредоточиваются вновь прибывшіе эмигранты изъ Европы).

Мы знаемъ уже, что въ той странѣ, гдѣ женщины наиболѣе образованы и умственно развиты, онѣ оказываютъ и наиболѣе благотворное вліяніе на общественные нравы. Мы думаемъ, что наибольшее значеніе имѣло въ этомъ случаѣ предоставленіе женщинѣ полной возможности учиться всему, чему она пожелаетъ, и браться за любое дѣло, которое ей окажется подъ силу. Мы видѣли, что сенатъ, палата представителей, наконецъ, президенты Соед. Штатовъ не разъ публично тѣмъ или другимъ способомъ признавали громадныя національныя заслуги выдающихся женщинъ.

Итакъ, американцы предоставляютъ своимъ женщинамъ больше самостоятельности, чѣмъ какой-бы то ни было народъ въ Европѣ, американскія женщины образованнѣе женщинъ какой-либо европейской націи и въ то-же время (а профессоръ Брайсъ говоритъ даже, что благодаря именно этому обстоятельству) американцы вообще обнаруживаютъ больше всякаго другого народа любви къ ближнему и понимаютъ «подъ ближнимъ» не только своихъ единовѣрцевъ, не только своихъ соотечественниковъ, не только даже дружественные себѣ народы, но даже въ извѣстной мѣрѣ своего врага, всякое человѣческое существо, какъ неопровержимо свидѣтельствуетъ приведенный нами, со словъ шотландца Мэкри, фактъ помощи со стороны американцевъ бѣдствующимъ ланкаширскимъ ткачамъ (въ декабрѣ 1862 г. и январѣ 1863 г.).

Мы думаемъ, что какъ-бы ни расходились люди въ своихъ взглядахъ на характеристическія черты высокоцивилизованнаго народа, никто не будетъ отрицать, что готовность придти на помощь страждущему человѣчеству, гдѣ-бы эти страданія ни происходили, составляетъ одинъ изъ лучшихъ такихъ признаковъ. На основаніи такого теоретическаго убѣжденія и на основаніи всего того, что намъ сообщаютъ женщины-американки, Брайсъ, Фичъ и другіе писатели, которыхъ мы имѣли случай упомянуть, мы считаемъ, что американцевъ болѣе, чѣмъ какой-либо другой народъ, можно назвать высокоцивилизованнымъ, причемъ, какъ оказывается, эта высокая цивилизація возможна въ значительной мѣрѣ благодаря взаимному уваженію обоихъ половъ, большему или меньшему равенству въ умственномъ развитіи и дружной совмѣстной работѣ въ самыхъ различныхъ сферахъ. Этотъ послѣдній фактъ давалъ-бы намъ право вслѣдъ за профессоромъ Брайсомъ настаивать на другомъ мѣрилѣ цивилизаціи столь понятномъ въ устахъ человѣка, въ теченіе 20-ти лѣтъ изучавшаго американскую жизнь и учрежденія и въ то-же время глубокаго знатока жизни европейскихъ націй, а именно: что «положеніе, занимаемое въ государствѣ женщинами, служитъ если не самымъ совершеннымъ мѣриломъ цивилизаціи страны, то однимъ изъ самыхъ лучшихъ» *).

П. Мижуевъ.

---

* Брайсъ томъ III, стр. 388.

Состояніе народнаго образованія въ селахъ Европейской Россіи.

(Окончаніе).

II.

Въ предъидущей главѣ мы разсмотрѣли, въ предѣлахъ намѣченной программы, состояніе народнаго образованія въ селахъ Европейской Россіи въ 1880 году; мы опредѣлили и охарактеризовали, такъ сказать, только одну точку той кривой, которая выражаетъ собою медленный и тяжкій ходъ развитія у насъ великаго процесса народнаго образованія. Чтобы составить понятіе о самомъ ходѣ этого процесса въ ближайшее къ намъ время, необходимо разсмотрѣть, какіе успѣхи сдѣлало народное образованіе послѣ 1880 года. Но чтобы съ большею увѣренностью и обстоятельностью судить о ходѣ явленія послѣ извѣстной эпохи, необходимо прослѣдить его и за нѣкоторый, достаточно продолжительный, промежутокъ времени, предшествующій ей. Первое, сколько-нибудь удовлетворительное статистическое обслѣдованіе школъ въ Россіи относится къ 1872—1874 годамъ, когда нашъ Центральный Статистическій Комитетъ,—говоримъ его собственными словами,—сдѣлалъ «*попытку* дать свѣдѣнія о числѣ учебныхъ заведеній и учащихся въ нихъ въ Европейской Россіи *по всѣмъ вѣдомствамъ и учрежденіямъ*, которымъ принадлежатъ школы» *). Хотя попытка эта и не привела, по словамъ Комитета, къ результатамъ «строго научнаго характера», но она, все-таки, даетъ возможность составить хотя приблизительное понятіе о числѣ школъ и учащихся. Наиболѣе

---

*) «Стат. Временникъ Росс. Имп.». Серія III. Вып. 16. «Свѣдѣнія по статистикѣ народнаго образованія въ Европ. Россіи 1872—74 гг.». Разработаны А. Дубровскимъ. Спб. 1879 г.

неудовлетворительными являются въ этомъ изслѣдованіи свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ и о школахъ магометанскихъ и еврейскихъ. Но значеніе первыхъ въ общемъ составѣ начальныхъ школъ въ эпоху 1872—1874 гг. было самое слабое, а послѣднія были вовсе исключены изъ обнародованныхъ комитетомъ сводовъ, относящихся какъ къ 1872—1874 гг., такъ и къ послѣдующимъ годамъ, вплоть до 1885 г. включительно. Мы считаемъ не только возможнымъ, но и полезнымъ въ интересахъ нашего труда воспользоваться сводомъ за 1872—1874 гг. Что касается позднѣйшихъ, слѣдующихъ за 1880 г. свѣдѣній по народному образованію, то послѣдняя опубликованная Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ оффиціальная статистика сельскихъ школъ относится къ 1885 г. *). Хотя въ 1890 г. и былъ изданъ Комитетомъ новый выпускъ «*Сборника свѣдѣній по Россіи за 1886 г.*», но для нашей цѣли онъ, къ сожалѣнію, непригоденъ. Мы не можемъ имъ воспользоваться, потому что таблица низшихъ и начальныхъ училищъ составлена въ немъ по системѣ, отличной отъ принятой для предшествующихъ годовъ—1882, 1883 и 1885, въ ряду которыхъ, кстати упомянуть, пропущенъ одинъ, а именно 1884 годъ. Существеннымъ отличіемъ таблицы, относящейся къ 1886 г., отъ таблицъ предшествующихъ годовъ, не исключая 1880 г. и 1872—1874 гг., является, во-первыхъ, включеніе школъ еврейскихъ и магометанскихъ, такъ-называемыхъ хедеровъ и мектедовъ и медрессе, съ ихъ учащимися. Во-вторыхъ, въ таблицахъ 1886 г. школы сельскія не отдѣлены отъ школъ въ городахъ и нѣтъ никакихъ данныхъ для перехода отъ однѣхъ къ другимъ. Такимъ образомъ, мы лишены возможности имѣть точныя цыфры школъ и учащихся собственно въ селахъ за 1886 г. **).

На основаніи данныхъ свода за 1872—1874 гг., изслѣдованія 20-го марта 1880 г. и сборниковъ за 1882, 1883 и 1885 гг. мы вычислили слѣдующую таблицу для сравненія состоянія народнаго образованія въ селахъ Россіи за 1880 г. съ состояніемъ его за предшествующее и послѣдующее время.

---

*) См. «Сборникъ свѣдѣній по Россіи за 1884—85 гг. Статистика Россійск. Имп. I». Спб. 1887 г.

**) Замѣтимъ еще, кстати, что въ таблицахъ за 1886 г. вовсе нѣтъ свѣдѣній по губерніямъ привислянскимъ, Кавказу, Сибири и среднеазіатскимъ владѣніямъ. Это обстоятельство было, между прочимъ, одною изъ причинъ, заставившихъ насъ исключить изъ настоящаго очерка всѣ перечисленныя сейчасъ части Имперіи, такъ какъ мы не имѣли-бы возможности сравнивать цыфръ 1880 года съ цыфрами 1886 года.

ГОДЫ. а), б) и в) *).		Губерніи земскія. Число школъ.	Число учащихся. Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.
1872	а)	11.476	386.016	70.762	456.778
	б)	—	84,5%	15,5%	100%
	в)	—	—	—	39,8
1874	а)	13.285	505.505	88.783	594.288
	б)	—	85,1%	14,9%	100%
	в)	—	—	—	44,7
Измѣненіе противъ 1872 г.	въ а)	1.809	119.489	18.021	137.510
	» б)	+ 15,7%	+ 30,9%	+ 25,5%	+ 30,1%
	» в)	—	—	—	+ 4,9 и 10,9%
1880	а)	12.603	578.569	117.217	695.786
	б)	—	83,1%	16,9%	100%
	в)	—	—	—	55,2
Измѣненіе противъ 1874 г.	въ а)	682	73.064	28.434	101.498
	» б)	— 3,7%	+ 14,4%	+ 32,0%	+ 17,1%
	» в)	—	—	—	+ 10,5 и 23,5%
1885	а)	18.262	892.468	216.886	1.109.354
	б)	—	80,4%	19,6%	100%
	в)	—	—	—	60,7
Измѣненіе противъ 1880 г.	въ а)	5.659	313.899	99.669	403.568
	» б)	+ 44,9%	+ 54,3%	+ 85,0%	+ 58,0%
	» в)	—	—	—	+ 5,5 и 10,0%
		ГУБЕРНІИ НЕ ЗЕМСКІЯ.			
1872	а)	3.151	98.884	11.950	110.834
	б)	—	89,2%	10,8%	100%
	в)	—	—	—	32,0
1874	а)	3.418	125.132	14.788	139.920
	б)	—	89,4%	10,6%	100%
	в)	—	—	—	40,9
Измѣненіе противъ 1872 г.	въ а)	267	26.248	2.838	29.086
	» б)	+ 8,5%	+ 26,4%	+ 23,7%	+ 26,2%
	» в)	—	—	—	+ 8,9 и 21,8%
1880	а)	5.420	177.583	21.436	199.019
	б)	—	89,2%	10,8%	100%
	в)	—	—	—	36,7
Измѣненіе противъ 1874 г.	въ а)	2.002	52.451	6.648	59.099
	» б)	+ 58,9%	+ 41,9%	+ 44,9%	+ 42,2%
	» в)	—	—	—	— 4,2 и 10,2%
1885	а)	7,064	247.253	38.362	285.615
	б)	—	86,6%	13,4%	100%
	г)	—	—	—	40,4
Измѣненіе противъ 1880 г.	въ а)	1.644	69.670	16.926	86.596
	» б)	+ 30,4%	+ 39,2%	+ 79,1%	+ 43,5%
	» в)	—	—	—	+ 3,7 и 10,1%

*) Строка а) даетъ числа школъ и учащихся; строка б) процентное отношеніе числъ мальчиковъ и дѣвочекъ къ общему числу учащихся; строка в) число учениковъ на 1 школу.

ГОДЫ. а), б) и в).		ГУБЕРНІИ ОСТЗЕЙСКІЯ.			
		Число школъ.	Число учащихся.		
			Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.
1872	а)	2.437	69.706	51.752	121.458
	б)	—	57,3°/₀	42,7°/₀	100°/₀
	в)	—	—	—	49,8
1874	а)	2.471	71.631	55.386	127.017
	б)	—	56,4°/₀	43,6°/₀	100°/₀
	в)	—	—	—	51,4
Измѣненіе противъ 1872 г.	въ а)	34	1.925	3.634	5 559
	» б)	+ 1,4°/₀	+ 2,8°/₀	+ 7,0°/₀	+ 4,5°/₀
	» в)	—	—	—	+ 1,6 и 3,1°/₀
1880	а)	2.460	71.079	60.590	131.669
	б)	—	53,9°/₀	46,1°/₀	100°/₀
	в)	—	—	—	53,5
Измѣненіе противъ 1874 г.	въ а)	11	552	5.204	4.652
	» б)	— 0,4°/₀	— 0,8°/₀	+ 9,4°/₀	+ 3,6°/₀
	» в)	—	—	—	+ 2,1 и 4,1°/₀
1885	а)	2.663	89.556	79.215	168.771
	б)	—	53,1°/₀	46,9°/₀	100°/₀
	в)	—	—	—	63,4
Измѣненіе противъ 1880 г.	въ а)	203	18.477	18.625	37.102
	» б)	+ 8,1°/₀	+ 26,0°/₀	+ 30,7°/₀	+ 28,1°/₀
	» в)	—	—	—	+ 9,9 и 15,6°/₀

Изъ этой таблицы усматривается слѣдующее: въ 1872 г., т.-е. въ началѣ второго десятилѣтія со времени великой реформы освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, мы застаемъ земскія губерніи съ 11.476 школами и 456.778 учащимися. Черезъ три года, т.-е. въ 1874 г., число школъ возрасло до 13.285, т.-е. на 1.809, или на 15,7°/₀, а число учащихся до 594.288, т.-е. на 137.510, или на 30,1°/₀. Несмотря на ростъ числа школъ, среднее число учениковъ на одну школу не уменьшилось: съ 39,8 учащихся оно поднялось до 44,7, т.-е. увеличилось на 4,9, или на 10,9°/₀. Это показываетъ, что потребность образованія въ народѣ прогрессировала, и притомъ быстрѣе роста школъ, хотя школа того времени, въ общемъ, не достигла еще нормы 50 учениковъ. Распредѣленіе учащихся по полу было весьма неблагопріятно для дѣвочекъ: въ 1872 г. на 1 ученицу приходилось 5,45 учениковъ, а въ 1874 г. даже еще болѣе — 5,71 учениковъ. Это показываетъ, что въ крестьянской средѣ стремленіе къ образованію мальчиковъ значительно преобладало сравнительно съ стремленіемъ къ образованію дѣвочекъ, и хотя число учениць также прогрессировало, но медленнѣе, нежели учениковъ (30,9°/₀ мальчиковъ и 25,5°/₀ дѣвочекъ).

Обращаясь ко второму изъ данныхъ въ нашей таблицѣ періодовъ, предшествующихъ 1880-му году, т.-е. къ шестилѣтію 1874—1880 гг., и оставаясь въ земскихъ-же губерніяхъ, мы встрѣчаемся съ фактомъ весьма замѣчательнымъ: въ это шестилѣтіе число школъ уменьшилось съ 13.285 до 12.603, т.-е. на 682, что составляетъ 3,7%! Какъ ни паразителенъ этотъ фактъ въ странѣ, гдѣ народное образованіе едва успѣло возникнуть, гдѣ, можно сказать, еще наканунѣ только-что совершилась великая реформа освобожденія отъ крѣпостной зависимости десятковъ милліоновъ крестьянъ, гдѣ уже по этому одному, казалось-бы, необходимо было всѣми мѣрами поддерживать и развивать пробудившееся въ народѣ стремленіе къ образованію,—тѣмъ не менѣе этотъ удивительный фактъ остается фактомъ. Объясненіе ему отнюдь нельзя искать въ охлажденіи земскихъ дѣятелей къ просвѣщенію народа, или въ ослабленіи въ самомъ народѣ стремленія къ ученію, недовольствѣ съ его стороны и неудовлетворенности устроенными для него земствомъ школами. Послѣднее весьма внушительно и неотразимо опровергается возростаніемъ цыфры учащихся, несмотря на уменьшеніе числа школъ. Наша таблица свидѣтельствуетъ, что общее число учащихся съ 594.288 за то-же шестилѣтіе возрасло въ земскихъ школахъ до 695.786, т.-е. на 101.498 ч. или на 17,1%, такъ что хотя число школъ и уменьшилось, но наплывъ учениковъ значительно усилился: въ 1874 г. среднее число учениковъ на 1 школу было 44,7, т.-е. не достигало нормы 50 чел., а въ 1880 г. оно уже переступило ее, школы начали переполняться учащимися, которыхъ приходилось, въ среднемъ, уже по 55,2 чел. на школу, т.-е. на 10,5 ч., или на 23,5% больше сравнительно съ 1874 г. Очень характерною чертою, рисующею отношеніе крестьянъ къ школѣ, является, какъ показываетъ наша таблица, то обстоятельство, что школа успѣла пошатнуть упорный, вѣками сложившійся въ народѣ предразсудокъ о безполезности образованія для женщины. Это доказывается тѣмъ, что отношенія чиселъ учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ къ общему ихъ числу измѣнились—первое уменьшилось, а второе увеличилось, т.-е. эти отношенія нѣсколько приблизились къ взаимному равенству, хотя разность между ними все еще оставалась весьма значительною: въ 1874 г. на 1 ученицу приходилось 5,7 учениковъ, а въ 1880 уже 4,9. Въ многомилліонной народной массѣ, едва вышедшей изъ состоянія рабства, раскинутой на огромномъ пространствѣ, проникнутой вѣковыми предразсудками и погруженной въ невѣжество, измѣненія, подобныя тому, о которомъ мы теперь говоримъ, не происходятъ быстро. Онѣ, до нѣкоторой степени, могутъ быть уподоблены вѣковымъ перемѣнамъ въ

стихійномъ мірѣ медленныхъ измѣненій физической матеріи. Для насъ важно уже и то, что перемѣна ощущается, и притомъ въ желательномъ, благопріятномъ смыслѣ. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что фактъ непрерывнаго усиленія въ народѣ наклонности къ образованію дѣвочекъ наравнѣ съ мальчиками, начиная съ разсматриваемаго шестилѣтія, ни разу не нарушается: мы встрѣчаемся съ нимъ во всѣ послѣдующія эпохи статистическаго изслѣдованія нашей сельской школы, между тѣмъ какъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ (1872—1874), о чемъ мы говорили сейчасъ, возрастаніе числа учащихся мальчиковъ шло быстрѣе возрастанія числа дѣвочекъ. Это опять свидѣтельствуетъ, что въ крестьянской средѣ не только не было недовольства школою, но что она замѣтно, и притомъ въ положительномъ смыслѣ, вліяла на просвѣщеніе умовъ и привлекала къ себѣ симпатіи населенія, даже наперекоръ глубоко укоренившимся въ немъ предразсудкамъ. Что касается дѣятельности земства по народному образованію, то всѣмъ, сколько-нибудь слѣдившимъ за этимъ дѣломъ, хорошо извѣстно, что она не только не ослабѣвала, но развивалась все болѣе и болѣе. Изъ нашей таблицы видно, что за предшествующее разсматриваемому періоду (1874—1880 гг.) трехлѣтіе 1872—1874 гг. число земскихъ школъ увеличилось почти вдвое сравнительно съ числомъ школъ въ неземскихъ губерніяхъ: первое увеличеніе выражается почти 16%, а второе только 8½%. Это прямо свидѣтельствуетъ, что дѣятельность земства по открытію школъ была несравненно энергичнѣе и напряженнѣе сравнительно съ дѣятельностью мѣстныхъ администрацій въ неземскихъ губерніяхъ. Именно съ 70-хъ годовъ начинается даже новый фазисъ просвѣтительной дѣятельности земствъ, обѣщавшій богатые плоды. Первые годы прошли для земства въ трудахъ на положеніе основъ дѣлу, дотолѣ, можно сказать, не существовавшему въ Россіи. Сложныя и въ высшей степени своеобразныя условія, при которыхъ должно развиваться у насъ народное образованіе, могли быть сколько-нибудь выяснены только опытомъ нѣсколькихъ лѣтъ. Пріобрѣтя до нѣкоторой степени эту опытность, выяснивъ себѣ главныя основныя нужды дѣла и ближайшія задачи, къ рѣшенію которыхъ прежде всего надо было стремиться, земство съ 70-хъ годовъ дѣлаетъ попытку постепеннаго и осторожнаго принятія органическихъ мѣръ для постановки начальнаго образованія въ селахъ на прочныя и плодотворныя основы. Но на этомъ благодѣтельномъ пути оно, къ величайшему изумленію и прискорбію, встрѣтило недовѣріе и даже противодѣйствіе со стороны мѣстныхъ органовъ учебнаго и административнаго управленія. Отношенія между нимъ и этими органами до

такой степени обостряются, что ассигновки земства на народное образованіе перестаютъ расти въ той прогрессіи, въ какой онѣ развивались раньше, и возникаютъ не только случаи отказа земствъ отъ обсужденія нуждъ народнаго образованія и способовъ ихъ удовлетворенія и отъ участія въ матеріальномъ поддержаніи школъ, но даже и случаи закрытія земскихъ училищъ. Это тяжелое положеніе земской школы, тянувшееся, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ, достигнувшее особой напряженности къ концу 70-хъ годовъ, продолжалось вплоть до того времени, пока не измѣнился къ лучшему характеръ отношеній мѣстной администраціи къ дѣятельности земства по народному образованію. Вотъ главная причина медленности роста, а мѣстами и паденія школьнаго дѣла въ земскихъ губерніяхъ за періодъ времени 1874—1880 гг.

Переходя къ губерніямъ неземскимъ, видимъ изъ нашей таблицы, что за трехлѣтіе 1872—1874 г. число школъ съ 3.151 возрасло до 3.418, т.-е. на 267, или на 8,5%, а число учащихся—съ 110.834 до 139.920, т.-е. на 29.086, или на 26,2%. Несмотря на ростъ числа школъ, и здѣсь, какъ и въ земскихъ губерніяхъ, число учениковъ на одну школу не уменьшилось, а напротивъ, съ 32,0 поднялось до 40,9, на 8,9 уч. или на 21,8%, т.-е. даже значительно болѣе, нежели въ земскихъ губерніяхъ, что, по всей вѣроятности, должно быть объясняемо тѣмъ, что въ неземскихъ губерніяхъ число школъ расло слишкомъ медленно въ сравненіи съ развитіемъ въ народѣ потребности въ образованіи. По поводу распредѣленія учащихся по полу о неземскихъ губерніяхъ приходится повторить то-же, что было сказано выше о губерніяхъ земскихъ, съ тою разницей, что здѣсь отношеніе еще неблагопріятнѣе: въ 1872 г. на 1 ученицу приходилось 8,2 ученика, а въ 1874 г. даже болѣе—8,4 ученика. Въ слѣдующій за 1872—1874 гг. періодъ, т.-е. за шестилѣтіе 1874—1880 г., число школъ съ 3.418 возрасло до 5.420, т.-е. увеличилось на 2.002, или почти на 59%, а число учащихся возрасло съ 139.920 до 199.019, т.-е. на 59.099, или на 42,2%. Хотя общее число учениковъ и увеличилось весьма значительно, но школы сдѣлались менѣе людными. Среднее число учениковъ на 1 школу съ 40,9 понизилось до 36,7, т.-е. уменьшилось на 4,2 уч. или на 10,2%. Это, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что было открыто большое число новыхъ школъ въ мѣстностяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ, которое не могло доставить имъ много учащихся, притомъ и въ самомъ населеніи неземскихъ губерній потребность въ ученіи развита, вѣроятно, слабѣе, нежели въ земскихъ губерніяхъ. Относительно распредѣленія учащихся по полу неземскія губерніи до-

вольно рѣзко, и притомъ въ невыгодную сторону, отличаются отъ губерній земскихъ, хотя и тутъ замѣчается, правда, въ очень слабой степени, явленіе уменьшенія разности чиселъ учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ 1874 г. на 1 ученицу приходилось 8,4 ученика, а въ 1880 г., все-таки, меньше—8,3. Мы сейчасъ видѣли, что подобныя-же цыфры для земскихъ губерній, за то-же шестилѣтіе, почти вдвое меньше и измѣняются въ смыслѣ приближенія къ взаимному равенству гораздо быстрѣе (почти въ 12 разъ быстрѣе). Констатируемый таблицей фактъ значительнаго увеличенія числа школъ въ періодъ 1874—1880 г. въ губерніяхъ неземскихъ рядомъ съ фактомъ противоположнаго характера, т.-е. съ уменьшеніемъ числа ихъ за тотъ-же періодъ въ губерніяхъ земскихъ, заслуживаетъ, конечно, глубочайшаго вниманія. Мы не беремся объяснять всѣхъ его причинъ, потому что, по всей вѣроятности, происхожденіе его весьма сложно и объясненіе потребовало-бы спеціальнаго изслѣдованія. Позволяемъ себѣ высказать кажущееся намъ вѣроятнымъ предположеніе, что въ неземскихъ губерніяхъ мѣстные органы учебнаго и административнаго управленія, за отсутствіемъ земскихъ учрежденій, не тратили времени на безплодныя препирательства съ земствомъ, а посвящали его на исполненіе своего прямого служебнаго долга—на дѣйствительныя заботы и попеченія о народномъ образованіи, успѣхи котораго, силою вещей, лежали только на ихъ единственной отвѣтственности.

Обращаемся, наконецъ, на основаніи данныхъ нашей таблицы, къ разсмотрѣнію успѣховъ народнаго образованія за ближайшій къ намъ періодъ, т.-е. за пятилѣтіе 1880—1885 года. Въ губерніяхъ земскихъ число школъ возрасло съ 12.603 до 18.262, т.-е. на 5.659 или на 44,9%, а общее число учащихся обоего пола съ 695.786 до 1.109.354, т.-е. на 403.568, или на 58,0%. Въ губерніяхъ неземскихъ число школъ возрасло съ 5.420 до 7.064, т.-е. на 1.644, или на 30,4%, а число учащихся обоего пола съ 199.019 до 285.615, т.-е. на 86.596, или на 43,5%. Такимъ образомъ, ростъ числа школъ и числа учащихся въ земскихъ губерніяхъ происходилъ значительно быстрѣе въ сравненіи съ губерніями неземскими. Этотъ фактъ вновь доказываетъ, что земство не охладѣвало къ дѣлу народнаго образованія и что объясненія упадка его дѣятельности за предшествующій періодъ надо искать, какъ сказано выше, не въ самомъ земствѣ, а въ внѣшнихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Распредѣленіе учащихся по полу за разсматриваемое пятилѣтіе также измѣнилось въ благопріятномъ смыслѣ, т.-е. числа учащихся мальчиковъ и дѣвочекъ снова нѣсколько приблизились къ равенству, разность между ними уменьшилась, хотя все еще оставалась весьма значительною, особенно въ неземскихъ губерніяхъ. Въ

1880-мъ году въ губерніяхъ земскихъ на 1 ученицу приходилось 4,9 ученика, а въ 1885 г. уже 4,1. Въ неземскихъ-же губерніяхъ на одну ученицу приходилось 8,3 мальчика, а въ 1885 г. уже 6,5. Такимъ образомъ, получается утѣшительный выводъ, что потребность въ образованіи женщинъ хотя и весьма медленно, но все-таки мало-по-малу усиливается въ средѣ сельскаго населенія. Таблица даетъ основаніе сдѣлать и другой очень важный выводъ, а именно, что число школъ возрастаетъ медленнѣе, нежели растетъ въ народѣ потребность въ образованіи. Въ 1880 г. на одну школу въ земскихъ губерніяхъ приходилось по 55,2 ученика, т.-е. уже и тогда школы были переполнены, а въ 1885 г. на школу приходилось уже 60,7 уч., т.-е переполненіе школъ значительно усилилось. Въ неземскихъ губерніяхъ число учениковъ на одну школу возрасло съ 36,7 до 40,4. Послѣднее число еще не достигаетъ нормы 50, но необходимо взять во вниманіе, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, отнесенныхъ нами къ этой категоріи, напримѣръ, Архангельской, Оренбургской, Уфимской и Астраханской, пространство, выпадающее на одну школу, чрезмѣрно значительно и при правильномъ распредѣленіи школъ число учениковъ въ нихъ не можетъ быть столь-же велико, какъ въ губерніяхъ съ болѣе густымъ населеніемъ. Если оно увеличивается, и притомъ весьма чувствительно, и въ малонаселенныхъ мѣстностяхъ, то это прямо показываетъ, что потребность въ образованіи растетъ въ населеніи такъ сильно, что оно не останавливается даже передъ посылкою дѣтей въ школу, отстоящую отъ мѣстожительства учениковъ на очень большое разстояніе.

Губерніи прибалтійскія, принадлежащія къ числу неземскихъ, выдѣлены въ таблицѣ въ особую группу. Общій характеръ измѣненій школьныхъ цыфръ для этихъ губерній тотъ-же, какъ и въ остальной Россіи, т.-е. числа школъ и учащихся увеличиваются, числа ученицъ и учениковъ стремятся къ равенству, школы все болѣе и болѣе переполняются, что указываетъ на относительно болѣе медленный ростъ числа ихъ въ сравненіи съ развивающеюся потребностью въ образованіи. Всѣ эти измѣненія школьныхъ цыфръ происходятъ въ Остзейскомъ краѣ съ гораздо большею медленностью, нежели въ остальной Россіи, даже въ сравненіи съ неземскими губерніями. Это вполнѣ объясняется тѣмъ, что въ дѣлѣ народнаго образованія Прибалтійскія губерніи значительно опередили остальную Россію. Такъ какъ губерніи Остзейскія выдѣлены нами изъ состава разсматриваемаго района Европ. Россіи, то и не считаемъ нужнымъ останавливаться на нихъ съ большею подробностью.

Соединяя вмѣстѣ губерніи земскія и неземскія, получаемъ слѣдующую таблицу числа школъ и учащихся по періодамъ: 1872—1874, 1874—1880 и 1880—1885 гг. для всей Европейской Россіи, кромѣ губерній прибалтійскихъ:

1872.	а)	14.627	484.900	82.712	567.6.2
	б)	—	85,4%	14,6%	100%
	в)	—	—	—	38,8
1874.	а)	16.703	630.637	103.571	734.208
	б)	—	85,8%	14,2%	100%
	в)	—	—	—	43,9
Измѣн. противъ 1872 г.	въ а)	2.076	145.737	20.859	166.596
	» б)	+ 14,2%	+ 87,5%	+ 25,2%	+ 29,3%
	» в)	—	—	—	+ 5,1 и 13,1%
1880.	а)	18.023	756.152	138.653	894.805
	б)	—	84,5%	15,5%	100,0%
	в)	—	—	—	49,6
Измѣн. противъ 1874 г.	въ а)	1.320	125,515	35,082	160.597
	» б)	+ 7,9%	+ 19,9%	+ 33,8%	+ 21,9%
	» в)	—	—	—	+ 5,7 и 13,0%
1885.	а)	25.326	1.139.721	255.248	1.394.969
	б)	—	81,6%	18,4%	100%
	в)	—	—	—	55,1
Измѣн. противъ 1880 г.	въ а)	7.303	383.569	116.595	500,164
	» б)	+ 40,6%	+ 50,7%	+ 84,1%	+ 55,9%
	» в)	—	—	—	+ 5,5 и 11,0%

Изъ этой таблицы видно, что ростъ числа школъ былъ крайне неравномѣренъ: за трехлѣтіе 1872—1874 гг. оно возрасло на 2.076, т.-е., среднимъ числомъ, на 692 школы въ годъ; за шестилѣтіе 1874—1880 гг. оно увеличилось всего на 1.320, т.-е., среднимъ числомъ, на 220 школъ и, наконецъ, за пятилѣтіе 1880—1885 гг. на 7.303, т.-е., въ среднемъ, на 1.460 школъ. Особенно поразительною является цыфра второго періода—220 новыхъ школъ въ среднемъ выводѣ за цѣлый годъ на всю громадную Россію, съ ея многомилліоннымъ населеніемъ и огромнымъ его приростомъ! Печальное значеніе этой цыфры еще усугубляется и, такъ сказать, подчеркивается тѣмъ, что передъ ней мы находимъ болѣе нежели втрое большую цыфру (692 школы) предъидущаго періода, а за ней—почти въ семь разъ большую цыфру—1.460 школъ періода послѣдующаго.

По закону непрерывности явленій жизни трудно предположить, чтобы, начиная съ 1874 года, число вновь открываемыхъ школъ сразу опустилось съ 692 до 220. По всей вѣроятности, оно начало падать еще нѣсколько раньше, и это паденіе, продолжаясь съ бо̀льшею и бо̀льшею стремительностью, должно было достигнуть къ концу 70-хъ годовъ цыфры, несравненно низшей 220, такъ какъ эта послѣдняя могла получиться, какъ ариѳметическая средняя, за нѣсколько лѣтъ только при условіи существованія въ ряду ихъ цыфръ значительно

меньшихъ, особенно если принять во вниманіе, что въ предъидущемъ періодѣ (1872—1874) среднее число вновь открываемыхъ школъ было 692. На этомъ основаніи можно придти къ весьма вѣроятному заключенію, что въ концѣ семидесятыхъ годовъ на всю сельскую Россію открывалось самое ничтожное, измѣряемое, можетъ быть, немногими десятками, число школъ; другими словами, что дѣятельность по открытію новыхъ школъ почти совершенно прекратилась, замерла. Но это замираніе въ развитіи числа школъ, къ величайшему счастію для будущности русскаго народа, отнюдь не можетъ служить признакомъ ослабленія въ немъ стремленія къ образованію, признакомъ органической, безнадежной болѣзни невѣжества, признакомъ реакціи, наступившей, какъ утверждали нѣкоторые партизаны до-реформенныхъ порядковъ эпохи крѣпостного права, вслѣдъ за искусственнымъ будто-бы возбужденіемъ земствами дѣятельности по народному образованію вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ. Лучшимъ опроверженіемъ такого взгляда и вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ того, что просвѣтительная дѣятельность правительства и земства въ первое десятилѣтіе со времени освобожденія крестьянъ успѣла не только пробудить въ народѣ потребность въ образованіи, но даже, до нѣкоторой степени, укоренить и упрочить въ немъ стремленіе къ просвѣщенію, служитъ, во-первыхъ, то, что тотчасъ за тяжелымъ для русской народной школы періодомъ 1874 — 1880 гг. наступаетъ періодъ сравнительнаго ея оживленія—и средняя цыфра вновь открываемыхъ ежегодно школъ съ 220 поднимается до цыфры 1.460, въ семь разъ большей; а во-вторыхъ, и это самое важное, что число учащихся, несмотря на полное почти прекращеніе дѣятельности по открытію новыхъ школъ, продолжало постоянно расти. За трехлѣтіе 1872—1874 гг. оно возрасло съ 567.612 до 734.208, т.-е. на 166.596, или на 29,3%; за шестилѣтіе 1874 — 1880 гг. на 160.597, или на 21,9% и, наконецъ, за пятилѣтіе 1880—1885 гг. дошло до 1.394.969, т.-е. увеличилось на 500.164, или на 55,9%. Второй изъ этихъ приростовъ, относящійся къ періоду 1874—1880 гг., едва-ли можетъ быть признанъ малымъ, хотя онъ и получился за бо̀льшій промежутокъ времени и, самъ по себѣ, меньше прироста за первое трехлѣтіе. Такое заключеніе основывается на томъ, что, какъ мы сейчасъ видѣли, новыхъ школъ за это время открывалось ничтожное число и, слѣдовательно, школы наполнялись дѣтьми преимущественно изъ населенія однѣхъ и тѣхъ-же мѣстностей. *Непрерывный* ростъ числа учащихся, особенно значительный въ послѣдній періодъ 1880—1885 гг., приводитъ къ утѣшительному выводу, что въ народѣ потребность въ образованіи мало-

по-малу развивается и крѣпнетъ. Распредѣленіе учащихся по полу постепенно, хотя и медленно, становится съ теченіемъ времени болѣе и болѣе благопріятнымъ, что видно по слѣдующей постепенности измѣненія чиселъ учащихся мальчиковъ на одну учащуюся дѣвочку по годамъ: въ 1872 г.—5,9, въ 1874—6,1, въ 1880—5,5, въ 1885—4,4. Наконецъ, среднее число учениковъ на 1 школу также непрерывно растетъ: въ 1872 г. оно было 38,8, въ 1874—43,9, въ 1880 г.—49,6, т.-е. почти достигло нормы, что доказываетъ, что масса школъ уже въ этомъ году были переполнены учениками. Въ 1885 г. на 1 школу приходилось по 55,1 ученика, т.-е. въ среднемъ выводѣ на всю Россію число это превысило норму 50, а что значитъ, что значительное большинство школъ переполнены и что ростъ числа ихъ уже отстаетъ, и притомъ весьма ощутительно, отъ развитія въ народѣ спроса на образованіе. Фактъ—достойный самаго серьезнаго вниманія и участія. Дальше мы увидимъ, что число школъ отстаетъ и отъ прироста самаго населенія.

Однимъ изъ весьма характеристическихъ показателей успѣха народной школы является, какъ извѣстно, такъ-называемый коеффиціентъ учащихся, т.-е. процентное отношеніе числа учащихся къ общему числу дѣтей школьнаго возраста. Этотъ именно коеффиціентъ и служитъ критеріумомъ при сравненіи достигнутыхъ разными странами уровней развитія народнаго образованія и при оцѣнкѣ успѣховъ, дѣлаемыхъ, въ этомъ отношеніи, каждой отдѣльной страной за извѣстный промежутокъ времени.

Мы вычислили для разсматриваемаго района Россіи такую таблицу коеффиціентовъ учащихся отдѣльно для мальчиковъ и дѣвочекъ и для всѣхъ вообще дѣтей школьнаго возраста въ эпохи: 1872, 1874, 1880 и 1885 годовъ. При вычисленіи этой таблицы школьный возрастъ принятъ отъ 7-ми до 14-ти лѣтъ включительно. Это сдѣлано потому, что во всемъ настоящемъ очеркѣ, за исключеніемъ вышеприведеннаго теоретическаго разсчета числа школъ, необходимаго для установленія въ Россіи всеобщности обученія, принятъ согласно съ данными трудовъ Центральнаго Статистическаго Комитета, которыми мы исключительно пользовались, именно этотъ возрастъ, такъ какъ на него падаетъ громадное большинство учащихся въ нашихъ сельскихъ школахъ. Считаемъ также необходимымъ пояснить, что мы пользовались новѣйшими таблицами народонаселенія Россіи г. Борткевича, и потому наши цыфры для 1880 г. расходятся съ цыфрами Центральнаго Статистическаго Комитета, которыя получены на основаніи таблицы академика Буняковскаго. Наконецъ, замѣтимъ, что мы

исключили изъ населенія разсматриваемаго района евреевъ и магометанъ, пользуясь для этого помѣщенной въ XVIII вып. Статистики Россійской Имперіи. (Изд. Центральнаго Статистическаго Комитета), таблицей населенія по вѣроисповѣданіямъ для 50-ти губерній Европейской Россіи *). Полученныя нами для 1880 г. цыфры оказываются выше вычисленныхъ г. Дубровскимъ и, слѣдовательно, онѣ обрисовываютъ состояніе народнаго образованія въ нѣсколько лучшемъ видѣ сравнительно съ нашимъ оффиціальнымъ источникомъ.

ГОДЫ.	Коеффиціенты учащихся.		
	Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Общій.
1872	9,7%	1,6%	5,6%
1874	12,3%	1,9%	7,0%
1880	14,0%	2,5%	8,1%
1885	19,9%	4,3%	12,0%

Эта таблица показываетъ, что въ развитіи нашей народной школы въ эпохи, весьма близкія къ современной, могутъ наступать періоды замиранія, и довольно продолжительные, особенно по сравненію съ возрастомъ нашей народной школы, которая, можно сказать, едва успѣла народиться. Къ такимъ періодамъ относится шестилѣтіе съ 1874 по 1880 г., когда общій коеффиціентъ учащихся поднялся всего на 1,1%, что даетъ 0,18% средняго роста въ годъ.

За этимъ періодомъ замиранія послѣдовалъ, сравнительно болѣе утѣшительный, періодъ нѣкотораго оживленія народной школы, когда, за пять лѣтъ, коеффиціентъ учащихся поднялся на 3,9%, что даетъ 0,78% средняго роста въ годъ,—цыфру въ четыре раза бóльшую предъидущей. Отмѣтимъ еще, что къ концу разсматриваемаго періода, т.-е. въ 1885 г., коеффиціентъ учащихся былъ 12,0%. Это значитъ, что въ среднемъ выводѣ въ сельскомъ населеніи всей Европейской Россіи только немногимъ болѣе 1/10 части всѣхъ дѣтей школьнаго возраста получали начальное школьное образованіе. Цыфра эта говоритъ сама за себя и не требуетъ комментаріевъ.

Для сравненія между собою уровней распространенности народнаго образованія въ различныхъ странахъ неудобно пользоваться коеффиціентомъ учащихся, выведеннымъ только относительно числа дѣ-

*) Движеніе населенія Европ. Россіи за 1887 г. Изд. Центральнаго Статистическаго Комитета. Спб. 1891.

тей школьнаго возраста, а не относительно всего населенія страны. Въ нѣкоторыхъ государствахъ дѣйствуетъ законъ объ обязательности начальнаго образованія, который и опредѣляетъ предѣлы школьнаго возраста въ разныхъ странахъ различно. Тамъ, гдѣ обязательности обученія не существуетъ, школьная статистика исчисляетъ коэффиціентъ учащихся болѣе или менѣе произвольно и различно въ разныхъ странахъ. Къ этому, собственно для Россіи, присоединяется еще то обстоятельство, что наше начальное образованіе, находящееся, можно сказать, еще въ состояніи зародыша, не допускаетъ, при современномъ его состояніи, даже и приблизительнаго назначенія предѣловъ школьнаго возраста, который фактически тянется отъ 7-ми до 16-ти и болѣе лѣтъ, чего не встрѣчается въ странахъ, гдѣ начальное образованіе успѣло уже достаточно привиться къ населенію и сдѣлаться его потребностью. Наконецъ, двѣ ступени общаго образованія, начальная и средняя, въ разныхъ странахъ обнимаютъ школы съ весьма разнообразною и колеблещеюся въ довольно широкихъ предѣлахъ программою курса и во многихъ случаяхъ вовсе не представляютъ рѣзкой, точно разграничивающей ихъ черты. Для статистическаго сравненія необходимо пользоваться какъ можно болѣе однородными цыфрами. Вотъ почему, чтобы сравнить различныя страны въ указанномъ выше отношеніи, гораздо правильнѣе воспользоваться не коеффиціентомъ учащихся въ начальныхъ школахъ по отношенію къ общему числу дѣтей школьнаго возраста, соотвѣтствующаго именно этой начальной школѣ (возраста, который, какъ мы сказали, остается неопредѣленнымъ), а процентомъ относительно всего населенія страны всѣхъ учащихся во всѣхъ вообще общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, низшихъ и среднихъ. Въ этомъ, такъ сказать, массовомъ процентѣ поглотятся всѣ особенности учебнаго и образовательнаго строя каждой страны, въ томъ видѣ, какъ этотъ строй сложился въ данное время,—особенности, неподдающіяся точному выдѣленію, разграниченію и сравненію при какой-бы то ни было системѣ разработки по частямъ обширнаго и крайне разнообразнаго матеріала школьной статистики.

На основаніи этихъ соображеній предлагаемъ слѣдующую таблицу процентныхъ отношеній числа учащихся въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, низшихъ и среднихъ, къ общему населенію различныхъ странъ. Страны расположены по группамъ и въ каждой группѣ въ нисходящемъ порядкѣ процентныхъ отношеній. Къ первой группѣ отнесены всѣ великія европейскія державы и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты; ко второй—второстепенныя евро-

пейскія государства и къ третьей—нѣкоторыя государства, входящія въ составъ Германской Имперіи, страны, входящія въ составъ другихъ великихъ державъ, и Болгарія и Турція. Цыфры для Америки относятся къ 1888 г., а для прочихъ странъ къ 1887 г., за исключеніемъ Россіи и Норвегіи: для первой—взята эпоха 1886 г., а для второй—1884 г. Цыфры, относящіяся къ Россіи, получены изъ русскихъ оффиціальныхъ данныхъ, всѣ-же остальныя заимствованы изъ послѣднихъ оффиціальныхъ источниковъ, изданныхъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ.

ГОСУДАРСТВА.	Населеніе.	Число учащихся.	%
I.			
Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты	61.007.000	13.726.574	22,5
Германская имперія	46.855.704	8.621.450	18,4
Великобританія *)	36.707.418	5.874.834	16,0
Франція **)	38.218.903	5.626.164	14,7
Австро-Венгрія	40.348.215	4.984.740	12,3
Италія	30.260.065	3.190.436	10,5
Россія безъ Финляндіи и Кавказа (сѣв. и южн.)	93.703.331	2.241.978	2,39
II.			
Швейцарія	2.957.527	515.949	17,5
Швеція	4.734.901	713.680	15,1
Нидерланды	4.450.870	625.565	14,0
Норвегія	2.024.000	264.837	13,0
Данія	2.108.000	241.935	11,5
Бельгія	5.974.743	632.669	10,6
Испанія	17.358.404	1.843.183	10,6
Греція	2.200.000	140.155	6,4
Турція (Европ.)	7.944.375	406.751	5,1
Португалія	5.070.000	253.770	5,0
Сербія	1.937.172	53.942	2,7
Румынія	5.500.000	132.958	2,4

*) Процентъ для Великобританіи сравнительно высокъ, такъ какъ школьный возрастъ тамъ исчисляется съ 5 лѣтъ. Въ большинствѣ другихъ странъ онъ исчисляется съ возраста, не ниже 6-ти лѣтъ.

**) Процентъ для Франціи получается ниже другихъ странъ вслѣдствіе крайней незначительности въ ней дѣтскаго населенія, о чемъ было неоднократно упоминаемо выше.

***) Для избѣжанія недоразумѣній, напоминаемъ, что изъ вышеприведенной таблицы, заимствованной у Harris (*Report of the commissioner of education for the year 1888—1889)*, исключены учащіеся въ высшихъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Поэтому, вычисляя цыфры для Россіи, мы также должны были исключить университеты и спеціальныя учебныя заведенія. Впрочемъ, *Harris* вводитъ въ свою таблицу нормальныя школы (учительскія семинаріи и институты). Имѣя въ виду необходимость сохраненія однородности цыфръ, мы сдѣлали то-же самое. Замѣтимъ, впрочемъ, что число учащихся во всѣхъ русскихъ университетахъ и спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, сравнительно, такъ незначительно, что если-бы даже и не исключать ихъ, то процентъ учащихся измѣнился-бы только въ десятыхъ доляхъ.

III.

Саксонія	3.182.003	658.809	20,7
Пруссія	28.318.470	5.530.539	19,5
Финляндія	2.203.358	384.480	17,4
Виртембергъ	1.995.185	338.620	17,0
Баварія	5.420.199	885.545	16,3
Англія и Валисъ	27.870.586	4.553.751	16,3
Шотландія	3.949.393	615.498	15,6
Ирландія	4.887.439	705.585	14,4
Австрія	23.447.192	3.037.728	12,9
Венгрія	16.901.023	1.947.012	11,5
Болгарія	3.154.375	280.280	8,9
Турція собственно (Европ.)	4.790.000	126.471	2,6

При сужденіи объ успѣхахъ народнаго образованія въ странѣ имѣетъ весьма большое значеніе процентъ безграмотныхъ въ той или другой, по возможности, значительной группѣ ея населенія. Въ предъидущемъ изложеніи мы неоднократно приводили цыфру этого процента. Завершая нашъ очеркъ, даемъ слѣдующую таблицу измѣненій по годамъ процента безграмотныхъ между молодыми людьми, призывавшимися къ отбыванію воинской повинности. Таблица обнимаетъ довольно продолжительный промежутокъ времени съ 1874 по 1887 г. включительно и вычислена на основаніяхъ, изложенныхъ выше, такъ что она показываетъ, меньше чего не могъ быть процентъ безграмотныхъ въ сельскомъ населеніи Россіи.

Годы.	Принято рекрутовъ.			Изъ нихъ безграмотныхъ.					
				Въ Европейской Россіи безъ Дерптскаго округа.			Въ Дерптскомъ округѣ.		
	Европейская Россія безъ Дерптскаго округа.	Дерптскій округъ.	Всего.	Число.	%	Разности.	Число.	%	Разности.
1874	124.217	3.637	127.854	102.146	82,2		584	16,2	
1875	150.268	4.690	154.958	123.952	82,5	— 0,3	821	17,5	— 1,3
1876	162.709	4.732	167.441	133.866	82,3	+ 0,2	793	16,9	+ 0,6
1877	176.853	5.262	182.115	145.339	82,2	+ 0,1	709	13,4	+ 3,5
1878	178.186	4.798	182.984	146.145	82,0	+ 0,2	923	19,2	— 6,8
1879	176.650	5.244	181.894	144.657	81,9	+ 0,1	930	17,9	+ 1,3
1880	190.459	5.442	195.901	153.479	80,6	+ 1,3	899	16,6	+ 1,3
1881	172.348	5.186	177.534	137.162	79,6	+ 1,0	839	16,1	+ 0,5
1882	172.074	5.211	177.285	135.801	78,9	+ 0,7	764	14,7	+ 1,4
1883	177.949	5.183	183.132	137.760	77,4	+ 1,5	702	13,5	+ 1,2
1884	179.350	5.947	185.297	137.382	76,6	+ 0,8	700	11,9	+ 1,6
1885	186.091	5.478	191.569	140.121	75,3	+ 1,3	633	11,5	+ 0,4
1886	190.984	5.458	196.442	141.196	73,9	+ 1,4	493	9,0	+ 2,5
1887	189.363	5.679	195.042	136.581	72,1	+ 1,8	432	7 6	+ 1,4

Изъ этой таблицы видно, что процентъ совершенно безграмотныхъ, т.-е. не умѣющихъ даже читать, достигалъ въ ближайшій къ намъ 1887 годъ,—послѣдній, для котораго имѣются опубликованныя свѣдѣнія,—громадной цыфры 72,1, т.-е. почти $^3/_4$ всего состава призывныхъ. При оцѣнкѣ этой цыфры необходимо имѣть въ виду, что она относится къ цвѣту мужского населенія, притомъ, вычисляя ее, мы не имѣли возможности выдѣлить городское населеніе, въ которомъ грамотность распространена несравненно болѣе, нежели въ сельскомъ, и, слѣдовательно, въ этомъ послѣднемъ процентъ безграмотныхъ долженъ быть значительно выше, особенно если принять во вниманіе не однѣхъ только двадцатилѣтокъ, а все мужское населеніе, въ которомъ грамотность тѣмъ слабѣе, чѣмъ старше возрастъ. Если-же принять во вниманіе и женское населеніе, которое многочисленнѣе мужского въ пропорціи 103,3 къ 100 и которое почти поголовно безграмотно, то цыфру 72,1 придется поднять очень сильно. На основаніи нѣкоторыхъ довольно вѣроятныхъ вычисленій она не только достигнетъ, но, можетъ быть, даже и превзойдетъ 90%! Напомнимъ, что по изслѣдованіямъ, напримѣръ, земства Тверской губерніи, въ которой грамотность распространена сравнительно болѣе, нежели во многихъ другихъ губерніяхъ, въ 1878 году безграмотныхъ мужчинъ старше семилѣтняго возраста въ сельскомъ населеніи было 80%, а безграмотныхъ женщинъ свыше семилѣтняго-же возраста почти 98%! Если распространить послѣднюю цыфру на всю сельскую Россію, что вполнѣ дозволительно, такъ какъ Тверская губернія, по развитію грамотности, въ ряду другихъ губерній занимаетъ очень высокое мѣсто, то, при помощи весьма простого вычисленія, о которомъ нѣтъ надобности распространяться, найдемъ, что въ 1880 г. общій процентъ безграмотныхъ для всей сельской Россіи, считая и мужчинъ и женщинъ, былъ не меньше 90%!

При всей, выражаясь безъ преувеличенія, чудовищности процента безграмотныхъ въ сельскомъ населеніи Россіи, мы находимъ, однакоже, нѣкоторое утѣшеніе въ томъ, что таблица обнаруживаетъ несомнѣнное, хотя и довольно медленное уменьшеніе его. Въ 1874 году этотъ процентъ былъ 82,2, и въ 1887 уже 72,1, т.-е. за 13 лѣтъ онъ уменьшился на 10,1%, что составляетъ, среднимъ числомъ, 0,78% уменьшенія въ годъ. Таблица показываетъ, что процентъ безграмотныхъ уменьшается непрерывно и постоянно, изъ года въ годъ (если не считать перваго 1874 года), и притомъ разности между послѣдовательными годами постепенно, хотя и съ нѣкоторыми, впрочемъ, весьма незначительными колебаніями, увеличиваются. Такъ, въ началѣ таблицы за первые годы четырнадцатилѣтія разности эти выражаются

цыфрами: + 0,1, + 0,2 и т. п., а въ концѣ его, за послѣдніе годы— цыфрами: + 1,3, + 1,4 и даже + 1,8. Это значитъ, что разности, о которыхъ мы говоримъ, имѣютъ наклонность къ увеличенію. Такимъ образомъ, есть основаніе придти къ тому утѣшительному выводу, что постепенное ослабленіе безграмотности представляется явленіемъ, достаточно прочно укоренившимся въ русской народной жизни, и притомъ такимъ, что напряженность его съ теченіемъ времени, по всей вѣроятности, будетъ усиливаться.

Въ нашей таблицѣ Остзейскія губерніи, какъ и вездѣ въ настоящемъ очеркѣ, выдѣлены въ особую группу. Процентъ безграмотныхъ въ нихъ, сравнительно съ остальной Россіей, очень малъ. Для послѣдняго изъ вошедшихъ въ таблицу годовъ, 1887 г., онъ равенъ всего 7,6%. За 13 лѣтъ до этого, въ 1874 г. онъ былъ 16,2%, слѣдовательно, въ этотъ промежутокъ времени онъ уменьшился на 8,6%, что составляетъ 0,66% средняго уменьшенія въ годъ. Годовыя разности процентовъ безграмотныхъ для Остзейскихъ губерній представляютъ больше колебаній, нежели въ остальной Россіи, но, въ общемъ, съ теченіемъ времени онѣ также возрастаютъ и, слѣдовательно, даютъ основаніе сдѣлать выводъ, подобный высказанному сейчасъ относительно остальной Россіи.

За недостаткомъ времени и обширностью вычисленій, которыя пришлось-бы сдѣлать, мы не имѣемъ возможности въ настоящемъ очеркѣ разработать всѣ подробности очень интереснаго вопроса о распредѣленіи безграмотныхъ отдѣльно по разнымъ мѣстностямъ Россіи, да это и выходило-бы за предѣлы намѣченнаго плана, такъ какъ мы имѣли въ виду, главнымъ образомъ, сельскую школу, а грамотность, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ значительной массѣ случаевъ пріобрѣтается и помимо школы. Надѣемся возвратиться къ этому вопросу въ особомъ очеркѣ съ большею подробностью и обстоятельностью, теперь-же ограничимся вышеизложенными, самыми общими цыфрами и выводами. Дополнимъ только сказанное слѣдующей поучительной таблицей процента безграмотныхъ новобранцевъ для разныхъ странъ Европы. Таблица заимствована изъ мемуара завѣдывающаго статистическимъ бюро въ Италіи, г. Бодіо, о начальномъ образованіи въ Италіи и Европѣ. Она краснорѣчивѣе всякихъ объясненій показываетъ, какъ далеко мы отстали отъ другихъ странъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

	Годы.	%	Годы.	%
Баденъ	1884	0,02	—	—
Виртембергъ	1884	0,02	—	—
Баварія	1884	0,13	—	—
Швеція	1883	0,27	—	—
Данія	1881	0,36	—	—
Пруссія	1891	0,84	1871	3,42

Швейцарія	1887	1,3	—	—
Франція	1891	7,5	1881	14,91
Голландія	1887	8,5	—	—
Бельгія	1887	13,87	—	—
Австрія	1888	25,0	1876	41,8
Венгрія	1888	38,6	1876	56,9
Италія	1888	42,98	1876	51,99
Россія	1887	70,74	1874	78,66

Для избѣжанія недоразумѣній напоминаемъ, что цыфры, относящіяся къ Россіи, выражаютъ процентъ безграмотныхъ во всемъ контингентѣ призывныхъ, не исключая дворянъ и привиллегированныхъ сословій, и притомъ не только къ сельскому, но и къ городскому населенію всей Россіи, европейской и азіатской (за исключеніемъ Финляндіи). Поэтому эти цыфры меньше приведенныхъ выше, относящихся только съ сельскому населенію Россіи европейской.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ окончательнымъ выводамъ изъ сдѣланнаго нами очерка начальнаго образованія въ сельской Россіи за періодъ времени съ 1872 по 1885 г., считаемъ необходимымъ дополнить его еще одной чертой, на которую мы не имѣли еще случая указать и которая, однакоже, играетъ весьма существенную роль въ объясненіи современнаго состоянія у насъ начальнаго образованія. Говоря выше о расходахъ на начальное образованіе, мы не успѣли еще сказать ни слова объ отношеніи бюджета начальныхъ школъ къ бюджетамъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній. Такъ какъ это обстоятельство въ значительной мѣрѣ характеризуетъ отношеніе государства къ тремъ ступенямъ образованія, то оно и не должно быть упущено въ очеркѣ, подобномъ настоящему. Приводимъ слѣдующую сравнительную таблицу процентныхъ отношеній расходовъ на начальное, среднее и высшее образованіе, а также на администрацію и строительную часть, къ общему бюджету министерствъ народнаго просвѣщенія въ Россіи, Пруссіи, Франціи и Швейцаріи. Цыфры таблицы относятся къ бюджетамъ 1892 для первыхъ трехъ государствъ и къ бюджету 1887 г. для Швейцаріи.

Предметы расхода.	Россія.	Пруссія.	Франція.	Швейцарія.
1) Начальное образованіе	14,5%	72,8%	72,6%	78,9%
2) Средн. образованіе и спеціальныя высшія и средн. училища	52,0%	8,6%	11,1%	14,1%
3) Университеты и ученыя учрежденія	21,0%	16,6%	11,0%	6,2%
4) Администрація и пособія служащимъ	10,0%	2,0%	2,2%	0,8%
5) Строительные расходы	2,5%	—	3,1%	—
	100%	100%	100%	100%

Для поясненія таблицы замѣтимъ, что строительные расходы не входятъ въ обыкновенный бюджетъ Швейцаріи и Пруссіи. Въ послѣдней они относятся обыкновенно къ экстраординарнымъ расходамъ. Для Пруссіи выдѣлены расходы по дѣламъ вѣроисповѣданій и медицинскимъ, которыя, какъ извѣстно, также подчинены министру нар. просвѣщенія. Въ таблицѣ показаны только расходы министерствъ народнаго просвѣщенія, хотя, какъ извѣстно, и другія министерства участвуютъ въ расходахъ на содержаніе разныхъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Это относится не только къ Россіи, но и къ другимъ странамъ. Замѣтимъ еще, что въ Пруссіи собственно на университеты, по бюджету 1892 г., приходилось 9%. Таблица эта говоритъ сама за себя. Изъ нея видно, что въ Пруссіи и во Франціи около 3/4 всего бюджета идетъ на начальное образованіе, а въ Швейцаріи даже болѣе 3/4, почти 4/5. Среднее образованіе и университеты поглощаютъ: въ Пруссіи и Франціи около 1/10 части бюджета, а въ Швейцаріи еще меньше. Расходы на администрацію во всѣхъ трехъ странахъ вполнѣ ничтожны. Рѣзкія отступленія отъ нормъ прусскихъ, французскихъ и швейцарскихъ въ нашемъ бюджетѣ очевидны изъ цыфръ перваго столбца таблицы и не требуютъ поясненій.

На 1885 году обрываются, какъ объяснено выше, имѣющіяся у насъ оффиціальныя свѣдѣнія по статистикѣ начальнаго образованія въ сельскихъ школахъ Европейской Россіи. На основаніи этихъ данныхъ можно, повидимому, констатировать значительный успѣхъ въ дѣлѣ народнаго образованія и придти къ заключенію, что все обстоитъ вполнѣ благополучно. Число школъ растетъ: за пятилѣтіе 1880—1885 г. оно увеличилось на 7.303 школы, чуть не на половину прежняго. Число учащихся также растетъ и за тотъ-же промежутокъ увеличилось на полмилліона (500.164). Цыфры эти, сами по себѣ, дѣйствительно представляются значительными; но не забудемъ, что всякая цыфра должна оцѣниваться не по абсолютной, а по относительной ея величинѣ. Поэтому и найденныя цыфры требуютъ ближайшей оцѣнки; необходимо раскрыть ихъ истинное значеніе и смыслъ. Къ этому-то мы теперь и обратимся.

Если-бы, чего никогда не бываетъ въ дѣйствительности, народонаселеніе страны было *совершенно «неподвижно»*, т.-е. если-бы за весьма значительный промежутокъ времени цыфры ежегодныхъ рожденій и итоги умершихъ оставались постоянными и равными между собою, не измѣнялось-бы также и ежегодное число умирающихъ въ каждомъ возрастѣ отдѣльно, если-бы, сверхъ того, распредѣленіе населенія по территоріи страны оставалось постояннымъ, то опредѣленное

число школъ, извѣстнымъ и неизмѣняемымъ образомъ распредѣленныхъ по странѣ, давало-бы, при нѣкоторой постоянной потребности въ образованіи, опредѣленный и постоянный коеффиціентъ учащихся. Если-бы, напримѣръ, народонаселеніе Россіи оставалось въ томъ состояніи, въ какомъ оно находилось въ 1886 г., и всѣ обстоятельства, обусловливавшія величину коеффиціента учащихся въ ту эпоху, не измѣнялись, то этотъ коеффиціентъ и сохранялъ-бы, пока длится такое состояніе, найденную выше величину 12,0%. Въ дѣйствительности-же и населеніе, и число школъ измѣняются. При этомъ, конечно, и коеффиціентъ учащихся вообще долженъ измѣняться. Остановимся на случаѣ, когда и населеніе, и число школъ растутъ. Для упрощенія вопроса допустимъ, что населеніе страны однородно въ томъ смыслѣ, что въ каждой его группѣ, какова-бы она ни была, потребность въ образованіи одинакова и способна неопредѣленно расти, что степень доступности школы населенію вездѣ одна и та-же и что населеніе равномѣрно распространено по всей странѣ. При такомъ предположеніи нѣкоторому опредѣленному числу школъ, при данномъ населеніи, будетъ отвѣчать нѣкоторый опредѣленный коеффиціентъ учащихся. Назовемъ ихъ, соотвѣтственно, начальнымъ населеніемъ, начальнымъ числомъ школъ и начальнымъ коеффиціентомъ. При одновременномъ ростѣ населенія и числа школъ могутъ встрѣтиться три различные случая: 1) Число вновь открываемыхъ школъ таково, что даетъ возможность учиться такому числу дѣтей, которое въ отношеніи къ приросту дѣтскаго населенія школьнаго возраста составляетъ процентъ *равный* существовавшему до прироста проценту учащихся въ начальномъ населеніи. Въ этомъ случаѣ общій процентъ учащихся въ приращенномъ населеніи, не взирая на увеличеніе числа школъ, очевидно, не поднимется и не опустится. Случится подобное тому, что происходитъ при смѣшеніи двухъ однородныхъ матеріаловъ одинаковаго достоинство, напримѣръ, когда сплавливаются два слитка серебра одинаковой пробы: достоинство смѣси останется прежнее. 2) Число вновь открываемыхъ школъ таково, что даетъ возможность учиться такому числу дѣтей, которое въ отношеніи къ приросту дѣтскаго населенія школьнаго возраста составляетъ процентъ *меньшій* существовавшаго до прироста процента учащихся въ начальномъ населеніи. Въ этомъ случаѣ общій процентъ учащихся въ приращенномъ населеніи, не взирая на увеличеніе числа школъ въ странѣ, очевидно, опустится, коеффиціентъ учащихся уменьшится. Случится подобное тому, что происходитъ при смѣшеніи двухъ однородныхъ матеріаловъ неодинаковаго достоинства, напримѣръ, когда къ слитку серебра высшей пробы примѣшивается

слитокъ серебра низшей пробы: достоинство смѣси понизится сравнительно съ достоинствомъ перваго матеріала. 3) Число вновь открываемыхъ школъ таково, что даетъ возможность учиться такому числу дѣтей, которое въ отношеніи къ приросту дѣтскаго населенія школьнаго возраста составляетъ процентъ *бóльшій* существовавшаго до прироста процента учащихся въ начальномъ населеніи. Въ этомъ случаѣ общій процентъ учащихся въ приращенномъ населеніи страны, очевидно, *поднимется*. Случится подобное тому, что происходитъ, когда къ матеріалу низшаго достоинства примѣшивается однородный матеріалъ высшаго достоинства, напримѣръ, когда къ слитку серебра низшей пробы примѣшивается слитокъ серебра высшей пробы: достоинство смѣси повысится сравнительно съ достоинствомъ перваго матеріала.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что увеличеніе числа школъ, составляющее необходимое условіе распространенія образованія въ странѣ, само по себѣ еще недостаточно. Первый изъ перечисленныхъ сейчасъ случаевъ, очевидно, составляетъ явленіе полнаго застоя образованія, между тѣмъ, число школъ при этомъ застоѣ увеличивается, и абсолютное увеличеніе его можетъ быть даже весьма значительно, можетъ даже поражать глазъ, выражаясь тысячами новыхъ школъ. Стоитъ только допустить соотвѣтствующій по величинѣ приростъ населенія. Второй изъ перечисленныхъ случаевъ еще замѣчательнѣе: онъ, очевидно, представляетъ собою явленіе полнаго регресса въ дѣлѣ образованія; между тѣмъ, и въ этомъ случаѣ абсолютное число школъ можетъ увеличиваться тысячами, не сопровождаясь поднятіемъ въ странѣ коеффиціента учащихся. Стоитъ только опять допустить соотвѣтствующій по величинѣ приростъ населенія. Очевидно, что въ количественномъ отношеніи между этими двумя случаями не существуетъ, собственно, никакой рѣзкой грани, они совершенно непрерывно могутъ переходить одинъ въ другой. Между тѣмъ, къ крайнему сожалѣнію, многіе склонны простой фактъ увеличенія числа школъ считать признакомъ успѣха въ дѣлѣ распространенія образованія. Оставляя въ сторонѣ два первые, очевидно, вполнѣ печальные случаи, разберемъ въ подробности третій—единственный, обѣщающій, при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, наступленіе когда-нибудь эпохи всеобщности школьнаго образованія. Но прежде считаемъ нужнымъ замѣтить, что три перечисленные выше случая суть единственные возможные; разсмотрѣвъ ихъ, мы совершенно исчерпываемъ вопросъ въ той, по крайней мѣрѣ, формѣ, въ какой онъ былъ поставленъ. Итакъ, обращаемся къ третьему случаю. Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ тремя подраз-

дѣленіями, исчерпывающими всѣ возможные и существенные фазисы этого случая. Во-первыхъ, число вновь открываемыхъ школъ таково, что даетъ возможность учиться такому числу дѣтей, которое, удовлетворяя основному условію, характеризующему этотъ случай, *меньше* итога всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ приростѣ населенія; во-вторыхъ, когда число учащихся въ новыхъ школахъ *равно* итогу всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ приростѣ населенія, и, въ-третьихъ, когда первое число *больше* второго. Въ первомъ случаѣ, хотя число школъ и увеличивается, увеличивается также и общій коеффиціентъ учащихся въ приращающемся населеніи, но такъ какъ учатся не всѣ дѣти начальнаго населенія и не всѣ дѣти прироста, то всегда остается извѣстный процентъ дѣтей школьнаго возраста, не попадающій въ школу. Такимъ образомъ, въ этомъ случаѣ страна, не взирая на увеличеніе числа школъ и коеффиціента учащихся, никогда не достигнетъ всеобщности обученія. Во второмъ случаѣ школъ открывается столько, что всѣ дѣти прироста учатся, и если-бы начальнаго населенія съ его школами не существовало, то получилось-бы новое населеніе, составившееся исключительно изъ послѣдовательныхъ приростовъ перваго, въ которомъ всѣ дѣти школьнаго возраста учились-бы въ школахъ. Собственно, въ этой части населенія коеффиціентъ учащихся достигъ-бы и, при правильномъ приращеніи школъ, удерживался-бы постоянно на высотѣ 100%. Но такъ какъ населеніе страны составляется не изъ однихъ только послѣдовательныхъ его приростовъ, но еще и изъ коренной, начальной его части, къ которой приросты, такъ сказать, примѣшиваются, а въ этомъ коренномъ, начальномъ населеніи число школъ было недостаточно для принятія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста и, по предположенію, не увеличивается, то въ общей массѣ всего населенія всегда будутъ оставаться дѣти, не попадающія въ школу. Хотя при неопредѣленно продолжительномъ возрастаніи населенія, по мѣрѣ того какъ къ начальной его части будутъ присоединяться все новыя и новыя массы приростовъ съ коеффиціентомъ учащихся, равнымъ 100%, относительное число такихъ дѣтей, которымъ нѣтъ мѣста въ школахъ, и будетъ уменьшаться, но оно никогда не достигнетъ нуля, и въ странѣ навсегда останется нѣкоторое постоянное число дѣтей, не получающихъ образованія. Коеффиціентъ учащихся въ этомъ случаѣ будетъ неопредѣленно приближаться къ 100%, никогда не достигая этого предѣла. Такимъ образомъ, и въ этомъ второмъ случаѣ страна, не взирая на болѣе быстрое, въ сравненіи съ предъидущимъ, увеличеніе числа школъ и коеффиціента учащихся, опять никогда не достигаетъ все-

общности образованія. Остается, наконецъ, послѣдній, третій случай. Если открывается такое число школъ, которое даётъ возможность помѣстить въ нихъ не только всѣхъ дѣтей школьнаго возраста изъ прироста населенія, *но и еще нѣкоторое число ихъ*, то эти мѣста будутъ занимать дѣти начальнаго населенія. Съ открытіемъ каждой новой группы школъ часть дѣтей начальнаго населенія, прежде не попадавшихъ въ школы, получитъ доступъ въ нихъ и, черезъ нѣкоторое время, всѣ дѣти школьнаго возраста во всемъ населеніи будутъ учиться. Наступитъ пора всеобщности образованія.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что увеличеніе коеффиціента учащихся, составляющее необходимое условіе для достиженія страною всеобщности школьнаго образованія, само по себѣ, еще недостаточно. Необходимо, сверхъ того, чтобы въ странѣ открывалось, за извѣстный промежутокъ времени, напримѣръ, ежегодно, столько новыхъ школъ, сколько ихъ нужно для обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ приростѣ населенія за тотъ-же промежутокъ, напримѣръ, за годъ, *и еще нѣкоторое количество школъ*. Только при соблюденіи послѣдняго условія возможно достиженіе страной всеобщности школьнаго образованія, и тѣмъ быстрѣйшее, чѣмъ больше будетъ открываться школъ сверхъ тѣхъ, которыя необходимы для *всѣхъ* дѣтей прироста.

Сдѣлаемъ попытку, основываясь на сказанномъ сейчасъ, вычислить, какое предѣльное число новыхъ школъ необходимо открывать въ Россіи ежегодно для того, чтобы все сельское населеніе ея могло когда-нибудь достигнуть всеобщности школьнаго образованія. Само собою разумѣется, что наше вычисленіе будетъ имѣть лишь чисто теоретическій характеръ и результатъ его будетъ только приближенный, притомъ степень приближенія его къ дѣйствительности не поддается точной оцѣнкѣ. Можно только сказать, что, по всей вѣроятности, мы получимъ минимальную цыфру, такъ какъ предполагаемъ населеніе равномѣрно и достаточно густо распредѣленнымъ по странѣ и, слѣдовательно, допускаемъ, что школа повсюду составится изъ нормальнаго числа учениковъ (50), между тѣмъ какъ въ дѣйствительности въ Россіи еще очень долго будутъ существовать весьма обширныя пространства съ очень рѣдкимъ населеніемъ. Далѣе мы допускаемъ, что приростъ населенія сохраняетъ нѣкоторую постоянную величину; между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ имѣетъ въ Россіи несомнѣнную наклонность къ довольно быстрому возрастанію, что съ совершенною достовѣрностью констатируется болѣе нежели двадцатилѣтними наблюденіями, тщательно регистрируемыми въ ежегодно издаваемыхъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ сбор-

никахъ о «Движеніи населенія въ Европейской Россіи». Можно съ весьма большимъ основаніемъ не довѣрять цыфрѣ, выражающей абсолютную величину всего населенія Россіи, но цыфры приростовъ уже несравненно достовѣрнѣе; а фактъ ихъ постепеннаго возрастанія, съ нѣкоторыми, сравнительно незначительными, колебаніями, уже не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Наконецъ, въ нашихъ вычисленіяхъ мы примемъ значительно ограниченную продолжительность школьнаго возраста, а именно, по соображеніямъ, изложеннымъ выше, возьмемъ для дѣвочекъ возрастъ отъ 8 до 12, а для мальчиковъ отъ 8 до 13 лѣтъ. При всей теоретичности вывода, который мы получимъ, онъ, все-таки, хотя до нѣкоторой степени, дастъ намъ возможность оріентироваться въ вопросѣ, дастъ возможность получить хотя приблизительное понятіе о тѣхъ, по истинѣ, грандіозныхъ размѣрахъ, въ которыхъ мы должны развивать наши школы и нашъ школьный бюджетъ уже теперь, чтобы осуществить только лишь въ отдаленномъ будущемъ мечту о всеобщности начальнаго образованія. Грандіозность необходимыхъ для достиженія этой цѣли усилій, нравственныхъ и матеріальныхъ, не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣми, которыя приходится развивать большинству европейскихъ государствъ, уже далеко подвинувшихся въ дѣлѣ народнаго образованія и имѣющихъ, сравнительно съ Россіей, ничтожное пространство, несравненно меньшую массу населенія и гораздо меньшій его приростъ. Мы уже не говоримъ о множествѣ другихъ затрудненій, встрѣчаемыхъ Россіей на этомъ пути, обусловливаемыхъ ея бѣдностью и отсталостью культуры вообще.

Итакъ, приступимъ къ нашей задачѣ. Ежегодный приростъ населенія въ Россіи достигаетъ громадной цыфры. За двадцатилѣтіе 1867—1886 гг. среднiй годовой приростъ выразился цыфрою 977.083, т.-е. почти достигалъ милліона. Начало этого двадцатилѣтія, 1867 годъ, уже слишкомъ далеко отстоитъ отъ насъ. Съ тѣхъ поръ условія жизни значительно улучшились, такъ что для настоящаго времени и для ближайшаго будущаго было-бы неосновательно понижать цыфру прироста принятіемъ въ разсчетъ годовъ, близкихъ къ 1867 году. Сверхъ того, нашъ очеркъ обнимаетъ періодъ времени, начинающійся съ 1872 г., а уже съ слѣдующаго 1873 г. идетъ рядъ ихъ съ приростомъ, большимъ 1.000.000. Съ 1873 по 1887 гг., включительно, приростъ только два раза опускался ниже 1.000.000. За пять лѣтъ, предшествующихъ 1885 году, средняя цыфра прироста въ 50-ти губерніяхъ Европейской Россіи была около 1.100.000. Исключая отсюда приростъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, простирающійся до 20.000, получимъ 1.080.000.

*

Городское населеніе составляетъ, приблизительно, 12% общей массы, слѣдовательно, сельскаго населенія въ приростѣ будетъ 950.400 чел. Исключая изъ него долю прироста, приходящуюся на еврейское и магометанское населеніе, равную, приблизительно, 45.900 человѣкъ, въ остаткѣ получаемъ 904.500 человѣкъ *). Распредѣляя этотъ остатокъ въ пропорціи 100:103,3, согласно отношенію между численностью мужчинъ и женщинъ въ селахъ, найдемъ, что въ сельскомъ населеніи приростъ мужчинъ есть 444.910, а женщинъ 459.590. На это населеніе приходится мальчиковъ школьнаго возраста отъ 8 до 13 лѣтъ включительно,—56.904, дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ 8 до 12 включительно-же — 50.157. Всего дѣтей школьнаго возраста получается 107.061. Для этихъ дѣтей надо открывать, полагая по 50 учениковъ на 1 школу, 2.141 новыхъ школъ ежегодно.

Итакъ, при допущенныхъ предположеніяхъ, принимая, что приростъ населенія на неопредѣленное время останется постояннымъ и по размѣру равнымъ среднему приросту въ эпоху 1880—1885 гг., находимъ, что необходимо открывать въ селахъ Россіи, безъ остзейскихъ губерній и не считая еврейскаго и магометанскаго населенія, ежегодно болѣе 2.141 школы, если желаемъ когда-нибудь достигнуть всеобщности школьнаго образованія.

Предполагая нормальную стоимость содержанія школы въ 500 р., найдемъ, что для достиженія всеобщности школьнаго образованія бюджетъ сельскихъ школъ въ Россіи, за исключеніемъ школъ прибалтійскихъ губерній и школъ для евреевъ и магометанъ, долженъ увеличиваться ежегодно болѣе, нежели на 1.070.500 руб. Въ пятилѣтіе 1880—1885 гг. число школъ, какъ мы видѣли, увеличилось на 7.303. Это число, съ перваго взгляда, кажется весьма значительнымъ и его можно было-бы, пожалуй, назвать огромнымъ для всякой другой страны; но для Россіи оно оказывается совершенно ничтожнымъ,— столь ничтожнымъ, что если въ дѣлѣ учрежденія новыхъ школъ мы пойдемъ съ такою-же быстротою и дальше, то *никогда* не достигнемъ

*) Мы должны исключить изъ общей массы сельскаго населенія евреевъ и магометанъ, потому что въ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ за разсматриваемый въ нашемъ очеркѣ періодъ 1872—1885 гг. еврейскія и магометанскія школы исключены. Взятое нами число 45.900 получено на томъ основаніи, что евреи составляютъ 4,1%, а магометане 3,9% всего населенія Европейской Россіи. Сверхъ того, извѣстно, что громадное большинство евреевъ живетъ въ городахъ, приблизительно, не менѣе 80% на 100. Что касается магометанъ, то за отсутствіемъ точныхъ указаній, мы приняли, что по городамъ и селамъ они распредѣляются такъ-же, какъ и остальное населеніе, т.-е. 12% въ городахъ и 88% въ селахъ.

всеобщности школьнаго образованія. Наше предѣльное число есть 2.141 новыхъ школъ въ годъ. Поэтому за пять лѣтъ ихъ слѣдовало-бы открыть болѣе 10.705, а ихъ открыто только 7.303, т.-е. на 3.402 школы меньше, чѣмъ было нужно. Недостаточность этого числа вполнѣ подтверждается и очень слабымъ ростомъ коеффиціента учащихся. За пять лѣтъ этотъ коеффиціентъ поднялся, какъ мы видѣли, съ 8,1% до 12,0%, т.-е. на 3,9%. Слѣдовательно, среднее ежегодное его повышеніе доходило всего до весьма ничтожной цыфры 0,78%.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній можно вычислить размѣръ и другого интереснаго предѣла числа новыхъ школъ,—того предѣла, за которымъ начинается уже полный регрессъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, выражающійся паденіемъ коеффиціента учащихся. Вычислимъ этотъ предѣлъ для той-же эпохи 1885 года при тѣхъ-же предположеніяхъ. Чтобы начался полный упадокъ школьнаго образованія въ странѣ, необходимо и достаточно, какъ мы видѣли, чтобы число вновь открываемыхъ школъ давало возможность учиться лишь такому числу дѣтей, которое въ отношеніи къ приросту дѣтскаго населенія школьнаго возраста составляетъ процентъ *меньшій* существовавшаго до прироста процента учащихся въ начальномъ населеніи. Мы нашли, что въ приростѣ сельскаго населенія для эпохи 1885 г. было мальчиковъ 56.904 и соотвѣтствующій коеффиціентъ учащихся въ начальномъ населеніи былъ 19,9%. Взявъ столько именно процентовъ отъ предъидущаго числа, получимъ 11.324 мальчика школьнаго возраста. Для нихъ потребуется, при нормѣ 50 учениковъ, 225 школъ. Для дѣвочекъ получимъ соотвѣтственно: 50.157 всѣхъ дѣтей въ приростѣ, 4,3% ихъ составитъ 2.157 учащихся, на которыхъ потребуется 43 школы. Это число, вмѣстѣ съ предъидущимъ, составитъ 268 школъ. Если-бы, начиная съ 1885 г., открывалось ежегодно менѣе этого предѣльнаго числа школъ, т.-е. менѣе 268, то коеффиціентъ учащихся и началъ-бы падать. Выше мы видѣли, что въ шестилѣтіе, предшествующее 1880 году, число сельскихъ школъ въ Россіи увеличилось всего на 1.320, что даетъ средній годовой приростъ ихъ 220,—цыфру, весьма близко подходящую къ вычисленной сейчасъ 268 школъ. Конечно, въ эпоху 1874 года приростъ сельскаго населенія былъ меньше, былъ ниже и коеффиціентъ учащихся, а потому, если-бы вычислить для этой эпохи предѣльное число школъ, при которомъ коеффиціентъ учащихся начинаетъ падать, то получилась-бы цыфра значительно меньшая 268. Представляется довольно вѣроятнымъ, что цыфра 220 школъ очень близка къ этому предѣлу. Въ эпоху 1874—1880 г. общій коеффиціентъ учащихся съ 7,0% под-

нялся до 8,1, т.-е. увеличился за шесть лѣтъ всего на 1,1%, что составляетъ крайне медленное, весьма близкое къ нулю, среднее ежегодное приращеніе этого коэффиціента, доходящее до ничтожнѣйшей величины 0,1%. Выше мы охарактеризовали эпоху 1874—1880 г. періодомъ замиранія русской сельской школы. Онъ, какъ мы теперь вновь видимъ, и дѣйствительно былъ таковъ; въ ту эпоху мы стояли въ самой непосредственной близости къ роковому рубежу, за которымъ начинается вымираніе народнаго образованія, выражающееся паденіемъ коэффиціента учащихся.

Мы сейчасъ видѣли, что для достиженія всеобщности школьнаго образованія необходимо и достаточно, чтобы число вновь открываемыхъ школъ давало возможность учиться не только всѣмъ дѣтямъ прироста населенія, но и еще нѣкоторому ихъ числу изъ начальнаго состава населенія. Допустивъ нѣкоторыя теоретическія предположенія, мы нашли, что для эпохи, слѣдующей за 1885 годомъ, такое предѣльное число новыхъ школъ для каждаго года есть 2.141. Теперь весьма умѣстно будетъ выяснить степень быстроты, съ которою мы приближались-бы къ эпохѣ всеобщности школьнаго образованія, если-бы ежегодно открывали нѣкоторое, достаточное для достиженія этой цѣли число школъ. Это вычисленіе опять имѣетъ совершенно теоретическій характеръ, но результатъ его не будетъ лишенъ поучительности, хоть-бы въ томъ отношеніи, что разъяснитъ еще разъ, какую массу усилій предстоитъ сдѣлать на поприщѣ народнаго образованія и какимъ, по истинѣ, нечеловѣческимъ терпѣніемъ предстоитъ вооружиться, чтобы дождаться вожделѣнной эпохи всеобщности образованія, даже если мы во много разъ увеличимъ нашу дѣятельность по открытію новыхъ школъ. При помощи довольно простой формулы, выведенной при предположеніи, что приростъ населенія и число вновь открываемыхъ школъ постоянны и что ни одна изъ существовавшихъ школъ не закрывается, можно теоретически рѣшать поставленный нами вопросъ *). Предположимъ, что число вновь откры-

*) Формула эта слѣдующая:

$$t = \frac{N}{A} \cdot \frac{P_t - P_n}{P_a - P_t},$$

гдѣ t — время, необходимое для доведенія коэффиціента учащихся въ странѣ до величины P_t (мы беремъ случай, когда наступаетъ всеобщность обученія и когда, слѣдовательно, $P_t = 100$), N — итогъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ начальномъ населеніи, A — итогъ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста въ приростѣ населенія, P_n коэффиціентъ учащихся въ начальномъ населеніи въ начальномъ году, P_a — коэффиціентъ, въ процентахъ отъ A, вычисляемый по

ваемыхъ школъ превышаетъ на цѣлую 1.000 наше предѣльное число 2.141 и простирается, слѣдовательно, до 3.141 школы ежегодно. Такого большого прироста школъ мы, если не ошибаюсь, еще никогда не имѣли. При этомъ предположеніи найдемъ, что эпоха всеобщности школьнаго образованія наступитъ черезъ 204 года послѣ 1885 г.! Если вмѣсто 1.000 возьмемъ 2.000 сверхъ предѣла 2.141, т.-е. будемъ открывать ежегодно 4.141 школу, то эта эпоха наступитъ черезъ 104 года и т. п.

Выше, на основаніи оффиціальныхъ свѣдѣній, былъ констатированъ нѣкоторый, и притомъ казавшійся весьма значительнымъ, успѣхъ народнаго образованія въ средѣ сельскаго населенія Россіи за пятилѣтіе 1880—1885 г. Затѣмъ мы приступили къ раскрытію истиннаго значенія и смысла тѣхъ, казавшихся очень внушительными, цыфръ, которыя выражали степень этого успѣха. Эта часть нашей задачи теперь кончена и полученный результатъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ. Хотя въ пятилѣтіе 1880—1885 гг. и было открыто много школъ, число учащихся значительно увеличилось и коеффиціентъ ихъ во всей странѣ повысился, но число вновь открытыхъ школъ было таково, что, продолжая далѣе увеличивать его въ *той-же мѣрѣ*, мы *никогда* не достигнемъ конечной цѣли, которую ставитъ себѣ всякая культурная страна — всеобщности школьнаго образованія.

Но съ 1885 года прошло уже почти 8 лѣтъ. Можетъ быть, за это время дѣло народнаго образованія значительно подвинулось впередъ, можетъ быть, оно вышло изъ того фазиса существованія, при которомъ невозможно достиженіе всеобщности школьнаго образованія. Увы, на это приходится дать отрицательный отвѣтъ. Конечно, за отсутствіемъ оффиціальныхъ данныхъ по школьной статистикѣ за послѣднее семилѣтіе, мы не имѣемъ возможности подкрѣпить такой отвѣтъ прямыми доказательствами, подобными тѣмъ, какія приведены были для шестилѣтія 1874—1880 гг. и пятилѣтія 1880—1885 гг.; но мы сейчасъ представимъ соображенія, хотя и косвенныя, но, если не ошибаемся, вѣскія и вполнѣ достаточныя для заключенія, что дѣло народнаго

формулѣ: $P_a = \frac{100\ mQ}{A}$, гдѣ Q — число вновь открываемыхъ школъ, а m нормальное число учениковъ въ школѣ. Для рѣшенія занимающаго насъ вопроса въ формулахъ надо сдѣлать слѣдующія предположенія: $N = 11.678.000$, $A = 107.061$, $P_t = 100$, $P_n = 12$, $m = 50$ и $Q = 3.141$ (а для второго предположенія $Q = 4.141$). Эти значенія количествъ, входящихъ въ формулы, оправдываются данными, которыя могутъ быть найдены въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ нашего очерка.

образованія въ настоящее время все еще не вышло изъ прежняго своего фазиса, т.-е. и сегодня оно не допускаетъ положительныхъ основаній къ выраженію надежды, что мы выступили уже на путь, ведущій къ достиженію всеобщности образованія. Для убѣжденія въ этой печальной истинѣ достаточно замѣнить неизвѣстное намъ изъ оффиціальной статистики число школъ—его, если можно такъ выразиться, эквивалентомъ—расходомъ на школы, который поддается исчисленію, по крайней мѣрѣ, для рѣшенія нашей задачи. Извѣстно, что источниками содержанія сельскихъ школъ служатъ: 1) государственное казначейство, 2) земства, 3) сельскія общества, 4) церковно-приходскія попечительства, церковныя братства, церковно и священнослужители и благотворительныя общества, 5) частныя лица, 6) плата съ учащихся и 7) разные другіе источники.

Обращаемся къ первому источнику. Предлагаемъ слѣдующую таблицу ассигнованій по государственной росписи на народныя училища за годы 1885—1892 включительно.

Годы.	Назначено по росписи на народныя училища.	Какой процентъ суммы идетъ		На устройство и содержаніе самыхъ народныхъ училищъ			На содержаніе дирекцій и инспекцій народныхъ училищъ		
		На содержаніе собственно училищъ.	На содержан. дирекц. и инспекц. учил.	Назначено по росписи.	Разности.	Остатки неизрасходованные.	Назначено по росписи.	Разности.	Остатки неизрасходованные.
		%	%						
1885	1.733.278	63,11	36,89	1.093.959		4.458,15	639.319		10.428,96
1886	1.730.306	63,21	36,79	1.093.751	— 208	3.401,61	636.555	— 2.764	1.587,1
1887	1.745.908	62,60	37,40	1.091.878	— 1.873	5.052,8	654.030	+17.475	2.967,79
1888	1.748.945	62,49	37,51	1.092.897	+ 1.019	5.644,15	656.048	+ 2.018	606,17
1889	1.761.467	62,29	37,71	1.097.350	+ 4.453	3.025,58	664.117	+ 8.069	2.960,42
1890	1.795.377	62,96	37,04	1.130.314	+ 2.964	4.343,92	665.063	+ 946	2.162,18
1891	1.787.539	62,65	37,35	1.119.954	—10.360	—	667.585	+ 2.522	—
1892	1.789.793	62,59	37,41	1.120.244	+ 290	—	669.549	+ 1.964	—
					—12.151	25.425,49		+32.994	20.712,53
					+ 8.436			— 2.764	
					— 3.715			+30.230	

Таблица показываетъ, что изъ государственнаго казначейства на народныя училища назначается весьма незначительная сумма, нѣсколько превышающая $1^2/_3$ милліона рублей. Изъ этой суммы только часть, нѣсколько меньшая $^2/_3$ (отъ 62 до 63%), идетъ собственно на устройство и содержаніе училищъ, остальная-же часть нѣсколько больше $^1/_3$ всей суммы (около 37%), назначается на содержаніе дирекцій и инспекцій народныхъ училищъ. Такъ какъ въ настоящую минуту насъ, главнымъ образомъ, интересуетъ вопросъ о томъ, сколько новыхъ школъ открылось съ 1885 года, то мы должны обратить вниманіе на ростъ ассигновокъ, показанный въ столбцѣ разностей. Разсматривая первый изъ этихъ столбцовъ, видимъ, что ассигнованія собственно на училища не росли изъ года въ годъ, какъ-бы это было, если-бы на счетъ государственнаго казначейства открывались новыя школы, а колебались то въ сторону увеличенія, то въ сторону уменьшенія, измѣнялись то въ положительномъ, то въ отрицательномъ смыслѣ. За 8 лѣтъ сумма положительныхъ разностей оказывается равною 8.436 руб., а отрицательныхъ 12.151 руб., такъ что, въ концѣ-концовъ, сумма отрицательныхъ разностей превысила сумму положительныхъ на 3.715 руб. Въ остальной части ассигнованій государственнаго казначейства на народныя училища, обращаемой на содержаніе дирекцій и инспекцій ихъ, также замѣчаются колебанія, какъ показываетъ второй столбецъ разностей; но всѣ эти разности, за исключеніемъ только одной, положительныя и результатъ ихъ за восьмилѣтіе является совершенно обратнымъ предъидущему, превышая его въ восемь разъ. Общая сумма годовыхъ увеличеній ассигновокъ на содержаніе дирекцій и инспекцій училищъ простирается до 32.994 руб., а уменьшеній только до 2.764 руб., такъ что, въ концѣ концовъ, получается увеличеніе на 30.230 руб. Но эта сумма, очевидно, не могла вліять на увеличеніе числа школъ, и потому должна быть вовсе исключена изъ нашего разсчета. Остальная-же часть ежегодныхъ разностей, какъ мы видѣли, оказывается отрицательной. Такимъ образомъ, по отношенію къ государственному казначейству мы должны заключить, что за послѣднее восьмилѣтіе, до 1892 года включительно, оно не могло служить источникомъ для открытія новыхъ школъ. Если при помощи его новыя школы и открывались, то не иначе, какъ на счетъ уменьшенія пособій уже существовавшимъ школамъ, или даже на счетъ сокращенія числа ихъ.

Обращаемся ко второму источнику. Предлагаемъ таблицу расходовъ земствъ на народное образованіе съ 1883 по 1887 г. включительно. Таблица даетъ возможность сравнить расходъ земствъ собственно на

народное образованіе съ общимъ итогомъ всѣхъ расходовъ. Она составлена на основаніи свѣдѣній Центральнаго Статистическаго Комитета, въ которыхъ, къ сожалѣнію, пропущенъ 1885 годъ. Для него мы могли найти только цыфры смѣтныхъ назначеній, а не дѣйствительныхъ исполненій смѣтъ, въ изданіи Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ подъ заглавіемъ: «*Сводъ свѣдѣній о земскихъ смѣтныхъ доходахъ и расходахъ и проч. за 1884 и 1885 годы*». Въ свѣдѣніяхъ за 1883 г., наоборотъ, недостаетъ указаній на смѣтныя назначенія, а дается только цыфра дѣйствительно произведенныхъ расходовъ.

Годы.	Общій итогъ расходовъ.			Расходы на народное образованіе.				
	Назначено.	Дѣйствит. израсходовано.	Разность.	Назначено.	Дѣйств. израсходовано.	Разность между столб. 5 и 6.	% отн. 6-го къ 3-му.	Разность между послѣдовательными числами столбца 6-го.
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.
1883	—	36.723.931	—	—	5.998.338	—	16,3%	+304.221
1884	40.685.083	38.078.330	2.606.753	6.782.555	6.302.559	479.996	16,5%	
1885	43.248.089	—	—	6.831.929	—	—	15,9%	+405.976
1886	45.181.336	43.415.355	1.756.981	7.134.087	6.708.535	325.552	15,4%	+248.390
1887	45.302.622	44.449.999	852.623	7.263.016	6.956.925	306.091	15,6%	
							Сред. 15,9%	+958.587

Эта таблица (столб. 9) показываетъ, что средній годовой приростъ земскихъ расходовъ на народное образованіе за пятилѣтіе 1883—1887 г. былъ 239.647 руб. (958.587 : 4). Но не вся сумма расходовъ земствъ на народное образованіе идетъ на сельскія школы. Точное опредѣленіе расхода собственно на сельскія школы въ высшей степени затруднительно, такъ какъ отчеты по земскимъ расходамъ страдаютъ крайнею несистематичностью и отсутствіемъ однообразной для всѣхъ земствъ классификаціи. Такъ, въ «Земскомъ Ежегодникѣ» за 1884 г. (изд. 1887 г.) расходы на стипендіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ включены въ графу расходовъ по ремесленному образованію, многіе итоги вовсе не разнесены по статьямъ и показаны слитно съ другими и т. п. Но все-таки есть возможность приблизительно судить о томъ, больше чего не можетъ быть расходъ земствъ собственно на сельскія школы. Напримѣръ, въ 1884 г. (см.

приложенія къ Земскому Ежегоднику за 1884 г.) по земскимъ смѣтамъ назначено: 1) на школы и училища—4.696.052 р., что составляетъ 68,2% всего ассигнованія на народное образованіе; 2) на учительскія семинаріи, педагогическіе курсы и съѣзды—245.385 р., т.-е. 3,5%; 3) на гимназіи, прогимназіи и реальныя училища—933.299 р., т.-е. 13,3%, и 4) на ремесленное образованіе и разные расходы (?) 1.012.073 р., т.-е. 14,7%. Всего-же было назначено 6.886.809 р. Замѣтимъ здѣсь, кстати, что послѣдняя цыфра не совпадаетъ съ цыфрой, приводимой за тотъ-же годъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ (6.782.555); разница между ними составляетъ 104.254 р. Итакъ, собственно на школы и училища въ 1884 г. земство расходовало далеко не все, что оно назначало на народное образованіе вообще, а только 68,2% полнаго итога, т.-е. около 2/3 его. Притомъ, въ числѣ этихъ школъ и училищъ не всѣ находятся въ селахъ; очень многія изъ нихъ принадлежатъ городамъ. Сельскія училища составляютъ около 80%, а городскія около 20% всего числа школъ, относимыхъ къ категоріи низшихъ учебныхъ заведеній. Отдѣлить въ точности расходы на сельскія школы отъ расходовъ на школы городскія не представляется возможнымъ, но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что процентъ расхода собственно на сельскія школы долженъ быть значительно ниже 68,2%. Чтобы устранить всякій поводъ къ упреку въ уменьшеніи цыфры расходовъ земства на сельскія школы, воспользуемся данными изъ трудовъ коммиссіи по пересмотру узаконеній о земскомъ обложеніи. По исчисленію этой коммиссіи расходъ земствъ на начальныя училища, сельскія и городскія, въ 1885 г. составлялъ 75% всего расхода на народное образованіе. Остальные 25% шли на среднія и высшія учебныя заведенія. Допустимъ, и это весьма вѣроятно, что подобное-же отношеніе между этими расходами существовало и въ послѣдующіе годы. Сверхъ того, примемъ, что число городскихъ училищъ составляетъ 20% общаго числа всѣхъ низшихъ училищъ и что стоимость одного училища въ городѣ равна стоимости одного-же училища въ деревнѣ. Это послѣднее допущеніе, конечно, не согласуется съ дѣйствительностью и, разумѣется, бюджетъ земства на всѣ школы, городскія и сельскія, распредѣляется между ними не пропорціонально 20% и 80%, а такъ, что на городскія училища приходится несравненно больше 20% общаго итога. Содержаніе училища въ городѣ гораздо дороже, нежели въ деревнѣ, и, сверхъ того, большинство городскихъ училищъ принадлежатъ къ болѣе дорогому типу заведеній и по организаціи своей, и по программѣ преподаванія. На основаніи этихъ соображеній, полученную выше цыфру 239.647 сред-

няго ежегоднаго прироста земскихъ расходовъ на народное образованіе, мы должны уменьшить, чтобы получить приростъ расходовъ собственно на сельскія школы, сначала взявъ 75% ея, а потомъ 80% отъ полученнаго результата. Такимъ образомъ, найдемъ, что ежегодный приростъ земскихъ расходовъ на сельскія школы послѣ 1885 г., по всей вѣроятности, не превышалъ, круглымъ числомъ, 144.000 р.

Третьимъ источникомъ содержанія сельскихъ школъ являются сельскія общества. За неимѣніемъ сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній по этому предмету, допустимъ, что сельскія общества въ дѣлѣ поддержанія и развитія школъ участвуютъ въ той-же мѣрѣ, сравнительно съ земствомъ, въ какой это участіе проявлялось ими въ эпоху обслѣдованія сельскихъ школъ въ 1880 г., т.-е. что расходъ сельскихъ обществъ составлялъ 73% расхода земствъ (см. данную выше таблицу распредѣленія итога расходовъ на сельскія школы по источникамъ ихъ содержанія, «Русская Школа», мартъ 1893 г., стр. 182). На этомъ основаніи найдемъ предположительно, что крестьянскія общества увеличивали свои расходы на сельскія школы ежегодно на 73% найденной сейчасъ суммы 144.000 р., т.-е., круглымъ числомъ, на 105.000 р.

По поводу второго и, въ особенности, третьяго источника содержанія сельскихъ школъ необходимо имѣть въ виду, что 1890, 1891 и истекшій 1892 годъ являются одними изъ самыхъ бѣдственныхъ годовъ, какіе только переживала Россія въ текущемъ столѣтіи, и что еще до 1890 года въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уже обнаружились предвѣстники этихъ бѣдствій,—неурожаи, болѣзни и проч. Затѣмъ послѣдовалъ голодъ въ большей части Европейской Россіи и наступила холерная эпидемія. Эти бѣдствія, къ несчастью, продолжаются во многихъ мѣстностяхъ съ большею или меньшею силою и въ настоящее время. При такихъ обстоятельствахъ земства и, тѣмъ болѣе, сельскія общества, конечно, не могли и не могутъ усиливать своихъ затратъ на народное образованіе, чтобы открывать новыя школы. Нужда такъ велика, что пришлось, можетъ быть, даже закрыть нѣкоторыя изъ существовавшихъ школъ.

Что касается остальныхъ четырехъ источниковъ содержанія сельскихъ школъ, то, какъ мы видѣли, въ 1880 году, всѣ они вмѣстѣ давали только $7^1/_2$% всего бюджета школъ. Правда, съ половины 80-хъ годовъ усилилась дѣятельность духовенства къ открытію церковно-приходскихъ школъ *). Но какова-бы ни была эта дѣятель-

---

*) Изъ «*Отчетовъ госуд. контроля по исполненію государственныхъ росписей*» видно, что на выдачу пособій и вознагражденій духовенству и разнымъ духов-

ность, церковно-приходскія школы примыкаютъ къ простымъ школамъ грамотности, возвышаясь надъ ихъ учебнымъ уровнемъ въ весьма незначительной степени; по крайней мѣрѣ, такой классификаціи придерживается и оффиціальный «Сборн. свѣдѣній по Россіи», издаваемый Центральнымъ Статист. Комит. Мин. Вн. Дѣлъ *). Земскія и министерскія школы, при всей ограниченности ихъ учебныхъ программъ, все-таки даютъ нѣкоторое, хотя и весьма небольшое, но законченное и систематическое начальное образованіе. Только такія школы могутъ быть, по справедливости, разсматриваемы, какъ зерна, изъ которыхъ современемъ можетъ вырости правильно организованная система народнаго элементарнаго образованія. Школы-же грамотности и церковно-приходскія являются лишь временными и болѣе или менѣе случайными, непрочными средствами для распространенія въ глухихъ, малонаселенныхъ и бѣдныхъ мѣстностяхъ простой, такъ сказать, чисто механической грамотности, столь ненадежно и слабо усваиваемой учащимися, что она очень скоро по окончаніи ученія забывается. Опытъ прошлаго показываетъ, что церковно-приходскія школы у насъ неоднократно возникали, сельское духовенство, подъ вліяніемъ высшей духовной и свѣтской власти, приступало къ открытію церковно-приходскихъ школъ, но затѣмъ, въ силу неотразимыхъ и независящихъ отъ воли отдѣльныхъ лицъ экономическихъ и другихъ условій, его быта, дѣятельность его въ этомъ направленіи постепенно ослабѣвала, школы изъ дѣйствительнаго существованія мало-по-малу переходили въ списочное, а впослѣдствіи и вовсе исчезали.

нымъ учрежденіямъ на устройство и содержаніе школъ для народнаго образованія въ 1885 г. было ассигновано 56.500 р. Въ слѣдующемъ 1886 г. эта сумма была увеличена до 175.500 р., т.-е. на 119.000 р. До 1890 г. включительно это ассигнованіе въ 175.500 р. не увеличивалось, а такъ какъ для занимающаго насъ вопроса имѣютъ значеніе только приросты ассигнованій, то можно считать, что въ 1886 году послѣдовало единовременное увеличеніе средствъ на народное образованіе въ размѣрѣ 119.000 р., а затѣмъ въ послѣдующіе годы, до 1890 включительно, пособіе изъ государственнаго казначейства на школы духовенства оставалось постояннымъ.

*) См. «Сборн.» изд. 1890 г. Здѣсь умѣстно будетъ указать на значительное разногласіе въ цыфрахъ, приводимыхъ этимъ оффиціальнымъ изданіемъ, и отчетомъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за одинъ и тотъ-же 1886 г. По свѣдѣніямъ «Сборника», церковно-приходскихъ училищъ и школъ грамотности, показанныхъ слитно, было въ 1886 году 9.663, а по «Отчету» — 12.009. Такимъ образомъ, по свѣдѣніямъ «Отчета», однѣхъ церковно-приходскихъ школъ считалось на 2.336 больше, чѣмъ по свѣдѣніямъ «Сборника» было такихъ школъ *вмѣстѣ* съ школами грамотности. Эти-же послѣднія, несомнѣнно, существуютъ, и притомъ въ весьма значительномъ числѣ.

Мы вполнѣ далеки отъ отрицанія пользы церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности. Напротивъ, считаемъ ихъ очень полезными, и несомнѣнно, что пока длится возникшее въ духовенствѣ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицахъ и учрежденіяхъ расположеніе къ открытію и поддержанію церковно-приходскихъ школъ, онѣ не останутся безъ вліянія на распространеніе въ народѣ грамотности. Но въ прочность и продолжительность такого настроенія по отношенію къ церковно-приходскимъ школамъ, судя по прежнимъ опытамъ и по наступившему уже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, охлажденію, трудно вѣрить. Притомъ, одна простая грамотность еще не образованіе, а только первый шагъ на пути къ нему. Мы видѣли, что она распространяется въ народѣ даже и помимо школы, распространяется непрерывно, замѣтно возрастая изъ года въ годъ. Этотъ, такъ сказать, естественный ростъ грамотности, подготовляющій почву для правильнаго элементарнаго образованія народа, составляетъ особое, весьма важное и характерное явленіе; но это явленіе, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ строго отличать отъ роста и развитія нормально организованныхъ земскихъ и министерскихъ народныхъ школъ, которыя собственно и составляютъ единственную прочную и устойчивую основу государственной системы начальнаго народнаго образованія.

Итакъ, изъ трехъ главныхъ источниковъ, которыми держится и развивается наша народная сельская школа—земства, сельскихъ обществъ и государственнаго казначейства, послѣднее послѣ 1885 г. ограничивалось, въ лучшемъ случаѣ, только поддержкою существовавшихъ прежде сельскихъ школъ, а два первые источника давали ежегодно: первый—не болѣе 144.000, а второй—не болѣе 105.000 р. ежегоднаго прироста суммъ на учрежденіе новыхъ школъ. Всего получается 249.000 р., или, круглымъ числомъ, 250,000 р. Если-бы эту цыфру мы увеличили даже вдвое, т.-е. до $^1/_2$ милліона, допустивъ, что совершенно невѣроятно, что дѣятельность духовенства и частныхъ лицъ, а также нѣкоторыхъ учрежденій и вѣдомствъ по открытію церковно-приходскихъ и другихъ школъ достигаетъ въ послѣдніе годы такого напряженія, что сравнивается совершенно съ дѣятельностью всего Министерства Народнаго Просвѣщенія, всѣхъ земствъ и сельскихъ обществъ вмѣстѣ взятыхъ, то, все-таки, еще далеко не достигли-бы того 1.070.500 р., больше котораго, по сдѣланному выше исчисленію, слѣдовало-бы ежегодно присоединять къ бюджету однѣхъ только сельскихъ школъ Европейской Россіи, чтобы только въ самомъ отдаленномъ будущемъ, болѣе чѣмъ черезъ 200

лѣтъ, можно было достигнуть всеобщности *школьнаго* элементарнаго образованія.

Итакъ, есть полное основаніе сказать, что, по всей вѣроятности, мы и сегодня находимся въ томъ-же фазисѣ развитія русской сельской школы, въ какомъ находились 7 лѣтъ тому назадъ, въ 1885 г.; т.-е. у насъ все еще такъ мало школъ и, главное, мы такъ мало открываемъ новыхъ школъ, что достиженіе всеобщности правильнаго начальнаго народнаго образованія, при существующихъ условіяхъ и затратахъ на народныя школы, невозможно даже и въ безконечно отдаленномъ будущемъ. Констатированіемъ этого печальнаго положенія мы и должны, съ крайнимъ прискорбіемъ, закончить нашъ очеркъ.

А. Страннолюбскій.

ОБЪ УЧЕБНОМЪ КУРСѢ НАРОДНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

(По поводу циркуляра по Спб. учебному округу, № 11, за 1892 годъ).

Въ вышеуказанномъ циркулярѣ помѣщена, подъ заглавіемъ «Изъ отчетовъ по учебнымъ заведеніямъ», очень важная статья объ учебномъ курсѣ народныхъ училищъ. Большинство нашихъ народныхъ училищъ, какъ извѣстно, руководствуются Высочайше утвержденнымъ 25-го мая 1874 года Положеніемъ, въ которомъ, однако, не опредѣляется ни число лѣтъ обученія, ни число учителей въ каждой школѣ, ни программа преподаванія учебныхъ предметовъ. Поэтому лишь многолѣтняя практика, а не законъ, привела наши народныя школы къ довольно однообразному устройству, по которому курсъ обученія продолжается въ большинствѣ случаевъ три года, и въ каждой школѣ, кромѣ законоучителя, преподаетъ разомъ во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ одинъ учитель. Въ вышеупомянутой статьѣ начальство Спб. учебнаго округа сообщаетъ, что изъ 1.892 училищъ, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія въ губерніяхъ округа, большая часть имѣетъ дѣйствительно трехлѣтній курсъ обученія и лишь одного преподающаго, кромѣ законоучителей. По отчетамъ директоровъ и инспекторовъ народныхъ училищъ видно, что, вообще говоря, преподаваніе въ школахъ округа идетъ удовлетворительно, но что успѣхи учениковъ все-таки далеко не вездѣ одинаковы, что̀, по мнѣнію г-на попечителя, зависитъ отъ многихъ условій, между которыми видное мѣсто занимаетъ количество группъ или отдѣленій, съ которыми приходится заниматься учителю одновременно, а также и объемъ требованій, которыя предъявляются къ ученикамъ на окончательномъ испытаніи. На слѣдующихъ страницахъ циркуляръ заключаетъ въ себѣ довольно подробныя указанія относительно этихъ двухъ существенныхъ условій успѣха обученія въ народныхъ школахъ, именно о числѣ отдѣленій и лѣтъ обученія, а также объ объемѣ преподаванія учебныхъ предметовъ. Указанія эти столь важны, что заслуживаютъ особенно внимательнаго разсмотрѣнія.

Въ циркулярѣ совершенно справедливо сказано, что нынѣ почти повсемѣстно распространенный трехгодичный курсъ народныхъ школъ произошелъ вслѣдствіе выработаннаго практическимъ путемъ убѣжденія, что совершенно безграмотнаго ребенка научить хотя сколько-нибудь осмысленной грамотѣ менѣе чѣмъ въ три года (вѣрнѣе, въ три зимы) немыслимо. Но изъ этого не слѣдуетъ, что курсъ народной школы долженъ быть непремѣнно трехлѣтній. Всѣ опытные педагоги знаютъ, что одному учителю чрезвычайно трудно успѣшно обучать разомъ три группы дѣтей, имѣющихъ различныя познанія. При совершенно правильномъ распредѣленіи занятій между этими тремя группами, ученики каждой изъ нихъ двѣ трети времени занимаются такъ-называемыми самостоятельными занятіями, т.-е., въ большинствѣ случаевъ, различными письменными работами. Но имѣя въ виду, что учитель часто по необходимости долженъ заняться подольше съ однимъ изъ отдѣленій, напримѣръ, въ началѣ учебнаго года со вновь поступившими учениками, которыхъ нужно поскорѣе научить читать и писать, а въ концѣ года со старшимъ отдѣленіемъ, которое нужно подготовить къ экзамену, то окажется, что нѣкоторыя группы иногда почти исключительно занимаются самостоятельно, и учитель ихъ, собственно говоря, вовсе не учитъ. Неудобство это уже замѣчено давно не только у насъ, но и за границею, и существуетъ много способовъ уничтожить или ослабить этотъ недостатокъ. Самый простой изъ этихъ способовъ, безъ сомнѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы пригласить въ школу одного или двухъ лишнихъ учителей, или хотя помощниковъ учителей, но это требуетъ большихъ расходовъ и увеличенія числа классныхъ комнатъ. Циркуляръ прежде всего и указываетъ на то, что, если только найдутся средства, то приглашеніе другого или другихъ преподавателей не только не запрещается, но даже должно быть всячески поощряемо ближайшимъ учебнымъ начальствомъ. При этомъ считаю долгомъ замѣтить, что напрасно у насъ почти никогда не пользуются такъ-называемымъ способомъ взаимнаго обученія (Ланкастерскій способъ). Онъ у насъ былъ введенъ въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія, и еще въ началѣ 60-хъ годовъ мнѣ пришлось видѣть подобную школу въ Петербургѣ, но въ томъ видѣ, въ которомъ онъ существовалъ тогда, сохранить его, конечно, было невозможно, такъ какъ все обученіе принимало видъ какой-то механической дрессировки учениковъ. Однако, въ Англіи и въ Америкѣ этимъ пріемомъ воспользовались лучше, и во многихъ мѣстахъ и по сіе время пользуются съ успѣхомъ, откинувъ отъ него весь механизмъ, а сохранивъ лишь главный принципъ, именно возможно болѣе цѣлесообразное пользованіе малоопытными помощни-

ками учителей (pupil-teachers). Въ тѣхъ русскихъ школахъ, гдѣ существуютъ помощники, они учатъ почти самостоятельно, а во вновь устраиваемыхъ нынѣ духовнымъ вѣдомствомъ школахъ грамотности подобные малоопытные помощники обучаютъ совсѣмъ самостоятельно, только подъ надзоромъ приходскихъ священниковъ. Въ Англіи и въ Америкѣ дѣлаютъ иначе: тамъ помощники ежедневно получаютъ отъ учителя подробныя указанія относительно того, что они въ данный день или даже часъ должны сдѣлать въ порученномъ имъ отдѣленіи, и старшій учитель повѣряетъ ихъ работу и даже приходитъ по временамъ послушать ихъ преподаваніе, такъ что главнымъ отвѣтственнымъ лицомъ является все-таки онъ, а не помощники. У насъ можно-бы было очень хорошо воспользоваться этимъ способомъ обученія въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не трудно собрать въ одномъ помѣщеніи сто и болѣе учениковъ. Напримѣръ, въ Петербургѣ подобныя школы съ помощниками или помощницами были-бы гораздо болѣе умѣстны, чѣмъ деревенскія трехъ-отдѣленныя школы, помѣщенныя, какъ на смѣхъ, одна противъ другой на самыхъ густо населенныхъ улицахъ нашей столицы. Существуютъ и другіе способы устранить неудобство соединенія трехъ отдѣленій у одного учителя, но я не стану здѣсь о нихъ говорить, а сошлюсь лишь для читателей, интересующихся этимъ вопросомъ, на мою статью «Смѣны учениковъ» въ «Русскомъ начальномъ учителѣ», за январь 1890 года. Циркуляръ, однако, кромѣ того, указываетъ, что для успѣха дѣла несомнѣнно полезно продолжить курсъ ученія и держать учениковъ въ школѣ не три, а четыре года. Указаніе это имѣетъ очень большую важность, такъ какъ, сколько намъ помнится, въ оффиціальной статьѣ оно появляется въ первый разъ. Сравнивая продолжительность обученія въ русскихъ народныхъ школахъ съ заграничными, приходится глубоко скорбѣть о томъ, что дѣти у насъ такъ мало учатся: въ Германіи и многихъ другихъ странахъ всѣ дѣти посѣщаютъ школу въ теченіе 8 лѣтъ, отъ 6 до 14 лѣтъ; въ нѣкоторыхъ государствахъ — шесть лѣтъ, и только въ очень немногихъ, напримѣръ, въ Италіи, обязательное время обученія продолжается лишь три года, хотя на самомъ дѣлѣ почти всѣ дѣти учатся дольше. Короткій срокъ обученія въ нашемъ отечествѣ объясняется, конечно, главнымъ образомъ плохимъ экономическимъ положеніемъ нашего сельскаго населенія, которое очень рано требуетъ отъ дѣтей помощи въ своихъ работахъ. Но такъ какъ не вездѣ бѣдность такъ сильна, чтобы не дать ребенку возможности поучиться лишній годъ, то во многихъ мѣстахъ трехлѣтнее обученіе держится, такъ сказать, по рутинѣ, а также вслѣдствіе того, что учителя увольняютъ учени-

ковъ послѣ трехъ лѣтъ, не рѣшаясь затруднять себя еще болѣе устройствомъ лишней, четвертой учебной группы. Но по статистическимъ даннымъ послѣдняго времени оказывается, что число учениковъ, остающихся въ школѣ четыре года, у насъ, въ Россіи, все-таки увеличивается, и школы во многихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Московской, Тверской и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, примѣнились къ четырехлѣтнему курсу слѣдующимъ образомъ. Тамъ часто встрѣчаются школы съ двумя учащими, изъ которыхъ каждый имѣетъ по два отдѣленія. Само собою разумѣется, что успѣхи обученія въ подобной школѣ должны быть гораздо больше, чѣмъ въ обычной школѣ съ двумя отдѣленіями, во-первыхъ, потому, что дѣти дольше учатся, а во-вторыхъ, потому, что съ двумя отдѣленіями учителямъ гораздо легче заниматься, и ученики при этомъ работаютъ, такъ сказать, интенсивнѣе. Въ С.-Петербургскомъ округѣ, гдѣ народъ бѣднѣе и живетъ болѣе мелкими поселками, чѣмъ въ Московскомъ округѣ, подобныхъ школъ съ четырехлѣтнимъ курсомъ, вѣроятно, очень мало, но въ циркулярѣ говорится объ этомъ типѣ, какъ о возможномъ, даже рекомендуемомъ, и, безъ сомнѣнія, во многихъ мѣстахъ воспользуются этимъ указаніемъ, что значительно улучшитъ образованіе, получаемое многими дѣтьми въ народныхъ школахъ. Но четырехлѣтній курсъ обученія можно ввести въ школѣ даже и при одномъ учителѣ, что, по слухамъ, предполагается допустить въ одноклассныхъ и двуклассныхъ министерскихъ училищахъ: слѣдуетъ лишь дозволить принимать учениковъ черезъ годъ. Тогда у учителя будетъ постоянно два отдѣленія, первое и третье или второе и четвертое. Тамъ, гдѣ въ одной мѣстности нѣсколько школъ, это не представитъ никакихъ затрудненій, такъ какъ дѣти будутъ поступать одинъ годъ въ одну школу, а на слѣдующій въ другую; наконецъ, даже въ селѣ, гдѣ только одна школа, можно скорѣе помириться съ тѣмъ, что ученики не каждый годъ могутъ начинать учиться, чѣмъ съ школою въ три отдѣленія. Сельское населеніе скоро убѣдится, что въ подобной школѣ дѣло идетъ гораздо успѣшнѣе, чѣмъ въ обыкновенной, и протесты противъ непринятія дѣтей въ школу будутъ происходить только въ началѣ. Кромѣ того, существующія нынѣ во многихъ приходахъ церковно-приходскія школы и школы грамотности могутъ помочь въ этомъ случаѣ, принимая дѣтей въ обученіе въ тѣ годы, когда въ министерскую или земскую школу пріема не бываетъ.

Указанія циркуляра относительно объема преподаванія учебныхъ предметовъ имѣетъ еще большее значеніе, потому что по этому вопросу оффиціальныхъ указаній почти не существуетъ, и даже мнѣ-

*

нія начальствующихъ лицъ о томъ, что слѣдуетъ преподавать въ народной школѣ, не всегда согласны между собою. Высочайше утвержденное 25-го мая 1874 года Положеніе о начальныхъ училищахъ имѣло главною цѣлью опредѣлить способъ управленія школами и касается вопроса объ объемѣ преподаванія въ ст. 3-й лишь вскользь, перечисляя minimum того, чему слѣдуетъ обучать въ школѣ. Статья эта заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «Предметами учебнаго курса начальныхъ народныхъ училищъ служатъ: а) Законъ Божій (краткій катехизисъ и священная исторія); б) чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первыя четыре дѣйствія ариѳметики и д) церковное пѣніе тамъ, гдѣ преподаваніе его будетъ возможно». Опредѣляя подобный minimum, законъ, очевидно, имѣлъ въ виду расширить кругъ дѣйствія Положенія и уничтожить возможность ускользать изъ подъ дѣйствія его тѣмъ школамъ, у которыхъ курсъ, по мѣстнымъ условіямъ, ограничивается одною грамотностью. Желая точнѣе опредѣлить не совсѣмъ ясныя указанія ст. 3-й Положенія, циркуляръ ссылается на правила для выдачи свидѣтельствъ *о знаніи курса начальныхъ училищъ* желающимъ при отбываніи воинской повинности воспользоваться льготою, опредѣленною пунктомъ 4 ст. 56 устава о воинской повинности, утвержденныхъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія 16-го ноября 1885 года. Очевидно, что правила эти опредѣляютъ тѣ познанія, которыя должны служить окончательною цѣлью обученія въ большинствѣ народныхъ школъ, такъ какъ иначе народонаселеніе не могло-бы воспользоваться льготами, предоставленными п. 4 ст. 56 устава о воинской повинности. Намъ извѣстно, что многіе оспариваютъ это и говорятъ, что школы, подвѣдомственныя училищнымъ совѣтамъ, т.-е., иначе говоря, земскія школы, должны строго придерживаться minimum'а, указаннаго въ 3-й ст. Положенія, и вовсе отказаться отъ подготовки къ экзамену на льготу 4-го разряда и что только министерскія школы могутъ имѣть нѣсколько расширенный курсъ. Но мнѣніе это, очевидно, ошибочное и противорѣчитъ существующимъ законоположеніямъ о народныхъ школахъ. Если всѣ земскія школы должны быть низведены на степень школъ грамотности, то слѣдуетъ это очень опредѣленно указать, и земства точно такъ, какъ и сельскія общества, конечно, не станутъ тогда давать на нихъ денегъ, потому что окончившіе въ нихъ курсъ ученики не будутъ въ состояніи выдержать экзаменъ, по которому получается самая низшая льгота по воинской повинности. Въ циркулярѣ ясно и опредѣленно говорится, что вышеупомянутыя правила должны быть приняты во вниманіе и что цѣль всякой народной школы

должна состоять въ томъ, чтобы подготовить большинсто оканчивающихъ курсъ учениковъ къ экзамену на льготу 4-го разряда, задерживая ихъ лучше на лишній годъ въ школѣ, но не выпуская ихъ неучами, которые черезъ нѣсколько лѣтъ, когда имъ придется поступать въ солдаты, окажутся забывшими даже механизмъ чтенія и письма. Далѣе слѣдуютъ болѣе подробныя указанія объ отдѣльныхъ учебныхъ предметахъ. Оказывается, что, по вышеупомянутымъ правиламъ, по Закону Божію, кромѣ краткаго катехизиса и священной исторіи, отъ экзаменующагося требуется и знакомство съ церковнымъ богослуженіемъ. О чтеніи сказано тамъ-же, что оно должно быть «правильное, бѣглое и со смысломъ» и что ученикъ долженъ «умѣть передать прочитанное не только послѣдовательно, но и своими словами, причемъ онъ долженъ исчерпать, по меньшей мѣрѣ, по предлагаемымъ экзаменаторами вопросамъ, все содержаніе прочитанной статьи» (Правила, стр. 27). Изъ этихъ словъ начальство С.-Петербургскаго учебнаго округа выводитъ слѣдующія заключенія. Во-1-хъ, что довести ученика до указанныхъ требованій вовсе не легко и что достигнуть этого въ три зимы можно лишь при хорошей подготовкѣ учителя и аккуратномъ посѣщеніи школы учениками. Во-2-хъ, чтобы научить дѣтей толково и своими словами передавать содержаніе статьи, необходимо ознакомить ихъ съ составомъ русской рѣчи; слѣдовательно, грамматическія упражненія, хотя и въ небольшомъ объемѣ, оказываются неизбѣжными. То-же вытекаетъ и изъ требованій правилъ о письмѣ, такъ какъ въ нихъ сказано, что ученикъ долженъ написать диктуемый отрывокъ безъ пропусковъ и искаженія словъ, даже съ соблюденіемъ главныхъ знаковъ препинанія, а чтобы довести его до этого, конечно, необходимо ему объяснить главныя правила ороографіи. Съ своей стороны добавимъ, что только лица, совсѣмъ мало знакомыя съ практикою преподаванія, могутъ утверждать, что можно обойтись въ народной школѣ однимъ механизмомъ чтенія и письма безъ всякихъ грамматическихъ объясненій, и всѣ составители учебниковъ по родному языку, по примѣру К. Д. Ушинскаго, непремѣнно вводятъ въ свои первоначальныя книжки различныя упражненія, которыя необходимы для изученія родной рѣчи и неизбѣжно ведутъ къ нѣкоторымъ обобщеніямъ по этимологіи и синтаксису. Въ-3-хъ, хотя, говоритъ циркуляръ, въ народной школѣ не должны преподаваться никакіе другіе учебные предметы, кромѣ упомянутыхъ въ 3-й статьѣ Положенія 1874 года, но общія свѣдѣнія по исторіи, географіи и естествознанію не только могутъ, но и должны быть сообщаемы ученикамъ попутно, при чтеніи статей книги. Это необходимо потому, что въ каждой изъ книгъ для чтенія,

одобренныхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, помѣщаются статьи историческаго, географическаго и естественно-историческаго содержанія, а въ правилахъ сказано, что экзаменующійся долженъ умѣть разсказать и пояснить любую статью изъ книги, которая одобрена Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и была въ употребленіи въ школѣ; слѣдовательно, учитель обязанъ при чтеніи этихъ статей давать необходимыя разъясненія, упражнять учениковъ въ пересказѣ ихъ и требовать отъ нихъ знакомства съ тѣми фактическими свѣдѣніями, которыя въ этихъ статьяхъ заключаются. Мы-бы, съ своей стороны, прибавили еще 4-ое слѣдствіе изъ вышеприведенныхъ словъ правилъ объ экзаменѣ на льготу 4-го разряда по воинской повинности (о чемъ, впрочемъ, мы находимъ намеки въ разсматриваемомъ циркулярѣ), именно, что *объяснительное чтеніе*, противъ котораго часто возставали въ послѣднее время, называя его пустой болтовней, есть пріемъ необходимый и въ высшей степени полезный. Чтобы хорошо ознакомиться съ содержаніемъ читаемаго, ученикъ, безъ сомнѣнія, долженъ подъ руководствомъ учителя довольно подробно разобрать статью, узнать планъ ея, получить разъясненіе мало понятныхъ словъ и даже наглядно изучить нѣкоторые предметы, о которыхъ тамъ говорится. Поэтому, не слѣдуетъ ставить учителю въ вину, если онъ иногда и сдѣлаетъ маленькое отступленіе отъ содержанія статьи, пояснитъ, напримѣръ, ученикамъ глобусъ, по поводу статьи, гдѣ говорится о сѣверныхъ или южныхъ странахъ, или разскажетъ что-либо о Москвѣ и ея древностяхъ, если въ статьѣ мало сказано объ этомъ интересномъ для каждаго русскаго предметѣ. Говорятъ, что это можетъ повести къ большимъ отступленіямъ и что уроки эти могутъ превратиться въ уроки географіи или исторіи; противъ этого спорить нельзя, но ошибки эти не должны служить поводомъ къ отрицанію полезнаго пріема преподаванія. По нашему мнѣнію, подобныя ошибки могутъ встрѣтиться лишь у малоопытныхъ народныхъ учителей, потому что преподаватель, хорошо знакомый съ народной школой, скоро научается дорожить временемъ, котораго недостаетъ въ начальномъ училищѣ даже для крайне необходимыхъ упражненій, а слѣдовательно, тамъ некогда заниматься излишними разсказами и объясненіями.

Разсматриваемый циркуляръ касается и очень важнаго вопроса о книгѣ для чтенія, употребляемой въ школѣ. Какъ видно изъ предыдущаго, выборъ книги имѣетъ большую важность, потому что она должна служить пособіемъ не только для обученія русскому, а отчасти церковнославянскому языку, но также для сообщенія учащимся самыхъ главныхъ и необходимыхъ свѣдѣній по исторіи, географіи и естествознанію.

Между тѣмъ, мнѣнія о содержаніи классной книги для чтенія въ послѣднее время сильно спутались. Нѣкоторые полагаютъ, что въ этой книгѣ должны заключаться лишь отрывки изъ классическихъ русскихъ авторовъ, другіе утверждаютъ, что она должна состоять только изъ статей религіозно-нравственнаго содержанія и все *низменное* (sic!), т.-е. касающееся обыденной жизни крестьянина, его скота, окружающей природы и т. под., должно быть изъ книги выкинуто. Циркуляръ совершенно благоразумно предостерегаетъ учителей и инспекторовъ училищъ отъ этихъ крайностей и, чтобы указать на нѣчто положительное, ссылается на объявленіе о конкурсѣ на премію императора Петра Великаго за «Книгу для класснаго чтенія» въ сельскихъ народныхъ школахъ, помѣщенное въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» въ сентябрѣ 1886 года. Объявленіе это даже перепечатано въ циркулярѣ, чтобы дать возможность всѣмъ интересующимся лицамъ узнать взглядъ Министерства на составъ книги для чтенія. Мы не станемъ здѣсь приводить это объявленіе цѣликомъ, но укажемъ на главную статью, которая опредѣляетъ содержаніе книги. Въ статьѣ 3-й этого объявленія сказано: «Книга для чтенія, соотвѣтственно основной задачѣ народной школы, должна: а) развить въ дѣтяхъ религіозно-нравственное и патріотическое чувство; б) сообщить имъ существенно необходимыя и наиболѣе полезныя свѣдѣнія изъ русской исторіи (гражданской и церковной), географіи, этнографіи и естествовѣдѣнія; в) ознакомить дѣтей съ литературною рѣчью, и г) пріучить ихъ къ бѣглому и толковому чтенію и разумѣнію церковно-славянскаго текста». Руководствуясь этими указаніями, инспектора народныхъ училищъ и преподаватели ихъ будутъ по крайней мѣрѣ знать, чего слѣдуетъ искать въ книгѣ для чтенія и которыя изъ изданныхъ въ послѣднее время и даже одобренныхъ Ученымъ Комитетомъ не вполнѣ пригодны въ тѣхъ школахъ, которыя предполагаютъ приготовить своихъ учениковъ къ испытанію на льготу 4-го разряда.

Затѣмъ мы находимъ въ циркулярѣ предписаніе, какъ можно болѣе обращать вниманіе на четкость и внѣшнюю правильность письма учениковъ, хотя начальство округа и признаетъ, что добиться этого при краткомъ срокѣ обученія въ нынѣшнихъ начальныхъ школахъ очень трудно. Слѣдуетъ замѣтить, что нашимъ учительскимъ семинаріямъ и институтамъ почему-то не дается искусство научить будущихъ учителей низшихъ училищъ успѣшно преподавать чистописаніе въ школахъ. Если сравнить письмо нашихъ русскихъ учениковъ, какъ въ низшихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ письмомъ французскихъ и нѣмецкихъ школьниковъ, то у сихъ послѣднихъ нужно

будетъ признать значительное преимущество передъ нашими. Можно-бы было объяснить это различіе тѣмъ, что дѣти тамъ дольше учатся, но и на третьемъ году иностранные школьники пишутъ лучше русскихъ, такъ что приходится сознаться, что у насъ на чистописаніе не обращаютъ достаточнаго вниманія.

Наконецъ, въ томъ-же циркулярѣ мы находимъ указанія и относительно объема курса ариѳметики. Въ вышеприведенной 3-й статьѣ Положенія 1874 года сказано, что въ начальныхъ школахъ проходятся «первыя четыре дѣйствія ариѳметики». Выраженіе это совершенно неопредѣленное и даже неточно: въ былыя времена, когда ариѳметикѣ учили по учебнику, первыя четыре дѣйствія еще могли обозначать четыре дѣйствія надъ цѣлыми отвлеченными числами, потому что объясненія ихъ помѣщаются на первыхъ страницахъ книги, но теперь, когда всѣ сначала учатъ дѣтей считать, задавая задачи и упражненія на небольшія числа, а потомъ уже переходятъ къ теоретическому разъясненію производства сложенія, вычитанія, умноженія и дѣленія надъ любыми числами, выраженіе это совершенно неумѣстно. Первыя четыре дѣйствія можно производить и надъ именованными числами, какъ надъ простыми, такъ и десятичными дробями, такъ что курсъ народной школы словами статьи вовсе не опредѣляется съ достаточною точностью. Циркуляръ и въ этомъ случаѣ пользуется правилами объ экзаменѣ на льготу по воинской повинности, чтобы разъяснить объемъ курса ариѳметики въ народной школѣ. Въ этихъ правилахъ говорится, что ученикъ долженъ имѣть «отчетливое понятіе о русскихъ мѣрахъ длины, вѣса, времени, сыпучихъ и жидкихъ тѣлъ и монетъ» (стр. 27). Требованіе это можетъ быть удовлетворено лишь въ томъ случаѣ, когда ученикамъ дано понятіе объ именованныхъ числахъ и о дѣйствіяхъ надъ ними, какъ это, впрочемъ, теперь дѣлается во всѣхъ методическихъ учебникахъ ариѳметики и хорошихъ задачникахъ. Мало того: при обыденныхъ разсчетахъ, покупкѣ, продажѣ и другихъ ежедневно встрѣчающихся вычисленіяхъ безпрестанно употребляются простыя доли мѣръ: половины, четверти, восьмушки и т. д. Слѣдовательно, если мы хотимъ научить ребенка хорошо считать, то непремѣнно должны, даже въ самомъ элементарномъ курсѣ, коснуться вычисленій съ этими и другими простѣйшими дробями. Такимъ образомъ, по циркуляру въ народной школѣ должны быть пройдены дѣйствія надъ простыми и именованными числами въ предѣлахъ, встрѣчающихся въ обыденной жизни разсчетовъ, т.-е. за исключеніемъ слишкомъ большихъ величинъ, и, кромѣ того, понятіе о дѣйствіяхъ надъ простѣйшими дробями. Для всего этого также требуется не мало времени.

Итакъ, главная цѣль циркуляра попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа состоитъ въ томъ, чтобы сельскія народныя школы не низводились до степени простыхъ школъ грамотности, а заключали въ себѣ, по возможности, элементарный, но законченный кругъ знаній, который не легко забывается учениками и можетъ имѣть замѣтное вліяніе на ихъ нравственное и умственное развитіе. Изъ этого-же циркуляра косвенно вытекаетъ, что лучше увеличить срокъ обученія, чѣмъ оставить этотъ курсъ недоконченнымъ, а также и то, что успѣшно преподавать даже въ сельской народной школѣ можетъ только хорошо подготовленный къ своему дѣлу учитель, а не всякій грамотный человѣкъ. Слѣдствіемъ этого послѣдняго положенія можно считать желаніе, чтобы число учительскихъ семинарій не уменьшалось, а, напротивъ того, увеличивалось и чтобы всѣ окончившіе въ нихъ курсъ молодые люди находили себѣ мѣста.

Заканчиваемъ нашу статью заявленіемъ полнаго сочувствія педагогическимъ взглядамъ, высказаннымъ въ циркулярѣ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, и искреннимъ пожеланіемъ, чтобы его вездѣ хорошо поняли и имъ-бы руководствались.

К. С. И.

Конспектъ 9-ти весеннихъ *), ботанико-зоологическихъ, экскурсій въ окрестностяхъ С.-Петербурга.

Пишущій эти строки впервые началъ экскурсировать въ окрестностяхъ Петербурга весной 1868 года. Съ тѣхъ поръ эти экскурсіи продолжались въ теченіи 25 лѣтъ (за исключеніемъ лишь 1874 и 1875 годовъ, проведенныхъ за границей). Живя все это время зà городомъ (до 1879 г. въ мѣстности Охтенскаго Порохового завода, а затѣмъ въ Лѣсномъ), авторъ находился въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, имѣя возможность слѣдить, шагъ за шагомъ, за послѣдовательнымъ весеннимъ развитіемъ петербургской природы, въ теченіе почти четверти вѣка.

Врядъ-ли кто станетъ отрицать важность школьныхъ экскурсій для успѣшности преподаванія естествознанія. Но, для того, чтобы экскурсія была удачна, преподаватель долженъ предварительно къ ней подготовиться; онъ долженъ знать заранѣе, *что̀* именно онъ можетъ встрѣтить въ данное время въ полѣ, въ лѣсу, въ паркѣ, въ степи. Успѣшно экскурсировать съ учениками можетъ только тотъ преподаватель, который, помимо основательнаго общаго знанія естественной исторіи, хорошо освѣдомленъ въ *мѣстной* природѣ и ея періодическихъ явленіяхъ. Къ сожалѣнію, это условіе не легко достижимо, въ особенности для преподавателей учебныхъ заведеній такихъ большихъ городовъ, какимъ является, напримѣръ, Петербургъ. Чтобы придти въ этомъ отношеніи на помощь петербургскому преподавателю естественной исторіи, нижеподписавшійся «сдѣлалъ экскурсію» въ свои многочисленныя записныя книжки, изъ которыхъ и извлекъ матеріалъ для нижеслѣдующаго конспекта девяти послѣдовательныхъ весеннихъ ботанико-зоологическихъ экскурсій, въ окрестностяхъ Петербурга.

1-я экскурсія (*около 1-го марта*). *Констатированіе состоянія природы въ послѣдніе дни зимняго покоя.* Почки и цвѣточныя сережки

*) Весна предполагается нормальная.

деревьевъ и кустарниковъ. Покой внутри дерева (у березы глубокій уколъ перочиннымъ ножемъ не вызываетъ капель сока). Пустота грачевниковъ (только галки да ворóны). Воробьи еще держатся мирными стаями (*домашній* и *полевой* воробей). Отсутствіе мухъ на солнечныхъ сторонахъ строеній. Стаи *овсянокъ* (Emberiza citrinella) на придорожныхъ березахъ (иногда къ этому времени начинаютъ уже «налаживать» пѣсни—въ тихіе солнечные дни).

2-я экскурсія (*около 20-го марта*). «Верба» уже готова (раноцвѣтущія *ивы* скинули уже покровные колпачки съ цвѣточныхъ почекъ). *Грачи* прилетѣли—въ грачевникахъ большое оживленіе, около гнѣздъ. *Ворóны* и *галки* таскаютъ прутья и копошатся около своихъ гнѣздъ. У скворешницъ можно видѣть прилетѣвшихъ уже *скворцовъ* и слышать ихъ пѣніе. На поляхъ—*жаворонки* (полевые). Ихъ пѣніе и характеръ полета. Среди дня, на солнечныхъ сторонахъ строеній *мухи* (преимущ. изъ рода Lucilia, съ блестящимъ брюшкомъ; также и *домашнія*). Большое оживленіе и «нелады» у *воробьевъ*. *Овсянки* (еще на придорожныхъ деревьяхъ) съ полной уже пѣсней.

3-я экскурсія (*около 1-го апрѣля*). Въ садахъ, паркахъ и въ лѣсу поющіе *зяблики*. На поляхъ у разливовъ, а также близъ большихъ проточныхъ канавъ и складовъ дровъ—*бѣлыя трясогузки* (Motacilla alba). Пролетныя вереницы дикихъ *гусей* и *лебедей* (Cygnus musicus). На солнечныхъ мѣстахъ въ паркахъ и въ лѣсу—бабочки: *желтушка крушинная* (Gonopterix Rhamni) и *пеструшка крапивная* (Vanessa urticae). При тихой погодѣ—рои «танцующихъ» въ воздухѣ *комаровъ* (изъ Tipula). На обсохшихъ травянистыхъ мѣстахъ—*пауки* (Saltatrix). Въ канавахъ и у прудовъ *лягушки* (Rana temporaria). «Весенній плачъ» у *клена* и *березы* (вытеканіе сока изъ пораненыхъ мѣстъ). У *ольхи* цвѣточныя сережки растреснулись и удлиннились (стали мягки и гибки).

4-я экскурсія (*около 10-го апрѣля*). Въ лѣсу пѣніе *пѣвчихъ дроздовъ* (Turdus musicus), *дроздовъ-рябинниковъ* (T. pilaris) и *дроздовъ-бѣлобровиковъ* (T. iliacus), также—*малиновокъ* (Erythacus rubecula), *зябликовъ* и *овсянокъ* (послѣднія, по опушкамъ и на одиночныхъ полевыхъ деревьяхъ, разбились уже, парочками, по гнѣздовьямъ). Въ лѣсу-же, на припечныхъ, обсохшихъ мѣстахъ—*ящерицы* (Lacerta agilis). Летаютъ *пчелы*, *осы* и *шмели*. Цвѣтутъ: *ольха* (*бѣлая* и *черная*), *лѣсной орѣшникъ*, *мать-и-мачиха* (Tussilago farfara), *голубая перелѣска* (Hepatica triloba) и *бѣлая перелѣска* (Anemone nemorosa). *Осиновыя* цвѣточныя сережки сильно вытянулись. На припечныхъ мѣстахъ молодые ростки пробивающихся травъ.

5-я экскурсія (*около 20-го апрѣля*). Въ лѣсу, къ прежнимъ пѣвцамъ, прибавились (преимущественно около южныхъ опушекъ): *лѣсные коньки* (Anthus arboreus), *пѣночки-теньковки* (Phyloscopus rufus—идетъ пролетъ), *горихвостки* (Erythacus phoenicurus), *мухоловки-пеструшки* (Muscicapa atricapilla). Пролетъ большими стаями *морскихъ чаекъ* (Larus; безпрестанно кричатъ). Летятъ вереницами *журавли* (ноги при полетѣ вытянуты назадъ) и *гуси*. *Бабочки-траурницы* (Vanessa Antiopa). Въ очистившихся отъ льда прудахъ обильный матеріалъ для наблюденій: *водяныя насѣкомыя*, *улитки* и друг. животныя; сборища и «концерты» *лягушекъ*, мечущихъ икру; плавающія на поверхности почки *пузырчатокъ* (Utricullaria), въ видѣ зеленыхъ клубочковъ, и *лягушечника* (Hydrocharis morsus ranae). Подъ вечеръ летаютъ *летучія мыши*. Цвѣтутъ: *осина*, *тополи*, раноцвѣтущія *ивы* (Salix acutifolia—въ садахъ, S. caprea, S. aurita, S. cinerea и друг.), *золотянка* (Chrysosplenium alternifolium); *ольха* отцвѣтаетъ. Продолжается цвѣтеніе *мать-и-мачихи* и обѣихъ *перелѣсокъ*. Около цвѣтущихъ ивъ много пчелъ, осъ и другихъ насѣкомыхъ.

6-я экскурсія (*около 1-го мая*). Изъ птицъ прибавились: *пѣночки обыкновенныя* (Phylloscopus trochilus), *пѣночки-трещетки* (Ph. sibilatrix)—обѣ въ лѣсахъ и паркахъ; *варакушки* (Erythacus leucocyana)—около канавъ, поросшихъ кустами; ласточки (городскія и деревенскія); *славки-мельнички* (Sylvia curruca)—по живымъ изгородямъ; *вертишейки* (Jynx torquila)—въ паркахъ; *соловьи* и *кукушки*. Въ канавахъ со стоячей водой и въ прудахъ—*личинки кусающихся комаровъ* (Culex pipiens). На садовыхъ дорожкахъ и подъ каменьями—*жужелицы* и другіе *Carabidae*. Цвѣтутъ: *лиственница*, *вязъ обыкновенный* (Ulmus effusa) и *горный* (Ulmus montana)—въ паркахъ; *кисличка* (Oxalis Acetosella)—въ лѣсахъ и паркахъ. Зеленѣетъ *черемуха*. *Орѣшникъ* и *осина* отцвѣтаютъ (осыпаются опорожнившіяся тычиночныя сережки). Встрѣчаются уже отцвѣтшіе и развившіе сѣмена экземпляры *мать-и-мачихи* (бѣлыя пушистыя сѣмянныя головки).

7-я экскурсія (*около 10-го мая*). Изъ птицъ прибавились (въ паркахъ): *пѣночки-пересмѣшки* (Hypolais icterina), *славки-черноголовки* (Sylvia atricapilla), *славки-смородиновки* (S. hortensis), *славки-говорунчики* (S. cinerea), *иволги*, *стрижи* (Cypselus apus—также и въ городѣ). Летаютъ *майскіе жуки* (Melolontha hyppocastani). На открытыхъ пескахъ и усыпанныхъ пескомъ площадкахъ парковъ, въ солнечное время—*жуки-скакуны* (Cicindela) и *песочныя осы* (Crabronidae; могли уже встрѣчаться и во время предыдущей экскурсіи). Цвѣтутъ: *береза* (и зеленѣетъ), *кленъ остролистный* (Acer platanoides), *земля-*

ника (лѣсная), *болотный ноготокъ* (Caltha palustris), *одуванчикъ* (Taraxacum officinale), *сурѣпка* (Barbarea vulgaris), желтая акація (Caragana arborescens).

8-я экскурсія (*около 17-го мая*). Изъ птицъ прибавились: *сѣрая мухоловка* (Muscicapa grisola) и *чечевица* (Carpodacus erythrinus)— обѣ въ паркахъ и въ лѣсу. *Комары* (Culex pipiens) уже кусаются (идетъ вылетъ); въ канавахъ и прудахъ можно найти куколки этихъ комаровъ и только-что собирающіеся вылетать экземпляры этихъ насѣкомыхъ. Цвѣтутъ: *черемуха* (пчелы), *ясень*, *бубенчики* (Trollius europaeus), *незабудки* (разныя), *медуница* (Pulmonaria officinalis—въ лѣсахъ). Въ садахъ и паркахъ *зеленѣютъ газоны*. *Трогаются побѣги у хвойныхъ*.

9-я экскурсія (*около 27-го мая*). Изъ птицъ прибавились: *коростели* (*дергачи*—Crex pratensis), *камышевки* (Acrocephalus). Цвѣтутъ: *бузина*, *сирень*, *рябина*, *дубъ*, *фруктовыя деревья*, *жимолости* (Lonicera), *сосна*, *ель*, *пихта*, *сибирскій кедръ* (Pinus cembra—въ паркахъ); «свѣчки» (сѣропушистые молодые побѣги) на молодыхъ соснахъ. На поляхъ цвѣтутъ: различные виды *куросльповъ* (Ranunculus), *кашка* (*клеверъ*), *вероники*, *Иванъ-да-Марья* (Viola tricolor), *бѣлая и желтая глухая крапивка* (Lamium album, Galeobdolon luteum). Въ лѣсу: *ландышъ*, *вороній глазъ* (Paris quadrifolia) и друг.

Примѣчаніе: Выбирать для экскурсій, по возможности, тихіе, теплые и ясные дни, или по крайней мѣрѣ съ теплымъ (*Ю*, *ЮВ* и *ЮЗ*) вѣтромъ.

Дм. Кайгородовъ.

15 апрѣля 1893 г.
Лѣсной.

ГЕОМЕТРІЯ ВЪ ГОРОДСКИХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

(по положенію 31-го мая 1872 года).

(Окончаніе).

Чрезвычайно интересный вопросъ для практика-педагога: соотвѣтствуетъ-ли высказаннымъ соображеніямъ обязательная, хотя и временная программа геометріи для городскихъ училищъ?. Да, въ основѣ, по нашему мнѣнію, соотвѣтствуетъ. Главное требованіе, высказанное нами — курсъ долженъ быть теоретическій. Такой характеръ курса ясно выраженъ программой. Мы говорили о необходимости выработки общихъ представленій о геометрическихъ формахъ. Съ этою цѣлью и въ программѣ введенъ приготовительный курсъ, по нашему мнѣнію, даже слишкомъ обширный (Мы слышали, что въ проектированныхъ измѣненіяхъ въ городскихъ училищахъ его предполагаютъ сократить). Въ дѣйствующей программѣ ясно выражено еще требованіе примѣнять усвоенныя геометрическія знанія къ рѣшенію практическихъ задачъ (съемкѣ плановъ, измѣренію разстояній и предметовъ и т. п.). Мы думаемъ, что такія примѣненія усвоенныхъ уже геометрическихъ знаній не только вполнѣ умѣстны, но и очень полезны. Мы возставали противъ построенія курса геометріи на началахъ наглядности, противъ усвоенія геометрическихъ фактовъ путемъ наблюденія, но обратный порядокъ, примѣненіе отвлеченнаго знанія къ окружающему, усилитъ въ ребенкѣ интересъ къ пріобрѣтеннымъ знаніямъ, оживитъ работу еще сильнѣе, научитъ еще болѣе цѣнить знанія, заставитъ еще полнѣе и глубже вникнуть въ усвоенное, наконецъ, будетъ способствовать выработкѣ умѣнья пользоваться отвлеченными знаніями. Все это входитъ въ планъ работы общеобразовательной школы.

Однако, дѣйствующую программу мы далеко не считаемъ безукоризненною. Основы ея хороши, но на ней отразилось связанное съ увлеченіемъ наглядностью и желаніемъ «*наводить*» учащихся стре-

мленіе вводить концентрическіе курсы чуть-ли не всѣхъ предметовъ. По программѣ первый годъ посвящается приготовительному курсу. Относительно него замѣчанія мы уже высказали. Во второй годъ назначается пройти: о взаимномъ положеніи прямыхъ и свойствъ ихъ въ зависимости отъ ихъ положенія (свойства перпендикуляра, наклонныхъ, параллельныхъ), о построеніи и измѣреніи прямыхъ на мѣстности, объ условіяхъ равенства и отношеніи площадей прямоугольниковъ, измѣреніе площадей ихъ, сообщеніе понятій о равновеликости и подобіи фигуръ, понятіе о масштабѣ, о прямыхъ параллелепипедахъ, ихъ отношеніи и измѣреніи. Въ 3 и 4 годы полагается пройти: объ отношеніи и измѣреніи угловъ; повторить пройденное о параллельныхъ линіяхъ (съ дополненіями); о треугольникахъ и ихъ свойствахъ; о многоугольникахъ, о свойствахъ параллелограммовъ; объ окружностяхъ и ихъ свойствахъ; о взаимномъ положеніи 2-хъ окружностей; о вписанныхъ и описанныхъ фигурахъ; о подобіи трехугольниковъ и многоугольниковъ; объ измѣреніи площадей и равновеликихъ фигурахъ; о линіяхъ въ пространствѣ; объ измѣреніи поверхностей и объемовъ тѣлъ. Эти требованія очевидно выражаютъ желаніе ввести концентрическій курсъ (въ двухъ кругахъ). Но геометрическій матеріалъ такому распредѣленію поддается съ большимъ трудомъ и натяжками. Если мы хотимъ познакомить учащихся сперва въ краткихъ чертахъ съ цѣлымъ предметомъ, то приходится говорить какъ о свойствахъ отдѣльно взятой геометрической формы (о соотношеніяхъ ея частей), такъ о сравненіи двухъ или нѣсколькихъ формъ между собою, относительно ихъ размѣровъ (равновелики или нѣтъ), относительно вида или формы ихъ (подобны или нѣтъ, симметричны и т. п.), относительно тождественности ихъ, равенства (одновременно подобны и равновелики), опредѣлить ихъ отношенія. Разсмотрѣніе такихъ соотношеній требуетъ хорошаго знанія пропорцій, обладанія довольно развитыми понятіями объ измѣреніи, чего не можетъ быть у начинающихъ учиться геометріи въ городскихъ училищахъ. Говорить-же объ этомъ кратко— значитъ ничего не выяснить; разъяснить наглядно—положительно не слѣдуетъ при занятіяхъ геометріей, вредно. Съ другой стороны, мы вовсе не видимъ *надобности* знакомить начинающихъ со всѣмъ содержаніемъ предмета. Во-первыхъ, такое ознакомленіе съ цѣлымъ предметомъ въ главныхъ чертахъ (если содержаніе, матеріалъ предмета допускаетъ это) полезно въ первое время обученія, давая болѣе широкое освѣщеніе отдѣльнымъ фактамъ, на первыхъ-же порахъ давая чувствовать существованіе связи между отдѣльными фактами, слѣдовательно, способствуетъ большей глубинѣ пониманія сообщаемаго. Но

когда дѣти учились уже нѣсколько лѣтъ и пріобрѣли изъ опыта пониманіе существованія связи между фактами, тогда потребность въ концентраціи курсовъ уменьшается, а потомъ она становится даже излишней, такъ какъ во всякомъ случаѣ времени на концентрическіе курсы тратится больше, чѣмъ при отсутствіи концентраціи; въ то-же время, вслѣдствіе большаго развитія учащихся и пріобрѣтенныхъ знаній, выясненіе связи между сообщаемыми фактами становится возможнымъ непосредственно при самомъ усвоеніи этихъ фактовъ, и даже возможно предварительное указаніе связи между ними.

Во-вторыхъ, геометрическій матеріалъ важенъ въ педагогическомъ отношеніи не столько по указанію связи между отдѣльными свойствами формъ (въ существующихъ учебникахъ на это очень мало обращается вниманія), сколько по возможности полнаго изслѣдованія каждаго вопроса путемъ умозаключеній, важенъ по сообщаемымъ пріемамъ работы. Связь между отдѣльными частями курса и между теоремами каждаго отдѣла вполнѣ удобно можетъ быть указываема *по окончаніи* каждаго отдѣла, а потомъ и всего курса.

Отказъ отъ попытки концентрическаго расположенія матеріала программы приведетъ къ значительному выигрышу времени, которое и можетъ быть обращено на обогащеніе курса упражненіями относительно пройденнаго и на увеличеніе количества матеріала. Матеріалъ, указываемый дѣйствующею программою, довольно скуденъ и пополнить его полезно.

Существенную особенность программы, впрочемъ, обычную для программъ начальныхъ школъ, составляетъ ограниченіе курса геометріей на плоскости; изъ стереометріи сообщаются только свѣдѣнія относительно выраженій поверхностей и объемовъ тѣлъ, безъ доказательствъ. Мы этому вполнѣ сочувствуемъ. Пройти полный курсъ элементарной геометріи въ городскихъ училищахъ немыслимо по недостатку времени. Представляется, поэтому, вопросъ: что слѣдуетъ предпочесть: проходить-ли кратко весь курсъ, или-же пройти геометрію на плоскости болѣе подробно, за-то пройти основательно, а изъ геометріи въ пространствѣ сообщить только практически важные факты? Считая главною задачею школы развитіе силъ учащихся, мы безъ колебаній стоимъ за второе рѣшеніе, потому что дѣйствительное усвоеніе матеріала, развитіе и умѣнье работать достигаются только при тщательномъ изученіи научнаго матеріала; при быстромъ прохожденіи курса, безъ большаго количества упражненій, учащіеся работаютъ больше памятью, заучиваютъ пройденное и—скоро его забываютъ. Геометрія, требуя новаго рода работы, отвлеченной и трудной для начинающихъ, особенно нуждается въ тщательной разработкѣ.

Опредѣливъ цѣль преподаванія геометріи и характеръ программы курса, какъ мы его понимаемъ, остановимся теперь на разсмотрѣніи тѣхъ средствъ, которыми эта цѣль можетъ быть достигнута.

Во-первыхъ, пріобрѣсти умѣнье работать можно только при исполненіи работы. Работа должна быть сознательна, поэтому должны быть разъясняемы ея пріемы и вновь примѣняемы къ другимъ случаямъ. Научиться работать или хотя-бы только понять работу до начала самой работы, по нашему мнѣнію, вообще невозможно; тѣмъ болѣе относится это къ работѣ геометрической. Поэтому мы считаемъ не только существовавшіе «переходные» курсы отъ разсмотрѣнія тѣлъ къ теоретическому курсу неудачными, но и самую мысль о такомъ курсѣ ошибочною. Нельзя научиться плавать, не ходя въ воду. Пониманіе работы, особенно отвлеченной, можетъ быть достигнуто не иначе, какъ *при исполненіи* этой работы.

Но нельзя не считаться съ тѣмъ, что учащійся (особенно въ городской школѣ), приступая къ занятіямъ геометріей, совсѣмъ не умѣетъ еще разсуждать. Требовать отъ ребенка, чтобы онъ сразу перешелъ отъ привычки опираться на наблюденіе къ отвлеченному разсужденію, невозможно. Между тѣмъ теоремы о свойствахъ прямыхъ линій и угловъ, по необходимости стоящія въ началѣ курса, относятся къ такимъ фактамъ, изъ которыхъ многіе считаются учащимися уже извѣстными (судятъ они наглядно), напримѣръ, что вертикальные углы равны, что прямые углы равны, что изъ точки, данной на прямой, можно возставить къ ней только одинъ перпендикуляръ и т. п. Если въ городскомъ училищѣ мы станемъ на первыхъ-же порахъ доказывать такія теоремы, учащимся покажется страннымъ, зачѣмъ толкуютъ пространно о томъ, что имъ вполнѣ понятно. Многіе утверждаютъ, что необходимо съ самаго начала требовать точности, тогда только учащіеся будутъ вѣрно направлены. Мы думаемъ, что эти размышленія вызываются лишь самообольщеніемъ. Ученикъ 11 — 12 лѣтъ обыкновенныхъ способностей *не можетъ* точно разсуждать, сколько-бы ни старались разъяснить ему такія отвлеченныя разсужденія, какъ упомянутыя выше, и принужденъ, наконецъ, *заучить* доказательство. Гораздо разумнѣе, по нашему мнѣнію, не касаться первое время подобныхъ вопросовъ. Если для ученика какой-либо фактъ представляется аксіомой, хотя въ дѣйствительности требуетъ доказательства, не пытайтесь опровергнуть его мнѣніе тотчасъ-же, но и не подтверждайте его, пусть онъ и считаетъ этотъ фактъ пока аксіомой. Когда-же пройдетъ нѣсколько времени, учащіеся кое-что будутъ знать, поразовьются и привыкнутъ къ геометрическимъ разсужденіямъ, имъ

уже будутъ непремѣнно *нравиться* эти разсужденія, тогда можно вернуться къ теоремамъ, которыя были допущены, какъ аксіомы. Учащіеся если даже еще затруднятся понять ихъ, то уже не будутъ внутренне протестовать противъ доказательства такихъ теоремъ, которыя имъ кажутся непосредственно понятными. Если-же учитель успѣетъ разъяснить, какъ легко ошибиться, допуская заключенія на глазъ, и докажетъ учащимся ошибочность какихъ-либо заключеній, сдѣланныхъ ими подобнымъ образомъ, то, очень можетъ быть, ему удастся довести учащихся до сознанія необходимости доказательства теоремъ, принятыхъ прежде за аксіомы.

Вѣдь и наука не сразу дошла до той степени отвлеченія, которой хотятъ требовать тотчасъ-же отъ учащихся.

Во-вторыхъ, ставя цѣлью преподаванія геометріи въ городскихъ училищахъ обученіе тому роду мышленія, котораго требуетъ усвоеніе теоретическаго курса, мы этимъ самымъ требуемъ отъ учащихся серьезной работы и очень далеки отъ другого увлеченія шестидесятыхъ годовъ—стремленія сдѣлать занятія прежде всего и во что-бы то ни стало интересными. Мы думаемъ, что во всякомъ дѣлѣ есть очень много черной работы, обходя которую мы самое дѣло можемъ обратить въ забаву. Много черной работы приходится на долю учащихся и въ школѣ, да и должно приходиться, чтобы изъ учащихся вышли серьезные работники, не боящіеся труда. Но рядомъ съ этимъ мы считаемъ необходимымъ, чтобы всякая работа, которую ведутъ учащіеся, заключала-бы въ себѣ долю интереса; безъ этого не можетъ быть охоты къ работѣ, а слѣдовательно и успѣха. Примѣняя сказанное къ геометріи, мы находимъ, что не слѣдуетъ на первыхъ порахъ долго останавливаться на разсмотрѣніи теоремъ о прямыхъ линіяхъ и объ углахъ. Для начинающихъ такія теоремы почти никакого интереса не представляютъ и ничего не говорятъ ихъ уму; значенія этихъ теоремъ учащіеся не понимаютъ, потому что, по новизнѣ предмета и по своей молодости, не представляютъ вовсе содержанія будущей работы.

По этимъ и по высказаннымъ нѣсколько выше соображеніямъ, мы считаемъ необходимымъ въ городскихъ училищахъ по возможности скорѣе переходить къ изученію свойствъ фигуръ, что вполнѣ возможно.

Привычка къ геометрическому разсужденію не можетъ развиться быстро, поэтому не должно быть очень быстрой смѣны пріемовъ доказательствъ. Нужно, чтобы учащійся на значительномъ числѣ близко стоящихъ по времени примѣровъ могъ усвоить тотъ или другой пріемъ, т.-е. весьма желательно по возможности *располагать теоремы*, осо-

бенно въ началѣ курса, *по роду доказательствъ*. Наконецъ, преподаваніе педагога отличается отъ преподаванія ремесленника тѣмъ, что первый не только заставляетъ учащагося подражать себѣ, но разъясняетъ пріемы своей работы, учитъ самостоятельности и требуетъ ея. Къ занятіямъ геометріей, какъ исключительнымъ въ городскомъ училищѣ по содержанію, эти требованія примѣняться должны больше, чѣмъ къ занятіямъ другими предметами, хотя на практикѣ далеко не всегда такъ бываетъ. Пріемы доказательствъ геометрическихъ теоремъ безъ особыхъ затрудненій могутъ быть показаны *послѣ* (непремѣнно послѣ) ряда теоремъ, при доказательствѣ которыхъ извѣстный пріемъ примѣнялся; когда-же онъ будетъ указанъ, слѣдуетъ требовать отъ учащихся, чтобы они, при встрѣчѣ съ новой теоремой такого-же рода, привыкали впередъ опредѣлять, какимъ пріемомъ она можетъ быть доказана *). Тогда полезно требовать и соображеній о томъ, какъ этотъ пріемъ примѣнить. Однимъ словомъ, мы считаемъ аналитическій ходъ доказательства наиболѣе удобнымъ при обученіи геометріи, однако не во всѣхъ теоремахъ. Если анализъ условій выходитъ очень длиннымъ, слѣдуетъ излагать доказательство иначе, синтетически. Для развитія умѣнья самостоятельно работать чрезвычайно важное значеніе имѣютъ также упражненія въ рѣшеніи задачъ, въ выводѣ частныхъ слѣдствій доказанной теоремы, въ самостоятельномъ доказательствѣ легкихъ теоремъ. Подобныя упражненія важны не только сами по себѣ, но и потому ободряющему вліянію, которое оказываетъ на учащихся самый маленькій успѣхъ, достигнутый ими, въ рѣшеніи задачъ или самостоятельно придуманномъ доказательствѣ теоремы.

Кромѣ объясненія пріемовъ работы, нужны еще и другія указанія, помѣщать которыя въ учебникѣ крайне неудобно: они должны быть предметомъ живой рѣчи учителя, потому что требуютъ приспособленія къ развитію учащихся и вообще состоянію, въ которомъ они находятся.

Матеріалъ геометрическаго курса распадается на отдѣльныя, законченныя части—доказательства теоремъ; какъ было сказано, это представляетъ большія выгоды для усвоенія, но также и неудобства: раздробленность матеріала мѣшаетъ ясно видѣть цѣлое,—поэтому, по окончаніи отдѣловъ курса, полезно дѣлать обзоръ содержанія цѣ-

*) Требовать впередъ указанія пріема доказательства не надо въ каждой теоремѣ, а только часто требовать; всякія однообразныя требованія утомляютъ учащихся и являются причиной ослабленія интереса.

*

лаго отдѣла; иногда полезны сравненія отдѣловъ, напримѣръ, статьи объ условіяхъ равенства фигуръ со статьей объ условіяхъ подобія. При обзорѣ отдѣловъ слѣдуетъ останавливаться на разъясненіи соотношеній между отдѣльными теоремами. Напримѣръ, въ статьѣ о равенствѣ фигуръ слѣдуетъ разсмотрѣть основныя условія равенства трехугольниковъ, какое число условій должно быть дано въ каждой теоремѣ о равенствѣ, потомъ видоизмѣненіе этихъ условій при отнесеніи ихъ къ частнымъ видамъ трехугольниковъ (напр., условія равенства прямоугольниковъ, равнобедренныхъ, равносторонних трехугольниковъ), условія равенства другихъ прямолинейныхъ фигуръ и пр. При подобной группировкѣ теоремъ учащимся значительно меньше фактовъ надо будетъ запоминать и помнить связный матеріалъ легче. Хорошо подраздѣлять теоремы на особенно важныя и менѣе важныя, объясняя, почему та или другая теорема особенно важна.

Каждая геометрическая теорема состоитъ изъ двухъ частей: условій и слѣдствія; доказательство теоремы состоитъ въ раскрытіи причинной зависимости между данными условіями и слѣдствіемъ, т.-е. объясненіемъ того, что изъ данныхъ условій непремѣнно вытекаетъ указанное слѣдствіе и при опущеніи хотя одного изъ условій нельзя будетъ утверждать существованіе указаннаго въ теоремѣ слѣдствія (данныя условія были *необходимы*), а прибавляя какое-нибудь условіе къ даннымъ, мы можемъ прибавить такое, которое противорѣчитъ прежнимъ—тогда никакого вывода (слѣдствія) сдѣлано быть не можетъ; если-же новое условіе не противорѣчитъ даннымъ, то оно является лишнимъ, потому что и безъ него теорема могла быть доказана (данныхъ, значитъ, было *достаточно*). Если условіе является лишнимъ, но и не противорѣчитъ даннымъ,—очевидно, оно само является слѣдствіемъ данныхъ.

Подобныя разъясненія состава теоремъ, хода доказательства и его значенія мы считаемъ важными. Дѣлаться они должны постепенно, когда накопится нѣсколько разобранныхъ отдѣльныхъ примѣровъ.

При рѣшеніи задачъ очень полезно пріучать къ разбору рѣшенія, именно къ опредѣленію того, сколько рѣшеній можетъ быть получено, всегда-ли рѣшеніе возможно, а если не всегда, то при какихъ соотношеніяхъ данныхъ рѣшеніе задачи становится невозможнымъ; напримѣръ, построеніе трехугольника по даннымъ 3-мъ сторонамъ становится невозможнымъ, ваша сумма двухъ меньшихъ изъ данныхъ сторонъ (вѣрнѣе—данныхъ отрѣзковъ прямыхъ, которымъ стороны искомаго трехугольника должны быть равны) будетъ равна третьей или

меньше ея. Короче можно сказать: очень полезно пріучать къ анализу рѣшенія задачи.

Итакъ, курсъ геометріи въ городскихъ училищахъ долженъ быть теоретическимъ курсомъ, учащимъ разсужденію, по преимуществу дедуктивному. Для достиженія цѣли предлагаемый матеріалъ долженъ быть очень тщательно разрабатываемъ, какъ каждая теорема въ отдѣльности, такъ и цѣлаго курса; важно упражнять въ рѣшеніи геометрическихъ задачъ и самостоятельномъ доказательствѣ легкихъ теоремъ.

Замѣтимъ еще, что, рекомендуя аналитическое изложеніе доказательствъ, какъ пріемъ обученія разсужденію *), мы должны оговориться, что *изложеніе* найденнаго уже доказательства удобнѣе вести въ обратномъ порядкѣ, т.-е. синтетически, начиная съ условій. Для начинающихъ, конечно, очень трудно излагать доказательство не въ той формѣ, какъ оно разбиралось, и требовать такой перемѣны совсѣмъ не слѣдуетъ; но если ученикъ самъ станетъ излагать иначе, хотя-бы только потому, что онъ готовился къ уроку по книгѣ, останавливать его не слѣдуетъ,—надо требовать только сознательности отвѣта.

Аналитическое доказательство больше требуетъ размышленія отъ учащагося, такъ какъ онъ сейчасъ-же долженъ указывать причины, по которымъ слѣдствіе можетъ быть опредѣлено; поэтому-то аналитическая выработка доказательства полезна въ педагогическомъ отношеніи. При синтетическомъ изложеніи доказательствъ мы говоримъ о томъ, какъ пользуемся условіями, какія дѣлаемъ вспомогательныя построенія, но почему именно мы поступаемъ такъ, а не иначе, съ какою цѣлью дѣлаемъ то или другое построеніе—не указывается; это разъясняется только тогда, когда теорема доказана. Вотъ отчего синтетическое изложеніе доказательствъ меньше заставляетъ думать. За-то оно почти всегда выходитъ короче, стройнѣе и изящнѣе—препятствовать развитію навыка такъ излагать не слѣдуетъ; а если учащимся такая перемѣна изложенія доказательства, когда оно окончено и выяснено, дается, то къ такому изложенію пріучать слѣдуетъ.

Вообще можно сказать, что во время увлеченій наглядностью обученія и преувеличенныхъ заботъ о поддержаніи интереса къ занятіямъ совсѣмъ мало обращали вниманіе на пріученіе къ хорошему

*) Начинаютъ съ разбора слѣдствія, которое должно быть доказано, потомъ опредѣляютъ *пріемъ*, которымъ оно можетъ быть доказано, обдумываютъ то, какъ именно этимъ пріемомъ воспользоваться, зная, что каждымъ изъ условій теоремы воспользоваться необходимо нужно.

и обработанному изложенію учащимися пройденнаго. Единственное средство научить изложенію—упражнять въ изложеніи усвоеннаго. Другими словами: необходимо *спрашивать* пройденное, заставлять учащихся не только отвѣчать на вопросы, но безъ всякой помощи учащаго излагать все доказательство и внимательно слѣдить за правильностью и точностью рѣчи. Спрашиваніе урока помогаетъ вырабатывать рѣчь не только тому ученику, который отвѣчаетъ, но и тѣмъ, которые слушаютъ. Зная, что придетъ и его очередь отвѣчать, каждый заботливый ученикъ вслушивается, какъ отвѣчаютъ другіе, и старается приготовиться къ отвѣту, обдумываетъ свой отвѣтъ заранѣе. Такую подготовку къ отвѣту слѣдуетъ всегда поощрять, указывая, какъ надо готовиться. Одно время такой подготовки боялись, думали, что она пріучаетъ зубрить,—и учащіеся совсѣмъ не умѣли излагать. Сознательно-ли отвѣчаетъ ученикъ или только заучилъ отвѣтъ—опытному учителю провѣрить очень легко. Съ тою-же цѣлью выработки рѣчи учитель долженъ иногда самъ излагать доказательства теоремъ (выгодно—наиболѣе трудныхъ), чтобы давать образцы хорошаго изложенія, которому учащіеся должны подражать.

Мы требуемъ приготовленія уроковъ учащимися. Какъ-же ихъ приготовлять: по записямъ въ терадяхъ со словъ учащаго, или по книгѣ? Въ городскихъ училищахъ ученики хорошо записать за учителемъ не могутъ, часто не только дѣлаютъ ошибки, но даже искажаютъ сказанное, почти всегда записываютъ неполное—нужна книга. По ней ученикъ можетъ возобновить въ памяти слышанное на урокѣ, не исказить его и будетъ имѣть передъ глазами образецъ изложенія доказательствъ. Геометрія требуетъ новаго рода работы, очень тщательной и точно выражающей,—помощь нужна. Если-же ученикъ что-либо запомнилъ по неправильнымъ записямъ, поправить искаженное очень трудно: ученикъ уже крѣпко усвоилъ приготовленное. Мы рекомендуемъ въ городскихъ училищахъ по возможности близко держаться избранной книги. Когда-же какія-нибудь отступленія отъ нея учитель признаетъ необходимыми (или ему очень захочется что-нибудь измѣнить, дополнить), слѣдуетъ о томъ предупредить учащихся и потомъ провѣрить записанное ими.

Въ заключеніе приводимъ примѣрную программу того, что можетъ быть пройдено въ городскихъ училищахъ, съ указаніемъ тѣхъ разъясненій состава теоремъ и хода доказательствъ, какія полезно дать учащимся. Эта программа, около 10 лѣтъ тому назадъ, была выработана на собраніяхъ учителей городскихъ училищъ подъ нашимъ руководствомъ.

Въ этой программѣ вопроса о несоизмѣримости величинъ не разсматривается, понятіе о предѣлахъ также не дается, опущены теоремы, доказательства которыхъ носятъ алгебраическій характеръ, такъ какъ въ городскихъ училищахъ алгебры ученики не знаютъ; стереометрія собственно не проходится, но дается понятіе о положеніи линій въ пространствѣ, объ измѣреніи поверхностей и объемовъ геометрическихъ тѣлъ. Вообще, объёмъ программы тотъ-же, какъ и въ дѣйствующей программѣ для городскихъ училищъ, но нѣсколько больше разработанъ матеріалъ. Возможность осуществленія программы испытана долголѣтней практикой.

Программа 4-го отдѣленія.

Опредѣленіе прямой и окружности; различные виды кривыхъ. Хорда; отличіе ея отъ дуги. Прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками. Ломаныя линіи. Прямая опредѣляется двумя точками, дуга круга—радіусомъ и центромъ (двумя точками не опредѣляется). Уголъ между линіями.

Различная величина линій. Понятіе объ отношеніи линій.

Различная величина угловъ. Зависимость величины угла отъ наклона сторонъ. Независимость величины угла отъ длины сторонъ. Возможность замѣны измѣренія угла измѣреніемъ дугъ (Такъ какъ при равенствѣ угловъ дуги равны, если проведены изъ вершинъ угловъ равными радіусами, а когда одинъ уголъ больше другого, тогда и дуга въ 1-мъ углу во столько-же разъ больше, чѣмъ въ другомъ, т.-е. отношенія дугъ и угловъ всегда равны, то, узнавъ одно отношеніе, знаемъ и другое). Возможность проводить дуги для измѣренія угловъ какимъ угодно радіусомъ (Ученики всего яснѣе видятъ это, когда между сторонами угла заключается 1/4 окружности).

Примѣчаніе. Указывается случай только соизмѣримыхъ дугъ.

Линіи, пересѣкаясь между собою, образуютъ фигуры. Построеніе трехугольниковъ, равныхъ данному (Учащіеся, обыкновенно, строя равный трехугольникъ, берутъ двѣ стороны, равныя сторонамъ даннаго, и углы, заключающіеся между ними, строятъ равными; иногда-же наталкиваются на другой случай—построеніе равнаго трехугольника по сторонѣ и двумъ прилежащимъ къ ней угламъ даннаго). Число необходимыхъ частей.

Невозможность взять больше трехъ условій (Эти теоремы указываютъ на существованіе зависимости между частями трехугольника). Равныя стороны лежатъ въ равныхъ трехугольникахъ противъ рав-

ныхъ угловъ. Доказательства этихъ теоремъ должны дать поводъ къ указанію на доказательство и его значеніе.

Поясняется также, что при найденныхъ условіяхъ всякіе трехугольники равны. Четырехугольники при такихъ-же условіяхъ могутъ быть равны и неравны (Необходимо прибавить еще новыя условія: свойства трехугольниковъ и четырехугольниковъ различны; предыдущія теоремы выражаютъ свойства трехугольниковъ). Равенство трехугольниковъ, когда три стороны одного равны порознь сторонамъ другого (Сперва построеніе, потомъ объясненіе). Необходимость доказательства (объясненія). Ошибочность обратнаго заключенія.

Условія равенства четырехугольниковъ и окружностей.

Зависимость между сторонами трехугольника: сумма двухъ сторонъ трехугольника всегда больше третьей его стороны, а разность двухъ сторонъ всегда меньше третьей (остальной).

Задачи на построеніе фигуръ по различнымъ даннымъ.

Разные виды трехугольниковъ вслѣдствіе различной величины угловъ. Сходящіяся линіи всегда образуютъ два угла, называемые смежными. Вертикальные углы. Прямые углы. Перпендикуляръ. Тупые и острые углы. Наклонныя линіи.

Условія равенства прямоугольныхъ трехугольниковъ *) (Условія проще, потому что въ названныхъ трехугольникахъ всегда есть по равному углу). Условія равенства равнобедренныхъ и равностороннихъ трехугольниковъ (Тоже будутъ проще).

Противъ равныхъ сторонъ въ трехугольникахъ лежатъ равные углы (Это выводится наложеніемъ: трехугольникъ перегибается по линіи, дѣлящей уголъ равнобедреннаго трехугольника пополамъ).

Равенство угловъ выводится изъ равенства трехугольниковъ.

Равенство ихъ опредѣляется безъ наложенія. Равенство данныхъ линій нельзя показать безъ измѣренія; но когда онѣ представляютъ собою стороны трехугольниковъ, то равенство ихъ зависитъ отъ равенства другихъ частей, и потому въ немъ убѣждаемся безъ измѣренія. Условія и слѣдствія теоремъ.

Другія теоремы о равенствѣ линій или угловъ доказываются подобнымъ-же образомъ (Линія, дѣлящая пополамъ уголъ при вершинѣ равнобедреннаго трехугольника, дѣлитъ трехугольникъ на два трехугольника. Равенство наклонныхъ, равноудаленныхъ отъ основанія

---

*) При доказательствѣ равенства прямоугольныхъ трехугольниковъ, у которыхъ гипотенузы и острые углы равны, разъясняется, что изъ одной точки на прямую можно опустить только одинъ перпендикуляръ.

перпендикуляра. Равенство высотъ въ равныхъ трехугольникахъ. Перпендикуляръ, опущенный изъ центра на хорду, дѣлитъ ее пополамъ. Перпендикуляры, опущенные изъ центра на равныя хорды, равны. Равенство перпендикуляровъ, опущенныхъ изъ вершинъ равныхъ угловъ трехугольника на противулежащія стороны и т. п.). Пріемъ доказательства равенства линій и угловъ. Понятіе о геометрическомъ мѣстѣ *). Примѣры.

Противъ большой стороны лежитъ бо́льшій уголъ. Обратная теорема. Внѣшній уголъ больше каждаго изъ внутреннихъ, съ нимъ несмежныхъ. Охватывающая ломаная больше той, которую она охватываетъ. Пріемъ доказательства подобныхъ теоремъ.

Перпендикуляръ короче наклонной. Изъ наклонныхъ больше та, которая болѣе удалена. Точки, находящіяся внѣ перпендикуляра, возставленнаго изъ середины прямой, къ одному концу ея ближе, чѣмъ къ другому. Понятіе о перпендикулярѣ, какъ разстояніи.

Кратчайшее разстояніе отъ точки до окружности. Равныя разстоянія — наклонныя равноудаленныя. Дальнѣйшее разстояніе отъ точки до окружности. Касательная линія. Проведеніе касательной.

Понятіе о параллельныхъ линіяхъ. Условіе параллельности (напр., равенство накрестъ лежащихъ угловъ). Свойство параллельныхъ между параллельными. Свойство угловъ, образуемыхъ параллельными линіями, а также перпендикулярными (Указаніе на равенство угловъ вслѣдствіе опредѣленности положенія ихъ сторонъ относительно другъ друга). Сумма угловъ трехугольника. Задачи на вычисленіе.

Задачи на построеніе, заключающія въ себѣ два условія, изъ которыхъ каждому приходится удовлетворять отдѣльно (Многія рѣшаются при помощи построенія геометрическихъ мѣстъ).

Приложенія къ практикѣ: проведеніе и измѣреніе линій на землѣ. Построеніе угловъ на землѣ и измѣреніе ихъ. Рѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ относительно измѣренія и опредѣленія направленія недоступныхъ линій.

2-й годъ (курсъ 5-го отдѣленія).

Четырехугольники и многоугольники. Различные ихъ виды. Расположеніе ихъ въ рядъ. Свойства діагоналей четырехугольниковъ. Раз-

*) Мѣсто точекъ, имѣющее одно и то-же свойство; окружность, напримѣръ, есть геометрическое мѣсто точекъ, равноудаленныхъ отъ центра; перпендикуляръ, возстановленный изъ середины данной прямой, есть геометрическое мѣсто точекъ, равноудаленныхъ отъ концовъ этой прямой и т. п.

личіе свойствъ различныхъ видовъ параллелограммовъ. Причины дѣлимости діагоналей пополамъ. Причины равенства діагоналей прямоугольника, равнобочной трапеціи, квадрата. Причина дѣлимости угловъ, чрезъ которые проходитъ діагональ, въ ромбѣ и квадратѣ пополамъ. Перпендикулярность діагоналей въ ромбѣ, квадратѣ и ромбоидѣ (Зависимость каждаго свойства отъ извѣстнаго условія. Появленіе новыхъ свойствъ зависитъ отъ прибавленія условій, опредѣляющихъ частный видъ фигуры. Указаніе на примѣры. Объясненіе необходимости пользованія условіями теоремы при доказательствѣ. Примѣры). Опредѣленіе теоремы и доказательства.

Свойства трапеціи. Тѣ-же свойства принадлежатъ всѣмъ параллелограммамъ.

Свойства общія всѣмъ многоугольникамъ. Пріемъ доказательствъ. Задачи и вопросы. Условія равенства многоугольниковъ. Пріученіе къ выводу частныхъ случаевъ. Предложеніе теоремъ для доказательства ихъ учениками безъ посторонней помощи.

Доказательства нѣкоторыхъ частныхъ свойствъ, которыя полезны для дальнѣйшаго и доказываются болѣе искуственно, чѣмъ прежде. Если двѣ стороны трехугольника равны двумъ сторонамъ другого, а углы, между этими сторонами заключающіеся, неравны, то большому углу противулежитъ бóльшая сторона. Сомнительный случай равенства трехугольниковъ. Измѣреніе угловъ, вписанныхъ въ окружности и описанныхъ.

Приложеніе предыдущихъ теоремъ къ новымъ случаямъ. Бóльшая хòрда соотвѣтствуетъ бóльшей дугѣ, и обратно Построеніе вписанныхъ и описанныхъ правильныхъ многоугольниковъ, удвоеніе числа, ихъ сторонъ и т. п.

Касательныя. Теоремы о касательныхъ къ окружности.

Нѣкоторыя новыя доказательства прежнихъ теоремъ, напримѣръ, третьяго случая равенства трехугольниковъ и т. п. Задачи (Въ томъ числѣ: дѣленіе линій, угла пополамъ, проведеніе перпендикуляра, опредѣленіе центра окружности и т. п.).

Условія касанія и пересѣченія окружностей. Задачи.

Повтореніе всего предыдущаго и рѣшеніе задачъ, требующихъ подыскиванія соотвѣтствующихъ теоремъ.

Понятіе о равенствѣ, равномѣрности и подобіи фигуръ (Необходимость выбрать общую мѣру для измѣренія площадей. Всего легче сравниваются между собою фигуры съ прямыми углами). Сравненіе площадей прямоугольниковъ. Принятіе за мѣру квадрата (Неудобство принять другія правильныя фигуры за мѣру). Расположеніе всѣхъ

фигуръ въ рядъ при сравненіи и измѣреніи ихъ. Смыслъ употребляемыхъ выраженій. Опредѣленіе площадей сложныхъ фигуръ (разбиваются на болѣе простыя части). Задачи на вычисленіе. Повтореніе и обзоръ отдѣла. Формулы окружности и площади круга.

3-й годъ (курсъ 6-го отдѣленія).

Для опредѣленія подобія фигуръ необходимо знать случай, когда получаются пропорціональныя линіи. Относящіяся къ тому теоремы. Задачи на вычисленіе (Порядокъ расположенія отрѣзковъ въ пропорціи). Признаки подобія трехугольниковъ. Общій пріемъ доказательствъ (Другой пріемъ, пригодный только въ нѣкоторыхъ случаяхъ). Сходство признаковъ подобія съ признаками равенства треугольниковъ. Выводъ послѣднихъ изъ первыхъ.

Выводъ частныхъ случаевъ (подобіе прямоугольныхъ трехугольниковъ, равнобедренныхъ, равносторонних и т. п.). Подобіе многоугольниковъ (Прежній пріемъ доказательствъ сложныхъ случаевъ).

(Подобіемъ фигуръ можно воспользоваться для доказательства пропорціональности линій. Пріемъ доказательствъ). Приложеніе теоремъ о подобіи трехугольниковъ въ различныхъ случаяхъ (пропорціональность хордъ, касательныхъ, линій прямоугольныхъ трехугольниковъ и т. п.). Обзоры пройденныхъ отдѣловъ (Сравненіе теоремъ, къ нимъ относящихся).

Задачи. Предложеніе теоремъ для доказательствъ.

Теорема Пиѳагора. Ея приложеніе.

Разсмотрѣніе болѣе трудныхъ теоремъ, относящихся къ пройденному курсу.

Практическія приложенія къ съемкамъ.

Изъ стереометріи надо дать выраженія поверхностей и объемовъ важнѣйшихъ видовъ тѣлъ, а если позволитъ время, то полезно провести параллель между свойствами линій, находящихся въ плоскости, и линій въ пространствѣ.

В. А. Латышевъ.

Ю. И. СИМАШКО.

(НЕКРОЛОГЪ).

Четырнадцатаго апрѣля сего года скончался, на 73-году отъ рожденія, Юліанъ-Марцелъ Ивановичъ Симашко, извѣстный своими научными трудами по естествовѣдѣнію и различными изданіями въ области воспитанія и обученія. Опредѣленный въ Павловскій кадетскій корпусъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ скончавшимся ген-лейт. Францемъ Ивановичемъ, составителемъ руководствъ по элементарной математикѣ, бывшимъ долгое время директоромъ Полтавскаго кадетскаго корпуса,—Юліанъ Ивановичъ сразу выказалъ свои далеко недюжинныя способности, въ особенности къ изученію математики и естественныхъ наукъ. Успѣхи его въ ученіи тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что при своемъ опредѣленіи въ корпусъ онъ, по его словамъ, совсѣмъ почти не зналъ по русски. Поступить въ военную службу, къ которой готовился, онъ, однако, не пожелалъ. Уволясь изъ корпуса въ 1838 году, семнадцати лѣтъ, онъ сдалъ экзаменъ на учителя уѣзднаго училища и былъ опредѣленъ учителемъ математики въ Шлиссельбургское, близъ Петербурга, уѣздное училище. Здѣсь, въ этомъ глухомъ уѣздномъ городкѣ, Юліанъ Ивановичъ воспользовался свободнымъ отъ службы временемъ, чтобы пополнить пробѣлы своего образованія, изучить иностранные языки и сдѣлаться виднымъ спеціалистомъ по естественной исторіи. Его труды по естествовѣдѣнію обратили на него вниманіе, и онъ былъ приглашенъ преподавателемъ естественной исторіи—сперва въ Новгородскій Аракчеевскій кадетскій корпусъ, а затѣмъ, въ 1844 году, былъ переведенъ преподавателемъ того-же предмета въ Павловскій кадетскій корпусъ. Съ переселеніемъ въ Петербургъ кругъ ученыхъ и педагогическихъ занятій Юліана Ивановича значительно расширился. Онъ напечаталъ свои изслѣдованія и наблюденія о пластахъ девонской почвы въ Петербургской губ., о сухопутныхъ и прѣсноводныхъ

молюскахъ въ Россіи и др. Въ это-же время онъ началъ, при пособіи тогдашняго августѣйшаго начальника военно-учебныхъ заведеній, покойнаго государя императора Александра II Николаевича, свое широко задуманное изданіе— «Русскую фауну». Изданіе это, отличавшееся прекрасными рисунками, не было, однако, доведено имъ даже до половины, такъ какъ онъ былъ отвлеченъ отъ работы другими предпріятіями. Министерство Народнаго Просвѣщенія поручило Юліану Ивановичу составленіе учебника зоологіи для среднихъ учебныхъ заведеній. Пользуясь лучшими научными заграничными трудами по этому предмету, Юліанъ Ивановичъ составилъ учебникъ зоологіи, бывшій въ продолженіи многихъ лѣтъ единственнымъ руководствомъ въ Россіи. Онъ былъ богатъ множествомъ хорошо выполненныхъ рисунковъ, но написанъ тяжелымъ языкомъ и мало удовлетворялъ педагогическимъ требованіямъ, а потому въ шестидесятыхъ годахъ, когда въ Россіи пробудилась оживленная педагогическая дѣятельность, быстро вышелъ изъ обращенія. Болѣе прочными были труды Юліана Ивановича въ области преподаванія географіи. Онъ издалъ учебный атласъ всеобщей географіи, лучшій въ то время, выдержавшій нѣсколько изданій и выходившій затѣмъ въ переработкѣ другихъ лицъ, главнымъ образомъ, А. Павловскаго, въ изданіи книгопродавца Исакова. Изданные Юліаномъ Ивановичемъ «Уроки географіи по американской системѣ Корнеля» внесли у насъ впервые нѣкоторую оживленность въ преподаваніе этого предмета, излагавшагося до тѣхъ поръ крайне сухо и номенклатурно.

Преподавательская дѣятельность въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ Юліана Ивановича была весьма обширна: онъ давалъ уроки въ Павловскомъ, первомъ и второмъ кадетскихъ корпусахъ, въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, а также читалъ въ Лѣсномъ институтѣ спеціальныя лекціи по лѣсной энтомологіи и орнитологіи. Какъ преподаватель, онъ отличался энергичностью преподаванія и умѣлъ передавать любовь къ наукѣ своимъ ученикамъ. Но въ то-же время, обремененный уроками, Юліанъ Ивановичъ не покидалъ и чисто научной дѣятельности. Въ шестидесятыхъ годахъ имъ, главнымъ образомъ, было основано Энтомологическое Общество, гдѣ онъ долгое время былъ дѣятельнѣйшимъ членомъ. Его научныя сообщенія въ засѣданіяхъ Общества и публичныя лекціи привлекали много слушателей. Его научныя работы, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣли и практическія цѣли для земледѣлія и лѣсоводства въ Россіи. Онъ занимался изслѣдованіемъ вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ и имъ-же были организованы изслѣдованія хлѣбнаго червя въ средней Россіи и саранчи въ Россіи южной.

Онъ былъ убѣжденъ въ необходимости мѣстныхъ естественно-историческихъ изслѣдованій въ Россіи и, благодаря его настояніямъ, на эти изслѣдованія Министерство Народнаго Просвѣщенія дало впервые небольшія средства, а особая коммиссія, при участіи профессоровъ С.-Петербургскаго университета, выработала для такихъ изслѣдованій программу. Съ этого времени и при провинціальныхъ университетахъ начали учреждаться Общества по различнымъ отраслямъ естествовѣдѣнія, имѣющія въ виду какъ научныя цѣли, такъ и изслѣдованія мѣстныя.

Съ конца шестидесятыхъ годовъ Юліанъ Ивановичъ особенно усилилъ свою дѣятельность по изготовленію и изданію учебныхъ пособій, преимущественно для первоначальнаго обученія. «Исходя изъ того убѣжденія,—писалъ Юліанъ Ивановичъ,—что прочность всякаго знанія и точность представленія зависятъ отъ вѣрности и ясности первыхъ представленій, воспринимаемыхъ какъ въ самой ранней молодости, такъ и при началѣ систематическаго ученія», онъ предпринялъ рядъ изданій, «кладущій основаніе элементарному обученію и уясняющій всѣ отрасли его какъ играми, такъ и наглядными пособіями». Подъ фирмою «Я. Фоссъ», Ю. И. издалъ полную систему игръ Фребеля и «Практическій руководитель» къ нимъ (ц. 3 р. 50 к.). Въ его складѣ, помѣщавшемся въ Гостиномъ дворѣ, былъ огромный выборъ всевозможныхъ образовательныхъ игръ— игръ Фребеля, строительныхъ игрушекъ, по мастерствамъ и рукодѣліямъ, пособій по школьнымъ принадлежностямъ, по обученію грамотѣ, счету, рисованію, географіи, по анатоміи, зоологіи, ботаникѣ, минералогіи и т. д. Этой-же цѣли—распространенію свѣдѣній по первоначальному и среднему образованію—долженъ былъ служить основанный Юліаномъ Ивановичемъ педагогическій и дѣтскій журналъ «Семья и Школа», который онъ редактировалъ до начала 1878 года. Одинъ перечень составленныхъ Юліаномъ Ивановичемъ, или по его указанію, руководствъ и брошюръ по первоначальному обученію, домашнему и школьному, въ указанномъ направленіи занялъ-бы не одну страницу. Вывезенныя имъ изъ за границы, главнымъ образомъ изъ Германіи и Англіи, по порученію тогдашняго начальника военно-учебныхъ заведеній, генерала Н. В. Исакова, коллекціи учебныхъ пособій послужили основаніемъ Педагогическому музею военно-учебныхъ заведеній, помѣщавшемуся до семидесятыхъ годовъ на Васильевскомъ островѣ, въ зданіи Перваго кадетскаго корпуса (въ то время Павловскаго военнаго училища), а затѣмъ переведенному въ нынѣшнее свое помѣщеніе—въ зданіе такъ-называемаго Соляного городка. Начало производству русскихъ учебныхъ пособій положено, главнымъ образомъ, Юліаномъ Ивановичемъ.

Съ 1878 года Юліанъ Ивановичъ Симашко принималъ участіе въ разработкѣ вопроса о техническомъ образованіи, для чего въ названномъ году, по порученію Министерства Финансовъ, ѣздилъ за границу, а также принималъ участіе въ инспекціи по надзору за занятіями малолѣтнихъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ. Въ послѣднее время, не чуждаясь вопросовъ практическихъ—работая надъ усовершенствованіемъ горѣлокъ для лампъ съ соляровыми маслами, Юліанъ Ивановичъ преимущественно занимался изслѣдованіемъ метеоритовъ и космической пыли, о чемъ напечаталъ нѣсколько статей, но свой главный научный трудъ объ этомъ едва-ли успѣлъ окончить. Покойный обладалъ коллекціей метеоритовъ, можетъ быть, богатѣйшею въ мірѣ, и будетъ большою потерею, если эта коллекція погибнетъ для науки, а также, если она будетъ вывезена изъ Россіи.

Во всѣхъ начинаніяхъ Юліана Ивановича былъ виденъ острый, проницательный умъ, — умъ изобрѣтателя и инипіатора. Этотъ выдающійся умъ покойнаго и то, что онъ успѣлъ сдѣлать для развитія науки и распространенія болѣе или менѣе здравыхъ педагогическихъ понятій въ Россіи, несмотря на различныя неблагопріятныя условія въ его личной жизни, конечно, заставятъ предать забвенію тѣ стороны его характера, которыя такъ много вредили прежде всего ему-же самому.

К. М—ій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

О драмѣ. Критическое разсужденіе Д. В. Аверкіева. С.-Петербургъ. 1893 г.

Трудъ г. Аверкіева по частямъ печатался, 15 лѣтъ тому назадъ, на страницахъ «Русскаго Вѣстника» за 1877 и 1878 гг. и въ свое время обратилъ вниманіе читающей публики и критики. Появленіе его отдѣльной книгой заслуживаетъ полнаго сочувствія. Послѣ тщательнаго пересмотра, придавшаго отдѣльнымъ главамъ разсужденія единство и сплоченность, послѣ прибавленія двухъ новыхъ главъ: о второстепенныхъ стихіяхъ трагедіи и о комедіи *), сообщившихъ всему труду законченность и полноту, изслѣдованіе почтеннаго автора представляетъ цѣнный вкладъ въ русскую литературу. Какъ въ семидесятыхъ годахъ, такъ и теперь, лица, не безпечныя по части литературы, интересующіяся вопросами мысли и искусства, нуждаются въ компетентномъ руководствѣ и серьезной, основанной на внимательномъ изученіи великихъ произведеній искусства, помощи для того, чтобы разобраться въ хаосѣ противорѣчивыхъ, другъ друга опровергающихъ и исключающихъ мнѣній нашихъ литературныхъ критиковъ, съ которыми читателю приходится сталкиваться на страницахъ толстыхъ журналовъ.

Со времени перваго появленія этюдовъ «О драмѣ» общее настроеніе въ журналистикѣ и тонъ литературныхъ партій значительно измѣнились. Въ лагерѣ критиковъ и писателей, не признававшихъ за искусствомъ вообще и поэзіей въ частности самостоятельнаго значенія, видѣвшихъ въ послѣдней лишь ancillam интересамъ партіи, общества, дня, орудіе борьбы, судившихъ всякое произведеніе литературы не съ точки зрѣнія вѣчныхъ идеаловъ истины, добра и красоты, а только на основаніи того, насколько авторъ произведенія раздѣляетъ взгляды

*) «О комедіи» напечатано одновременно съ появленіемъ книги въ «Русскомъ Обозрѣніи», 1892 г. № 11.

и задачи ихъ партіи, кружка, журнала,—въ лагерѣ этихъ лицъ теперь раздаются уже не такіе задорные и увѣренные голоса, какъ 15 лѣтъ тому назадъ. Съ другой стороны, все чаще и смѣлѣе, съ правомъ на вниманіе, безъ риску остаться «гласомъ вопіющаго въ пустынѣ», появляются солидныя работы, ставящія себѣ задачей указать, на основаніи анализа самой сущности искусства вообще и поэзіи въ частности, самостоятельное значеніе художественнаго творчества, его средства, цѣли, область примѣненія, условія правильнаго обнаруженія.

Къ такимъ отраднымъ явленіямъ, въ которыхъ виденъ трезвый, чуждый задора, предвзятыхъ мнѣній и тенденціозности взглядъ на искусство, добытый путемъ серьезнаго знакомства съ безсмертными твореніями Софокла, Шекспира, Гёте, Шиллера, Пушкина, Аристофана, Мольера, Гоголя, Грибоѣдова и др., принадлежитъ и вышедшее отдѣльной книгой изслѣдованіе г. Аверкіева «О драмѣ».

Если теперь уже не такъ «оглушительны крики»:

Сдайтесь, пѣвцы и художники!
Кстати-ли вымыслы ваши
Въ нашъ вѣкъ положительный?

если теперь уже не такъ, какъ въ шестидесятые годы, безспоренъ вопросъ о томъ, что «печной горшокъ дороже, чѣмъ Бельведерскій Аполлонъ», что «сапоги выше Шекспира», тѣмъ не менѣе серьезная подготовка и знакомство съ сущностью того искусства, которому писатель посвящаетъ себя, не всегда считаются conditio sine qua non выступленія на литературное поприще.

Слова сатирика прошлаго вѣка объ одномъ одописцѣ:

«Мы съ риѳмами, онъ мыслилъ, рождены:
Такъ не смѣшно-ли намъ, поэтамъ, согласиться —
На взморьѣ въ хижину, какъ Демосѳенъ, забиться,
Читать да думать все, и то, что вздумалъ самъ,
Разсказывать шумящимъ лишь волнамъ?
Природа дѣлаетъ пѣвца, а не ученье;
Онъ, не учась, ученъ, какъ придетъ въ восхищенье;
Науки будутъ все науки, а не даръ;
Потребный же запасъ: отвага, риѳмы, жаръ»—

сбываются подчасъ и теперь съ поразительною вѣрностью. Нерѣдко въ наше безвременье молодой писатель только и «запаса» всего имѣетъ, что «отвага» да «жаръ» (задоръ), и съ этимъ багажомъ пускается въ литературу—«глаголомъ жечь сердца людей». Въ соотвѣтствіе съ этимъ въ читающей публикѣ мало замѣчается желанія проникнуть въ душу поэта и выведенныхъ имъ лицъ, дать себѣ отчетъ въ прочитанномъ, почерпнуть оттуда поддержку для своихъ лучшихъ стремленій и руководство въ жизни.

Книга г. Аверкіева не лишній разъ напомнитъ какъ нѣкоторымъ писателямъ, такъ и публикѣ о необходимости вдумчиваго и внимательнаго отношенія и серьезныхъ запросовъ къ литературному произведенію, поможетъ разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ искусства, а по части драмы дастъ серьезное руководство для пониманія драматическаго произведенія и знакомство съ лучшими произведеніями европейскихъ трагиковъ.

Еще большую пользу можетъ оказать трудъ г. Аверкіева школѣ при преподаваніи теоріи словесности. Наши учебники по теоріи словесности состоятъ въ большинствѣ своихъ опредѣленій изъ указанія случайно, совершенно ненаучно выбранныхъ признаковъ разныхъ видовъ словесныхъ произведеній. Сущность извѣстнаго рода или вида литературныхъ произведеній, эстетическіе законы каждаго изъ нихъ—совсѣмъ не выясняются въ учебныхъ руководствахъ, которыя ограничиваются простымъ перечисленіемъ чисто внѣшнихъ, несущественныхъ свойствъ рода или вида. Этою ненаучностью объясняется многочисленность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большое разнообразіе учебниковъ теоріи словесности: въ каждомъ учебникѣ можно найти что-нибудь новое, цѣнное, и это-то побудило автора издать свой учебникъ, въ которомъ на ряду съ этимъ цѣннымъ матеріаломъ не мало излагается всякаго хлама...

Отдѣлъ драмы—самый важный и въ сущности самый интересный въ цѣломъ курсѣ—излагается едва-ли не менѣе удовлетворительно въ научномъ отношеніи, чѣмъ прочіе, хотя теорія и исторія драмы глубже и полнѣе разработаны изслѣдователями, чѣмъ другіе отдѣлы теоріи словесности.

Поверхностность нашихъ учебниковъ оправдывается тѣмъ обстоятельствомъ, что теорія словесности до самаго послѣдняго времени преподавалась въ среднихъ классахъ учебныхъ заведеній, такъ что 14—15-лѣтніе ученики, по недостатку надлежащаго развитія, и не могли хотя-бы сколько-нибудь углубиться въ изучаемый предметъ, законы котораго соприкасаются съ психологіей, логикой, эстетикой.

Съ появленіемъ новыхъ учебныхъ плановъ для мужскихъ гимназій теорія словесности съ полнымъ основаніемъ перенесена на 8-й классъ.

При такомъ условіи преподаваніе этого предмета, какъ по тому, что ученики послѣдняго класса гимназіи обладаютъ уже достаточнымъ развитіемъ, такъ и потому, что у нихъ къ этому времени долженъ накопиться значительный фактическій матеріалъ, благодаря знакомству съ памятниками русской и классическихъ литературъ, можетъ, а потому и должно вестись глубже, серьезнѣе, научнѣе, чѣмъ это предполагается теперешними учебниками обычнаго типа. Особенно зна-

чительный и притомъ разнообразный матеріалъ собирается у учениковъ 8-го класса по исторіи драмы: они должны прочесть одну трагедію Софокла въ переводѣ на урокахъ русскаго языка и одну въ подлинникѣ— на урокѣ греческаго языка, одну трагедію Шекспира, по одной трагедіи, въ отрывкахъ, Сумарокова и Озерова, «Бориса Годунова» и «Скупого рыцаря» Пушкина и комедіи: «Облака» Аристофана, «Недоросль» Фонвизина, «Горе отъ ума» Грибоѣдова, «Ревизоръ» Гоголя. Такой запасъ даетъ учителю возможность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и требуетъ, чтобы онъ теоретически освѣтилъ и осмыслилъ на основаніи общихъ законовъ свѣдѣнія учениковъ о драмѣ, что явится важнымъ средствомъ научить учащихся пониманію и анализу художественныхъ произведеній.

Обойти эстетическіе вопросы преподавателю словесности никоимъ образомъ нельзя. Касаться эстетическихъ достоинствъ произведеній вообще и въ особенности драмы нерѣдко приходится преподавателю въ старшихъ классахъ гимназіи: напр., когда заходитъ рѣчь о ложно-классицизмѣ вообще и ложно-классической трагедіи въ особенности, непремѣнно нужно выяснить сущность греческой трагедіи, отношеніе къ ней ложно-классиковъ, ошибки въ ихъ теоріи драмы и пр. Книга г. Аверкіева можетъ служить прекраснымъ пособіемъ при разборѣ драматическихъ произведеній и при составленіи отдѣла о драмѣ въ учебникахъ теоріи словесности. Ее можно рекомендовать и для ученическихъ библіотекъ: достоинства языка, строгая логичность изложенія, серьезность и сдержанность тона, соединенное съ глубокимъ пониманіемъ, уваженіе къ твореніямъ русской литературы лестно выдѣляютъ этотъ трудъ изъ ряда журнальныхъ критическихъ работъ. Русскіе педагоги обратили уже свое вниманіе на статьи о драмѣ г. Аверкіева, напечатанныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ»: въ «Исторической хрестоматіи» — почтенномъ трудѣ г. Покровскаго, представляющемъ сборникъ статей по исторіи русской словесности, въ V томѣ приведены выдержки изъ статей г. Аверкіева; въ извѣстномъ изданіи Пушкина, сдѣланномъ г. Поливановымъ, давшимъ, кромѣ текста произведеній, сводъ лучшихъ критикъ Пушкина, отзывы г. Аверкіева, въ III томѣ, занимаетъ видное мѣсто.

Книга «О драмѣ» заключаетъ около 400 стр. Состоитъ она изъ изложенія теоріи драмы и разбора драматическихъ произведеній. Теорія драмы г. Аверкіева не новая: свои взгляды онъ непосредственно основываетъ на ученіи о драмѣ великихъ эстетиковъ: Аристотеля, выяснившаго сущность драмы въ «Піитикѣ», и Лессинга, который первый правильно понялъ и истолковалъ въ «Гамбургской драматургіи» взглядъ Аристотеля на драму.

Теоретическія положенія, обстоятельно развитыя и строго вытекающія изъ самой сущности драматическаго искусства, какъ его понимаетъ Аристотель, подтверждаются и многосторонне разъясняются г. Аверкіевымъ на многочисленныхъ примѣрахъ, которые придаютъ взглядамъ автора строгую обоснованность, ясность и убѣдительность, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ у читателя живой интересъ. Въ этихъ разборахъ г. Аверкіевъ высказываетъ нерѣдко совершенно новый взглядъ на произведеніе, свидѣтельствующій объ эстетическомъ чутьѣ автора. Наиболѣе удачными и цѣнными являются разборы произведеній русскихъ драматурговъ; между ними критикъ съ особенною любовью останавливается на Пушкинѣ, которому посвящено, между прочимъ, особое приложеніе.

Изслѣдованіе распадается на шесть отдѣловъ.

Въ первомъ отдѣлѣ: трагедія, какъ художественное произведеніе, выясняется сущность драматическаго искусства; во второмъ—характеризуется трагедія, какъ особый видъ драмы; третій отдѣлъ посвященъ изслѣдованію характера дѣйствующихъ лицъ трагедіи; четвертый даетъ понятіе объ этическомъ значеніи трагедіи; пятый, заканчивающій изслѣдованіе о трагедіи, знакомитъ съ второстепенными стихіями ея. Теорія комедіи разработана въ шестомъ отдѣлѣ. Въ приложеніи (три письма къ Н. Н. Страхову) выясняется сущность генія Пушкина, выше котораго авторъ не призналъ никого изъ всемірныхъ поэтовъ.

На долю Пушкина выпали лучшія страницы въ книгѣ: разборъ сцены «У фонтана» (стр. 82—92) и выясненіе характера Бориса Годунова (193—197 стр.) написаны особенно увлекательно, съ глубокимъ пониманіемъ внутренняго состоянія дѣйствующихъ лицъ и проникновеніемъ въ душу геніальнаго художника.

Сдѣлаемъ одно замѣчаніе. Въ трагедіи Шекспира «Ромео и Джульета», какъ извѣстно, влюбленный въ Джульету Ромео убиваетъ себя на ея гробѣ потому, что посланный съ письмомъ, увѣдомлявшимъ его о фиктивности ея смерти, былъ перехваченъ. Джульета, проснувшись въ гробницѣ и замѣтивъ мертваго Ромео, также убиваетъ себя. Г. Аверкіевъ, доказывая, что единство дѣйствія въ трагедіи требуетъ развитія дѣйствія по необходимости, а не отъ случайностей, приводитъ въ примѣръ развязку этой трагедіи. «Развязка,—говоритъ онъ,—основана на томъ-же, на чемъ и завязка, на любви. Ромео умираетъ не потому, что письмо не дошло, а потому, что любилъ Юлію больше жизни, какъ и Юлія не потому закалывается, что проснулась послѣ смерти Ромео, а потому, что любила его болѣе жизни.

Иначе вѣдь, увидѣвъ трупы Ромео и Париса, она въ испугѣ бросилась-бы вонъ изъ склепа. Такая развязка не только вообразима, но она неминуемо, неотразимо необходима» (стр. 42).

Это возраженіе г. Аверкіева противъ тѣхъ, кто усмотрѣлъ-бы въ развязкѣ трагедіи Шекспира результатъ случайностей, по нашему мнѣнію, не убѣдительно. Ромео и Юлія покончили съ жизнью не потому только, что любили другъ друга больше жизни: вѣдь они-же и до этой катастрофы любили другъ друга больше жизни и, однако, не убили-же себя отъ такой любви; напротивъ, сила страсти заставляла ихъ дорожить жизнью, упиваться ею, видѣть въ ней высшее благо. Эта жизнь потеряла въ ихъ глазахъ свою цѣну, стала невыносимымъ игомъ, безцѣльнымъ страданіемъ лишь тогда, когда каждый изъ нихъ увидѣлъ себя одинокимъ, покинутымъ на землѣ другомъ жизни.

Ромео увидѣлъ себя разлученнымъ на вѣки съ женою оттого, что письмо, извѣщавшее его о мнимой смерти Юліи, было задержано, чего могло и не произойти. Юлія увидѣла мужа мертвымъ оттого, что проснулась послѣ смерти Ромео; но могло-бы случиться и такъ, что она проснулась-бы раньше, и тогда катастрофы не произошло-бы. Правда, кровавая катастрофа могла произойти лишь при сильнѣйшей взаимной любви этихъ лицъ; тѣмъ не менѣе, любовь здѣсь лишь непремѣнное условіе совершенія факта—conditio sine qua non, а не производящая причина—causa efficiens. Словомъ, доводы почтеннаго автора не устраняютъ возможности видѣть въ развязкѣ трагедіи случайность, т.-е. нарушеніе главнаго эстетическаго закона трагедіи. Глубже смотритъ на развязку этой трагедіи г. Чуйко *), видящій въ конечной катастрофѣ «Ромео и Джульеты» «неизбѣжное слѣдствіе натуры, темперамента, страстной впечатлительности, отсутствіе воли, чувства, возведеннаго въ культъ» (стр. 256). Еще яснѣе становится вся неизбѣжность кровавой развязки для влюбленныхъ послѣ анализа характера героевъ, сдѣланнаго нѣмцемъ Гервинусомъ **), выводъ котораго таковъ: «поэтъ не могъ оставить въ живыхъ тѣхъ, которые сами себя губили» (т. II, стр. 43).

Если можно считать случайностью то, что письмо къ Ромео было перехвачено, если могло случиться и такъ, что Джульета просыпается въ то время, когда Ромео еще не умертвилъ себя, то кровавая развязка, неестественная смерть героевъ есть во всякомъ случаѣ пря-

*) Увлекательный разборъ Шекспира данъ г. Чуйко въ его трудѣ: «Шекспиръ, его жизнь и произведенія». Спб. 1889 г.

**) Шекспиръ Гервинуса. Перевелъ съ нѣмецкаго К. Тимоѳеевъ. Изд. 2-е. Спб. 1878 г.

мое слѣдствіе ихъ характера и страсти: тотъ или другой случай, если-бы даже это стеченіе неблагопріятныхъ обстоятельствъ разрѣшилось счастливо для нашихъ героевъ, долженъ былъ погубить ихъ, гибель ихъ неотвратима; къ этому убѣжденію приводитъ зрителя весь ходъ драмы, ясно раскрывающей характеры влюбленныхъ. Счастливая развязка этой трагедіи была-бы случайностью, нарушеніемъ вѣчныхъ законовъ, управляющихъ человѣческою жизнью. Шекспиръ и въ этомъ случаѣ остался вѣренъ своему глубокому прозрѣнію въ основы бытія *).

Г. Аверкіеву слѣдовало, при изложеніи содержанія трагедіи, подробнѣе выяснить характеры Джульеты и особенно Ромео, чтобы необходимость кровавой развязки стала понятною читателю его труда.

А. Флеровъ.

А. И. Незеленовъ. Шесть статей о Пушкинѣ. Спб. 1892 г. 118 стр. Ц. 60 к.

Литература о Пушкинѣ, которой мы въ настоящее время обладаемъ, хотя не можетъ, конечно, соперничать въ количествѣ съ тѣмъ, что написано о главнѣйшихъ поэтахъ Запада, заслуживаетъ, однако, по праву названіе *литературы*: въ ней есть органическая цѣлостность, есть живое движеніе идей. Такъ, и книжкѣ проф. Незеленова можно указать ея естественное мѣсто среди сужденій о Пушкинѣ: она примыкаетъ къ тѣмъ взглядамъ на него, которые были впервые намѣчены Аполлономъ Григорьевымъ, иллюстрированы отчасти Н. Н. Страховымъ и съ необыкновенной силой, хотя и съ нѣкоторыми крайностями увлеченія, высказаны Достоевскимъ въ его знаменитой рѣчи. Болѣе ясная, законченная, точная (что не мѣшаетъ ей быть прочувствованной и теплой) формулировка подобныхъ-же взглядовъ и составляетъ, по нашему мнѣнію, цѣну этой книжки. Пушкинъ былъ не только эстетическимъ учителемъ послѣдующихъ литературныхъ силъ,— онъ былъ самымъ полнымъ выразителемъ *самобытной духовной сущности русскаго народа* — вотъ основная идея автора; она и вноситъ единство въ нѣсколько разрозненный и случайный составъ сборника. Двѣ первыя статьи — рѣчи о значеніи Пушкина, произнесенныя въ 1880 и 1887 гг.; въ нихъ по необходимости кое-что повторяется; очень удачно намѣчены главные періоды творческаго развитія Пушкина, особенно отчетливо указано значеніе двухъ лѣтъ, проведенныхъ

*) См. также разборы трагедіи «Ромео и Джульета», принадлежащіе перу русскаго писателя Боткина («Пантеонъ литературы» 1891 г. № 1) и французскаго критика Франсуа Гюго («Театральная библіотека» 1890 г., № 1).

въ Михайловскомъ: какъ ясно преобладаніе отрицательнаго, мятежнаго элемента въ поэтѣ, пріѣзжающемъ противъ воли изъ Одессы «въ далекій сѣверный уѣздъ», и какъ ощутителенъ потомъ запасъ положительныхъ идей и чувствъ, накопленный за два года! Впервые, какъ кажется, указана нравственная цѣнность стихотворенія «Памятникъ»: сознаніе нравственной высоты сдѣланнаго имъ дѣла, которое и выразилось въ Памятникѣ, нужно было поэту какъ опора въ послѣдніе тяжелые годы. Несовсѣмъ ясной кажется слѣдующая фраза: «въ домѣ Пушкиныхъ (родителей) жизнь шла на французскій ладъ» (стр. 18): не напоминала-ли она скорѣе типичную жизнь дворянства русскаго? Извѣстно, что когда Пушкинъ-отецъ отдалъ сыну, собиравшемуся жениться, Болдино, то оказалось, что владѣлецъ ни разу самъ не былъ въ этомъ имѣньѣ, — хорошая иллюстрація къ русской «забытой деревнѣ».

Контрастъ Онѣгина и Бѣлкина, какъ двухъ различныхъ отношеній русскаго человѣка къ русской дѣйствительности, конечно, одна изъ главныхъ идей поэзіи Пушкина; но, въ сущности, названіе «хищнаго типа» (по терминологіи еще Ап. Григорьева) не совсѣмъ подходитъ къ Онѣгину; не чувствуется-ли, что онъ болѣе «ручной», чѣмъ онъ самъ думаетъ? Точенъ-ли вообще этотъ терминъ? Разсудочность, отрицаніе, *теоретичность*—вотъ скорѣе главныя черты этого типа, который такъ развился въ нашемъ отечествѣ.

Статья о романѣ «Евгеній Онѣгинъ» (30—67 стр.) — самая цѣнная изъ шести статей. Это самый полный разборъ его съ вышеуказанной точки зрѣнія, какой былъ до сихъ поръ данъ. Чрезвычайно удачно указаніе въ письмѣ Татьяны, среди сентиментальнаго и романтическаго бреда, словъ:

«Ты говорилъ со мной въ тиши,
«Когда я бѣднымъ помогала» и т. д.

Эти слова лучшая мѣрка чувства Татьяны; а съ ея книжной мечтательностью уѣздной барышни не дурно-бы также сопоставить тотъ реальный умъ, ту ясность пониманія и языка, которые она обнаруживаетъ потомъ, объясняя Онѣгину его-же самого,—характеристичная черта *русскаго* женскаго ума.

Удачно сближеніе «Онѣгина» съ «Кавказскимъ плѣнникомъ»: много общаго во взаимныхъ отношеніяхъ мужского и женскаго характера: да и въ послѣдующей литературѣ русской какъ часто повторяется то-же соотношеніе, подсказанное, безъ сомнѣнія, жизнью, — лишній примѣръ геніальной отгадки Пушкина. Личность Ленскаго можно-бы, кажется, также связать очень опредѣленно съ исторіей нашего про-

свѣщенія: это первый піонеръ того изученія германскихъ идеалистическихъ философовъ, которое выразилось въ кружкѣ Станкевича и Бѣлинскаго; нашъ поэтъ разглядѣлъ явленіе въ самомъ его началѣ, и по первоначальному плану поэтъ Ленскій долженъ былъ быть болѣе идеализированъ, о чемъ свидѣтельствуютъ наброски, сообщенные еще Анненковымъ, гдѣ поэтъ говоритъ о Ленскомъ, какъ о человѣкѣ, понимавшемъ прелесть *труда*, выгодно отличаясь отъ Онѣгина. Очень кстати сдѣлано замѣчаніе по поводу «генерала», мужа Татьяны; въ рѣчи Достоевскаго довольно неловко идеализирована его личность, которой, видимо, гораздо меньше придавалъ значенія самъ поэтъ.

Статья «Новые отрывки и варіанты сочиненій Пушкина» представляетъ результатъ занятій рукописями поэта въ Румянцовскомъ музеѣ. Нельзя не поблагодарить тѣхъ, кто предпринимаетъ эту скучную, недостаточно оцѣняемую работу. Интересенъ вновь открытый отрывокъ изъ «Бовы»: намъ любопытны слѣды той эпохи, когда нашъ народный поэтъ бродилъ еще ощупью въ сферѣ народности. Возстановлено въ полномъ видѣ разсужденіе Пушкина *о цензурѣ*, важное какъ матеріалъ для сужденія объ общественныхъ взглядахъ Пушкина, до сихъ поръ еще не исчерпанныхъ и не сведенныхъ въ одно цѣлое, не смотря на попытки Анненкова, Никольскаго («Идеалы Пушкина») и Стоюнина. Даны, далѣе, варіанты къ «Годунову», новыя указанія насчетъ прикосновенности Пушкина къ извѣстному переводу Слова о полку Игоревѣ и насчетъ занятій Пушкина житіями святыхъ.

Статья о пропущенной поэтомъ главѣ изъ «Капитанской дочки» представляетъ прекрасный разборъ вопросовъ, ею возбуждаемыхъ. Ея несостоятельность, во многихъ отношеніяхъ,—разоблачена очень подробнымъ анализомъ. Менѣе удавшейся намъ кажется попытка разсказать жизнь Пушкина для народа, напечатанная въ книгѣ: «Избранныя сочиненія П. для народнаго чтенія» 1888 г., изд. Спб. Комитета грамотности. Трудно, даже невозможно для настоящаго *народа* понять многое въ біографіи нашего поэта: его такъ-называемое изгнаніе, мучительность положенія въ послѣдніе годы и многое другое, а внѣшніе факты его біографіи незначительны, не ярки, «послужной списокъ» поэта самый плачевный, и нужно болѣе развитое пониманіе, чтобы судить Пушкина такъ, какъ онъ самъ хотѣлъ, чтобъ судили поэта («пока не требуютъ поэта» и т. д.). Думаемъ вообще, что біографія Пушкина *для народа*—дѣло страшно трудное, если не невозможное.

А. Шалыгинъ.

«Историческое Обозрѣніе». Сборникъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева, тт. II, III (1891 г.), IV и V (1892 г). Спб.

На страницахъ «Русской Школы» въ свое время былъ помѣщенъ отчетъ о первомъ томѣ сборника, издаваемаго Историческимъ Обществомъ при С.-Петербургскомъ университѣ подъ названіемъ «Историческаго Обозрѣнія». Съ того времени прошло уже около двухъ лѣтъ и въ теченіе ихъ Общество выпустило въ свѣтъ новые четыре тома своего сборника, на основаніи которыхъ можно теперь составить себѣ вполнѣ опредѣленное понятіе о характерѣ даннаго изданія. Разсмотрѣнію содержанія этихъ четырехъ томовъ «Историческаго Обозрѣнія» и будетъ посвящена настоящая замѣтка. Само собою разумѣется, однако, что въ ней такое разсмотрѣніе не можетъ быть вполнѣ исчерпывающимъ, не можетъ и захватывать всего матеріала, заключающагося въ изданіи, о которомъ идетъ рѣчь. Не говоря уже о богатствѣ и разнообразіи этого матеріала, съ трудомъ укладывающагося въ обычныя рамки краткой рецензіи, самое помѣщеніе послѣдней на страницахъ спеціальнаго журнала, посвященнаго вопросамъ педагогики и лишь отчасти, такимъ образомъ, соприкасающагося съ цѣлями и задачами спеціально-историческаго изданія, необходимо вынуждаетъ выдвигать на первый планъ одну, не только не единственную, но и далеко не главную сторону разбираемаго сборника—трактованіе въ немъ вопросовъ преподаванія исторіи, — не вдаваясь въ подробную оцѣнку другихъ его сторонъ. Но, не находя удобной въ данномъ случаѣ такую подробную оцѣнку, мы не считаемъ все-таки возможнымъ обойти полнымъ молчаніемъ и эти другія стороны, въ виду заключающагося въ нихъ общаго интереса, а потому прежде всего скажемъ нѣсколько словъ вообще о содержаніи названныхъ томовъ «Историческаго Обозрѣнія», причемъ, для бóльшаго удобства обзора, подраздѣлимъ все это содержаніе на нѣсколько общихъ рубрикъ, независимо отъ порядка томовъ.

Первою такою рубрикою могутъ служить теоретическіе вопросы исторіи, введенные въ программу изданія и занимающіе въ ней даже первое мѣсто. Въ разбираемыхъ томахъ подъ эту рубрику подходятъ три статьи предсѣдателя Общества, профессора Н. И. Карѣева. Въ первой изъ нихъ («Политическая экономія и теорія историческаго процесса», т. II) авторъ пытается уяснить взаимныя отношенія политической экономіи и исторіи и, указывая на развивающіяся одновременно и идущія другъ другу на встрѣчу историческую школу въ политической экономіи и матеріальное направленіе въ исторіи, настаи-

ваетъ на односторонности въ сведеніи приверженцами того и другого направленія всего историческаго процесса въ развитіи экономическихъ явленій. Во второй статьѣ («Замѣтки объ экономическомъ направленіи исторіи», т. IV) онъ вновь возвращается къ тому-же вопросу и представляетъ подробный разборъ ученія «экономическаго матеріала» въ исторіи; опровергая частныя положенія сторонниковъ названной доктрины, онъ указываетъ на недоказанность ея исходной точки зрѣнія и на ея чрезмѣрную узкость, сказывающуюся уже въ тѣхъ уступкахъ и оговоркахъ, какія принуждены дѣлать даже наиболѣе ревностные ея приверженцы. Въ небольшой третьей статьѣ («По поводу новой формулировки матеріальной исторіи», т. V), написанной по поводу появленія въ декабрьской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» статьи Д. М. Петрушевскаго, профессоръ Карѣевъ возстаетъ противъ утвержденія названнаго автора, будто только матеріальная исторія можетъ быть въ данное время научно изучаема, отстаивая равноправность культурныхъ и соціальныхъ явленій въ дѣлѣ историческаго изученія. Названными статьями, интересными не только по своему содержанію, но и по своевременности затронутой въ нихъ темы, и исчерпывается содержаніе «Историческаго Обозрѣнія» по теоретическимъ вопросамъ исторической науки.

Значительно болѣе богатымъ, какъ и слѣдовало ожидать, представляется отдѣлъ собственно историческихъ статей. По исторіи Востока мы встрѣчаемъ здѣсь статью о «сектѣ ессеевъ», авторъ которой, г. Лурье, разбираетъ происхожденіе, организацію и міровоззрѣніе секты (т. IV). Исторія древней Греціи представлена двумя статьями, которыя обѣ одинаково вызваны недавно открытымъ трактатомъ Аристотеля объ Аѳинскомъ государствѣ. Авторъ первой изъ нихъ, профессоръ Бузескулъ (т. II), указываетъ вкратцѣ, что̀ новаго даетъ наукѣ вновь открытый памятникъ по исторіи аѳинской демократіи. Задача автора второй статьи (т. V), профессора Виноградова, значительно уже, заключаясь въ сравненіи вновь открытаго трактата, съ цѣлью опредѣленія его подлинности въ смыслѣ принадлежности Аристотелю, съ «Политикой» послѣдняго на почвѣ вопроса о развитіи аѳинской демократіи; въ результатѣ такого сличенія авторъ приходитъ къ выводу, что «общее сходство, чтобы не сказать единство построенія» обоихъ сочиненій является «поразительнымъ и многознаменательнымъ». По средневѣковой исторіи Западной Европы мы имѣемъ въ указанныхъ томахъ «Историческаго Обозрѣнія» лишь одну статью, именно г. Вязигина—«Личность и значеніе Григорія VII въ исторической литературѣ» (т. IV). Наконецъ, новая исторія представ-

лена наиболѣе длиннымъ рядомъ статей. Въ интересной работѣ М. Ковалевскаго («Поворотный моментъ въ исторіи землевладѣнія и землевладѣльческихъ классовъ въ Англіи», т. III) разсматривается вліяніе секуляризаціи церковной собственности въ Англіи при Генрихѣ VIII на ускореніе процесса измѣненій земледѣльческаго хозяйства въ смыслѣ приданія послѣднему бо̀льшей интензивности, привлеченія къ нему новыхъ общественныхъ классовъ и обезземеленія крестьянства. Двѣ другія статьи того-же автора («Учредительное собраніе и борьба венеціанскаго правительства съ его политическими принципами», т. IV, и «Зарожденіе республиканской партіи во Франціи», т. V) посвящены исторіи французской революціи. Въ одной изъ нихъ г. Ковалевскій даетъ характеристику донесеній венеціанскихъ посланниковъ, какъ источника по исторіи революціи, и на основаніи депешъ одного изъ пословъ, Капелло, представляетъ очеркъ движеній 1789 г. во Франціи и отношенія къ нимъ какъ самого посланника, такъ и венеціанскаго правительства, стремившагося прекратить доступъ въ свои владѣнія революціоннымъ идеямъ. Во второй статьѣ авторъ рисуетъ возникновѣніе и развитіе во время революціи республиканской партіи, родоначальниками которой онъ признаетъ Бриссо и Кондорсэ, и характеризуетъ ее какъ со стороны ея программы, такъ и со стороны средствъ, которыми располагали ея члены. Въ другой статьѣ по исторіи Франціи, принадлежащей перу г. Аѳанасьева, авторъ, разсматривая легенду объ «Обществѣ голодовки» (т. II), на этомъ частномъ примѣрѣ обрисовываетъ настроеніе французскаго общества предъ революціей. Еще одна статья того-же отдѣла посвящена характеристикѣ императора Іосифа II («Іосифъ II и философія XVIII вѣка», т. II). Авторъ ея, г. Ону, разбирая политику Іосифа, опровергаетъ такъ часто прилагавшіеся къ ней упреки въ излишней теоретичности, вытекшей изъ увлеченій французской философіей, и доказываетъ, что императоръ являлся непосредственнымъ продолжателемъ своихъ предшественниковъ и, проводя свои реформы, не покидалъ ни реальной почвы окружавшихъ его условій, ни важнѣйшихъ традицій австрійской политики.

Что касается русской исторіи, то она представлена въ названныхъ томахъ «Историческаго Обозрѣнія» пятью статьями, затрогивающими различныя темы и разныя эпохи. Н. Дебольскій («Междукняжескія отношенія по договорамъ», т. IV) разбираетъ договоры князей удѣльнаго и московскаго періодовъ и доказываетъ, что удѣльные князья зависѣли отъ великихъ, тогда какъ послѣдніе пользовались полною независимостью во внѣшнихъ сношеніяхъ княжествъ, не составляя между собою федераціи, а стоя во взаимныхъ отношеніяхъ на между-

народной почвѣ. Статья М. Дьяконова («Къ исторіи древне-русскихъ церковно-государственныхъ отношеній», т. III) посвящена вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ церковной и свѣтской властей въ древней Руси вплоть до провозглашенія автокефальности русской церкви и о вліяніи послѣдняго событія на преобладаніе государственнаго авторитета надъ церковнымъ. С. Рождественскій («Царь В. И. Шуйскій и боярство», т. V), разбирая вопросъ объ отношеніяхъ между царемъ Василіемъ и боярами, приходитъ къ выводу, что въ основѣ ихъ не лежало никакого договора царя съ сословіемъ или съ думой и что самыя отношенія эти опредѣлялись не столько политическими идеями, сколько узко-эгоистическими побужденіями дѣйствующихъ лицъ. Любопытную страницу изъ исторіи древне-русскаго землевладѣнія рисуетъ статья А. Лаппо-Данилевскаго о выслуженныхъ вотчинахъ, появившихся въ московскомъ быту со второй половины XVI вѣка и занявшихъ среднее положеніе между помѣстьями и родовыми вотчинами («Выслуженныя вотчины въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.», т. III). Наконецъ, Е. Бѣловъ въ своей статьѣ, помѣщенной въ III т. «Историческаго Обозрѣнія» подъ заглавіемъ «Верховники и дворянство» и написанной по поводу выхода въ свѣтъ книги Д. Корсакова «Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка», разсматриваетъ вопросъ о столкновеніи верховнаго совѣта съ шляхетствомъ въ 1730 г. и пытается выяснить причины этого столкновенія на основаніи предшествовавшей исторіи дворянства и бояръ.

Повторяемъ, въ предѣлахъ настоящей замѣтки мы не находимъ возможнымъ давать оцѣнку всѣхъ указанныхъ статей или хотя-бы даже наиболѣе выдающихся изъ нихъ. Но уже одно перечисленіе ихъ можетъ, думается намъ, дать понятіе о количествѣ и интересѣ историческаго матеріала, заключающагося въ сборникѣ Историческаго Общества. Правда, помѣщаемыя въ немъ работы нѣсколько разбросаны по своимъ темамъ, онѣ не охвачены однимъ общимъ планомъ, не подчинены какой-либо строгой системѣ. Но если даже и считать это обстоятельство недостаткомъ, его нельзя, во всякомъ случаѣ, поставить на счетъ редакціи сборника. При наличномъ состояніи русской исторіографіи врядъ-ли такое требованіе строгой систематизаціи содержанія могло-бы быть выполнено даже журналомъ, располагающимъ денежными средствами, по отношенію-же къ сборнику, пополняемому безвозмездными трудами членовъ Общества, оно прямо немыслимо. Максимумомъ требованій здѣсь можетъ служить желаніе, чтобы сборникъ не пополнялся черезчуръ уже узко-спеціальными трудами, чтобы помѣщаемыя въ немъ статьи заключали въ себѣ и общій,

методологическій или принципіальный интересъ, и этому пожеланію вышедшіе до сихъ поръ томы «Историческаго Обозрѣнія» въ общемъ вполнѣ удовлетворяютъ.

Болѣе систематизаціи могло быть проявлено въ отдѣлахъ критики и библіографіи, къ которымъ мы теперь и перейдемъ. Къ сожалѣнію, первый изъ нихъ, не смотря на помѣщенное редакторомъ еще во второмъ томѣ сборника приглашеніе членовъ Общества къ сотрудничеству путемъ доставленія отзывовъ о книгахъ, оставался незаполненнымъ вплоть до пятаго тома. Въ этомъ послѣднемъ мы находимъ уже статью профессора Любовича о книгѣ Кавеньяка «La formation de la Prussie contemporaine», рецензію г. Ардашева о «Словарѣ французской революціи» Boursin и Challamel и отзывъ г. Герасимова объ учебникѣ средневѣковой исторіи г. Иванова. Богаче представленъ отдѣлъ библіографіи. Въ указанныхъ томахъ «Историческаго Обозрѣнія» мы имѣемъ нѣсколько работъ библіографическаго характера, отличающихся другъ отъ друга и большей или меньшей широтой задачи, и самыми пріемами ея выполненія. Прежде всего мы находимъ здѣсь простые перечни книгъ и журнальныхъ статей, болѣе или менѣе полные, но дающіе только одни названія. Такъ, въ III томѣ имѣется списокъ историческихъ статей и рецензій, помѣщенныхъ за 1890 годъ въ 29 русскихъ журналахъ, въ V томѣ—такой-же списокъ статей и рецензій за 1891 годъ въ семи русскихъ общихъ журналахъ и перечень польскихъ историческихъ изданій (книгъ и журнальныхъ статей) за 1891 и 1892 гг., составленный С. Л. Пташицкимъ. За этими голыми перечнями можно поставить рядъ библіографическихъ работъ иного рода, представляющихъ обзоръ литературы отдѣльнаго вопроса, съ указаніями, болѣе или менѣе подробными, на содержаніе называемыхъ сочиненій. Двѣ изъ такихъ работъ посвящены обзорамъ юбилейной литературы: г. Сапожниковъ въ своей статьѣ («Изъ швейцарской юбилейной литературы 1891 г.», т. IV) даетъ очеркъ сочиненій, вызванныхъ въ свѣтъ 600-лѣтнимъ юбилеемъ швейцарскаго союза и 700-лѣтнимъ г. Берна, г. Пташицкій перечисляетъ и характеризуетъ труды по исторіи польской конституціи 3-го мая 1791 г., вышедшіе ко времени ея столѣтняго юбилея. Третья подобная работа, принадлежащая профессору Шмурло, имѣетъ своей темой одинъ изъ вопросовъ исторической географіи Россіи («Русская исторія на Московской географической выставкѣ 1892 года», т. V). Но самое видное мѣсто въ отдѣлѣ библіографіи принадлежитъ безспорно статьямъ А. Браудо, представляющимъ собою систематическіе обзоры текущей литературы русской исторіи. Такихъ обзоровъ до сихъ поръ было помѣщено въ

«Историческомъ Обозрѣніи» два: одинъ за 1888 и 1889 гг. (т. II), другой за 1890 г. (т. III). Не претендуя на безусловную библіографическую полноту, мало сравнительно отводя мѣста критикѣ, эти обзоры имѣютъ, однако, большое значеніе, какъ единственная пока попытка охватить всѣ важнѣйшія явленія современной литературы русской исторіи, и обладаютъ немаловажными достоинствами. Продолженіе такихъ обзоровъ и увеличеніе числа критико-библіографическихъ работъ по отдѣльнымъ вопросамъ казались-бы намъ весьма желательнымъ явленіемъ на страницахъ «Историческаго Обозрѣнія». Въ заключеніе отмѣтимъ еще одну статью, въ которой, однако, элементъ критическій рѣшительно преобладаетъ уже надъ библіографическимъ, это именно «Замѣтка объ историческихъ книжкахъ «для народа», г. Рубакина (т. III). Указавъ на то, что наша литература бѣдна популярными историческими книжками, да и тѣ, какія въ ней имѣются, съ трудомъ доходятъ до народа или остаются для него малопонятными вслѣдствіе особенностей своего изложенія, авторъ обрисовываетъ затѣмъ историческую литературу, спеціально «для народа» предназначаемую авторами и издателями, дѣля ее на два разряда: лубочныя и интеллигентныя изданія. Исторіи оказывается мало въ обоихъ: если въ первомъ отдѣлѣ поразительны невѣжество и безграмотность авторовъ, если здѣсь исторія замѣняется историческими разсказами, въ которыхъ фантастическая фабула почти совершенно заслоняетъ собою историческій фонъ, то во второмъ отдѣлѣ, приблизительно, такую-же роль играетъ стремленіе авторовъ во что-бы то ни стало морализировать и поучать народъ нравственнымъ истинамъ, причемъ историческіе факты обращаются въ простой предлогъ для моральной проповѣди, а объ исторической истинѣ часто нѣтъ и помину. Детальный разборъ этой литературы даетъ возможность автору намѣтить какъ тѣ эпохи, которыя особенно слабо въ ней представлены, такъ и желательныя, по его мнѣнію, свойства будущихъ работъ въ этомъ направленіи. Такими свойствами, по мнѣнію автора, къ которому и мы съ своей стороны вполнѣ присоединяемся, должны быть сохраненіе за исторіей ея научнаго характера, ея широкаго и разнообразнаго содержанія и, вмѣстѣ, возможно большая популярность изложенія, вполнѣ приноровленная къ понятіямъ читателей.

Работа г. Рубакина вводитъ насъ уже въ кругъ вопросовъ, если и не прямо педагогическихъ, то во всякомъ случаѣ тѣсно соприкасающихся съ этими послѣдними. Мы и обратимся теперь къ разбору той части содержанія «Историческаго Обозрѣнія», которая касается преподаванія исторіи. Въ статьяхъ, посвященныхъ такого рода те-

мамъ, нашло себѣ мѣсто преподаваніе въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; низшая школа не вошла въ нихъ, за однимъ только исключеніемъ, именно статьи г. Сапожникова («Преподаваніе исторіи въ швейцарскихъ учебныхъ заведеніяхъ», т. III), гдѣ говорится и о постановкѣ исторіи въ низшихъ школахъ Швейцаріи, впрочемъ, лишь очень немного, причемъ главное мѣсто остается все-таки за средними и высшими учебными заведеніями. За-то постановка историческаго преподаванія въ средней школѣ какъ Западной Европы, такъ и Россіи подверглась тщательной разработкѣ въ нѣсколькихъ статьяхъ. Авторъ одной изъ нихъ («Программа историческаго курса въ русскихъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ гимназіяхъ», т. II), г. Беркутъ, разбираетъ именно преподаваніе исторіи въ гимназіяхъ Россіи, Пруссіи, Австріи и Франціи и приходитъ къ весьма любопытнымъ выводамъ. Во всѣхъ названныхъ странахъ оффиціальныя программы признаютъ за исторіей самостоятельное значеніе въ планѣ средняго образованія, полагая въ основу такого признанія взглядъ на исторію, какъ на науку съ собственнымъ содержаніемъ и методомъ. Но въ примѣненіи этого общаго принципа къ практикѣ существуетъ уже весьма серьезная разница между отдѣльными странами, сказывающаяся какъ въ той цѣли, которая намѣчается исторіи въ дѣлѣ образованія юношества, такъ и въ той фактической постановкѣ преподаванія послѣдней, какую она получаетъ въ школѣ. По отношенію къ первой какъ русская, такъ и прусская инструкціи равно выдвигаютъ на первый планъ въ преподаваніи исторіи не столько образовательный, сколько воспитательный элементъ, понимая притомъ послѣдній болѣе внѣшнимъ образомъ. Сообразно этому, въ распоряженіяхъ прусскаго министерства утверждается, что «преподаваніе исторіи должно питать вѣру учащагося въ Верховное руководительство въ дѣлѣ развитія человѣчества и возбудить сознательную любовь къ королю и отечеству», что оно должно вызывать въ ученикахъ «сознаніе того, какъ многаго еще имъ недостаетъ для полнаго пониманія и безошибочнаго сужденія о вещахъ», наконецъ, учителямъ особенно ставится на видъ, что исторія преподается нѣмецкимъ ученикамъ. Всякому русскому преподавателю хорошо извѣстны аналогичныя требованія русской объяснительной записки, ставящія характеръ трактованія историческихъ фактовъ въ тѣсную зависимость отъ этическаго элемента преподаванія, и въ конечномъ своемъ результатѣ сводящіяся къ тому, что учителю предписывается «избѣгать всего, что можетъ произвести тяжелое впечатлѣніе на учениковъ или оскорбить ихъ нравственное чувство» и рекомендуется, наоборотъ, «явленія и событія свѣтлыя излагать болѣе

подробно». Иначе, и притомъ нормальнѣе, поставлено дѣло въ программахъ Австріи и Франціи. Въ нихъ элементъ образовательный рѣшительно выдвинутъ на первый планъ и только въ немъ одномъ усматриваютъ составители программъ возможность воздѣйствія на нравственную сторону учащагося; такое воздѣйствіе явится, быть можетъ, косвеннымъ, по неизбѣжнымъ результатомъ ознакомленія съ сущностью исторической науки, какъ таковой. «Хорошему преподаванію исторіи,—говоритъ австрійская инструкція,—по преимуществу присуща сила нравственнаго воздѣйствія». Что касается путей и средствъ, какими можетъ такое воздѣйствіе достигаться, то на этотъ счетъ съ особенною опредѣленностью и полнотою высказывается французская инструкція. Полная и безусловная правдивость учителя, строгое слѣдованіе его по пути исторической правды, независимо отъ интересовъ партіи, вѣроисповѣданія и національности, вотъ главное средство къ этому. Исторія сама въ себѣ заключаетъ истину, и послѣдняя не должна быть искажаема ни въ какую сторону и ни въ чью пользу, хотя-бы даже въ пользу морали. Согласно съ этимъ, исторія не можетъ учить, будто «добродѣтель всегда награждается, а порокъ наказывается», не можетъ и говорить, «что судьбы народовъ могутъ быть объясняемы или оправдываемы только ихъ доблестями или пороками». «Учитель долженъ быть всегда и прежде всего искрененъ и правдивъ», «его личныя вѣрованія и его патріотизмъ не должны перевѣшивать его абсолютной справедливости». При этомъ, однако, у преподаванія не отнимается всецѣло субъективный и моральный элементъ, напротивъ. «Учитель исторіи,—говоритъ инструкція,—имѣетъ право и даже обязанъ быть моралистомъ», тѣмъ болѣе, что «для сужденія о нравственномъ достоинствѣ людей или ихъ дѣйствій существуютъ общепризнанныя условныя основанія, весьма вѣскія, хотябы метафизическіе базисы морали были и спорны». Такимъ образомъ, различіе между прусской и русской программами съ одной стороны и австрійской и французской — съ другой въ ихъ общемъ взглядѣ на значеніе исторіи въ дѣлѣ средняго образованія можетъ быть сведено къ тому, что двѣ послѣднія программы, въ противоположность первымъ, выдвигаютъ на первое мѣсто образовательный или, говоря словами прусской инструкціи, дидактическій элементъ и только въ полной независимости преподаванія отъ измѣнчивыхъ потребностей текущей жизни видятъ залогъ успѣшнаго нравственнаго воздѣйствія его на учащагося. Не практическая жизнь должна опредѣлять содержаніе науки въ нравственныхъ цѣляхъ, а, наоборотъ, безусловно самостоятельной наукѣ предоставляется возможность вліянія на жизнь.

Совсѣмъ противоположный взглядъ руководилъ организаціей историческаго преподаванія въ Россіи и Пруссіи, и это различіе, само собою, отразилось и на фактической постановкѣ дѣла. Г. Беркутъ въ своей статьѣ разсматриваетъ только двѣ стороны послѣдняго: общее количество времени, отводимаго на преподаваніе исторіи, и распредѣленіе историческаго матеріала по курсамъ, отдѣльнымъ странамъ и разнымъ отдѣламъ исторіи. Не останавливаясь совсѣмъ на первомъ вопросѣ, мы приведемъ по другимъ только важнѣйшіе выводы автора. Въ Пруссіи отечественная исторія вполнѣ заслоняетъ собою всемірную, въ трехъ другихъ странахъ болѣе соблюдена равномѣрность, требующаяся для выработки правильнаго міровоззрѣнія. Что касается отношенія къ различнымъ сторонамъ исторической науки, то здѣсь опять преимущество на сторонѣ Франціи и Австріи. Тогда какъ въ Пруссіи центръ тяжести изложенія все еще всецѣло лежитъ въ политической исторіи, тогда какъ русская объяснительная записка предписываетъ «изъ бытовой исторіи вводить только самыя крупныя явленія», въ австрійской и особенно французской программахъ широкое мѣсто отводится культурной исторіи. Было-бы чрезвычайно любопытно прослѣдить еще примѣненіе всѣхъ этихъ требованій программъ на практикѣ и его результаты; сравненіе послѣднихъ, — а оно возможно, по крайней мѣрѣ, по нѣкоторымъ пунктамъ, — весьма вѣроятно, дало-бы возможность еще болѣе подчеркнуть намѣченныя г. Беркутомъ отличія. Но такое изслѣдованіе не входило уже въ планъ его статьи, которая и безъ такого добавленія во всякомъ случаѣ крайне интересна и поучительна.

Какъ-бы дополненіемъ къ ней служитъ помѣщенная въ V т. «Историческаго Обозрѣнія» статья г. Щепкина «Преподаваніе исторіи въ Англіи въ связи съ судьбами средняго образованія вообще», написанная съ тою-же цѣлью и по тому-же общему плану, что̀ и работа г. Беркута, съ нѣкоторыми измѣненіями, вытекшими изъ самаго существа предмета. Дѣло въ томъ, что въ Англіи нѣтъ ни оффиціальныхъ программъ, ни объяснительныхъ записокъ, благодаря особенностямъ историческихъ судебъ ея средняго образованія; роль программъ въ ней играютъ учебники, и именно тѣ изъ послѣднихъ, которые пользуются наибольшимъ распространеніемъ, а свѣдѣнія о господствующихъ взглядахъ на роль, значеніе и постановку исторіи въ средней школѣ можно почерпнуть скорѣе всего изъ дебатовъ по этимъ вопросамъ въ преподавательскихъ конгрегаціяхъ. На этомъ матеріалѣ и основана работа г. Щепкина, въ которой онъ указываетъ, что основною характерною чертой какъ англійскихъ учебниковъ, такъ и учителей является стрем-

леніе къ научности, которая одна можетъ обезпечить и нравственное вліяніе на учащагося. Въ этомъ отношеніи частныя школы и учителя Англіи ближе всего подходятъ къ французской министерской программѣ.

Свѣдѣнія о постановкѣ исторіи въ западно-европейской средней школѣ находятся еще въ упомянутой уже нами выше статьѣ г. Сапожникова. Въ ней авторъ разсматриваетъ всѣ типы швейцарскихъ учебныхъ заведеній, низшихъ, среднихъ и высшихъ, и говоритъ уже не только о программахъ, но и о результатахъ преподаванія, поскольку послѣдніе обнаруживаются изъ отчетовъ школьныхъ инспекторовъ и изъ экзаменовъ новобранцамъ. Къ сожалѣнію, эта статья, заключающая въ себѣ любопытныя свѣдѣнія, нѣсколько слишкомъ уже схематична и основывается только на оффиціальныхъ отчетахъ, которые одни во всякомъ случаѣ недостаточны для полной картины фактическаго хода историческаго преподаванія и свѣдѣнія которыхъ авторъ часто черезчуръ сокращаетъ и обезличиваетъ, тѣмъ самымъ лишая читателя возможности составить себѣ яркое и полное представленіе о предметѣ. По отношенію къ университетамъ, Цюрихскому, Бернскому и Женевскому, г. Сапожниковъ просто даетъ голый примѣрный перечень читавшихся въ нихъ историческихъ курсовъ, публичныхъ лекцій и практическихъ занятій студентовъ.

Совершенно иной видъ имѣютъ «Очерки современнаго историческаго преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Парижа», составленные гг. Гревсомъ и Погодинымъ и помѣщенные въ V томѣ «Историческаго Обозрѣнія». Это собственно начало очерковъ, имѣющихъ своею цѣлью дать полную, по возможности, картину положенія исторіи въ парижскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Пока мы имѣемъ передъ собою два очерка: «Парижскій историко-филологическій факультетъ въ Сорбоннѣ», составленный г. Гревсомъ, и «Ecole libre des sciences politiques», г. Погодина. Подробное и обстоятельное изложеніе, указаніе общихъ характерныхъ чертъ въ постановкѣ историческаго преподаванія во Франціи, живыя характеристики отдѣльныхъ профессоровъ, соединенныя съ описаніемъ способовъ ихъ чтеній и занятій со студентами»—все это придаетъ «очеркамъ» большой интересъ для всякаго, занятаго судьбами исторіи, какъ предмета высшаго образованія, и незнакомаго лично съ названными учрежденіями.

Какъ въ тѣхъ статьяхъ, которыя мы указывали выше по вопросамъ преподаванія исторіи въ средней школѣ, имѣются уже и нѣкоторыя общія пожеланія насчетъ той или иной его постановки, такъ

и по отношенію къ исторіи въ университетѣ мы встрѣчаемся съ такими-же пожеланіями, на этотъ разъ уже въ особой, спеціально этому вопросу посвященной статьѣ проф. Карѣева «Всеобщая исторія въ университетѣ» (т. III), представляющей собою лекцію, которая была прочитана авторомъ студентамъ-филологамъ въ видѣ вступленія въ общій курсъ новой исторіи въ 1891 г. Указывая на то, что положеніе средней и новой исторіи въ общемъ курсѣ филологическаго факультета сильно измѣнилось въ послѣднее время, когда она изъ обязательнаго предмета обратилась для неспеціалистовъ въ лучшемъ случаѣ въ «рекомендуемый», проф. Карѣевъ отмѣчаетъ затѣмъ тотъ фактъ, что среди самихъ студентовъ подчасъ проявляется слишкомъ мало заботы объ общемъ образованіи, одною изъ главныхъ частей котораго является и всеобщая исторія. Пренебрежительное отношеніе къ послѣдней чаще всего вытекаетъ изъ двухъ мотивовъ: или изъ ранняго стремленія къ научной спеціализаціи, или изъ одностороннняго націонализма, заставляющаго отказываться отъ знанія того, что не относится къ своей національности, какъ отъ ненужнаго. Авторъ вскрываетъ всю несостоятельность разсужденій того и другого рода. «Крайняя спеціализація, оторванная отъ почвы общеобразовательныхъ элементовъ науки, по его словамъ,—вообще можетъ быть только хилымъ и искривленнымъ растеніемъ, дающимъ плоды довольно сомнительнаго достоинства; это сказывается не только тогда, когда въ каждой наукѣ изслѣдуется что-либо частное безъ всякаго отношенія къ тому общему, какое представляетъ собою наука, но даже и въ томъ случаѣ, если и цѣлая наука отгораживается китайской стѣной отъ другихъ наукъ. Чтобы сознательно относиться къ своей наукѣ, необходимо понимать ея мѣсто и значеніе среди другихъ наукъ, представлять себѣ ясно, что она имъ можетъ дать и что дать ей онѣ могутъ, особенно-же видѣть постоянно ту связь, какая существуетъ между нею и науками ей близкими и родственными». Возражая противъ узко-націоналистическаго взгляда, въ силу котораго русскій историкъ можетъ и не заниматься всеобщей исторіей, авторъ замѣчаетъ: «нельзя, конечно, сразу не обнаружить наивности такого мнѣнія посредствомъ редукціи его ad absurdum: вѣдь, въ сущности, тутъ проповѣдуется та мысль, что самымъ лучшимъ спеціалистомъ по русской исторіи можетъ быть только тотъ, кто совсѣмъ лишенъ общаго историческаго образованія». Не слѣдуя за авторомъ въ его детальныхъ доказательствахъ и развитіи приведенныхъ общихъ положеній, мы хотѣли-бы отмѣтить еще взглядъ его на положеніе исторіи въ университетѣ, какъ оно опредѣляется развитіемъ самой науки. Указавъ на вполнѣ уже почти со-

*

вершившуюся эманципацію исторіи отъ филологіи, проф. Карѣевъ прибавляетъ, что «новѣйшія ея (исторіи) направленія имѣютъ теперь даже гораздо больше точекъ соприкосновенія съ науками юридическаго факультета, чѣмъ съ филологіей». «Съ тѣхъ поръ,—продолжаетъ онъ,—какъ юристы и экономисты стали исторически изучать явленія права и народнаго хозяйства, а историки, въ свою очередь, включили эти явленія, столь чуждыя интересамъ чистой филологіи, въ число предметовъ своего изученія, историческая наука уже не можетъ оставаться принадлежностью одного нашего факультета, и историкъ не можетъ болѣе опираться на одно филологическое образованіе. Исторія сближаетъ оба факультета и, можно сказать, возвышается надъ односторонностью каждаго»... Изъ констатированнаго такимъ образомъ факта авторъ дѣлаетъ далѣе и выводъ, могущій имѣть непосредственное практическое значеніе: «можно,—говоритъ онъ,—вообразить себѣ нѣкоторое такое общее образованіе, которое, будучи одинаково необходимо и пригодно какъ для филологіи, такъ и для юриста, сливало-бы оба эти факультета въ одинъ факультетъ гуманныхъ и соціальныхъ наукъ съ разными спеціальными отдѣленіями: историко-филологическія знанія, нужныя для юриста, и юридическія знанія, нужныя для филолога, и составляли-бы изъ себя то, что должно было-бы лечь въ основу общаго гуманно-соціальнаго образованія». Мы, съ своей стороны, вполнѣ присоединяясь къ мнѣнію уважаемаго профессора, склонны были-бы еще усилить и подчеркнуть въ немъ элементъ пожеланія. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе исторіи въ университетѣ представляется въ данное время не совсѣмъ нормальнымъ не только по тому черезчуръ малому вниманію, которое обращено на нее въ общемъ факультетскомъ курсѣ, но и по той, становящейся уже чисто насильственной связи, какая существуетъ между нею и нѣкоторыми другими факультетскими науками, и по тому искусственному разобщенію, какое создано въ стѣнахъ университета между нею и родственными ей науками юридическаго факультета. Сообразно этому и реформа должна пойти именно въ этихъ двухъ направленіяхъ и не можетъ ограничиться ни возстановленіемъ прежняго порядка, ни предѣлами одного факультета.

Мы перечислили всѣ собственно историческія и посвященныя вопросамъ преподаванія исторіи статьи «Историческаго Обозрѣнія», но этимъ далеко не исчерпали еще всего заключающагося въ немъ матеріала, въ полномъ своемъ видѣ дающаго возможность представить себѣ довольно ясную и почти лишенную пробѣловъ картину положенія исторіи какъ науки и какъ предмета преподаванія въ нашемъ отече-

ствѣ и отчасти за предѣлами его. Мы находимъ здѣсь разнообразныя и богатыя свѣдѣнія объ ученыхъ обществахъ, посвящающихъ свои силы исторіи, начиная отъ подробной статьи Л. И. Нестроева объ «Историческомъ обществѣ лѣтописца Нестора въ Кіевѣ» (т. II), выдающейся наглядностью и строгою стройностью своего изложенія, и кончая мелкими замѣтками, находимъ регулярно ведущійся отдѣлъ о преподаваніи исторіи во всѣхъ русскихъ университетахъ, о публичныхъ лекціяхъ по исторіи въ разныхъ городахъ, о составѣ преподавательскаго персонала университетовъ и т. д. и т. д. Въ протоколахъ Общества, печатающихся во второмъ отдѣлѣ сборника, помѣщаются резюме всѣхъ рефератовъ, въ томъ числѣ и по педагогическимъ вопросамъ, и преній по нимъ (Всего за полтора года, съ 7-го ноября 1890 года по 28-е марта 1892 г. въ Обществѣ прочитано было 32 реферата, изъ нихъ 7, то-есть болѣе пятой части, по вопросамъ преподаванія исторіи; съ конца 1891 г. при Обществѣ образовалась особая историко-педагогическая секція, избравшая въ предсѣдатели своего бюро Н. И. Карѣева и въ товарищи предсѣдателя—Я. Г. Гуревича). Помимо того, въ «Историческомъ Обозрѣніи» печатаются еще и чрезвычайно интересные протоколы засѣданій Московскаго историко-педагогическаго кружка, поставившаго своей цѣлью выработку нормальной программы и учебника исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній *). Мы вынуждены теперь ограничиться простымъ указаніемъ на эти матеріалы: рецензія наша и такъ уже черезчуръ разрослась, и мы боимся злоупотребить вниманіемъ читателя. Быть можетъ, одинъ изъ слѣдующихъ томовъ «Историческаго Обозрѣнія» дастъ намъ поводъ и возможность возвратиться къ вопросамъ, возбуждаемымъ этими матеріалами, пока же подведемъ итогъ всему сказанному. «Историческое Обозрѣніе» пока еще не достигло того положенія центральнаго органа исторической науки въ Россіи, которое для него указывали въ идеалѣ нѣкоторые члены Общества при самомъ началѣ изданія и котораго желалъ для него самъ редакторъ. Для этого ему нужны еще нѣкоторыя усилія, нужна большая систематизація содержанія, упроченіе и развитіе нѣкоторыхъ отдѣловъ, нужна, весьма вѣроятно, болѣе энергическая работа со стороны болѣе значительнаго числа членовъ Общества. Но уже и теперь, при наличныхъ условіяхъ, «Историческое Обозрѣніе» является единственнымъ серьезнымъ и строго-научнымъ обще-историческимъ изданіемъ въ Россіи, а постоянное трак-

*) Названныя нами выше статьи гг. Беркута и Щепкина принадлежатъ къ числу рефератовъ, читанныхъ въ Московскомъ кружкѣ.

тованіе на его страницахъ вопросовъ преподаванія исторіи и широкая постановка этихъ вопросовъ должны обезпечить ему вниманіе и педагогическаго міра. Существованіе и дальнѣйшее развитіе такого изданія является дѣломъ чрезвычайно важнымъ въ интересахъ русской науки и русской школы. **В. М.**

Ежегодникъ. Опытъ обзора книгъ для народнаго чтенія. 1891 г. Изданіе Московскаго Комитета грамотности. М. 1893 г. Цѣна 15 коп.

Въ предисловіи къ этому изданію говорится: «Ежегодно выходитъ въ свѣтъ большое количество народныхъ изданій, но среди этого обилія книгъ только очень немногія принадлежатъ къ числу удовлетворительныхъ. Для лицъ, интересующихся народной литературой, весьма трудно разобраться во всей массѣ находящихся въ продажѣ книгъ этого рода. Эту задачу и взялъ на себя Комитетъ грамотности, предпринявъ ежегодное изданіе обзора книгъ для народнаго чтенія». Такъ опредѣляется составителями цѣль изданія «Ежегодника». Далѣе предисловіе не оставляетъ читателя въ неизвѣстности и относительно тѣхъ средствъ, которыя были въ распоряженіи составителей названнаго изданія, такъ какъ черезъ нѣсколько строкъ мы читаемъ: «Составленіе ежегоднаго обозрѣнія народной литературы Комитетъ грамотности поручилъ особой коммиссіи (библіотечной). Библіотечная коммиссія состоитъ изъ 70 лицъ, дѣлящихся по спеціальнымъ предметамъ на 8 группъ. Каждая книжка обсуждалась въ соотвѣтствующей группѣ, и результатомъ этого обсужденія являлись отзывы о книгахъ, занесенныхъ въ предлагаемый каталогъ. Такой коллективный характеръ работы казался наиболѣе желательнымъ, такъ какъ до нѣкоторой степени гарантировалъ отзывы о книгахъ отъ излишней рѣзкости, односторонности и пристрастности».

Мы сдѣлали эту выписку, чтобы показать читателю, какими богатыми средствами располагалъ Комитетъ, издавая «Ежегодникъ»: 70 человѣкъ, раздѣленныхъ на 8 группъ, работало ($1^1/_2$ года, прибавимъ отъ себя) надъ составленіемъ этой книжки (107 стр. въ 16-ую долю)! Обратимся теперь къ самой книжкѣ и посмотримъ, насколько она удовлетворяетъ своему назначенію и оправдываетъ тѣ надежды, которыя въ правѣ возлагать на нее всякій, прочитавшій приведенныя мѣста изъ предисловія.

Прежде всего, читателя непріятно поражаетъ въ «Ежегодникѣ» отсутствіе не только системы въ расположеніи разбираемыхъ книжекъ того или другого отдѣла, но даже и оглавленія, такъ что для оты-

сканія отзыва о нужной книжкѣ приходится перелистывать весь «Ежегодникъ». Такое неудобство сразу бросается въ глаза, и мы положительно отказываемся объяснить себѣ это простымъ недосмотромъ. Составителями, вѣроятно, преслѣдовалась какая-нибудь опредѣленная цѣль; можетъ быть, ими руководило желаніе, чтобы всякій, кому попадется эта книга въ руки, непремѣнно прочиталъ ее отъ доски до доски, а не ограничивался-бы однимъ отысканіемъ нужнаго отзыва по оглавленію. Такой пріемъ, можетъ быть, дѣйствуетъ и воспитательно на легкомысленнаго читателя, но онъ, думается намъ, едва-ли можетъ имѣть мѣсто въ такихъ солидныхъ изданіяхъ, какъ обзоръ народной литературы, который ужъ несомнѣнно предназначается не для любопытства празднаго читателя, а для людей, серьезно интересующихся даннымъ вопросомъ. Но, можетъ быть, отмѣченный нами недостатокъ, хотя и очень крупный самъ по себѣ, относится къ внѣшней сторонѣ изданія и съ избыткомъ искупается существенными внутренними достоинствами труда? Обращаясь къ этой сторонѣ «Ежегодника», прежде всего приходится остановиться на тѣхъ отзывахъ, которые, по своей краткости и безцвѣтности, не даютъ никакого представленія о разбираемой книжкѣ и являются, такимъ образомъ, совершенно ненужнымъ балластомъ.

Такихъ отзывовъ изъ 501, помѣщенныхъ въ «Ежегодникѣ», мы насчитали болѣе 100. Чтобы не быть голословными, приводимъ здѣсь на выдержку нѣсколько изъ нихъ.

Названіе книжекъ.	Отзывъ въ «Ежегодникѣ».
«Безъ труда нѣтъ и плода». Изд. 6-е М. 1891 г. in 32 стр., ц. 1 к.	Очень содержательное разсужденіе; но изложеніе весьма тяжелое и неудобопонятное для простого читателя. Стр. 16-я.
«Много-ли человѣку земли нужно?» Л. Н. Толстого. Изд. Іогансона. Кіевъ 1891 г. in 32°, 32 стр., ц. 3 коп.	Художественно написанный, полный живого интереса разсказъ. Стр. 29-я.
«Роковой кладъ». Повѣсть Сѣтковой. Съ картинкою. Изд. 3-е Пост. Ком. Нар. Чт. Спб. 1891 г. in 8° 72 стр., ц. 15 коп.	Нравоучительный разсказъ, построенный крайне искусственно. Стр. 40-я.
«Гаргантуа - великанъ». Изд. Щеглова. М. 1891 г. in 8°, 8 стр., 6 карт., ц. 10 коп.	Нелѣпое сокращеніе извѣстнаго романа. Весь интересъ утраченъ. Стр. 42.
«Правдивая повѣсть о томъ,	Разсказъ довольно занимател-

какъ львица воспитала царскаго сына». И. И—на. Изд. Губанова. М. 1891 г. in 18°, 108 стр., ц. 5 коп.

ный и безвредный, но изданіе крайне небрежно и изложеніе малограмотно. Стр. 61-я.

Ѳ. Ѳ. Пуцыковичъ: «Вокругъ насъ». Элементарныя свѣдѣнія изъ міровѣдѣнія. Спб. 1891 г. in 8°, 92 стр., ц. 35 коп.

Книжка касается всѣхъ отдѣловъ естествознанія. Частью поэтому, частью по винѣ автора, страдаетъ поверхностностью и мѣстами суха и скучна. Неточности и промахи нерѣдки. Стр. 86-я.

Мы могли-бы продолжать эти выписки и дальше, но, думаемъ, что и этихъ вполнѣ достаточно, чтобы убѣдиться, насколько блѣдны упомянутые нами 100 слишкомъ отзывовъ.

Отличительною чертою остальныхъ четырехсотъ отзывовъ служитъ отсутствіе какого-бы то ни было опредѣленнаго плана: здѣсь, что ни отзывъ, то новая точка зрѣнія, новый планъ; такъ, въ одномъ отзывѣ излагается содержаніе книги (всегда, впрочемъ, кратко, въ нѣсколькихъ словахъ), въ другомъ говорится о языкѣ, въ третьемъ—о шрифтѣ изданія, въ четвертомъ—о дешевизнѣ, въ пятомъ—о числѣ рисунковъ и т. д.—все новыя и новыя точки зрѣнія. Что касается пригодности книжки для того или другого возраста читателя, то эта сторона, самая важная въ справочной книгѣ, въ «Ежегодникѣ» почти совсѣмъ отсутствуетъ. Такой пріемъ крайне неудобенъ въ томъ отношеніи, что, характеризуя книжку съ одной, много съ двухъ сторонъ, не даетъ яснаго и опредѣленнаго понятія о ней, что, несомнѣнно, дѣлаетъ «Ежегодникъ» мало полезнымъ въ качествѣ справочной книги при выборѣ матеріала для народнаго чтенія.

Встрѣчаются въ «Ежегодникѣ» и такіе отзывы, въ которыхъ упоминается, будетъ-ли данная книга понятна и интересна для простого читателя; но судить объ этомъ, конечно, можетъ только самъ читатель, наши-же разсужденія по этому вопросу всегда будутъ гадательны. Мы понимаемъ такіе отзывы въ книгѣ: «Что читать народу?», ибо тамъ говоритъ объ этомъ именно самъ читатель, тогда какъ въ «Ежегодникѣ» заключенія по этому вопросу даютъ сами составители, основываясь на своихъ личныхъ взглядахъ, едва-ли всегда сходныхъ со взглядами простого читателя.

Отмѣченные выше недостатки «Ежегодника», какъ справочной книжки, выкупались-бы въ значительной степени тѣмъ, если-бы составители, занося данную книгу на страницы «Ежегодника», упоми

нали въ то-же время и о другихъ отзывахъ, если таковые имѣются о ней въ нашей періодической печати. Но и эта сторона дѣла совершенно упущена.

Вообще, чѣмъ больше знакомишься съ «Ежегодникомъ», коллективнымъ трудомъ 70-ти составителей, тѣмъ менѣе становится понятнымъ вопросъ о цѣли его. Можетъ быть, «Ежегодникъ» ставитъ своею задачею изученіе вопроса о народной литературѣ въ данный моментъ? Но, въ такомъ случаѣ, почему-же въ немъ нѣтъ руководящихъ статей по тѣмъ или другимъ отдѣламъ, гдѣ имѣлись-бы выводы и заключенія, къ которымъ приходятъ составители по вопросамъ о направленіи и развитіи народно-книжнаго дѣла? Ничего подобнаго въ «Ежегодникѣ» нѣтъ. Повторяемъ, всѣ 107 страницъ наполнены сухими, безжизненными отзывами, ничего не говорящими ни уму, ни сердцу читателя.

Мы долго не кончили-бы нашего разбора, если-бы обратились къ перечисленію тѣхъ курьезовъ, которые имѣются въ «Ежегодникѣ», въ родѣ того, напримѣръ, что извѣстная сказка Вагнера «Телепень» признана негодною для дѣтскаго чтенія, тогда какъ «Солдатъ Яшка» получилъ одобрительный отзывъ, но, полагаемъ, и приведеннаго достаточно, чтобы признать «Ежегодникъ» скорѣе плодомъ печальнаго недоразумѣнія, чѣмъ «опытомъ обзора книгъ для народнаго чтенія». Будемъ надѣяться, что слѣдующіе выпуски этого изданія не будутъ похожи на этотъ *первый* опытъ и окажутся достойными носить имя такого солиднаго учрежденія, какъ Московскій Комитетъ грамотности.

N. N.

Желиховская, В. За приключеніями. Счастливецъ. Изданіе Девріена. С.-Петербургъ. 1893 г. Ц. 1 р. 75 коп.

Въ книгѣ двѣ повѣсти: первая пригодна для дѣтей старшаго возраста, вторая-же только для юношества. Обѣ повѣсти носятъ на себѣ характеръ большей части произведеній г-жи Желиховской: множество лицъ, масса событій и фактовъ, исключительность обстановки, въ которой живутъ дѣйствующія лица, старанія сообщить попутно массу знаній, хорошая тенденція, бойкій языкъ, и въ результатѣ—спутанность и блѣдность общаго впечатлѣнія отъ книги. Повѣсть «За приключеніями» имѣетъ своими героями четырехъ мальчиковъ—русскаго, грузина, татарина и нѣмца, живущихъ въ Тифлисѣ. Они отправляются въ горы—къ знакомымъ, но, не заставъ ихъ дома, рѣшаются воспользоваться свободнымъ днемъ и предпринимаютъ прогулку, во время которой и испытываютъ различныя приключенія: блуждаютъ по лѣсу,

переѣзжаютъ въ бродъ рѣчку, причемъ одинъ изъ нихъ падаетъ въ воду и не погибаетъ только благодаря самоотверженію товарища. Далѣе, они совершенно случайно попадаютъ въ заброшенный монастырь, о которомъ уже раньше слышали много легендъ. Здѣсь одинъ изъ героевъ, крайне экзальтированный мальчикъ, видитъ различныя видѣнія, подъ вліяніемъ которыхъ схватываетъ нѣчто въ родѣ нервной горячки. Товарищи, въ тревогѣ, не знаютъ—какъ быть съ больнымъ въ совершенно пустынномъ и незнакомомъ мѣстѣ. Но на выручку имъ является совершенно неожиданно отставной служивый, который помогаетъ имъ донести на носилкахъ больного товарища до ближайшаго помѣстья. Владѣлецъ этого помѣстья оказывается знакомымъ отца больного мальчика; онъ вызываетъ телеграммою его родителей, призываетъ доктора и—все кончается благополучно.

Въ повѣсти «Счастливецъ» проводится идея, что истинно хорошій человѣкъ не ожесточается ни отъ какихъ преслѣдованій судьбы. Юноша и молодая дѣвица убѣждены, что лишь обстоятельства дѣлаютъ людей добрыми или злыми, и что добрыми могутъ быть только счастливые. Чтобъ доказать молодымъ людямъ ложность ихъ убѣжденій, мать юноши заставляетъ своего стараго родственника разсказать имъ свою жизнь. Этого старика молодые люди очень любятъ, знаютъ его доброту и увѣрены, что онъ счастливецъ. Повѣсть собственно и состоитъ изъ разсказа старика. Безталанному (подъ такимъ именемъ скрываетъ старикъ свою настоящую фамилію) пришлось перенести рядъ самыхъ тяжелыхъ испытаній: нищету, жизнь съ пьянымъ вотчимомъ, разлуку съ любимой матерью. Едва онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, какъ мать умерла. Юноша отдался всею душой воспитанію своихъ сестеръ, но его старанія не увѣнчались успѣхомъ: старшая убѣжала заграницу и тамъ утопилась, вторая вышла замужъ за очень дурного человѣка и умерла, братъ былъ убитъ на дуэли. Черезъ нѣсколько лѣтъ самъ Безталанный женился по любви, но скоро потерялъ и жену, и дѣтей. И вотъ, онъ остался одинокимъ, но все-таки, несмотря на всѣ удары судьбы, неизмѣнно добрымъ и отзывчивымъ на все хорошее человѣкомъ.

Этотъ разсказъ трогаетъ молодыхъ людей до слезъ и имъ приходится признаться въ ошибочности своего мнѣнія.

Таково содержаніе этой, сравнительно небольшой, повѣсти (52 стр.). Впечатлѣнія сильнаго она, какъ и первая, не производитъ, потому что содержаніе ея слишкомъ искусственно и образы блѣдны. Но все-же, не смотря на эти недостатки, обѣ повѣсти г-жи Желиховской прочтутся не безъ интереса и пользы.

М. Васильевъ. «Гурьбой!» Разсказы и сказки для маленькихъ дѣтей. Съ 25-ю рисунками въ текстѣ. Изданіе М. В. Клюкина. Стр. 84. С.-Петербургъ. 1893 г. Ц. 35 к.

Книга г. Васильева не отличается ни особенно интереснымъ содержаніемъ, ни яркостью изложенія, но въ ней нѣтъ ничего и дурного, нежелательнаго для дѣтскаго чтенія. Нѣкоторые разсказы, недурны по мысли. Въ одномъ мальчикъ вытаскиваетъ изъ проруби товарища, который за нѣсколько минутъ передъ этимъ обидѣлъ, прибилъ его. Въ другомъ, «Въ перелѣскѣ», мальчикъ спасаетъ отъ разоренія гнѣздо дрозда. Этотъ-же мотивъ любви къ животнымъ встрѣчается и еще въ одномъ разсказѣ. «Какъ завелись канарейки на Руси», вѣроятно, заинтересуетъ дѣтей такъ же, какъ «Въ лѣсу у медвѣдей», гдѣ разсказывается, какъ мальчикъ прожилъ цѣлое лѣто въ берлогѣ медвѣдицы. «Легенда о старцѣ Варсонофіи», который въ наказаніе за жадность былъ обращенъ въ каменный столбъ при дорогѣ, отличается отъ другихъ разсказовъ Сборника по языку, поддѣлывающемуся подъ языкъ сказаній.

Въ общемъ, книгу эту смѣло можно дать маленькимъ дѣтямъ, тѣмъ болѣе, что она напечатана крупнымъ шрифтомъ и содержитъ 25 картинокъ въ текстѣ.

«На Рождество». Сборникъ разсказовъ *А. К. Розальонъ-Сошальской*. Спб. 1892. Ц. 80 к.

Разсказы, помѣщенные въ сборникѣ, не связаны между собой ничѣмъ, никакого единства въ планѣ или характерѣ статей нѣтъ. Всѣ пять разсказовъ сборника болѣе или менѣе интересны по содержанію, симпатичны по мысли и изложены хорошимъ языкомъ. Два изъ нихъ— съ болѣе серьезнымъ содержаніемъ, а именно: «Городъ игрушекъ»— біографическій разсказъ, рисующій дѣтство Франца Венцеля, перваго рѣзчика знаменитыхъ нюренбергскихъ игрушекъ, и «Молодой эскимосъ»—очень интересный этнографическій очеркъ, изложенный отъ лица молодого эскимоса Мортуно. Остальные три разсказа рисуютъ обыденную дѣтскую жизнь. Въ разсказѣ «Коньки» счастливецъ гимназистъ Ѳедя получаетъ отъ дяди въ подарокъ настоящіе англійскіе коньки, составлявшіе предметъ мечтаній его товарищей и всѣхъ мальчиковъ города. Этотъ подарокъ вредно вліяетъ на мальчика и заставляетъ его измѣниться къ худшему, породивъ въ немъ тщеславіе, желаніе похвастаться, порисоваться, и равнодушное отношеніе къ тѣмъ бѣднякамъ, которые совсѣмъ не могутъ пользоваться коньками и ко-

торыхъ онъ, однако, прежде искренно сожалѣлъ. Но хорошая натура мальчика только временно поддалась дурному чувству. Ѳедя захворалъ, онъ не можетъ больше кататься и съ радостью уступаетъ свои коньки бѣдному сосѣду Ванѣ съ тѣмъ, чтобы тотъ отдавалъ ихъ въ свою пользу на прокатъ. «Сестра Катя»—разсказъ о лѣнивомъ, безпечномъ мальчикѣ, который твердо рѣшилъ и съумѣлъ исправиться, услыхавъ, какъ сокрушалась о своемъ неумѣньѣ воспитать брата сестра его Катя, плача объ этомъ на могилѣ матери, взявшей съ нея слово заботиться о младшихъ дѣтяхъ.

Лучше этихъ двухъ, нѣсколько дѣланныхъ, разсказовъ «День шалуна», живо рисующій проказы безшабашнаго, на первый взглядъ—безсердечнаго мальчика, который, однако, не смотря на всю свою легкомысленность, вполнѣ честенъ, искрененъ и готовъ лучше идти на встрѣчу суровому наказанію, чѣмъ обмануть строгаго, но справедливаго отца.

Въ общемъ, книжка производитъ хорошее впечатлѣніе и хотя не отличается особенною яркостью и выдающимися достоинствами, но заинтересуетъ дѣтей и прочтется ими съ удовольствіемъ.

А. Ѳ. Соколовъ. Азбука русская и церковно-славянская. Изд. 2-е. М. 1893. Ц. 20 к.

— **Методическое руководство къ азбукѣ русской и церковно-славянской въ подробныхъ примѣрныхъ урокахъ.** Изд. 2-е. М. 1893. Ц. 25 к.

«Прохожденіе азбуки» предваряется у г. Соколова «подготовительными занятіями къ чтенію и письму». Авторъ, который вообще держится строго практическаго направленія и всячески старается экономизировать время, на первыхъ-же порахъ замѣчаетъ, что «весьма важно ни разу не допустить, какъ при письмѣ, такъ и при линеваніи, держать грифель неправильно, ибо въ эту пору обученія привычка весьма скоро пріобрѣтается ученикомъ и потомъ только съ большимъ трудомъ можетъ быть искоренена. Поэтому въ первыя недѣли обученія учитель каждый разъ при начинаніи учениками линеванія или письма долженъ досматривать, правильно-ли ученики держатъ какъ свой корпусъ, голову, руки, ноги, такъ и правильно-ли они держатъ въ пальцахъ орудіе письма (грифель, карандашъ, перо)». Собственно азбука изучается болѣе или менѣе въ такомъ порядкѣ: сначала разлагаются слова и выдѣляются звуки, затѣмъ идетъ показываніе печатной азбуки, называніе отдѣльныхъ печатныхъ буквъ, чтеніе пе-

чатныхъ словъ, письмо той или другой буквы, подъ тактъ, письмо подъ диктовку нѣсколькихъ словъ съ *еромъ* и безъ *ера* на концѣ, называніе отдѣльныхъ письменныхъ буквъ и чтеніе словъ, напечатанныхъ прописью и т. д. «Самостоятельныя письменныя работы учениковъ,—говоритъ авторъ,—во время изученія ими азбуки имѣютъ цѣлью—доставить дѣтямъ упражненіе не только въ письмѣ, но и въ чтеніи, ибо для сознательнаго выполненія предлагаемыхъ имъ работъ, имъ придется читать и вникать въ читаемое. Эти работы особенно желательны въ такой школѣ, гдѣ учитель вынужденъ заниматься одновременно съ тремя отдѣленіями». Темы «для самостоятельныхъ работъ» подобраны самыя несложныя, довольно однообразныя и общепринятаго содержанія. Къ церковно-славянской азбукѣ ученики у г. Соколова, уже не мало поработавшаго надъ методикою обученія церковно-славянскому языку, переходятъ немедленно вслѣдъ за окончаніемъ русской. Внѣшность азбуки и руководства къ ней вполнѣ удовлетворительная.

А. Н.

Обозрѣніе иностранныхъ педагогическихъ журналовъ.

Вопросы текущей жизни англійской школы.

(Journal of Education. June — December 1892 *).

Никогда еще въ Англіи не было кабинета, въ которомъ министры имѣли-бы такую почетную извѣстность въ наукѣ или литературѣ, какъ въ теперешнемъ кабинетѣ Гладстона. Есть всѣ основанія надѣяться, что въ ближайшіе годы въ этой странѣ совершатся крупныя перемѣны къ лучшему во всѣхъ сферахъ жизни, такъ какъ дѣло реформы имѣетъ много преданныхъ сторонниковъ во всѣхъ слояхъ общества.

Однимъ изъ признаковъ вниманія Гладстона къ дѣлу народнаго образованія служитъ приглашеніе имъ Акланда въ составъ министерства съ правомъ голоса въ кабинетѣ министровъ—честь, которой передъ этимъ удостоилъ въ 70-хъ годахъ тотъ-же Гладстонъ знаменитаго Форстера, положившаго съ 1871 г. начало организаціи обязательнаго и дарового народнаго образованія въ Англіи. Впрочемъ, Акландъ **) считается лишь вице-президентомъ совѣта по народному образованію, президентомъ назначенъ лордъ Кимберлей (Kimberley), но ему-же порученъ секретаріатъ (министерство) по дѣламъ Индіи,— обязанность, которая поглотитъ все его время, такъ что фактическимъ

---

*) См. «Русскую Школу» 1893 г. № 2.

**) Имя Акланда тѣсно связано съ движеніемъ къ распространенію университетскаго образованія, а также съ реформами въ области образованія техническаго. Незадолго до назначенія на занимаемый имъ нынѣ постъ, онъ, вмѣстѣ съ шестью другими выдающимися политическими и литературными дѣятелями, выпустилъ книгу «Studies in secondary education», о которой, въ особенности о части ея, написанной самимъ Акландомъ, англійскіе журналы дали самые сочувственные отзывы. Вообще онъ извѣстенъ какъ ревнитель народнаго просвѣщенія и знатокъ школьнаго дѣла, уже не разъ доказавшій справедливость такой своей репутаціи какъ въ парламентѣ, такъ и внѣ его. Благодаря всему этому, онъ и приглашенъ Гладстономъ на мѣсто вице-президента совѣта по народному образованію.

президентомъ будетъ, конечно, Акландъ. Въ привлеченіи-же Акланда въ составъ кабинета англичане справедливо видятъ ручательство, что недалеко время, когда, наконецъ, и Англія, подобно другимъ европейскимъ государствамъ, будетъ имѣть вполнѣ организованное министерство народнаго просвѣщенія.

Мы уже знаемъ, однако, что отсутствіе такого министерства не мѣшаетъ нисколько Англіи быть одной изъ наиболѣе образованныхъ странъ въ мірѣ и затрачивать десятки милліоновъ на народное образованіе. Чутко прислушиваясь къ требованіямъ общественнаго мнѣнія, и консервативная, и либеральная партіи одна передъ другой стараются сдѣлать все возможное, лишь-бы не терять обоими ими дорого цѣнимой нравственной поддержки общественнаго мнѣнія. Справедливо выражается редакція «Jurnal of Education», говоря, что даже такому дѣятелю, какъ Акландъ, трудно превзойти своего консервативнаго предшественника Хартъ Дайка (Hart Dyke), который въ теченіе своего управленія Совѣтомъ по народному образованію окончательно огранизовалъ даровое начальное образованіе, уничтожилъ въ высшей степени вредную систему субсидій частнымъ школамъ лишь по результатамъ экзаменовъ учениковъ, производимыхъ инспекторами народнаго образованія *), положилъ, наконецъ, основаніе организаціи техническаго образованія, не говоря уже о другихъ, менѣе важныхъ реформахъ.

Послѣ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, волнующихъ общественное мнѣніе въ Англіи, едва-ли не болѣе всего интереса возбуждаетъ вопросъ о среднемъ (secondary) образованіи. Англичане справедливо говорятъ, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ среднее образованіе имѣетъ даже больше правъ на вниманіе общества, чѣмъ образованіе низшее, такъ какъ въ средней школѣ формируются умы и характеры молодыхъ людей, которые, ставъ взрослыми, уже въ силу одного своего происхожденія, въ большинствѣ случаевъ, займутъ руководящія роли во всѣхъ отрасляхъ государственной и общественной жизни. Наконецъ, первостепенное значеніе, какое получилъ въ Англіи вопросъ о средней школѣ, лишь подтверждаетъ высказанную нами уже однажды мысль, что Европа начинаетъ жить общей жизнью, и

---

*) Эта система, такъ-называемая «payment by results», существовала въ Англіи съ 1861 г. и всегда вызывала рѣзкія нападки со стороны учителей и всѣхъ истинныхъ друзей просвѣщенія, понимавшихъ, какъ вредно сводить всю систему обученія къ приготовленію къ экзамену и, что самое главное, наталкивать на этотъ путь учителей, поставивъ ихъ матеріальныя выгоды въ зависимость отъ успѣховъ учениковъ на экзаменахъ.

что чѣмъ дольше, тѣмъ меньше будетъ основанія удивляться, находя вездѣ одни и тѣ-же «жгучіе вопросы». По мнѣнію «Journal of Education», «жгучіе вопросы» изъ области школьной жизни въ Англіи въ настоящее время слѣдующіе: вопросы объ умѣстности греческаго языка въ среднеобразовательной школѣ, вопросы о техническомъ образованіи, объ экзаменахъ, объ отношеніи государства къ школѣ вообще, наконецъ, вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ способѣ оказывать матеріальную поддержку бѣднымъ, но даровитымъ юношамъ изъ низшихъ классовъ населенія, чтобы они могли продолжить свое образованіе и чтобы дарованія ихъ не погибли безплодно для нихъ самихъ и для страны.

Обозрѣвая содержаніе перваго полугодія названнаго журнала, мы ничего не сказали объ одной статьѣ объ учителяхъ, помѣщенной въ первомъ-же нумерѣ, а такъ какъ мы находимъ ее достойною вниманія, то и начинаемъ наше настоящее обозрѣніе именно съ этой статьи.

«Въ теченіи нынѣшняго столѣтія,—говоритъ авторъ ея, Уэлсъ (Wells),—накопилась весьма почтенная по своимъ размѣрамъ литература о дѣтяхъ и о ихъ воспитаніи. Учителя, читающіе книги по педагогикѣ, понимаютъ достаточно ясно, что разумѣютъ писатели при сравненіи ребенка съ растеніемъ *). Въ ребенкѣ мы имѣемъ дѣло не съ инертной матеріей, но съ живымъ существомъ,—читаемъ мы обыкновенно въ педагогическихъ статьяхъ; мы присутствуемъ при развитіи живого существа,—развитіи, совершающемся по извѣстнымъ непреложнымъ законамъ, которое мы можемъ наблюдать, на которое мы можемъ даже влiять, но общее направленіе котораго мы измѣнить не можемъ. Внутренняя и основная причина развитія и роста лежитъ въ самомъ ребенкѣ, а наша роль можетъ ограничиваться улучшеніемъ лишь внѣшнихъ условій роста... Слѣдовательно, успѣхъ нашего ученія, нашего воспитанія будетъ зависѣть отъ степени соотвѣтствія этого ученія и воспитанія съ внутренними качествами ребенка. Мы понимаемъ теперь,—продолжаетъ Уэлсъ,—всю важность дѣтской рѣзвости (restlessness), на которую педагоги старой школы смотрѣли, какъ на одинъ изъ смертныхъ грѣховъ. Революція, совершившаяся въ нашихъ мнѣніяхъ, побуждаетъ насъ въ невниманіи учениковъ видѣть приговоръ ихъ надъ способностями учителя, а не доказательство дѣтской испорченности, какъ на это смотрѣли раньше. Всякій прогрессъ въ области педагогики ведъ за собой какую-нибудь новую задачу для учителя. Болѣе раціональные взгляды на условія школьной дисциплины требуютъ отъ него большого терпѣнія и полнаго самообладанія. Онъ долженъ крайне внимательно слѣдить за всѣми учениками въ классѣ, очень заботливо и сердечно относиться къ каждому, очень искусно поддерживать вниманіе своихъ учениковъ въ теченіе урока, вникать въ результаты того или другого обращенія съ классомъ, искусно выбрать моментъ—поощрить похвалой одного ученика и пристыдить порицаніемъ другого: однимъ словомъ, онъ долженъ обладать искусствомъ іезуита въ обращеніи съ молодыми душами и сохранить въ то-же время такую сердечность и искрен-

*) Извѣстно, что такими сравненіями полна книга Фребеля «О воспитаніи человѣка».

ность въ обращеніи съ учениками, которую послѣдніе съумѣли-бы понять и оцѣнить. Почти на столько-же повысились требованія и относительно самого метода преподаванія. Отъ учителя требуется умѣнье иллюстрировать всякую общую мысль, всякое общее правило многими и хорошо продуманными примѣрами. Уроки свои онъ долженъ продумать заранѣе, изучить ихъ. Добросовѣстное разсмотрѣніе и исправленіе упражненій, умѣнье пользоваться самыми ошибками учениковъ, отъ нихъ отправляться и къ нимъ возвращаться при дальнѣйшемъ прохожденіи курса—все это требуетъ большого ума, большого вкуса, если дѣло идетъ о сочиненіяхъ на родномъ языкѣ, и всегда колоссальной добросовѣстности и усердія. Не таковъ, однако, учитель въ дѣйствительности. Къ сожалѣнію, на землѣ такая ясность и чистота души (serenity), и вмѣстѣ съ тѣмъ такая дипломатичность (subtility), такое умѣнье воздерживаться отъ гнѣва, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда его показать вполнѣ умѣстно, такое безпристрастіе, такой искренній, душевный характеръ и такой тонкій и эстетически развитой умъ — всѣ эти качества вмѣстѣ встрѣчаются весьма рѣдко, а между тѣмъ ими долженъ обладать идеальный (theoretical) учитель».

«Люди, проводящіе аналогію между положеніемъ земледѣльца или садовника относительно культивируемаго растенія и положеніемъ учителя относительно учениковъ, къ сожалѣнію, не доводятъ аналогіи до конца. Они забыватъ, что раціональное земледѣліе изучаетъ не только нужды самыхъ растеній, но и другіе факторы, вліяющіе на успѣхъ культуры, какъ, напр., свойства разныхъ почвъ, вліяніе разныхъ удобреній и т. п. Вліяніе этихъ послѣднихъ также строго опредѣленное и отъ нихъ часто зависитъ успѣхъ или неуспѣхъ данной культуты такъже, какъ и отъ свойствъ культивируемыхъ растеній. Агрономъ, который вздумалъ-бы разсуждать о раціонной культурѣ даннаго растенія и не указалъ-бы всѣхъ условій климата, почвы, орошенія, удобренія и т. п., вызвалъ-бы лишь улыбку. Такимъ-же образомъ, надо-бы не терять изъ виду по необходимости ограниченныхъ силъ и способностей учителя, какимъ онъ бываетъ въ дѣйствительности, при предъявленіи требованій школы. Вообще говоря, мы и не можемъ ожидать, чтобы учитель былъ человѣкъ съ широкимъ образованіемъ и большими умственными дарованіями; достаточно вспомнить экономическія условія жизни учителя Въ лучшемъ случаѣ на эту дорогу натолкнули его любовь къ педагогической дѣятельности и желаніе имѣть честно заработанный кусокъ хлѣба; но это лишь двѣ изъ многихъ причинъ, побуждающихъ людей приниматься за какую-нибудь работу. Такъ какъ во всякой цивилизованной странѣ учителей должно быть много и такъ какъ вслѣдствіе этого ихъ матеріальное обезпеченіе не можетъ никогда значительно отличаться отъ средняго достатка ихъ согражданъ, то можно даже утверждать, что среднія умственныя способности и такія-же не очень превышающія норму способности подвергать себя извѣстной нравственной дисциплинѣ всегда будутъ характеризовать типичнаго учителя».

«Вотъ уже сто лѣтъ, какъ раціональная педагогика стремится уничтожить прежнія нелѣпыя требованія школьныхъ педантовъ отъ дѣтей, вотъ уже сто лѣтъ, какъ непрерывно раздаются голоса, требующіе изученія реальнаго, дѣйствительнаго ребенка и признанія законными всѣхъ нормальныхъ проявленій физически и умственно развивающагося молодого организма. Намъ постоянно напоминаютъ о потребности ребенка въ чистомъ воздухѣ, о важности физическихъ игръ, о необходимости для ребенка въ терпѣливомъ руководителѣ, готовомъ поощрить въ своемъ питомцѣ всякое проявленіе самодѣятельности; мы не перестаемъ слышать

о томъ, какъ было-бы желательно, чтобы дѣти видѣли сердечное, чуждое формальностей, отношеніе къ себѣ ото всѣхъ окружающихъ, чтобы школа, однимъ словомъ, являлась скорѣе свѣтлой стороной жизни ребенка, а не ея несчастіемъ. Но, къ сожалѣнію, мало говорятъ, а кажется, не всегда и понимаютъ, что всѣ эти благія пожеланія грѣшатъ самымъ важнымъ—игнорированіемъ той печальной обстановки, въ которой живутъ сами учителя. Пора-бы теперь настаивать на томъ, что дѣло въ школѣ только тогда пойдетъ хорошо, когда и учителю будутъ обезпечены и досугъ, и хорошее матеріальное вознагражденіе: вѣдь и для него, и для его дѣтей также желательны и хорошее помѣщеніе, и хорошая пища; вѣдь и для него полезно имѣть возможность удовлетворить своей склонности къ атлетическимъ играмъ и спорту *), если у него таковая имѣется. Важно, наконецъ, поднять и общественное положеніе учителя, доставить ему возможность не только существовать, но и предаваться дѣятельной умственной жизни, доставлять себѣ извѣстныя общественныя удовольствія и т. д., и т. д.; однимъ словомъ, законныхъ нормальныхъ потребностей у учителя и семьи его оказалось-бы, вѣроятно, не менѣе, чѣмъ у его учениковъ, и, говоря о школѣ, нельзя игнорировать ни тѣхъ, ни другихъ».

Мы передали довольно подробно содержаніе статьи Уэльса, стараясь, по возможности, говорить его-же словами, и думаемъ, что всѣ приведенныя разсужденія еще болѣе примѣнимы къ нашей школѣ, чѣмъ къ англійской. Извѣстно плачевное положеніе нашихъ народныхъ учителей, положеніе учителей средней школы часто бываетъ относительно немногимъ лучше.

Въ октябрьскомъ нумерѣ журнала мы встрѣчаемъ статью того-же Уэльса, въ которой указывается на вредъ экзаменовъ.

Уэльсъ совершенно основательно замѣчаетъ, что сознаніе предстоящаго экзамена виситъ Дамокловымъ мечомъ надъ головой учителя и въ значительной мѣрѣ вліяетъ на весь ходъ дѣла. «Мнѣ часто приходится читать,—говоритъ Уэльсъ,—разныя болѣе или менѣе остроумныя и оригинальныя мысли по вопросамъ преподаванія: одни разсказываютъ, какъ можно уроки по географіи сдѣлать развлеченіемъ (a joy) для дѣтей, другіе говорятъ, что уроки по исторіи могутъ приводить дѣтей въ восторгъ—дѣло лишь въ способѣ изложенія историческихъ фактовъ. Все это, однако, если-бы и было возможно, вполнѣ неосуществимо до тѣхъ поръ, пока и учитель, и ученики видятъ впереди себя экзамены съ извѣстной программой вопросовъ, съ извѣстной, заранѣе опредѣленной суммой требуемыхъ знаній». Нельзя не сочувствовать такимъ взглядамъ Уэльса: экзамены вредны, конечно, для учителей, такъ какъ въ значительной мѣрѣ вліяютъ на весь ходъ преподаванія; но они еще болѣе вредны для учениковъ, и

*) Извѣстно, какъ много посвящаютъ времени англичане всѣхъ возрастовъ и почти всѣхъ слоевъ общества физическимъ играмъ и всякаго рода спорту.

тѣмъ вреднѣе, чѣмъ моложе дѣти, подвергаемыя экзаменамъ. Никто, вѣроятно, не станетъ оспаривать этого послѣдняго положенія, и нельзя сомнѣваться въ томъ, что скоро прекратится такой вредный и даже совершенно не цѣлесообразный способъ провѣрки знаній учениковъ и усердія учителей.

Въ теченіе текущаго столѣтія въ Европѣ въ сферѣ народнаго образованія совершились крупныя перемѣны. Германія до послѣдняго времени шла впереди всѣхъ другихъ странъ въ этомъ отношеніи: тамъ впервые было организовано всеобщее обязательное обученіе, до послѣдняго времени, да въ значительной мѣрѣ и теперь, педагогика была по преимуществу нѣмецкая наука: исторія воспитанія Раумера, исторія педагогики Шмидта, энциклопедія воспитанія Шмидта обошли весь міръ и послужили образцами для ряда подобныхъ сочиненій и на другихъ языкахъ. За Германіей послѣдовала Франція, теперь къ этимъ государствамъ присоединилась и Англія, имѣющая уже богатую и достойную серьезнаго изученія педагогическую литературу. Послѣднее время въ нѣкоторыхъ англійскихъ университетахъ читались лекціи по исторіи воспитанія (напр., Куикъ въ Кэмбриджѣ). Извѣстный англійскій педагогъ, авторъ высоко цѣнимыхъ англичанами курсовъ психологіи (одинъ изъ нихъ—«Педагогическая психологія»—переведенъ на русскій языкъ), Д. Сёлли (Sully) предложилъ въ 1891 г. Лондонскому университету оффиціально признать важность теоретической разработки вопросовъ воспитанія и учредить степень магистра педагогики. На совѣтѣ профессоровъ голоса раздѣлились поровну и вопросъ былъ рѣшенъ отрицательно предсѣдателемъ. На слѣдующій годъ Д. Сёлли, если не ошибаемся, одинъ изъ профессоровъ Лондонскаго-же университета, внесъ вторично свое предложеніе, формулировавъ его слѣдующимъ образомъ: «Желательно, чтобы Лондонскій университетъ, учредивъ у себя соотвѣтствующую ученую степень, этимъ призналъ, что съ вопросами воспитанія, вызвавшими такъ много серьезныхъ изслѣдованій въ послѣднее время, связаны значительныя и важныя отрасли знанія». Къ сожалѣнію автора статьи, изъ которой мы черпаемъ, главнымъ образомъ, эти свѣдѣнія (A proposal for a high degree in education in the university of London),—сожалѣнію, которое мы вполнѣ раздѣляемъ,—при голосованіи предложенія повторилась прежняя исторія: голоса раздѣлились поровну и предсѣдатель рѣшилъ въ пользу оставленія вопроса in statu quo. Мы не будемъ приводить доводовъ англичанина въ пользу предложенія Сёлли, такъ какъ полагаемъ, что это дѣло достаточно ясно, въ особенности для читателей педагогическихъ журналовъ. Укажемъ лишь на то, что

авторъ статьи приводитъ, между прочимъ, примѣръ Германіи, гдѣ можно получить степень доктора философіи за работу по педагогикѣ, Соединенныхъ Штатовъ, гдѣ нѣкоторыми университетами выдаются ученыя степени по педагогикѣ (degrees in Pedagogy).

Вопросу объ учителяхъ посвящено еще нѣсколько статей во второй половинѣ года «Jour. of Ed.». Въ одной статьѣ (Assistant masters and theier salaries) указывается на несоразмѣрность въ вознагражденіи директоровъ (headmasters) и учителей (assistant masters) среднихъ школъ (grammars chools). Первые получаютъ, обыкновенно, отъ 15.000 до 6.000 рублей въ годъ *) (1.500—600 фунт. стерл.), вторые въ началѣ службы нерѣдко не получаютъ и тысячи рублей, и лишь занявъ положеніе старшаго между учителями, могутъ получать вознагражденіе въ 2.500—3.000 рублей. Авторъ указываетъ, что директора могли-бы улучшить матеріальное положеніе своихъ учителей (вспомнимъ, что среднія учебныя заведенія въ Англіи находятся почти исключительно въ частныхъ рукахъ), нѣсколько уменьшивъ свои доходы. Впрочемъ, авторъ сейчасъ-же прибавляетъ, что не разсчитываетъ на сочувствіе директоровъ къ такому рѣшенію вопроса, и потому указываетъ на другой исходъ изъ затруднительнаго положенія. Онъ говоритъ, что послѣднее время въ учебныхъ заведеніяхъ Англіи сильно распространился обычай, повидимому, весьма похвальный,—выдавать стипендіи ученикамъ, выдержавшимъ съ отличіемъ вступительный экзаменъ. Школы однѣ передъ другими стараются умножить число стипендій и ихъ размѣръ, и такъ какъ содержаніе школы должно вполнѣ окупаться, то и приходится платить возможно меньше учителямъ, что, конечно, отражается на всемъ ходѣ дѣла.

Основательность послѣдняго мнѣнія вполнѣ подтверждается помѣщеннымъ въ ноябрьскомъ нумерѣ журнала докладомъ директора Уорсестерской школы на собраніи Ассоціаціи директоровъ (Association of Headmasters) въ Бирмингамѣ, 1-го октября 1892 г. Въ докладѣ приведено много фактовъ, указывающихъ на ненормальную организацію стипендій въ среднихъ школахъ. Оказывается, что стипендіи доходятъ иногда до 1.000 рублей въ годъ и часто превосходятъ размѣръ платы за ученье, становясь источникомъ дохода для родителей. Школы стараются привлечь наиболѣе способныхъ учениковъ, которые моглибы затѣмъ съ отличіемъ получить дипломъ, дозволяющій вступить въ университетъ и, такимъ образомъ, прославить школу **). Для по-

*) Директора такихъ знаменитыхъ школъ, какъ Итонъ, Рёгби, Уинчестеръ, получаютъ по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей въ годъ.

**) Надо сказать, что въ Англіи ученики по окончаніи курса въ среднемъ учебномъ заведеніи держатъ экзамены въ такъ-наз. мѣстныхъ экзаменаціонныхъ

лученія стипендіи не требуется свидѣтельства о бѣдности, и даже можно сказать, что стипендіи часто получаютъ сравнительно богатые люди. По разсчету докладчика, на стипендіи расходуется ежегодно болѣе милліона рублей (бол. 100.000 фунт.), которые возмѣщаются частью уменьшеніемъ вознагражденія учителямъ, главнымъ-же образомъ, конечно, на счетъ тѣхъ учениковъ, которые платятъ за свое образованіе и косвенно за образованіе своихъ товарищей. Докладчикъ указываетъ еще на нѣкоторыя вредныя послѣдствія системы стипендій и, чтобы устранить главное зло, рекомендуетъ ограничить размѣръ стипендій суммою стоимости образованія въ школѣ.

Вопросъ о техническомъ образованіи сильно занималъ англійское общество въ послѣдніе годы, когда издѣлія нѣмецкихъ фабрикъ стали сильно конкуррировать съ англійскими какъ въ Европѣ, такъ и въ особенности внѣ ея. Намъ случалось читать въ англійскихъ экономическихъ журналахъ объясненія успѣховъ нѣмцевъ, именно, широкимъ распространеніемъ техническихъ знаній въ средѣ нѣмецкаго народа. Какъ это всегда бываетъ, въ Англіи сейчасъ-же возникло Общество для распространенія техническихъ знаній въ народѣ, разросшееся въ короткое время до крупныхъ размѣровъ и носящее нынѣ названіе «Національнаго Общества для распространенія техническаго образованія».

Въ теченіе 1887 и 1888 годовъ перламентъ три раза обсуждалъ проекты организаціи техническаго образованія; два проекта, изъ которыхъ одинъ былъ редактированъ согласно съ мнѣніемъ упомянутаго Общества, были отвергнуты палатой и, наконецъ, въ маѣ 1888 г. *) былъ утвержденъ третій проектъ.

По этому закону такъ-называемымъ совѣтамъ графствъ (County Councils) были дарованы сравнительно большія средства для организаціи техническаго и профессіональнаго образованія (750 тысячъ фунтовъ стерл.). Такъ какъ дѣло это въ Англіи еще новое, то, пока оно совершенно не установится, графствамъ предоставленъ широкій просторъ въ организаціи техническаго образованія. Нѣкоторыя изъ нихъ устроили спеціальныя техническія школы; такъ поступили, напр., въ большихъ городахъ промышленныхъ центровъ; нѣкоторые совѣты даютъ субсидіи мѣстнымъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ (до тѣхъ

коммиссіяхъ (local examinations), назначаемыхъ повсемѣстно отъ всѣхъ университетовъ страны. Этотъ экзаменъ освобождаетъ юношу отъ вступительнаго экзамена въ университетъ и въ нѣкоторыя другія учебныя заведенія (См. Cyclopaedia of Education, ed. Sonnenshein. London, 1889).

*) См. Sonnenhein, Cyclopaedia of Education, статья Technical education.

поръ имѣвшимъ строго классическій курсъ) на содержаніе преподавателя естествознанія (отъ 2 до 2½ тысячъ рублей) и на устройство лабораторій, на улучшеніе преподаванія новыхъ языковъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ графствахъ воспользовались описанной нѣсколько разъ въ русскихъ журналахъ организаціей университетскихъ лекцій внѣ университетскихъ городовъ (University Extension movement) и стали приглашать лекторовъ по разнымъ отраслямъ естествознанія, включая сюда физику и химію *). Вездѣ появился большой спросъ на спеціалистовъ естественниковъ, и вознагражденіе лекторовъ колеблется теперь между 3 и 5 тысяч. рублей. Такимъ образомъ, графства расходовали деньги скорѣе на естественно-научное, чѣмъ на чисто техническое образованіе, хотя, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ графствахъ были организованы чтенія по садоводству, агрономіи, гигіенѣ и ветеринарнымъ наукамъ. Въ настоящее время уже при сорока графствахъ существуютъ постоянныя мѣста директоровъ техническаго образованія, на которыхъ и возложены заботы по этому предмету. Большинство приведенныхъ свѣдѣній заключается въ статьѣ «Новый путь для учителей», въ которой авторъ предлагаетъ эти свѣдѣнія молодымъ людямъ, совѣтуя заниматься естественными науками, такъ какъ на эти знанія существуетъ большой спросъ, который современемъ долженъ еще увеличиться.

Въ той-же статьѣ сообщаются свѣдѣнія о большой потребности въ послѣднее время въ учительницахъ съ чисто практическими знаніями по всѣмъ отраслямъ домоводства: повареннаго искусства, всякаго рода стирки, ухода за больными. Намъ случайно пришлось узнать, на сколько женщины, по крайней мѣрѣ, бѣднѣйшихъ классовъ Англіи, нуждаются въ обученіи поваренному искусству. Одинъ весьма образованный англичанинъ, уже цѣлые десятки лѣтъ проживщій въ Новой Зеландіи, недавно пріѣзжалъ въ Лондонъ для того, чтобы ознакомиться съ жизнью бѣднѣйшей части населенія и съ организаціей благотворительности въ Лондонѣ. Онъ посѣтилъ также еврейскій кварталъ Лондона. Описывая въ журналѣ «Contempory Review» (Poverty in London, September 1892) свои впечатлѣнія, онъ, между прочимъ,

*) Хотя новые языки никакъ не могутъ быть отнесены къ техническимъ знаніямъ, однако большинство согласится, мы думаемъ, что въ наше время знаніе этихъ языковъ важно для всякаго образованнаго человѣка и безусловно необходимо для техника, желающаго слѣдить за ежедневными успѣхами техническихъ знаній въ передовыхъ странахъ Европы и Америки. Успѣшный сбытъ товаровъ на международномъ рынкѣ только и возможенъ подъ условіемъ самаго бдительнаго наблюденія за всѣми техническими усовершенствованіями и своевременнаго примѣненія ихъ у себя.

пробуетъ объяснить причину успѣшной конкурренціи вновь прибывающихъ изъ Россіи бѣдныхъ, не знающихъ ни слова по-англійски, евреевъ съ лондонскими рабочими. Одною изъ причинъ авторъ считаетъ умѣнье еврейскихъ женщинъ приготовлять обѣдъ на самыя маленькія деньги, чѣмъ совершенно не обладаютъ, по его мнѣнію, англичанки, предпочитающія ограничивать свой обѣдъ хлѣбомъ, масломъ, сыромъ и, когда есть деньги, ветчиной.

Мы уже упоминали, что въ нѣкоторыхъ графствахъ деньги, назначенныя правительствомъ на техническое образованіе, были употреблены на организацію публичныхъ лекцій естественно-научнаго содержанія лицами, выбранными для этой цѣли университетами. Это дало новый толчокъ и безъ того уже быстрому распространенію такъ-называемыхъ университетскихъ лекцій внѣ университетскихъ городовъ. Лекціи во всѣхъ городахъ привлекаютъ много усердныхъ слушателей, лекторы не только достаточно, но въ большихъ городахъ даже щедро вознаграждаются за свой трудъ. Въ маленькихъ городахъ, съ населеніемъ тысячъ въ пять, не могутъ, хотя-бы и желали, позволить себѣ выписывать лекторовъ, поэтому одинъ изъ сотрудниковъ обозрѣваемаго нами журнала предлагаетъ, чтобы этому дѣлу была оказана помощь со стороны правительства, но именно только помощь денежная, а не устройствомъ казенныхъ лекцій, такъ какъ англичане твердо держатся того принципа, что стоитъ помощи только тотъ, кто самъ дѣлаетъ усилія выйти изъ затруднительнаго положенія. Пусть маленькій городъ организуетъ у себя лекціи, пусть онъ докажетъ аккуратнымъ посѣщеніемъ лекцій достаточнымъ числомъ лицъ, что въ немъ дѣйствительно ощущается потребность въ образованіи, и пусть тогда только правительство поможетъ субсидіей такому полезному стремленію своихъ гражданъ. Англичанинъ убѣжденъ, впрочемъ, и въ томъ, что этимъ и должно ограничиться вмѣшательство правительства въ дѣло: выдавая субсидію, оно ежегодно будетъ получать отчетъ о количествѣ лекцій и числѣ лицъ, ихъ посѣщавшихъ, о числѣ лицъ, подвергшихся испытанію, и т. п., предоставляя все остальное мѣстнымъ жителямъ и ихъ властямъ. Мы остановились на этой статьѣ, такъ какъ она намъ показываетъ наглядно, какъ далеко ушла дѣйствительность въ дѣлѣ просвѣщенія въ Англіи, коль скоро легко осуществимымъ считается организація публичныхъ научныхъ лекцій въ городахъ даже съ 5.000 населенія.

Мы уже имѣли случай говорить о необыкновенныхъ успѣхахъ женскаго образованія въ Англіи. И въ обществѣ, и въ правительствѣ замѣчается величайшее сочувствіе этому дѣлу. Объ этомъ мы нахо-

димъ любопытныя свѣдѣнія въ іюльскомъ нумерѣ «Journal of Education», въ статьѣ «Вѣяніе въ пользу женщинъ». Въ статьѣ, главнымъ образомъ, излагается завѣщаніе одного лондонскаго купца Пфейффера, оставившаго около 600.000—700.000 рублей на женскія образовательныя учрежденія. Завѣщаніе было написано еще въ 1884 г., когда онъ отправился въ путешествіе со своей женой, довольно извѣстной въ Англіи писательницей Эмиліей Пфейфферъ. Въ 1889 г. Пфейфферъ умеръ, а черезъ полгода умерла и жена его; такимъ образомъ, согласно волѣ завѣщателя, означенную сумму предстоитъ раздѣлить между учебными заведеніями. Вотъ наиболѣе замѣчательныя мѣста изъ завѣщанія Пфейффера.

«Я всегда хотѣлъ, желаю и теперь, оставить все свое состояніе на пользу образовательныхъ и благотворительныхъ учрежденій для женщинъ. Женщинамъ, по моему мнѣнію, принадлежитъ великая роль въ будущемъ. Воспитаніе и образованіе, участіе въ политической жизни страны сдѣлаютъ постепенно ихъ способными работать во всѣхъ направленіяхъ для возрожденія человѣчества. На долю женщинъ выпадала до сихъ поръ вся неприглядная сторона жизни (the worst of life)... и я желаю помочь имъ по мѣрѣ моихъ силъ и способностей». Сдѣлавъ нѣсколько распоряженій относительно подарковъ друзьямъ и слугамъ, Пфейфферъ продолжаетъ: «Относительно остальной части моего состоянія я желалъ-бы, чтобы она была раздѣлена между благотворительными и образовательными учрежденіями въ пользу женщинъ. Повторяю: въ пользу женщинъ исключительно. Чтобы розданныя суммы не были слишкомъ малы, я желаю, чтобы число заведеній, которыя должны получить изъ завѣщанной мною суммы, не было незначительно и чтобы при распредѣленіи ея были спрошены мнѣнія моихъ друзей—г. Мунделлы, стоящаго теперь во главѣ совѣта по народному образованію г. Фича *) и др. Я-бы даже желалъ, чтобы большая часть денегъ была передана образовательнымъ учрежденіямъ, такъ какъ отъ нихъ надо больше всего ждать добраго вліянія въ будущемъ. Я желалъ-бы, чтобы имя моей жены было, главнымъ образомъ, связано съ пожертвованіями, во всякомъ случаѣ оно не должно быть отдѣляемо отъ моего».

Комментаріи намъ кажутся излишними. Скажемъ только, что «Journal of Education» называетъ, по слухамъ, всего 14 учрежденій, между которыми будетъ раздѣлено пожертвованіе; большею частью— это высшія учебныя заведенія для женщинъ.

Величайшій интересъ въ Англіи возбудилъ докладъ въ Лондонскомъ медицинскомъ обществѣ, сдѣланный докторомъ Кричтономъ Броуномъ. Докладчикъ указывалъ рядъ вредныхъ послѣдствій, могу-

---

*) Фичъ—авторъ книги «Замѣтки объ американскихъ школахъ и учительскихъ институтахъ» (Notes on american schools and training colleges. London 1890), которой мы пользовались при составленіи нашихъ статей объ американскихъ женщинахъ и съ которой мы болѣе подробно познакомили читателей въ «Женскомъ Образованіи» 1891 (октябрь, Народное образованіе въ Америкѣ).

щихъ произойти отъ стремленія женщинъ къ полученію высшаго образованія, равнаго съ мужскимъ. Кричтонъ Броунъ вообще крайне несимпатично относился ко всему этому движенію женщинъ, пытаясь обосновать свои взгляды на научныхъ физіологическихъ и анатомическихъ данныхъ. Докладъ вызвалъ рядъ возраженій со стороны редакціи «Journal of Education» и нѣкоторыхъ ея корреспондентовъ, указавшихъ много несообразностей и даже ошибокъ въ докладѣ доктора.

Докторъ Броунъ идетъ положительно противъ теченія, замѣчаемаго и въ обществѣ, и въ правительствѣ Англіи. Въ теченіе 1892 г. актомъ парламента была назначена коммиссія, которой предоставлено было обсудить вопросъ объ условіяхъ допущенія женщинъ во всѣ шотландскіе университеты. Опираясь на такія полномочія, означенная коммиссія нашла возможнымъ предоставить этотъ вопросъ на усмотрѣніе каждаго университета. Такимъ образомъ, шотландскіе университеты получили право «допускать женщинъ на одинъ или всѣ факультеты, какъ найдутъ это нужнымъ». Сами-же университеты должны были, по тщательномъ обсужденіи, рѣшить, «допускать-ли женщинъ въ аудиторіи вмѣстѣ съ молодыми людьми, или-же устроить особыя помѣщенія для чтенія лекцій женщинамъ». Университеты рѣшили этотъ вопросъ различно. Университетъ въ Глазго присоединилъ къ себѣ въ качествѣ спеціальнаго учрежденія существовавшее тамъ высшее женское учебное заведеніе Queen Margaret College. Совершилось это, конечно, по желанію самого колледжа, который передалъ университету всѣ свои капиталы и зданія, оставленныя, разумѣется, для женскаго отдѣленія университета. Библіотека и музей будутъ общими. Эдинбургскій, Абердинскій и университетъ въ Ст.-Андрьюсѣ (старѣйшій изъ шотландскихъ университетовъ, основанный въ XV стол.) предпочли допустить совмѣстное образованіе обоихъ половъ. Надо замѣтить, что въ университетахъ въ Глазго и Эдинбургскомъ учатся въ настоящее время по 100 женщинъ въ каждомъ. Въ Ст.-Андрьюсѣ и Абердинѣ, пока, учится немного (19 и 11), но число слушательницъ вездѣ растетъ быстро. Прибавимъ къ этому, что въ Эдинбургѣ существуетъ уже спеціальный женскій медицинскій колледжъ.

Пріятно замѣтить, что студенты шотландскихъ университетовъ шумно привѣтствовали появленіе женщинъ въ своихъ аудиторіяхъ, профессора также выказали полное сочувствіе своимъ новымъ слушательницамъ («J. of Educ.» November). Мы уже имѣли случай указывать на успѣхъ совмѣстнаго образованія въ Америкѣ. Англія рѣ-

шила, повидимому, воспользоваться примѣромъ великой заатлантической республики.

Въ августовскомъ и сентябрьскомъ нумерахъ журнала мы находимъ довольно интересныя статьи: «Вліяніе школы на характеръ» и «Семья и школа»; первая изъ нихъ написана директрисой учительскаго института и вмѣстѣ съ тѣмъ начальницей женской гимназіи— г-жей Риггъ (Rigg). Обѣ статьи, особенно первая, касаются многихъ интересныхъ вопросовъ, которыхъ, къ сожалѣнію, за недостаткомъ мѣста, мы не можемъ здѣсь передать. Скажемъ, однако, что оба автора, часто касаясь однихъ и тѣхъ-же предметовъ, указываютъ на подчиненное значеніе вліянія школы сравнительно съ вліяніемъ домашней обстановки, оба довольно рѣшительно высказываютъ свое предпочтеніе открытымъ учебнымъ заведеніямъ передъ закрытыми. И въ той, и въ другой статьѣ мы находимъ требованіе, чтобы школа въ своемъ курсѣ сообразовалась съ потребностями жизни и съ нормальными потребностями дѣтей; въ обѣихъ статьяхъ справедливо указывается на необходимость возбужденія въ дѣтяхъ интереса къ изучаемымъ наукамъ, какъ самому лучшему средству побудить ихъ къ добросовѣстному и сознательному труду. Особенно хороши разсужденія г-жи Риггъ о лжи у дѣтей и о причинахъ трудности ея искорененія. «Что касается до третьяго вида нравственнаго мужества, о которомъ я говорила,—читаемъ мы въ названной статьѣ,—мужества, заключающагося въ томъ, чтобы говорить всегда правду и поступать сообразуясь строго съ ней, то этотъ родъ мужества встрѣчается такъ рѣдко между взрослыми, что нѣтъ ничего удивительнаго въ нашихъ неудачныхъ попыткахъ возрастить столь рѣдкій цвѣтокъ на школьной почвѣ *)... Держимся-ли мы сами такихъ правилъ въ жизни? Всегда-ли мы безусловно правдивы и справедливы въ своихъ отноше-

---

*) Замѣчательно, что иностранцы часто считаютъ характерной для англичанъ ту самую правдивость, которую сами англичане считаютъ столь для себя трудной. Одинъ французъ, занимавшійся нѣкоторое время преподаваніемъ въ англійскихъ школахъ, по возвращеніи во Францію слѣдующимъ образомъ отзывался о правдивости англійскихъ дѣтей, обращаясь къ французскимъ гимназистамъ. «Англичанинъ имѣетъ инстинктивное отвращеніе ко лжи... Вотъ въ чемъ англичане насъ значительно превосходятъ и въ чемъ вы должны-бы стараться имъ подражать... Любовь англичанъ къ искренности (pour la sincérité) есть одно изъ тѣхъ качествъ, которыя наиболѣе поражаютъ иностранца, живущаго между ними». Далѣе авторъ приводитъ примѣръ правдивости учениковъ въ Англіи изъ личныхъ своихъ воспоминаній (См. брошюру: «L'éducation physique en Angleterre et en France». Par L. Latour. Paris. 1891. p. 33—35).

ніяхъ къ ученикамъ»... Указывая далѣе на способы развитія этого рода мужества въ школѣ, г-жа Риггъ требуетъ такой организаціи школьной дисциплины и всей школьной обстановки, которая давала-бы дѣтямъ возможно менѣе поводовъ ко лжи и при которой эта ложь была-бы совсѣмъ неизвинительной. Чтобы избѣжать лганья учениковъ или учеництъ при уклоненіи отъ задаваемыхъ работъ, надо, во-первыхъ, заинтересовать учениковъ работою и, во-вторыхъ, всегда сообразоваться съ ихъ силами. Надо, чтобы учились по внутреннимъ побужденіямъ, а не для балловъ, не ради неизбѣжной необходимости, и для этого г-жа Риггъ готова даже допустить нѣкоторую спеціализацію занятій (однимъ, напримѣръ, преимущественно языками, другимъ—науками математическими) даже для 15—16-ти-лѣтнихъ дѣвушекъ. Авторъ другой статьи рѣшаетъ этотъ вопросъ иначе и требуетъ, чтобы школа какъ можно менѣе обременяла дѣвушку внѣклассной работой, чтобы она могла имѣть время удовлетворять и такимъ потребностямъ и наклонностямъ, умственнымъ или другимъ, какихъ не удовлетворяетъ, да часто и не можетъ удовлетворить школа.

Извѣстно, что шотландскіе университеты не носили такого аристократическаго и замкнутаго характера, какой англійскіе университеты (наиболѣе старые) сохранили въ нѣкоторой степени и теперь. Насъ поэтому не должно особенно удивлять проявленіе этого духа исключительности между современными студентами Кэмбриджскаго университета, которые, обсуждая въ своемъ «Обществѣ для дебатовъ» (Debating society) вопросъ объ университетскомъ образованіи женщинъ, отнеслись къ нему несочувственно, находя неумѣстнымъ и нежелательнымъ соперничество женщинъ съ мужчинами въ достиженіи университетскихъ отличій. Повидимому, студенты имѣютъ основаніе не любить конкурренціи женщинъ на экзаменахъ: въ 1887 г. г-жа Рамзэ окончила первый экзаменъ по классическимъ языкамъ въ Кэмбриджѣ, оставивъ за собой всѣхъ студентовъ, въ 1890 году такой-же успѣхъ имѣла г-жа Фосеттъ по математикѣ.

Статьи Эмиліи Майэлль (Miall) объ «англійскомъ гимназистѣ» указываютъ, до какой степени вездѣ одинаковы упреки, дѣлаемые средней классической школѣ: абстрактный характеръ изучаемыхъ предметовъ (въ томъ возрастѣ, когда интересуютъ лишь конкретныя явленія), слишкомъ раннее начало занятій классическими языками, которое не должно-бы начинаться до 14-ти лѣтъ и т. д. Статьи эти позволяютъ заглянуть также въ ту обстановку, среди которой англійскому гимназисту приходится, въ большинствѣ случаевъ, готовить

дома уроки, и, надо сознаться, картинное описаніе г-жи Майэллъ очень похоже на обстановку нашей семьи изъ среднихъ классовъ.

Вопросу о курсѣ средней школы посвящена также статья уже упомянутаго нами извѣстнаго англійскаго педагога — инспектора народнаго образованія Фича. Эта статья, «Школа XVI столѣтія», если не ошибаемся, была прочитана, какъ докладъ, на съѣздѣ учителей въ Оксфордѣ въ августѣ 1892 г. Фичъ упрекаетъ среднюю школу, что она до сихъ поръ въ значительной мѣрѣ стремится удовлетворить идеаламъ людей XVI столѣтія, когда увлеченіе классицизмомъ помогло разсѣять мракъ среднихъ вѣковъ и когда, поэтому, классикъ и просвѣщенный человѣкъ были часто синонимы. Но, говоритъ Фичъ, отъ XVI столѣтія насъ отдѣляютъ три столѣтія безпримѣрной въ исторіи умственной дѣятельности и производительности, и школа должна считаться съ этимъ фактомъ. Мы не будемъ, конечно, передавать въ высшей степени интереснаго очерка зарожденія современнаго англійскаго образованія школы, скажемъ только, что послѣ обозрѣнія исторіи и современнаго состоянія англійской средней школы Фичъ настаиваетъ на томъ, чтобы эта школа отказалась разъ навсегда отъ желанія учить *двумъ* древнимъ языкамъ, сохранивъ преимущественно латинскій.

Замѣчательно, что такимъ-же образомъ, хотя съ большими оговорками, рѣшаетъ тотъ-же вопросъ извѣстный французскій филологъ и педагогъ М. Бреаль въ своихъ лекціяхъ о преподаваніи древнихъ языковъ (De l'enseignement des langues anciennes. Paris. 1891). Этотъ фактъ тѣмъ болѣе знаменателенъ, что оба названныхъ педагога занимаютъ крупныя положенія въ оффиціальномъ мірѣ.

Въ «Journal of Education» мы находимъ кое-какія замѣтки и объ условіяхъ физическаго здоровья дѣтей въ школахъ. Въ статьѣ «Раціонально-ли питаніе нашихъ гимназистовъ» (пансіонеровъ?) указываются нѣкоторые недостатки питанія англійскихъ дѣтей; авторъ требуетъ, чтобы дѣти ѣли не менѣе 4 разъ въ день (что у насъ уже дѣлается). Интересно въ этой статьѣ требованіе, чтобы дѣтямъ ни въ какомъ случаѣ не давали пива или элю *въ другое время, кромѣ полудня*, исключая случаевъ, когда этого требуетъ врачъ. Оказывается, что такого упрека въ пріученіи дѣтей къ спиртнымъ напиткамъ заслуживаетъ большинство школъ для мальчиковъ. Интересны также сообщенія нѣкоторыхъ корреспондентовъ журнала относительно головныхъ болей у дѣвочекъ въ гимназіяхъ. Одна изъ пишущихъ изъ разспросовъ убѣдилась, что школа не виновата въ этихъ боляхъ, такъ какъ дѣвушки страдали ими уже и до школы; нѣкоторыя (8 изъ 22) сказали даже, что чувствуютъ себя лучше съ поступленіемъ въ школу.

Другая учительница гимназіи сообщаетъ редакціи свои наблюденія надъ 30 ученицами, отъ 14 до 17-лѣтняго возраста, и приводитъ таблицу, изъ которой слѣдуетъ, что головными болями страдаютъ ученицы плохихъ и весьма плохихъ способностей. Такую связь между способностями и головными болями подтверждаетъ въ слѣдующемъ нумерѣ журнала третья учительница, опираясь также на собственныя наблюденія. Корреспонденты полагаютъ, что такимъ образомъ со школъ снимается отвѣтственность за головныя боли ученицъ, причиной которыхъ скорѣе надо считать плохія способности страдающихъ. Мы, съ своей стороны, думаемъ, что въ этомъ явленіи нѣтъ ничего особенно удивительнаго и что подобно тому какъ сильные и здоровые желудки могутъ долго довольно безнаказанно переносить дурную пищу, такъ и особенно одаренныя головы, сравнительно, легко переносятъ столь-же дурныя условія умственнаго труда. Мы думаемъ, что систематическія наблюденія вездѣ доказали-бы связь плохихъ умственныхъ способностей и частой головной боли; при условіи необходимости сильныхъ умственныхъ занятій частыя головныя боли всетаки указывали-бы на несоотвѣтствія требованій школы съ средними умственными способностями учащихся и на необходимость достичь этого соотвѣтствія.

Крайне интересна и, намъ кажется, крайне важна статья «Современный способъ письма». Авторъ, по нашему мнѣнію, весьма убѣдительно доказываетъ преимущество письма вертикальнаго надъ наклоннымъ. Первое разборчивѣй, легче перенимается дѣтьми, оно, какъ показываетъ опытъ, идетъ гораздо быстрѣе, наконецъ, оно лучше и въ гигіеническомъ отношеніи, такъ какъ позволяетъ ученику держаться прямо. Извѣстно, что при современномъ способѣ письма дѣти сидятъ нѣсколько наклонившись; отъ этого и происходитъ замѣчаемая иногда неравная высота плечъ.

Никто не станетъ оспаривать, что вертикальное письмо разборчивѣй наклоннаго,—для этого достаточно сравнить разборчивость курсива и обыкновеннаго латинскаго шрифта, или этого послѣдняго шрифта съ готическимъ, гдѣ преобладаютъ косыя линіи. Уже по одному этому предложеніе шотландскаго педагога Джаксона заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. Мы не говоримъ о другихъ сторонахъ вопроса и не приводимъ доводовъ автора, изъ которыхъ видно, что этотъ вопросъ былъ подвергнутъ серьезному обсужденію въ Швейцаріи, Австріи, Германіи и Англіи, что онъ вызвалъ рядъ изслѣдованій, систематическихъ опытовъ надъ дѣтьми въ школѣ, доказавшихъ всякія преимущества вертикальнаго письма. Статья помѣщена въ сентябрѣ и

вызвала нѣсколько корреспонденцій изъ школъ, гдѣ практикуется вертикальное письмо, съ указаніемъ на прекрасные результаты для учащихся.

Вопросъ о ручномъ трудѣ сильно занимаетъ англійскихъ педагоговъ. Лѣтомъ 1892 г. 40 учителей различнаго рода школъ поѣхали въ Швецію, въ извѣстную Неесскую школу, такъ прекрасно описанную г-жей Павловичъ въ «Русской Школѣ»; тридцать человѣкъ поѣхали тогда-же въ знаменитую школу ручного труда въ Лейпцигѣ.

Въ іюльскомъ нумерѣ «J. of Ed.» мы читаемъ сообщеніе о спорахъ относительно наказаній въ школахъ Лондона, а именно, слѣдуетъ или нѣтъ вновь даровать всѣмъ учителямъ начальныхъ школъ право физическаго наказанія учениковъ; такое право недавно у нихъ отнято и оставлено лишь главному учителю (headmaster) школы. Редакція журнала по этому поводу пишетъ, что послѣднее время замѣтно уменьшилось число учителей, прибѣгающихъ къ трости (cane) для наказанія шаловливыхъ учениковъ, хотя она до сихъ поръ не исчезла изъ школы. Редакція совсѣмъ не сочувствуетъ такимъ наказаніямъ и спрашиваетъ, не пора-ли совсѣмъ ихъ оставить, подобно тому, какъ они оставлены уже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Однако, не разсчитывая, вѣроятно, на скорое рѣшеніе вопроса въ этомъ смыслѣ, редакція высказываетъ нѣсколько соображеній pro и contra предоставленія учителямъ права физическаго наказанія учениковъ. Въ русскихъ школахъ, кажется, уже давно совсѣмъ перевелись учителя, прибѣгающіе къ палкѣ для возбужденія вниманія или прилежанія учениковъ, и въ этомъ отношеніи наши среднія и низшія школы оказываются на одномъ уровнѣ. Правда, что у насъ-же за-то можно слышать и даже читать сомнѣнія въ необходимости школъ и вообще образованія для народа...

Вопросъ о методѣ обученія новымъ языкамъ часто обсуждался въ журналѣ въ статьяхъ, въ корреспонденціяхъ, вызванныхъ статьями, и въ рецензіяхъ о книгахъ по методикѣ новыхъ языковъ. Особенныхъ похвалъ заслужили успѣхи нѣмцевъ въ преподаваніи англійскаго и нѣмецкаго языковъ, что не удивитъ, конечно, знакомаго сколько-нибудь съ положеніемъ обученія новымъ языкамъ въ современной Европѣ. Англичане сочувствуютъ третьестепенному значенію, которое стало принимать въ послѣднее время изученіе грамматики, сочувствуютъ тому, что теперь центромъ преподаванія стали книги для чтенія, наконецъ, они отмѣчаютъ, какъ достойные подражанія примѣры, возможно быстрые переходы къ практическимъ упражненіямъ въ иностранной рѣчи тамъ, гдѣ, какъ, напримѣръ, въ нѣмецкихъ реальныхъ училищахъ, большое число недѣльныхъ уроковъ вполнѣ допускаетъ это.

Ревность англичанъ въ изученіи новыхъ иностранныхъ языковъ

доказывается безконечнымъ числомъ школьныхъ изданій французскихъ и нѣмецкихъ авторовъ. Педагогическіе журналы воспользовались этимъ стремленіемъ, какъ это видно изъ того, что уже нѣсколько лѣтъ редакція «J. of Ed.» ежемѣсячно предлагаетъ для перевода небольшіе отрывки изъ французскихъ или нѣмецкихъ писателей. За лучшій переводъ редакція выдаетъ даже премію въ 20 руб. съ небольшимъ. Несмотря на необыкновенную трудность предлагаемыхъ отрывковъ, которые бываютъ въ стихахъ и въ прозѣ, въ состязаніяхъ участвуетъ отъ 200 до 300 и даже болѣе человѣкъ. Всѣ присланные переводы разсматриваются въ теченіе мѣсяца, но этимъ еще не исчерпывается работа редакціи. Всякій вложившій въ работу штемпельный конвертъ и около 30 коп. (1/2 шилл.) марками, имѣетъ право получить назадъ свою работу исправленной. Предлагаемыя статьи для переводовъ отличаются нерѣдко необыкновенными трудностями, такъ что хорошо перевести иной отрывокъ не легче, чѣмъ рѣчь Цицерона. Нѣсколько разъ въ теченіе года редакція дѣлала экстренные конкурсы: одинъ разъ предложила перевести стихами любой отрывокъ изъ какого-нибудь латинскаго, греческаго, итальянскаго, французскаго или нѣмецкаго поэта. Другой разъ она предложила составить списокъ 20 лучшихъ поэмъ Теннисона. Наиболѣе, однако, полезный и важный былъ конкурсъ на составленіе образцоваго каталога книгъ для библіотекъ начальныхъ школъ, причемъ общая стоимость книгъ не должна была превосходить 50 руб. (5 фунт.). Въ майскомъ нумерѣ уже помѣщенъ каталогъ книгъ (съ указаніемъ цѣнъ), удостоенный преміи. Въ каталогъ вошло 90 книгъ самаго различнаго содержанія, причемъ составительница, оказавшаяся бывшей учительницей изъ Эдинбурга, руководствовалась своимъ педагогическимъ опытомъ и снабдила составленный ею каталогъ нѣкоторыми полезными разъясненіями, воспроизведенными редакціей. Каталогъ, дѣйствительно, составленъ крайне удачно; въ него вошло много лучшихъ произведеній англійской и всеобщей литературы,—произведеній, которыхъ чтеніе одинаково увлекательно и для стараго, и для молодого. Не довольствуясь этимъ, редакція тщательно пересмотрѣла всѣ присланные каталоги и, соображаясь со всѣми ними и опираясь, конечно, на собственныя библіографическія и другія знанія, составила образцовый каталогъ книгъ для начальныхъ школъ и уже въ іюлѣ мѣсяцѣ помѣстила его въ журналѣ. Всякій понимаетъ, какъ полезенъ такой каталогъ и для англійскихъ школъ, и для родителей, слѣдящихъ за чтеніемъ дѣтей; но не всякій, можетъ быть, понимаетъ, какъ важны такія свѣдѣнія для иностранцевъ. Если-бы учителя новыхъ языковъ имѣли предъ собою такіе ка-

талоги, составленные компетентными людьми во Франціи, въ Германіи и въ другихъ странахъ, если-бы, далѣе, эти учителя были вполнѣ свободны въ выборѣ книгъ для чтенія въ классѣ, то такой каталогъ былъ-бы неоцѣнимъ для нихъ. Вотъ хорошія, дешевыя, изящныя (что въ Англіи часто совмѣщается) и увлекающія англійскихъ, французскихъ или другихъ дѣтей книги,—говоритъ ему каталогъ и облегчаетъ выборъ книги для класснаго или внѣкласснаго чтенія учениковъ среди безконечной вереницы дѣтскихъ, популярныхъ и другихъ изданій, которыми изобилуетъ французская, англійская или нѣмецкая литература.

Къ системѣ конкурсовъ для разрѣшенія тѣхъ или другихъ вопросовъ прибѣгаетъ и другой англійскій педагогическій журналъ—«Educational Review».

Читателю, можетъ быть, показалось длиннымъ наше обозрѣніе содержанія «Journal of Education». Мы-же, съ своей стороны, скажемъ, что, не смотря на общераспространенное мнѣніе о скукѣ педагогическихъ статей и педагогическихъ журналовъ, съ удовольствіемъ провели нѣсколько недѣль надъ изученіемъ этого изданія.

П. Г. Мижуевъ.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Сельско-хозяйственное образованіе въ начальныхъ школахъ Чехіи и Австріи.

Мысль о необходимости сообщенія населенію сельско-хозяйственныхъ знаній при посредствѣ начальныхъ школъ сознавалась еще въ прошломъ столѣтіи. Законъ Маріи-Терезіи отъ 1774 г. постановляетъ, чтобы въ тривіальной, по нынѣшнему словоупотребленію—начальной, школѣ дѣти обучались начаткамъ вѣроученія, чтенію, письму, счету и наставлялись въ правдивости и хозяйствѣ, сельскомъ и домашнемъ *). По этому-же закону сельское хозяйство должно было преподаваться и въ главныхъ, по нынѣшнему—городскихъ, училищахъ. Изъ дополненій 1781 года къ закону Маріи-Терезіи видно, что при преподованіи сельскаго хозяйства главное вниманіе должно было быть обращено на культуру плодовыхъ деревьевъ. Законъ Маріи-Терезіи—одинъ изъ первыхъ государственно-школьныхъ законовъ, выработанъ, какъ извѣстно, Фельбигеромъ по образцу прусскаго, и самъ, въ свою очередь, послужилъ образцомъ для Екатерининскаго устава народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи, утвержденному 5 авг. 1786 г. **). Уставъ

---

*) Любопытная историческая справка:

1763. Generallandschulreglement Фридриха В.

1765. Фельбигеръ перерабатываетъ его для католическихъ школъ Пруссіи.

1774. Allgemeine Schulordnung Маріи-Терезіи, выработанный Фельбигеромъ.

1774. Regulae directionae для православнаго Баната. Это тотъ-же Schulordnung, нѣсколько измѣненный для православныхъ. Преобразователемъ сербскихъ школъ Баната согласно этимъ правиламъ былъ Янковичъ-де-Миріево († 1814), о дѣятельности котораго въ Россіи распространяться, конечно, не нужно.

1775, ноября 7. «Учрежденіе для управленія губерній Всероссійской Имперіи», по которому народныя школы должны были быть устраиваемы во всѣхъ городахъ и многолюдныхъ селеніяхъ. На самомъ дѣлѣ не было устроено ни одной школы.....Eine Anleitung zur Rechtsschaffenheit und zur Wirthschaft... нѣкоторые, напр. Д. Толстой (Городскія уч. въ царств. Екат. II), переводятъ—домоводству. Мы слѣдуемъ толкованію чешскаго Pedag. Slovnika (педагогическаго энциклопедическаго словаря), которое находитъ себѣ подтвержденіе въ дополненіяхъ Іосифа II. Для главныхъ школъ употреблено выраженіе: Principien der Haus und Feldswirthschaft.

**) 1786, авг. 6.—Уставъ народнымъ училищамъ въ Россійской Имперіи.
1795. — такой-же французскій уставъ.

Екатерины исключаетъ, однако, хозяйство изъ числа предметовъ, познанія изъ которыхъ сообщаются въ народной школѣ, и, какъ увидимъ сейчасъ, вполнѣ основательно, ибо и въ болѣе культурныхъ, чѣмъ русскія, земляхъ Габсбургской династіи постановленія о преподаваніи сельскаго хозяйства не имѣли дѣйствительной силы. Законъ Александра 1804 г. дополнилъ въ этомъ отношеніи законодательство Екатерины: онъ ввелъ гигіену и сельское хозяйство въ программы народныхъ училищъ, но оба эти предмета такъ и остались только въ программахъ, на бумагѣ; на самомъ дѣлѣ они нигдѣ не преподавались. Постановленія-же Маріи-Терезіи и Іосифа относительно преподаванія сельскаго хозяйства оставались въ громадномъ большинствѣ случаевъ тоже неисполненными. Онѣ не вошли въ жизнь, съ одной стороны, вслѣдствіе недостатка въ соотвѣтственно подготовленныхъ учителяхъ, а съ другой, потому что населеніе не сознавало въ достаточной еще мѣрѣ всей пользы ученія и школы, въ особенности-же ученія сельско-хозяйственнаго. Это было въ то время новостью. И сама наука о сельскомъ хозяйствѣ находилась чуть что не въ младенчествѣ. Такъ, дополненія Іосифа II обращаютъ вниманіе на одну только, и притомъ далеко не главную сторону хозяйства. Но законы Маріи-Терезіи и Іосифа II положили основаніе развитію начальнаго общаго образованія въ земляхъ Габсбургскаго дома. Съ прекращеніемъ ихъ дѣйствія остановилось и развитіе этого образованія. Вновь оно ожило и прочно утвердилось лишь со второй половины текущаго столѣтія. И вмѣстѣ съ тѣмъ съ того-же времени, со второй половины текущаго столѣтія, возникаютъ въ габсбургскихъ земляхъ и развиваются всякаго рода профессіональныя, въ томъ числѣ и сельско-хозяйственныя, школы.

Дѣятелю Маріи-іосифовскаго времени, извѣстному педагогу-практику Киндерману принадлежитъ мысль о соединеніи начальнаго образованія съ ремесленнымъ *). Но эта мысль, равно какъ и многія другія идеи того просвѣщеннаго вѣка, стала приводиться въ исполненіе только со второй половины текущаго столѣтія. Со вступленіемъ на престолъ Франца I дѣйствіе законовъ Маріи-Терезіи прекращается, школа ввѣряется руководству духовенства, и духъ живой отлетаетъ отъ нея. Новое направленіе и новое устройство австрійская школа получаетъ лишь въ 60-хъ годахъ.

Въ настоящее время центръ тяжести сообщенія сельско-хозяйственныхъ знаній въ начальной школѣ сосредоточенъ, во-первыхъ, въ такъ-называемыхъ дополнительныхъ школахъ, и затѣмъ въ городскихъ училищахъ. И тѣ, и другія служатъ цѣлямъ сельско-хозяйственнаго образованія лишь въ тѣхъ округахъ, гдѣ чувствуется потребность въ такомъ образованіи, въ прочихъ округахъ ими пользуются для нуждъ промышленности и торговли. Дополнительныя школы ведутъ свое начало со временъ Маріи-Терезіи, но нынѣшнее свое прикладно-хозяйственное и ремесленное онѣ получили въ послѣднее время по законамъ 1848, 1869 и особенно 1883 годовъ. Первыя-же ремесленныя и торговыя дополнительныя школы учреждены въ 50-хъ годахъ, въ Чехіи именно въ 1852 г. Городскія училища соотвѣтствуютъ главнымъ школамъ Маріи-Терезіи, въ которыхъ, какъ только что упомянуто, преподавалось сельское и домашнее хозяйство, но вновь органами сообщенія сельско-хозяйствен-

*) Локкъ еще раньше Киндерманна представлялъ проектъ о ремесленныхъ школахъ.

ныхъ познаній онѣ сдѣлались лишь въ самые послѣдніе годы, со времени закона 1883 г. Нѣкоторые находятъ даже, что ихъ теперь и не слѣдуетъ считать начальными школами, но большинство держится противоположнаго мнѣнія.

И дополнительныя, и городскія школы суть продолженіе начальныхъ училищъ. Въ нихъ поступаютъ изъ начальныхъ, въ возрастѣ не моложе 13—14 лѣтъ. Нарочито сельско-хозяйственныя и вообще профессіональныя школы обязаны или вводить у себя курсы начальной школы, или устраиваться такимъ образомъ, чтобы занятія въ нихъ отнюдь не препятствовали посѣщенію начальной школы. И дополнительныя, и городскія школы по закону тоже не должны быть обращаемы въ исключительно прикладныя, профессіональныя, онѣ должны оставаться общеобразовательными, но съ профессіональнымъ характеромъ. Профессіональное образованіе безъ общаго признается недостаточнымъ, на что обращаемъ вниманіе читателя. И дѣйствительно, профессіонально-школьное образованіе безъ общаго даже и невозможно, по крайней мѣрѣ, до сихъ поръ не было такого примѣра, чтобы оно развилось само по себѣ и отдѣльно отъ общаго. Оно идетъ съ общимъ рука объ руку и тамъ и развито, и приноситъ пользу, гдѣ развито общее. Такъ во всѣхъ образованныхъ странахъ. Чтобы не быть, однако, голословными, пояснимъ нашу мысль однимъ лишь примѣромъ, сравнимъ двѣ славянскія области Австріи: Чехію и Галичину. Послѣдняя, слѣдуетъ замѣтить, во многихъ отношеніяхъ близко подходитъ къ нашимъ юго-западнымъ и польскимъ губерніямъ. Чехія меньше Галичины по населенію и значительно меньше по пространству. Тѣмъ не менѣе, въ Чехіи въ 1888—1889 году дѣйствовало 244 такъ-называемыхъ Gewerbeschulen съ 67 дополнительными при нихъ курсами, а въ Галичинѣ 21 съ 8 дополнительными классами. Положимъ, Чехія страна промышленная, но и сельско-хозяйственныхъ школъ въ ней больше, чѣмъ въ Галичинѣ *). Вмѣстѣ съ тѣмъ, по переписи 1890 г., въ Галичинѣ оказалось безграмотныхъ около 68% ея населенія въ возрастѣ отъ 6 лѣтъ, а въ Чехіи перепись не 1890 г., а 1880 г. насчитала только 7% (немного меньше) безграмотныхъ, а теперь ихъ въ ней и того менѣе.

Сообщенію населенію сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній, помимо дополнительныхъ и городскихъ, служатъ также начальныя общія школы. По общему для всей Цислейтаніи закону 1869 г., при начальныхъ школахъ должны быть устраиваемы древесные питомники и опытныя поля, но питомники и особенно поля имѣются далеко не вездѣ и предназначены больше для потребностей дополнительныхъ школъ, такъ какъ въ начальныхъ сельское хозяйство, какъ отдѣльный предметъ, не проходится, хотя, нѣтъ сомнѣнія, даже и при этомъ послѣднемъ условіи, питомники и школьные сады должны имѣть значеніе для сельскаго хозяйства, особенно въ рукахъ любящаго это дѣло учителя. Сельское хозяйство имѣется въ виду при преподаваніи естествовѣдѣнія, причемъ учителя обращаютъ вниманіе на полезныхъ и вредныхъ для хозяйства животныхъ и т. п. Естествовѣдѣніе какъ въ первоначальной, такъ и въ городской школѣ не должно, однако, имѣть въ виду только однѣ прикладныя цѣли, оно должно дѣйствовать воспитательнымъ образомъ, должно возбуждать въ дѣтяхъ любовь и сознаніе о Богѣ, какъ о творцѣ и зиждителѣ вселенной. Кромѣ того, для сообщенія сельско-хозяйственныхъ знаній

*) Данныя о дополнительныхъ школахъ см. ниже.

въ общей начальной школѣ пользуются также книгами для чтенія. Въ первой чешской книгѣ для чтенія мы находимъ четыре статьи земледѣльческаго, такъ сказать, содержанія: о пахотѣ, о лугахъ, о зерновыхъ хлѣбахъ, о поляхъ. Въ слѣдующихъ—такихъ статей гораздо больше и онѣ подробнѣе.

Естественно, что при такой постановкѣ сообщенія сельско-хозяйственныхъ свѣдѣній въ первоначальныхъ школахъ наука о сельскомъ хозяйствѣ должна входить въ курсы тѣхъ учрежденій, которыя готовятъ учителей для этихъ школъ. Въ учительскихъ семинаріяхъ Чехіи она преподается въ III и IV-мъ классахъ, по 2 часа въ недѣлю. Нѣкоторые находятъ, что это недостаточно и что преподаваніе ведется черезчуръ теоретически. Такія жалобы особенно часты въ Галичинѣ, гдѣ, впрочемъ, курсъ учительскихъ семинарій до послѣдняго времени распредѣлялся не на 4, а на 3 года. Въ семинаріяхъ учителя пріобрѣтаютъ знанія по уходу за скотомъ, разведенію садовъ, культурѣ полевыхъ, садовыхъ и плодовыхъ деревьевъ.

Общеавстрійскій законъ 1867 г. постановлялъ, чтобы при начальныхъ школахъ были устраиваемы особые курсы сельско-хозяйственные или ремесленные, смотря по потребностямъ населенія. Въ 1872 г. министерство пригласило областные школьные совѣты выработать соотвѣтствующія мѣстнымъ условіямъ программы для такихъ курсовъ и предложить ихъ на утвержденіе сеймамъ съ тѣмъ, чтобы по крайней мѣрѣ въ каждомъ школьномъ округѣ было-бы по одной такой школѣ. Результаты какъ этихъ, такъ и многихъ другихъ распоряженій, равно какъ постановленій и ходатайствъ педагогическихъ, сельско-хозяйственныхъ и иныхъ обществъ и учрежденій, также пропаганды печати, въ настоящее время для сельско-хозяйственныхъ и дополнительныхъ школъ выражаются въ слѣдующихъ цыфрахъ:

Чехія.	Моравія.	Силезія.	Крайна.	Штирія.	Хорутанія.
(Земли короны св. Вацлава).			(Словинская земля).	(Словинско-нѣм. земли).	
27 школъ. 872 учащихся.	19 школъ.	4 школы.	120 школъ.	25 школъ.	25 школъ.

Далмація.	Приморье.	Галичина.	Буковина.	Обѣ Австріи.
(Славяно-ит. земли).		(Русско-польскія земли).		(Нѣмецкая земля).
2 школы.	185 школъ.	6 школъ.	13 школъ.	88 школъ.

Въ Далмаціи, Галичинѣ и Буковинѣ этихъ школъ очень немного—это самыя отсталыя по народному образованію страны Австріи. Въ Силезіи ихъ тоже немного, но Силезія очень невелика и въ ней развита промышленность, въ то время, какъ Галичина и Буковина—страны почти исключительно земледѣльческія. Въ словинской Крайнѣ обращаютъ много вниманія на школьные сады. Съ этою цѣлью издается даже особый журналъ подъ названіемъ: «Urtnar»—садовникъ.

Всѣхъ-же дополнительныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ въ Цислейтаніи 514 съ 14.352 учащихся. Это не такъ много, какъ намъ кажется. Въ маленькомъ Виртембергѣ ихъ 690 съ 20.000 учащихся. До послѣдняго времени въ Австріи заботились о ремесленно-дополнительныхъ школахъ больше, чѣмъ о сельско-хозяйственныхъ. Но сознаніе объ ихъ необходимости распространяется съ каждымъ годомъ. О нихъ хлопочутъ и промышленныя, какъ Чехія, и земледѣльческія области.

Задача дополнительной сельско-хозяйственной школы—доставить деревен-

скому юношеству необходимѣйшія для его будущей дѣятельности понятія и познанія, въ наикратчайшій срокъ и съ наименьшими затратами.

Въ Чехіи дополнительныя сельско-хозяйственныя школы устроены слѣдующимъ образомъ:

Обученіе разсчитано на 2 зимнихъ пятимѣсячныхъ (съ 1 ноября по 3 апрѣля) учебныхъ года. Курсъ второго года есть только повтореніе и расширеніе курса перваго. На ученіе идетъ 6—9 часовъ еженедѣльно, изъ нихъ 3 обязательно послѣ полудня. Въ концѣ каждаго года производится испытаніе въ присутствіи желающихъ для того, чтобъ отцы могли убѣдиться, какія познанія выносятъ ихъ сыновья изъ школы. Обученіе безплатное.

Школы ввѣрены непосредственному надзору мѣстнаго школьнаго совѣта. Завѣдуетъ ими или учитель сельскаго хозяйства, или завѣдующій мѣстной начальной школой. Преподаватель сельскаго хозяйства обязанъ имѣть соотвѣтствующее свидѣтельство. Имъ, если имѣетъ такое свидѣтельство, можетъ быть и мѣстный начальный учитель. Онъ не преподаетъ остальные предметы. Школы могутъ быть устраиваемы только лишь въ тѣхъ случаяхъ, если находится соотвѣтственно подготовленный учитель сельскаго хозяйства.

Преподаются въ нихъ слѣдующіе предметы:

1) Родной языкъ—1 часъ въ недѣлю. Показываютъ, какъ писать письма, росписки, довѣренности и т. п.

2) Счетъ и геометрія—2 часа въ недѣлю. Сельско-хозяйственные счеты и смѣты; теоретическое и практическое измѣреніе площадей и кубическихъ тѣлъ.

3) Сельско-хозяйственное естествовѣдѣніе—2 часа въ недѣлю. Полезныя и вредныя для хозяйства животныя; способы уничтоженія насѣкомыхъ; законы объ охранѣ птицъ и истребленіи насѣкомыхъ; важнѣйшія сельско-хозяйственныя растенія; главнѣйшія породы, изъ которыхъ состоитъ почва; важнѣйшіе химическіе элементы и соединенія; общія физическія свойства тѣлъ и т. д.

4) Сельское хозяйство—4 часа въ недѣлю.

А. Воздѣлываніе растеній. a) Общія понятія: почва, подпочва и ихъ составныя части; меліорація, обработка и удобреніе; сѣвъ, уходъ во время роста растенія, болѣзни его, созрѣваніе и уборка. b) Обозрѣніе отдѣльныхъ видовъ растеній: 1) зерновыхъ хлѣбовъ; 2) стручковыхъ; 3) промышленныхъ: льна, конопли, хмеля; 4) корнеплодныхъ; 5) кормовыхъ. При этомъ проходится особо каждое растеніе и его воздѣлываніе. Далѣе: луговыя травы и луговодство; плодовыя деревья, садоводство и устройство питомниковъ; лѣсоводство, причемъ указывается на значеніе лѣса для сельскаго хозяйства и земледѣлія — тоже дѣлается и относительно луговодства и садоводства — и сообщаются законы объ охранѣ лѣса и звѣрей.

В. Скотоводство всякаго рода. a) Общія понятія: значеніе, устройство тѣла и жизнь домашнихъ животныхъ; присмотръ и уходъ за взрослыми и растущими домашними животными; леченіе; роды корма въ хлѣву и способы его приготовленія; пастьба, болѣзни и гигіена домашнихъ животныхъ. Все это съ достаточною подробностью. b) Обозрѣніе отдѣльныхъ видовъ домашнихъ животныхъ: скотоводство крупное и мелкое, коневодство, свиноводство, птицеводство, пчеловодство, рыбоводство. Всѣ виды, за исключеніемъ рыбоводства, проходятся довольно подробно. Выясняется значеніе каждаго вида для мелкаго хозяйства.

Особое вниманіе обращается на внушеніе убѣжденія въ необходимости меліораціи (осушка, овлажненіе, корчеваніе и т. п.), на значеніе глубокой пахоты, обсадки деревьями дорогъ и т. п., плодоперемѣнности, пренебреженія садами, истощенія почвы и поддержки ея производительныхъ силъ и т. д. Указывается на разницу между человѣческимъ и машиннымъ трудомъ и т. п.

Всѣ свѣдѣнія сообщаются примѣнительно къ нуждамъ мелкаго хозяйства. Дополнительныя школы готовятъ не приказчиковъ и старостъ, а самостоятельныхъ хозяевъ-крестьянъ.

Программа приведена нами въ извлеченіи. Она слишкомъ обширна, что сказалось на практикѣ сейчасъ-же послѣ введенія ея въ дѣйствіе. Уже въ 1886 г. Чехія представила министерству земледѣлія сокращенную и переработанную программу, но эта новая программа все еще не утверждена.

Недостатки и вмѣстѣ съ тѣмъ отличія дополнительныхъ сельско-хозяйственныхъ школъ Чехіи отъ такихъ-же ремесленныхъ заключаются, по мнѣнію нѣкоторыхъ чешскихъ учителей, въ слѣдующемъ:

1) Посѣщеніе ихъ необязательно, между тѣмъ какъ ремесленные ученики обязаны посѣщать свои дополнительныя школы.

2) Они содержатся на средства школьныхъ общинъ и округовъ и земледѣльческихъ обществъ при самой незначительной помощи отъ области и государства. На ремесленныя отпускаются большія пособія отъ области и государства.

3) Для нихъ труднѣе, чѣмъ для ремесленныхъ, найти подготовленныхъ учителей. Свѣдѣнія сообщаемыя учительскими семинаріями, недостаточны для этого.

4) Они не снабжены въ достаточной мѣрѣ соотвѣтствующими пособіями. Ремесленныя обставлены въ этомъ отношеніи гораздо лучше, что происходитъ, конечно, отъ того, что обставить земледѣльческую школу гораздо труднѣе, чѣмъ ремесленную.

5) Они не имѣютъ соотвѣтствующихъ книгъ для чтенія. Въ эти книги, помимо сельско-хозяйственныхъ статей должны входить историческія, географическія и нравоучительныя статьи *).

Итакъ, сельско-хозяйственное образованіе въ начальныхъ школахъ Австріи сосредоточено въ сельско-хозяйственныхъ дополнительныхъ и городскихъ **) школахъ. Общая начальная школа ограничивается лишь сообщеніемъ сельско-хозяйственныхъ понятій при преподаваніи естествовѣдѣнія и родного языка, причемъ имѣютъ извѣстное значеніе школьные сады и потомники. Такимъ образомъ начальное образованіе распадается на двѣ ступени:

Начальное общеобразовательное—для дѣтей въ возрастѣ 7—12 лѣтъ. Оно обязательно и лишь отчасти служитъ сельско-хозяйственнымъ цѣлямъ (отчасти и ремесленно-промышленнымъ—путемъ преподаванія ручного труда).

Начальное профессіональное—для подростковъ отъ 13 лѣтъ. Обязательное

---

*) Въ прошломъ году въ Прагѣ вышла; «Čitanka pro školy rolnické a zimni hospodárské», т.-е. книга для чтенія для земледѣльческихъ и зимнихъ сельско-хозяйственныхъ школъ. Но мы не знаемъ, предназначается-ли она также и для дополнительныхъ школъ. Въ читанкѣ много статей и не сельско-хозяйственнаго содержанія.

**) О городскихъ мы надѣемся поговорить особо.

для будущихъ ремесленниковъ, оно пока еще не обязательно для будущихъ хозяевъ-крестьянъ. По закону должно оставаться общеобразовательнымъ, но въ сельско-хозяйственныхъ дополнительныхъ школахъ оно принимаетъ чисто прикладной характеръ.

Полагаемъ, что подобный-же принципъ долженъ быть положенъ въ основу сельско-хозяйственнаго преподаванія въ начальныхъ школахъ и у насъ, въ Россіи. Но если въ Австріи земледѣльческія дополнительныя школы могутъ быть открываемы тамъ только, гдѣ отыскивается соотвѣтственно для нихъ подготовленный учитель, то тѣмъ болѣе нужно имѣть въ виду такое требованіе у насъ, гдѣ и сельско-хозяйственныя знанія распространены вообще меньше, и довѣрія и привычки къ школѣ тоже гораздо меньше.

М. К.

Хроника народнаго образованія.

Въ концѣ прошлаго 1892 года въ Лондонѣ происходило торжество открытія безплатной народной читальни и библіотеки въ бѣднѣйшей части города—Уайтчапелѣ. Церемонію открытія совершалъ теперешній англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Розбери, который произнесъ при этомъ любопытную рѣчь о значеніи книгъ и библіотекъ. Указавъ на то, что за послѣднія 30 лѣтъ, благодаря усиліямъ лучшей части англійскаго общества, книги въ Англіи чрезвычайно удешевились, такъ что за 9 пенсовъ можно купить всего Шекспира, за тѣ же 9 пенсовъ всѣ поэтическія произведенія Мильтона, за 3 пенса «Опыты» Бэкона, за 4 шиллинга «Исторію Англіи» Маколея, всего Диккенса по $4^1/_2$ пенса за томъ и вообще на деньги, составляющія стоимость одной шляпы, можно купить цѣлую библіотеку,—лордъ Розбери обрисовалъ въ нижеслѣдующихъ выраженіяхъ одно изъ послѣдствій удешевленія и распространенія книгъ: «Книги являются великимъ демократическимъ факторомъ міра. Они перенесли знаніе изъ монастырей, въ которыхъ оно было заключено, въ дворцы великихъ міра сего. Изъ дворцовъ книгопечатаніе перенесло его въ центры науки, какіе тогда были въ этой странѣ; и ему понадобилось много времени—и это время теперь наступило — на то, чтобы перенести знаніе изъ центровъ учености въ жилища и сердца народа. Что-же означаетъ этотъ фактъ? Онъ означаетъ, что люди, обладающіе этой литературой — платятъ-ли они 4 пенса за самое дешевое изданіе или отдаютъ 400 фунтовъ за первое изданіе, которое можно имѣть лишь въ 3 экземплярахъ—становятся на одинъ уровень и что это обстоятельство оказываетъ самое демократизирующее вліяніе—не въ смыслѣ пониженія общаго уровня, а въ смыслѣ общаго возвышенія. Люди, которые наслаждаются чтеніемъ Шекспира, вступаютъ въ франкъ-масонскій союзъ, къ которому принадлежали всѣ великіе люди, жившіе послѣ Шекспира. И я думаю, что едва-ли можно преувеличить вліяніе этого умственнаго франкъ-масонства, вызваннаго удешевленіемъ и широкимъ распространеніемъ литературы, которое неизбѣжно дойдетъ до размѣровъ, трудно и предугадываемыхъ теперь». Обращаясь затѣмъ къ безплатнымъ читальнямъ и библіотекамъ, лордъ Розбери спраши-

валъ: «На что нужны эти безплатныя читальни теперь, когда дешевизна книгъ такъ велика? Вѣдь теперь — въ виду дешевизны книгъ — врядъ-ли можно утверждать, что безплатныя народныя библіотеки также существенно необходимы для простого, первоначальнаго чтенія, какъ это было 30—40 лѣтъ назадъ. Но онѣ по прежнему имѣютъ побудительное воздѣйствіе на публику, которая еще не почувствовала потребности въ чтеніи въ такой мѣрѣ, чтобы пріобрѣтать книги въ собственность,—и это, по моему крайнему убѣжденію, есть величайшее благодѣяніе, которое онѣ оказываютъ. Но затѣмъ онѣ приносятъ пользу еще и въ другомъ отношеніи: какъ аппетитъ приходитъ во время ѣды, такъ и читатель, одолѣвши собственный запасъ книгъ и чувствуя, что предъ нимъ обозначились новые умственные пути, какъ результатъ прочитаннаго, не можетъ слѣдовать по нимъ далѣе иначе, какъ получивъ доступъ въ публичныя библіотеки».

Если даже въ Англіи придается такое важное значеніе безплатнымъ народнымъ библіотекамъ и читальнямъ и удешевленію книгъ, то во сколько разъ большее значеніе должна имѣть дѣятельность по удешевленію книгъ и устройству безплатныхъ библіотекъ у насъ, гдѣ образованіе народной массы неизмѣримо ниже образовательнаго уровня народа въ Англіи и гдѣ населеніе слишкомъ бѣдно для того, чтобы имѣть возможность покупать цѣнныя книги, и тѣмъ болѣе въ достаточномъ количествѣ. И если въ Англіи открытіе безплатной библіотеки составляетъ крупное общественное событіе, принять участіе въ которомъ считаютъ за честь люди, занимающіе самое видное общественное положеніе, то еще болѣе крупнымъ событіемъ должны считаться подобные факты у насъ. Правда, наши безплатныя библіотеки не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ подобными-же учрежденіями Англіи ни по средствамъ, которыми онѣ располагаютъ, ни по объему ихъ содержанія, ни по обширности дѣятельности, ни вообще по условіямъ, въ которыя онѣ поставлены. Все это, однако, отнюдь не уменьшаетъ ни общественнаго значенія открывающихся у насъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ, ни нашего уваженія, которымъ мы обязаны къ лицамъ, принимающимъ на себя не малый трудъ по устройству безплатныхъ библіотекъ, а пожалуй, даже должно усиливать то и другое.

Въ настоящей хроникѣ мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ увеличеніе числа нашихъ, пока еще столь малочисленныхъ, народныхъ библіотекъ двумя новыми, открытіе которыхъ любопытно еще въ томъ отношеніи, что ясно показываетъ, при какихъ ничтожныхъ собственно матеріальныхъ средствахъ возможно устройство безплатныхъ библіотекъ, требующее только любви къ дѣлу и энергіи отъ устроителей. Приводимъ здѣсь цѣликомъ газетныя сообщенія, касающіяся событій, о которыхъ мы говоримъ, такъ какъ приводимыя въ этихъ сообщеніяхъ подробности прекрасно рисуютъ условія, при которыхъ у насъ могутъ совершаться подобныя событія.

«*Симбирскъ*. На этихъ дняхъ у насъ послѣдовало открытіе безплатной библіотеки-читальни имени И. А. Гончарова. Иниціаторша этого прекраснаго учрежденія не пожелала воспользоваться даровымъ погребомъ (иначе не могу назвать то помѣщеніе, которое любезно для «просвѣщенія» и «прохлажденія» народа предложила наша управа), а, несмотря на скудость матеріальныхъ средствъ, сняла другое помѣщеніе, хотя и не совсѣмъ удобное. Мѣст-

торомъ и ближайшимъ организаторомъ этого дѣла явился смотритель мѣстнаго духовнаго училища. Чтенія ведутся учителями мѣстныхъ духовнаго училища и земской школы; будутъ принимать участіе и другія лица изъ мѣстной интеллигенціи. Чтенія произносятся въ зданіи земской школы. За недостаткомъ средствъ для пріобрѣтенія фонаря, чтенія произносятся безъ туманныхъ картинъ и разнообразятся лишь пѣніемъ церковнаго хора. Тѣмъ не менѣе, чтенія охотно посѣщаются народомъ. Собираются средства для пріобрѣтенія фонаря. Возобновленныя въ нынѣшнемъ учебномъ году слишкомъ поздно (въ концѣ января) народныя чтенія въ Ставрополѣ-Кавказскомъ имѣютъ такой-же громадный успѣхъ, какъ и въ предъидущемъ году. Помѣщеніе, отведенное городскимъ управленіемъ (бывшая казарма), бываетъ во время каждаго чтенія переполнено до послѣдней степени. Слушателей собирается отъ 600 до 800 чел. Въ Казани, какъ видно изъ отчета мѣстной коммиссіи народныхъ чтеній за 1892 г., чтенія велись въ двухъ аудиторіяхъ—манежѣ юнкерскаго училища и одномъ изъ ородскихъ училищъ. Чтенія начались съ 12 января и продолжались до 22 марта; снова чтенія были возобновлены 25 сентября. Всѣхъ чтеній въ 1892 г. было 32. Въ среднемъ на каждомъ чтеніи было показано 20 картинъ. Кромѣ того, чтенія начинались и оканчивались музыкой (военный хоръ) или пѣніемъ хора пѣвчихъ. И въ Казани, какъ и вездѣ, чувствовался недостатокъ матеріала для чтенія, благодаря чему нѣкоторыя брошюры читались по два раза. Казанская коммиссія народныхъ чтеній взимаетъ плату за входъ на чтенія, благодаря чему въ 1891 г. число посѣтителей было не велико. Въ виду этого въ 1892 г. «безплатный доступъ на народныя чтенія получилъ гораздо болѣе значительное примѣненіе, чѣмъ въ 1891 г.», благодаря чему и число посѣтителей значительно возрасло. Именно въ то время какъ во второе полугодіе 1891 г. на среднее чтеніе приходилось 147 посѣтителей, въ первое полугодіе 1892 г. было уже 269 посѣтителей и во второе полугодіе 387. Всего было въ 1892 г. 7.817 посѣтителей, изъ нихъ 49% безплатныхъ. Кромѣ устройства народныхъ чтеній, коммиссія оказала содѣйствіе (фонаремъ и картинами) нѣсколькимъ общеобразовательнымъ предпріятіямъ и предпринимаетъ устройство безплатной народной читальни. Средства коммиссіи очень скромны. Именно, въ отчетномъ году, кромѣ остатка отъ прошлаго года (46 р.), коммиссія получила 50 р. субсидіи отъ губернскаго земства и 200 р. отъ городского управленія и 234 р. входной платы. Израсходовано было: на постановку чтеній 355 р. и на покупку книгъ и картинъ 41 р.

Въ послѣднее время дѣлаются попытки создать еще новый типъ внѣшкольнаго народнообразовательнаго учрежденія—народный театръ. Попытки этого рода дѣлаются въ нѣсколькихъ пунктахъ Россіи. Къ числу наиболѣе удачныхъ попытокъ этого рода должны быть отнесены спектакли, устраиваемые въ с. Рыбкахъ, Дорогобужскаго уѣзда, Смоленской губ. Спектакли устраиваются любителями изъ сельской интеллигенціи: здѣсь—и помѣщичій элементъ, и сельскіе учителя, и сельскія барышни и т. д. Сценка, конечно, небольшая; обстановка простенькая; декораціи приготавливаются самими любителями. Входъ въ театръ платный, причемъ плата, конечно, очень скромна. Выручка предназначается для устройства безплатной библіотеки. Для той-же цѣли назначается доходъ отъ небольшого буфета при театрѣ, гдѣ продаются только чай и фруктовыя воды съ закуской. Чтобы дать по-

нятіе о самой постановкѣ спектаклей въ с. Рыбкахъ, мы приводимъ отзывъ очевидца («Смоленскій Вѣстникъ», 1893 г., № 12):

«Въ с. Рыбкахъ опять стали давать спектакли. 27 декабря было тутъ поставлено: «Не такъ живи, какъ хочется» Островскаго и «Ночное», а 6 января «Свои люди, сочтемся» и «Ямщики». Мнѣ пришлось быть на послѣднемъ спектаклѣ. Народу собралось на этотъ спектакль около 150 чел.; незанятыми остались только передніе стулья по 1 р. Большая часть посѣтителей были средняго класса торговцы, цѣловальники, мелкопомѣстные господа, учителя, служащіе на желѣзной дорогѣ; крестьянъ сравнительно было немного, что объясняли тутъ платою за билеты отъ 5 до 10 коп. Прежде крестьянъ пускали сюда даромъ, отчего собиралось народу много; въ толпѣ встрѣчались и подвыпившіе мужики, которые разговаривали, шумѣли и не давали другимъ слушать; потомъ стали и съ крестьянъ брать деньги за входъ; приходило теперь народу простого меньше, за-то пьяныхъ ужъ больше не встрѣчалось. Изъ ближайшихъ деревень приходила молодежь, охотно платила пятаки и, повидимому, выносила хорошія впечатлѣнія. Я послушалъ бесѣды деревенскихъ парней, повидимому грамотныхъ, которые нерѣдко дѣлали мѣткія и довольно своеобразныя замѣчанія по поводу игры того или другого артиста. «Ну-жъ и сваха! Вишь, какъ раздѣлываетъ, подъ орѣхъ, братецъ ты мой». «То-же, братъ, пить, ѣсть хочетъ; смотри, шубу обѣщалъ да двѣ тысячи цѣлковыхъ». «Надуетъ, потому ужъ очень ловкій парень», говорили парни на счетъ Подхалюзина. «А этотъ все рюмочку да рюмочку, какъ это у него животъ не лопнетъ... Какъ его зовутъ-то?» «Какой-то Псоичъ; вишь, стрикулистомъ зовутъ...» Въ антрактахъ между комедіей и водевилемъ тѣ-же парни говорили: «Я говорилъ, что приказчикъ всѣхъ обокулитъ; вишь, какъ чисто обстругалъ дѣло: тестя въ яму засадилъ, сваху надулъ и стрикулисту кукишъ показалъ...» «А дочка тоже подъ шерсть ему: «Мы, тятинька, больше десяти копѣекъ дать не можемъ». Ограбили батьку, да теперь-же и смѣются надъ нимъ...» Вообще комедія Островскаго оказалась вполнѣ доступною и понятною сѣрой публикѣ, и устроители спектаклей въ с. Рыбкахъ вполнѣ разумно выбираютъ для своей сцены лишь серьезныя пьесы. Такъ, кромѣ упомянутыхъ выше «Не такъ живи, какъ хочется» и «Свои люди, сочтемся», въ истекшій сезонъ были поставлены: «Въ чужомъ пиру похмѣлье» и «Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ»...

Всѣ учрежденія, о которыхъ доселѣ была рѣчь,—народныя библіотеки, книжные склады, народныя чтенія и народный театръ,—оказываютъ воздѣйствіе, главнымъ образомъ, на взрослую часть населенія. Ту-же задачу преслѣдуютъ и воскресныя школы, число которыхъ также постоянно возрастаетъ. Хотя мы отмѣчали вновь возникавшія воскресныя школы почти въ каждой хроникѣ, здѣсь намъ снова придется говорить о новыхъ воскресныхъ школахъ, еще не отмѣченныхъ нами. Въ Брянскѣ, Орловской губ., женская воскресная школа открыта 8 ноября 1892 г. и къ 28 февраля настоящаго года она уже имѣла 180 учащихся. 28 февраля, для усиленія средствъ школы, былъ устроенъ литературно-музыкально-вокальный вечеръ, по иниціативѣ учредительницы школы М. И. Баженовой. На этомъ вечерѣ, между прочимъ, П. В. Богаевскою былъ прочитанъ краткій очеркъ, посвященный исторіи и значенію воскресныхъ школъ. Вечеръ далъ 842 рубля чистаго дохода, что, при скромности расходовъ воскресныхъ школъ, обезпечитъ брянскую школу

на долго. Въ Новгородсѣверскѣ, Черниговской губерніи, воскресная школа, съ двумя отдѣленіями: мужскимъ и женскимъ, открыта 14 февраля нынѣшняго года. Въ первое-же воскресенье явилось желающихъ учиться 70 человѣкъ, изъ которыхъ лишь 10 человѣкъ дѣтей, а остальные—взрослые, а во второе—уже 150 человѣкъ. Вслѣдствіе большого наплыва учащихся пришлось немедленно-же перемѣнить помѣщеніе на болѣе просторное (сперва школа была помѣщена въ зданіи приходскаго училища, а затѣмъ переведена въ городское). Учащіеся очень изумлены тѣмъ, что ихъ не только учатъ безплатно, но и выдаютъ даромъ всѣ необходимыя пособія, и не смотря на то, что о безплатности обученія учащимся было объяснено, все-таки многіе спрашиваютъ, кому именно нужно платить. Учащихъ при открытіи школы было всего 10 человѣкъ; но иниціаторы дѣла разсчитываютъ на увеличеніе этого числа, равно какъ и на улучшеніе обстановки школы, и этотъ разсчетъ, по всей вѣроятности, окажется основательнымъ въ виду того общаго сочувствія, которое встрѣтила школа въ мѣстномъ обществѣ. Подумываютъ даже объ устройствѣ при школѣ народныхъ чтеній и народной библіотеки. Въ Баку, по иниціативѣ кружка учительницъ женской гимназіи, устраивается мужская воскресная школа. Въ половинѣ февраля разрѣшеніе на открытіе школы было уже получено. Учащихъ набралось сразу-же 25 человѣкъ. Городское управленіе обѣщало матеріальное содѣйствіе. Предполагается при школѣ устроить и народную библіотеку. Вопросъ объ открытіи воскресной школы считался въ половинѣ февраля близкимъ къ разрѣшенію и въ Кіевѣ, гдѣ уже образовался значительный кружокъ будущихъ учителей школы, собраны средства и возбуждено соотвѣтствующее ходатайство. Объ открытіи воскресной школы идетъ рѣчь и въ г. Василь-Сурскѣ, Нижегородской губ.—Вопросомъ объ устройствѣ воскресныхъ школъ занято въ настоящее время и Саратовское «Общество вспомоществованія учащимся», каковымъ вопросомъ должно было заняться общее собраніе членовъ этого «Общества», созванное на 14 марта...

Я. Абрамовъ.

Нижегородское общество для пособія учащимся въ начальныхъ городскихъ училищахъ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ имѣется 23 начальныя училища съ 2.137 учащимися, изъ коихъ 1.286 мальчиковъ и 851 дѣвочка. Въ этомъ числѣ учащихся находится не мало такихъ дѣтей, которыя, по причинѣ бѣдности ихъ родителей или родственниковъ, не только не могутъ правильно посѣщать школу, но нерѣдко вынуждены оставлять ее до окончанія курса, или даже не имѣютъ вовсе возможности поступить въ школу. Это обстоятельство и послужило причиною къ образованію Общества для вспомоществованія бѣднымъ учащимся въ начальныхъ училищахъ города. Общество образовалось благодаря, главнымъ образомъ, стараніямъ гг. В. М. Лембке, А. В. Олигера, А. М. Меморскаго, А. С. Гацискаго, Н. А. Фреляха, М. В. Овчинникова (инспектора народныхъ училищъ, много потрудившагося для народнаго образованія въ губерніи и недавно умершаго), В. В. Акинфіева, И. Ф. Ремлера, А. И. Фадѣева, А. А. Савельева, Я. Т. Трифанова и другихъ лицъ изъ

мѣстной интеллигенціи, а также благодаря участливому отношенію къ благимъ цѣлямъ Общества со стороны г. губернатора Н. М. Баранова, епископа нижегородскаго (нынѣ казанскаго архіепископа) Владиміра, городского головы А. М. Губина и др. Уставъ Общества былъ утвержденъ 2 января 1892 г., а вслѣдъ затѣмъ было составлено Правленіе, причемъ избраны: предсѣдателемъ В. М. Лемке, товарищемъ—Д. А. Глазовъ, казначеемъ И. Ф. Ремлеръ и секретаремъ С. И. Жуковъ.

Общество открыло дѣйствія 1-го февраля 1892 г. и нынѣ уже обнародовало свой *первый* годовой отчетъ—по 1-е февраля 1893 г. Въ теченіе этого отчетнаго года поступило: взносовъ отъ почетныхъ членовъ 800 р., отъ членовъ пожизненныхъ 655 р., дѣйствительныхъ 620 р., единовременное пособіе отъ Нижегородскаго мѣщанскаго общества 300 р. (а ежегодно по 100 р.), отъ духовнаго концерта и прогулки на пароходѣ 1.319 р. и т. д., всего-же поступило 3.978 р. 69 к., изъ коихъ отчислено въ запасный капиталъ 1.826 р. 90 к., израсходовано на удовлетвореніе цѣлей Общества 1.394 р. 16 к., а именно: уплачено за обувь и одежду и за шитье послѣдней 802 р. 46 к., за учебныя пособія 74 р. 27 к., оказано пособій на продолженіе образованія 126 р., затрачено на устройство концерта, на курсовую разницу при покупкѣ процентныхъ бумагъ и т. п. 391 р. 43 к. Къ 1-му февраля 1893 г. Общество располагало: наличными деньгами 184 р. 53 к. и процентными бумагами 2.500 р.; кромѣ того, оно имѣло запасъ учебныхъ пособій и пожертвованныхъ вещей.

Общество доставляетъ нуждающимся дѣтямъ одежду, обувь, бѣлье, книги и разныя учебныя пособія, медицинскую помощь и квартиру, а тѣхъ изъ дѣтей, которыя окажутся въ совершенно безпомощномъ положеніи, оно можетъ даже и продовольствовать пищею. Относительно способа заготовки дѣтской одежды Правленіе нашло наиболѣе удобнымъ—пальто для мальчиковъ и дѣвочекъ (на ватѣ, съ подкладкою, обошлось отъ 5 р. 35 к. до 6 р. за штуку) и обувь (пара сапогъ 3 р. и ботинокъ 2 р. 25 к., валенки по 80 к. за пару) отдавать шить портнымъ и сапожникамъ, шитье-же платьевъ для дѣвочекъ, мужскихъ блузъ и брюкъ отдавать родственникамъ тѣхъ дѣтей, которымъ эти вещи потребуются, отпуская для сего потребное количество матеріаловъ. Совершенно сшитыя готовыя вещи выдаются только тогда, когда изъ родственниковъ дѣтей, получающихъ вспомоществованіе, шить некому; въ этихъ случаяхъ шитье вещей сдается въ рукодѣльные классы при женскихъ начальныхъ училищахъ.

Кромѣ помощи такого рода, способнѣйшимъ изъ учениковъ и учѣницъ нижегородскихъ начальныхъ училищъ, въ случаѣ бѣдности, Общество доставляетъ средства къ продолженію образованія въ Нижегородскихъ уѣздномъ (городскомъ?), Кулибинскомъ, епархіальномъ училищахъ и въ другихъ мѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Оно содѣйствуетъ также устройству школьныхъ праздниковъ, торжественныхъ актовъ, ёлокъ, чтеній съ туманными картинами, образовательныхъ прогулокъ и т. п.; вѣроятно, также устройству при училищахъ библіотекъ какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ.

Изъ 23 начальныхъ училищъ, оказано пособіе, преимущественно платьемъ и обувью, а также различными учебными пособіями, 161 ученику и ученицамъ 18 училищъ и 136 р. деньгами (платою за ученье въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ) окончившимъ курсъ въ начальныхъ училищахъ. По со-

словіямъ, большинство (131 ученикъ и ученица) получившихъ пособіе принадлежатъ къ сословіямъ: мѣщанскому (75), крестьянскому (34) и военному (дѣти отставныхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ 22); дѣтей чиновниковъ — 14, а дворянъ всего 4.

Указаній относительно организаціи медицинской помощи учащимся, а также помощи по продовольствію бѣдныхъ дѣтей, хотя бы, напр., снабженію ихъ чаемъ и хлѣбомъ въ холодные зимніе дни, въ отчетѣ не имѣется.

Оказать помощь изъ 2.137 учащихся всего 161-му (въ 18 училищахъ изъ 23)—это немного. Можетъ быть, большаго числа нуждающихся и не оказалось, но, принимая во вниманіе заявленіе на первой-же страницѣ отчета, что въ Нижнемъ-Новгородѣ «*масса бѣдныхъ дѣтей, учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ*, не имѣла ни откуда поддержки *въ своемъ часто очень бѣдственномъ положеніи*», можно также предположить, что, не смотря на всѣ старанія (см. стр. 4) почтеннаго Общества распространить среди мѣстнаго населенія свѣдѣнія о своей дѣятельности, послѣднія еще не вполнѣ успѣли проникнуть въ среду нуждающихся въ помощи, а потому и число обращавшихся за нею въ Общество было пока сравнительно столь незначительно.

Во всякомъ случаѣ, однако, Обществу слѣдуетъ имѣть въ виду, что уже благодаря одной только его дѣятельности, дающей возможность учиться и такимъ бѣднымъ дѣтямъ, которыя безъ того не могли-бы посѣщать школу, съ теченіемъ времени число учащихся и школъ въ Нижнемъ будетъ увеличиваться, а вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ умножаться и количество прибѣгающихъ къ помощи Общества. Поэтому, полагаемъ, послѣднему отнюдь не слѣдуетъ связывать себя обязательствами помощи за обученіе дѣтей въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ города. Нынѣ, въ первый-же годъ своего существованія, оно заплатило за обученіе окончившихъ курсъ въ начальныхъ школахъ (стр. 8)—трехъ дѣвочекъ въ женской гимназіи и одного мальчика въ духовномъ училищѣ—уже 136 р., а на пособіе начальнымъ городскимъ школамъ на 161 учащагося израсходовало всего 876 р. 73 к., т.-е. только въ пять съ небольшимъ разъ болѣе, нежели на 4 поступившихъ въ другія учебныя заведенія. Давать возможность продолжать образованіе особенно талантливымъ изъ окончившихъ курсъ въ начальной школѣ — дѣло весьма почтенное и симпатичное, но всетаки Обществу, при его небольшихъ и притомъ большею частью случайныхъ средствахъ, должно прежде всего преслѣдовать свою прямую цѣль — помощь нуждающимся ученикамъ начальныхъ училищъ города, а затѣмъ уже заботиться о дальнѣйшемъ образованіи способнѣйшихъ изъ нихъ. Но и тутъ Обществу, не тратя своихъ небольшихъ средствъ, было-бы лучше передавать такихъ учащихся на попеченіе другихъ Обществъ, имѣющихся при тѣхъ заведеніяхъ, куда могли-бы поступать изъ начальн. школъ, ибо на стр. 1-й отчета мы читаемъ: «*почти при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ Нижняго-Новгорода существуютъ попечительства или особо организованныя Общества для пособія учащимся*», и лишены до сихъ поръ такой помощи были только учащіеся начальныхъ школъ, именно наиболѣе въ ней нуждающіеся.

Затѣмъ, замѣтимъ еще, что въ спискѣ учредителей почтеннаго Общества мы не нашли ни одного женскаго имени; въ спискѣ членовъ есть женщины, но ихъ очень мало сравнительно съ членами-мужчинами. Сфера бла-

готворительности есть по преимуществу сфера женской дѣятельности, и мы не можемъ понять, почему въ Нижнемъ-Новгородѣ такъ мало откликнулось женщинъ на такое доброе дѣло, какое преслѣдуетъ Общество для пособія учащимся въ начальныхъ городскихъ школахъ... Въ числѣ членовъ Правленія женщинъ нѣтъ, хотя, думаемъ, присутствіе ихъ было-бы весьма желательно, такъ какъ Правленію приходится дѣлать много закупокъ и заказовъ по изготовленію платья для дѣтей, причемъ опытность женщинъ могла-бы принести весьма существенную пользу дѣлу. Кромѣ того, число членовъ Правленія (всего 4-ро) слишкомъ незначительно и при расширеніи дѣлъ Общества они едва-ли будутъ въ состояніи управиться съ ними. Правленіе и вообще Общество могли-бы, по нашему мнѣнію, значительно облегчить свою задачу, а также поступить въ интересахъ наибольшей успѣшности своей дѣятельности, еслибы каждая изъ начальныхъ школъ была ввѣрена ближайшему попеченію одного или нѣсколькихъ членовъ Общества, живущихъ въ районѣ той или иной данной школы. Обращаться всякій разъ въ центральное управленіе Общества, въ его Правленіе, для многихъ бѣдняковъ, дорожащихъ временемъ, не всегда удобно, тогда какъ на заявленіе о своей нуждѣ тому или другому изъ попечителей школы, живущихъ вблизи ея, потребуется немного времени. Наконецъ, желающихъ изъ преподавателей и преподавательницъ школъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало-бы (въ видахъ той пользы, какую они могутъ оказать Обществу своимъ содѣйствіемъ его цѣлямъ и въ видахъ тѣснѣйшей связи съ ними) допускать въ качествѣ безплатныхъ членовъ-сотрудниковъ. Въ заключеніе, пожелаемъ Обществу успѣха въ его благихъ начинаніяхъ и выразимъ надежду, что и въ другихъ городахъ будутъ образовываться такія-же полезныя учрежденія. **К. М.**

Дневной пріютъ для крестьянскихъ дѣтей „Ясли“.

Лѣтомъ 1892 года, въ одной изъ усадебъ С.-Петербургской губерніи былъ сдѣланъ опытъ устройства дневного пріюта для крестьянскихъ дѣтей.

Каждый живущій въ деревнѣ знаетъ, что крестьянскія дѣти, оставаясь безъ всякаго призора во время самыхъ горячихъ лѣтнихъ работъ, часто наносятъ себѣ и окружающимъ непоправимый вредъ. Дневной пріютъ, по мнѣнію лицъ, принимавшихъ участіе въ его устройствѣ, является лучшимъ средствомъ какъ для сохраненія здоровья и даже жизни дѣтей, такъ и для предупрежденія лѣтнихъ деревенскихъ пожаровъ — страшнаго бича нашего крестьянскаго хозяйства. Съ другой стороны, существованіе въ деревнѣ дневного пріюта не можетъ не отозваться благотворно на экономіи крестьянскаго труда. Значеніе пріюта было вполнѣ понято и оцѣнено крестьянами, какъ это будетъ видно изъ нижеслѣдующаго.

Благодаря горячему участію попечительницы мѣстной школы, отысканіе помѣщенія для «Яслей» не представило затрудненій. Пустовавшій лѣтомъ пріютъ при школѣ оказался вполнѣ подходящимъ помѣщеніемъ, пришлось только нѣсколько пополнить и приспособить инвентарь его.

«Ясли» находились въ вѣдѣніи особой надзирательницы, при которой еще состояли: дѣвочка-подростокъ и кухарка.

Мы не имѣли возможности принимать въ «Ясли» дѣтей моложе одного года, т.-е. грудныхъ. Дѣти этого возраста потребовали-бы гораздо больше бѣлья, нежели имѣлось въ нашемъ распоряженіи, большаго персонала служащихъ и совершенно другого питанія и ухода. Впрочемъ, по мнѣнію лицъ, постоянно живущихъ въ деревнѣ, грудныя дѣти наименѣе стѣсняютъ матерей, такъ какъ ихъ удобно брать съ собою въ поле.

Первоначально мы предполагали устроить «Ясли» дѣтей на 15, но чрезъ нѣкоторое время, по просьбѣ крестьянъ, ихъ пришлось расширить и принимать до 20 и даже до 22 человѣкъ въ день.

«Ясли» принимали дѣтей съ 16-го іюня по 16-е сентября. За этотъ промежутокъ времени было 24 воскресныхъ и праздничныхъ дней, въ каковые дѣтей не принимали. Всего было 68 пріемныхъ дней. Число посѣщеній— 1.281 (среднимъ числомъ 19 человѣкъ въ день).

Дѣти, посѣщавшія «Ясли», распредѣлялись по возрасту слѣдующимъ образомъ: 7 лѣтъ—2, 6 лѣтъ—7, 5 лѣтъ—4, 4 лѣтъ—2, 2 лѣтъ—5 и 1 года—1. Всего 21 ребенокъ, въ числѣ которыхъ было 7 питомцевъ Воспитательнаго Дома.

Дѣти собирались въ «Ясли» часу въ 7-мъ утра. *Каждый ребенокъ приносилъ съ собою нѣкоторое количество молока и хлѣба.* Доставлять хлѣбъ и молоко было предложено крестьянамъ устроителями дѣла, и исполненіе этого требованія со стороны крестьянъ несомнѣнно доказываетъ, что они признали пользу и цѣлесообразность пріюта.

Собравшіяся дѣти немедленно переодѣвались въ другое платье и бѣлье и распредѣлялись по группамъ. Одну группу надзирательница обучала чтенію и счету; другая группа усаживалась за кубики и разныя самодѣльныя игрушки, по возможности, на открытомъ воздухѣ; самыя маленькія находились подъ надзоромъ дѣвочки-подростка. Въ 11 часовъ дѣти получали обѣдъ, который состоялъ изъ двухъ кушаньевъ: различныхъ кашъ, варенныхъ на молокѣ, иногда мяснаго супа, киселя, гороха, яицъ и т. п. продуктовъ, списокъ которыхъ помѣщенъ ниже. Послѣ обѣда самыхъ маленькихъ дѣтей укладывали спать, остальные учились немного шить, играли, пѣли хоромъ и дѣлали, въ сопровожденіи надзирательницы, прогулки до 4-хъ часовъ, когда ихъ вторично кормили кашею, молокомъ, поили житнымъ кофеемъ и иногда чаемъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, который, какъ лакомство, жертвователи иногда присылали въ «Ясли». Часу въ 8-мъ вечера надзирательница и ея помощница (по днямъ) отводили дѣтей по домамъ. Нѣкоторые изъ родителей приходили и сами за дѣтьми.

Мы далеки отъ мысли, что такими временными «Яслями» можно внести что-нибудь существенно прочное въ воспитаніе и обученіе крестьянскихъ дѣтей, тѣмъ не менѣе полагаемъ, что если намъ удалось сохранить дѣтей цѣлыми и невредимыми въ теченіе лѣта и подкрѣпить ихъ силы порядочнымъ питаніемъ, то цѣль «Яслей» вполнѣ достигнута.

Ниже мы помѣщаемъ полный денежный отчетъ по дневному пріюту. Большая часть предметовъ и съѣстныхъ припасовъ была пожертвована лицами, организовавшими дѣло. Мы перевели ихъ на деньги по мѣстнымъ цѣнамъ. Равнымъ образомъ, переведены на деньги хлѣбъ и молоко, пожертвованные крестьянами. Публикуя этотъ отчетъ во всѣхъ подробностяхъ, мы

имѣемъ въ виду дать *нѣкоторую мѣрку* для устройства подобныхъ «Яслей». Мы глубоко увѣрены, что найдется не мало людей, которые не откажутся путемъ такой небольшой затраты денегъ и труда оказать такую крупную услугу окружающему ихъ населенію.

I. Обстановка.

1) *Общеупотребительные предметы*, взятые изъ хозяйства усадьбы (главнымъ образомъ, для обстановки лица, постоянно надзирающаго за «Яслями»): 1 кровать, 1 столъ, 6 стульевъ, 1 комодъ, 1 шкапъ, 2 табурета, 1 кувшинъ, 1 чашка умывальная, 2 лампы, 2 самовара, 2 ковшика, 2 желѣзныхъ ведра, 1 желѣзный чайникъ, 1 деревянная лохань, 1 пара ножей и вилокъ, 1 сковорода.

2) *Предметы, спеціально пріобрѣтенные для «Яслей»:*

6 корзинъ бѣлевыхъ на козлахъ (служили кроватками)	3 р. — к.	
2 низкихъ стола	2 » — »	
4 » скамьи	2 » — »	
2 луженыхъ чугуна	1 » 80 »	
20 глиняныхъ мисочекъ	1 » 20 »	
3 » чашки	— » 30 »	
12 » кружекъ	— » 36 »	
20 деревянныхъ ложекъ	— » 20 »	
2 судныщка	1 » 50 »	
1 гребень	— » 15 »	
		12 р. 51 к.

3) *Платье и бѣлье* (цѣна за матеріалы, работа даровая):

31 ситцевое дѣтское платье (83 арш.)	9 р. 70 к.	
3 бумазейныхъ сарафана и 13 бумазейныхъ кофтъ (33 арш.)	5 » — »	
5 ситцевыхъ рубашекъ и 5 ситцевыхъ панталонъ (27 арш.)	3 » 32 »	
34 ситцевыхъ передника (49 арш.)	5 » 35 »	
15 большихъ и 12 малыхъ миткалевыхъ сорочекъ (43 арш.)	4 » 30 »	
6 носовыхъ платковъ	— » 60 »	
3 полотенца	— » 50 »	
6 наволокъ изъ холстинки	1 » 20 »	
6 » коленкоровыхъ	— » 70 »	
6 холстинковыхъ чехловъ для сѣнныхъ подушекъ	3 » — »	
6 бумазейныхъ одѣялъ на коленкоровой подкладкѣ	4 » 10 »	
		37 р. 77 к.

4) *Предметы, пріобрѣтенные для игръ и занятій*:

Писчая бумага, карандаши и перья	— р. 70 к.	
7 грифельныхъ досокъ и грифеля	1 » 40 »	
Бумага для вышиванія, канва, иголки и шерсть.	— » 40 »	
3 мяча	— » 30 »	
Деревянныя формочки для песку	— » 20 »	
Кубики	— » 15 »	
Картинки съ текстомъ	— » 40 »	
Книжекъ для чтенія дѣтямъ	— » 50 »	
		4 р. 05 к.
		Итого 54 р. 33 к.

II. Текущіе расходы.

1) *Жалованье служащимъ за 3 мѣсяца*:

Надзирательницѣ	30 р. — к.	
Ея проѣздъ изъ Спб. и обратно.	10 » — »	
Кухаркѣ	9 » — »	
Поднянѣ	3 » — »	
		52 р. — к.

2) *Мелкій расходъ*:

Керосинъ, свѣчи, спички и мыло	1 р. 66 к.	
2 сажени дровъ	3 » 60 »	
		5 р. 26 к.

3) *Пищевой расходъ*:

Крупы ячневой (житной) 30 ф.	1 р. 50 к.	
» гречневой 30 ф.	1 » 50 »	
» овсяной 30 ф.	1 » 50 »	
» пшенной 27 ф.	1 » 62 »	
» перловой 1 ф.	— » 15 »	
» манной 9 ф.	— » 90 »	
Гороху 12 ф.	— » 72 »	
Хлѣба ситнаго 17 ф.	1 » 36 »	
Муки пшеничной 5 ф.	— » 35 »	
Картофелю 5 мѣръ	3 » — »	
Яицъ 75 штукъ	1 » 05 »	
Масла 7 ф.	2 » 10 »	
Молока 20 бут.	1 » — »	
Творогу 13 ф.	— » 52 »	
Мяса 21 ф..	2 » 10 »	
Ячменя на кофе 15 ф.	— » 75 »	
Сахару 26 ф.	4 » 42 »	
Чаю 1/4 ф.	— » 40 »	
Соли 7 ф.	— » 14 »	
		25 р. 08 к.
		Итого 82 р. 34 к.

*

4) *Доставлено крестьянами*:

Молока 589 бут. (считая по 5 коп.) . . .	29 р. 45 к.	
Хлѣба ржанаго 377 ф. (считая по 2 коп.). .	7 » 54 »	
		36 р. 99 к.
	Итого	119 р. 33 к.
	Всего	173 р. 66 к.

Итакъ, весь расходъ по устройству и содержанію «Яслей» составилъ 173 р. 66 к., изъ коихъ на долю устроителей дѣла пришлось 136 р. 67 к., а 36 р. 99 к. внесены натурою крестьянами. Вычитая изъ всей суммы текущихъ расходовъ жалованье служащимъ, получимъ 67 р. 33 к.—расходъ на прокормленіе 19 дѣтей, что составляетъ 3 р. 54 к. на ребенка въ 68 дней ($5^1/_4$ коп. въ день). Предполагая, что обстановка «Яслей» (главнымъ образомъ, бѣлье и платье) износится въ 3 лѣта, мы должны ассигновать на ремонтъ ея ежегодно 18 р. Такимъ образомъ, на содержаніе «Яслей» въ дальнѣйшемъ требуется ежегодный расходъ въ 100 р. (18 р. + 82 р.), предполагая, по примѣру истекшаго лѣта, участіе крестьянъ въ прокормленіи дѣтей.

Въ Московскомъ Комитетѣ грамотности.

(Засѣданія 26 февраля и 16 марта).

Давно уже Московскій Комитетъ грамотности не видалъ такого многолюднаго и оживленнаго засѣданія, какимъ явилось засѣданіе 26 февраля. Среди присутствовавшихъ членовъ замѣчалось много такихъ, которые постоянно проживаютъ внѣ Москвы и которые явились въ собраніе исключительно за тѣмъ, чтобы принять участіе въ выборѣ должностныхъ лицъ на предстоящее трехлѣтіе. Приходилось подумать объ избраніи такого должностного состава Комитета, при которомъ послѣдній не испытывалъ-бы тѣхъ затрудненій, какія пришлось ему встрѣтить въ прошломъ году, когда въ одно изъ засѣданій (10 марта), одновременно и совершенно неожиданно для всѣхъ, отказались отъ своихъ должностей предсѣдатель и его товарищъ. Вслѣдствіе этого Комитетъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе: не имѣя предсѣдателя и его товарища, онъ не имѣлъ-бы возможности собраться вновь, чтобы произвести выборы, въ засѣданіе-же 10 марта выборовъ произвести было нельзя по уставу Комитета, такъ какъ по одному изъ его параграфовъ выборамъ должна предшествовать публикація въ газетахъ. Только благодаря усиленной и единогласной просьбѣ присутствовавшихъ, г. предсѣдатель взялъ свой отказъ назадъ и согласился нести обязанности предсѣдателя до новыхъ выборовъ.

Въ настоящее засѣданіе кандидатами на должность предсѣдателя, по запискамъ, было заявлено три лица: Н. П. Горбуновъ (прежній предсѣдатель), В. П. Вахтеровъ и Д. И. Тихомировъ. Произведенная затѣмъ закрытая баллотировка шарами дала слѣдующіе результаты: Н. П. Горбуновъ получилъ 64 избирательныхъ и 38 неизбирательныхъ, В. П. Вахтеровъ—51 избир.

и 36 неизбир., и Д. И. Тихомировъ—14 избир. и 79 неизбир. *). Выбраннымъ, такимъ образомъ, оказался прежній предсѣдатель, Н. П. Горбуновъ. Произведенной затѣмъ вторичной баллотировкой въ товарищи предсѣдателя избраннымъ оказался В. П. Вахтеровъ (вмѣсто прежняго, протоіерея Г. П. Смирнова-Платонова), и въ секретари—С. И. Анциферовъ, занимавшій эту должность и въ предшествовавшее трехлѣтіе. Такимъ образомъ, должностной составъ Комитета обновился въ лицѣ товарища предсѣдателя. Будемъ надѣяться, что при настоящемъ составѣ Комитету не придется переживать затрудненій, подобныхъ вышеупомянутому, что онъ будетъ крѣпнуть и, расширяя все болѣе и болѣе свою дѣятельность, твердо и увѣренно пойдетъ къ намѣченной имъ цѣли—распространенію свѣта по всѣмъ темнымъ угламъ нашего обширнаго отечества.

Въ засѣданіи 16 марта, по прочтеніи протокола предыдущаго засѣданія, Д. И. Тихомировъ сдѣлалъ сообщеніе, посвященное памяти инспектора народныхъ училищъ Нижегородской губ., М. В. Овчинникова, умершаго въ январѣ настоящаго года и состоявшаго членомъ Московскаго Комитета грамотности **). Отмѣтивъ въ началѣ своего доклада, что М. В. Овчинниковъ, какъ воспитанникъ шестидесятыхъ годовъ, являлся типичнымъ представителемъ этой эпохи, докладчикъ остановился затѣмъ на характеристикѣ Московской учительской семинаріи военнаго вѣдомства, въ которой воспитывался покойный. «Семинарія (по мысли военнаго министра графа Милютина и главнаго начальника военноучебныхъ заведеній, генерала Исакова) должна была приготовить *новыхъ* учителей и воспитателей, способныхъ провести въ жизнь *новыя* педагогическія идеи». Для преподаванія въ ней были приглашены лучшія московскія педагогическія силы. Преподаватели главныхъ предметовъ были отправлены за границу для изученія постановки дѣла въ тамошнихъ учительскихъ семинаріяхъ. При непосредственномъ ихъ участіи была выработана потомъ и программа, и постановка всего дѣла въ семинаріи. «Громко и свободно полились горячія, убѣжденныя рѣчи искренно увлекающихся педагоговъ о высокомъ званіи учителя, о святости дѣла просвѣщенія, о безкорыстномъ честномъ трудѣ на общую пользу. Юноши воспитанники и юноши (по чувствамъ) учителя слились какъ-бы въ одну родную семью, связанную и взаимнымъ довѣріемъ другъ къ другу, и одинаковою горячею любовью къ дорогому для всѣхъ дѣлу». Кромѣ того, на воспитанниковъ семинаріи, какъ и вообще на тогдашнюю молодежь, сильное и благотворное вліяніе имѣла текущая литература того времени, которая всѣмъ своимъ направленіемъ призывала всѣхъ къ честному, безкорыстному служенію народу въ дѣлѣ его раскрѣпощенія во всѣхъ сферахъ жизни, въ особенности-же въ раскрѣпощеніи отъ власти тьмы и невѣжества. Воспитавшись подъ такими гуманными и свѣтлыми вліяніями, М. В. во всю жизнь оставался вѣренъ завѣтамъ добраго прошлаго: интересы народной школы и вообще *народнаго* просвѣщенія были для него высшими жизненными интересами. Всего болѣе проявилъ онъ себя въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ онъ

---

*) Неодинаковое количество всѣхъ шаровъ (102 у Горбунова, 87 у Вахтерова и 93 у Тихомирова) объясняется тѣмъ, что нѣкоторые члены оставили залу засѣданія послѣ первой баллотировки.

**) Сообщеніе это будетъ напечатано въ журналѣ «Образованіе».

былъ инспекторомъ народныхъ училищъ во вторую половину своей дѣятельности. Когда за послѣднее время начались нападки на земскую школу, имѣвшіе мѣсто и въ Нижегородской губерніи, М. В. выступилъ однимъ изъ самыхъ убѣжденныхъ и горячихъ защитниковъ земской школы: онъ опровергаетъ клевету на земскую школу и въ земскомъ собраніи, и въ печати, собираетъ точныя статистическія свѣдѣнія объ окончившихъ курсъ въ земской школѣ, устраиваетъ для нихъ повѣрочныя испытанія и т. п. Далѣе, благодаря неустаннымъ трудамъ М. В., оживаетъ въ Нижнемъ-Новгородѣ заглохшее-было Общество грамотности: дѣятельность его начинаетъ проявляться въ устройствѣ библіотекъ, въ открытіи по селамъ книжныхъ складовъ для продажи дешевыхъ изданій народу, а въ послѣднюю голодовку оно первое организуетъ школьныя столовыя и т. д. И такъ работалъ М. В. на пользу общаго дѣла, забывая свои личные интересы. Смерть прекратила эту симпатичную жизнь слишкомъ рано. Заразившись тифомъ при объѣздѣ школъ своего участка, М. В. слегъ въ постель и умеръ, оставивъ буквально безъ гроша свою семью. Заканчивая свое сообщеніе, докладчикъ выразился, что только такими честными и безкорыстными работниками и созидается, поддерживается и движется впередъ общественная жизнь.

Затѣмъ, по прочтеніи отчета библіотечной коммиссіи о ея дѣятельности по разсылкѣ безплатныхъ библіотекъ, товарищъ предсѣдателя В. П. Вахтеровъ возбудилъ вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли Комитету расширить свою дѣятельность въ томъ отношеніи, чтобы, помимо разсылки школьныхъ библіотекъ, приступить еще къ организаціи образцовыхъ сельскихъ библіотекъ, согласно положенію о нихъ отъ 15 мая 1890 года. Необходимость въ такихъ библіотекахъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію, если принять во вниманіе, что потребность въ чтеніи среди народа возрастаетъ съ каждымъ годомъ все больше и больше; школьныя-же библіотеки, спеціально назначенныя для малолѣтнихъ, не могутъ удовлетворять взрослаго населенія. Прибавимъ здѣсь отъ себя, что Комитетъ грамотности, выступая на этотъ новый путь, продолжитъ лишь то дѣло, которое начато уже самимъ народомъ; напомнимъ объ извѣстной Марковской библіотекѣ (Харьковской губ.) и о другихъ библіотекахъ, учрежденныхъ самимъ народомъ по типу этой послѣдней. Предложеніе г. Вахтерова вызвало довольно продолжительныя пренія. Предсѣдатель библіотечной коммиссіи, г. Смирновъ, соглашаясь съ г. Вахтеровымъ въ вопросѣ о необходимости устройства сельскихъ библіотекъ, находилъ, что выступать на этотъ путь Комитету было-бы преждевременно, такъ какъ помянутыя библіотеки потребовали-бы съ его стороны значительныхъ издержекъ, что, несомнѣнно, отразится и на разсылкѣ школьныхъ библіотекъ. Московскій Комитетъ грамотности и въ этомъ отношеніи, можно сказать, только начинаетъ еще свою дѣятельность: разсылавшіяся до послѣдняго времени школьныя библіотеки и по количеству, и по качеству оставляютъ желать еще многаго: 30—40 библіотекъ въ годъ, заключающихъ въ себѣ въ среднемъ по 70 книжекъ,—вотъ все, что дѣлалось до сихъ поръ; только въ настоящемъ году, благодаря успѣху публичныхъ лекцій, предпринятыхъ съ цѣлью усиленія средствъ Комитета, послѣдній имѣетъ возможность расширить это дѣло, назначивъ на разсылку библіотекъ, вмѣсто обычныхъ 300—400 рублей, 2.000 рублей. Въ заключеніе г. Смирновъ полагалъ, что приступить къ устройству образцовой сельской библіотеки, хотя-бы только

одной, въ видѣ опыта, Комитетъ можетъ лишь тогда, когда разсылка школьныхъ библіотекъ станетъ болѣе или менѣе прочно на ноги. Возраженіе г. Смирнова едва-ли можно считать достаточно убѣдительнымъ въ виду слѣдующихъ соображеній. Во-первыхъ, г. Смирновъ не доказалъ преимущественнаго значенія въ дѣлѣ народнаго развитія библіотекъ школьныхъ, въ сущности дѣтскихъ, передъ библіотеками сельскими, для взрослыхъ; во-вторыхъ, онъ не опредѣлилъ того момента, когда разсылку школьныхъ библіотекъ можно будетъ считать прочно установившейся. Въ настоящемъ году Комитетъ намѣренъ разослать до 200 библіотекъ, т.-е. въ 5 разъ больше противъ предшествующаго года; предположимъ, что въ будущемъ году онъ разошлетъ школьныхъ библіотекъ еще больше, напр., 300—400 библіотекъ. Спрашивается, удовлетворитъ-ли Комитетъ всѣ просьбы, которыя поступятъ къ нему въ теченіе года? Нужно видѣть поражающее количество этихъ просьбъ, чтобы безошибочно сказать: нѣтъ; и дальше, развѣ всѣ поступающія просьбы выражаютъ собою *дѣйствительную* потребность въ книгѣ? Какая масса угловъ на всемъ протяженіи нашей родины, гдѣ нуждаются въ даровой книгѣ и гдѣ еще не знаютъ не только о томъ, что Комитетъ разсылаетъ библіотеки безплатно, но и о самомъ существованіи его! Такимъ образомъ, если съ сельскими библіотеками ждать до того времени, когда будетъ удовлетворена потребность въ школьныхъ библіотекахъ, то Комитету придется совсѣмъ отказаться отъ мысли придти на помощь съ книгой къ взрослому читателю. Между тѣмъ, совершенно достаточно 300—350 рублей, чтобы организовать одну библіотеку для взрослыхъ. Комитету нѣтъ нужды брать на себя всецѣло расходы по учрежденію такой библіотеки; достаточно будетъ, если онъ на первый разъ приметъ участіе въ половинѣ той суммы, которая потребна для этого, другую-же половину можетъ дать то сельское общество, которое пожелаетъ открыть у себя библіотеку; тутъ важно положить начало дѣлу, а развиваться оно уже будетъ само. Большой заслугой со стороны Комитета будетъ уже тотъ починъ, который положитъ онъ въ этомъ дѣлѣ, выработки организаціи и способа веденія дѣла и, наконецъ, составленіе нормальнаго каталога для такихъ библіотекъ.

Въ заключеніе преній, собраніе большинствомъ голосовъ разрѣшило вопросъ объ устройствѣ образцовыхъ сельскихъ библіотекъ въ утвердительномъ смыслѣ, причемъ было сдѣлано постановленіе, чтобы средствами для этого, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ году, служилъ тотъ излишекъ, который получится въ Комитетѣ отъ членскихъ взносовъ и сбора съ публичныхъ лекцій сверхъ 2.000 руб., ассигнованныхъ на разсылку школьныхъ библіотекъ въ настоящемъ году (такой излишекъ ожидается въ размѣрѣ нѣсколькихъ сотъ рублей). Кромѣ того, библіотечной коммиссіи поручено представить Комитету, не позже слѣдующаго засѣданія (6 апрѣля), свои соображенія по вопросу объ организаціи, каталогѣ и стоимости образцовой сельской библіотеки. Н. Т—въ.

Въ Петербургскомъ Комитетѣ грамотности.

Засѣданіе 23 февраля.

1) Прочтено было собранію письмо изъ Тамбовской губ. земскаго дѣятеля Ѳ. В. Огаркова. Изданія Комитета, при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, подтвержденныхъ и отзывами читателей изъ народа, мало распространены среди этихъ читателей, по мнѣнію г. Огаркова, — благодаря высокой цѣнѣ; хорошо-бы рядомъ съ такими выпускать и дешевыя, обращаясь въ особенности къ отдѣламъ, наиболѣе скудно представленнымъ въ литературѣ для народа, напр., по законамъ, естествознанію, исторіи. Авторъ письма проектируетъ устройство складовъ въ провинціи, сношенія съ практиками дѣла для ознакомленія съ народно-книжнымъ рынкомъ, сдачу книгъ на коммиссію, напр., Сытину и артелямъ коробейниковъ, организацію своихъ книгонош... Г. Огарковъ обращаетъ затѣмъ вниманіе на малоизвѣстность Комитета грамотности въ провинціи, на слабую связь его съ провинціальными членами: можно было-бы оживить ее, напр., разсылкой отдѣльными оттисками періодическихъ сообщеній о дѣятельности собраній Комитета *). Въ заключеніе г. Огарковъ предлагаетъ въ дѣлѣ распространенія комитетскихъ изданій—посредничество библіотеки города Умани, Тамбовской губ., устраивающей нынѣ складъ для продажи книгъ для народа.

Секретарь Комитета, г. Девель, поддерживая это предложеніе, заявилъ о готовности товарища предсѣдателя Комитета грамотности, г. Зимина, возмѣстить изъ своихъ средствъ, въ предѣлахъ 300 р., убытки, если-бы ихъ понесъ Комитетъ, согласившись на предложеніе г. Огаркова. Послѣ непродолжительныхъ преній, изъ которыхъ, между прочимъ, выяснилось, что этотъ оставленный Комитетомъ путь распространенія своихъ изданій въ сущности не былъ особенно убыточенъ (въ среднемъ—всего около 15 р. потери на каждый складъ), Собраніе постановило не только принять предложеніе г. Огаркова, но и отпускать впредь книги на коммиссію желающимъ изъ числа лицъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ Комитету и заслуживающихъ довѣрія.

2) Предложены были на обсужденіе Собранія выработанные Съѣздомъ русскихъ дѣятелей по техническому образованію вопросы о роли начальной сельской школы въ дѣлѣ распространенія въ народѣ раціональныхъ свѣдѣній по сельскому хозяйству. Вотъ содержаніе этихъ вопросовъ: 1) Полезно-ли было-бы участіе начальной сельской школы въ распространеніи сельско-хозяйственныхъ знаній въ народѣ и какимъ образомъ школа могла-бы исполнить такое свое назначеніе, т-е. желательны-ли, напр., 2) сельско-хозяйственные курсы для народныхъ учителей, пріуроченные къ нуждамъ той

*) Всѣ эти вопросы поднимались въ Комитетѣ грамотности съ первыхъ дней его возникновенія; нѣкоторыя мѣры практиковались: съ 1862 г. издавался отчетный листокъ «Занятія Комитета грамотности», годовые расходы на который къ 1866 году удалось довести до 175 р.; склады и коммиссіонерства тоже дѣйствовали, но несовсѣмъ удачно. Среди намѣченныхъ мѣръ заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, особеннаго вниманія точное, основательное изученіе условій народно-книжнаго рынка; значеніе его въ сущности гораздо шире издательской практики Комитета, и въ ряду функцій послѣдняго, эта новая, конечно, оказалась-бы одной изъ самыхъ заманчивыхъ и живыхъ.

или другой мѣстности; 3) популярныя книжки для школъ по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства; 4) веденіе учителемъ своего образцоваго хозяйства, надѣленіе школъ землею, лѣтнія командировки учителей въ сельско-хозяйственныя учебныя заведенія; 5) устройство образцовыхъ фермъ при двуклассныхъ сельскихъ училищахъ и 6) особыя сельско-хозяйственныя отдѣленія при одноклассныхъ училищахъ.

Для окончательнаго установленія принципіальнаго взгляда на дѣло большинства членовъ, выяснившагося уже и въ предшествовавшее засѣданіе, предсѣдатель г. Михайловскій голосовалъ предварительный вопросъ о цѣлесообразности приданія начальной школѣ преимущественно сельско-хозяйственнаго, а не общеобразовательнаго характера; большинство отвергло желательность такого оборота дѣла, послѣ чего пущенъ былъ на обсужденіе первый изъ вышеназванныхъ вопросовъ Съѣзда; онъ вызвалъ нѣкоторыя колебанія: въ понятіе участія школы въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаній логически входитъ и сообщеніе свѣдѣній по естествознанію, какъ непосредственной основѣ раціональнаго сельскаго хозяйства; а вѣдь за такую роль школы въ этомъ дѣлѣ и высказалось Собраніе Комитета въ предшествующее засѣданіе; но, съ другой стороны, по характеру вопросовъ Съѣзда можно было заключить, что послѣдній имѣлъ въ виду единственно и непосредственно преподаваніе сельскаго хозяйства. Въ устраненіе неудобства категорическаго отвѣта по этому пункту, послышались голоса за измѣненіе его редакціи, съ чѣмъ не нашелъ возможнымъ согласиться предсѣдатель г. Михайловскій; тѣмъ не менѣе, вопросъ Съѣзда рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ; членъ Комитета г. Фальборкъ протестовалъ и просилъ внести въ протоколъ свое особое мнѣніе.

Засѣданіе заключено было вслѣдъ затѣмъ преніями по вопросу о книжкахъ по сельскому хозяйству, пріуроченныхъ для употребленія въ школѣ. Въ связи съ высказаннымъ уже мнѣніемъ о нежелательности профессіональнаго направленія въ начальной сельской школѣ Собраніе рѣшило вопросъ отрицательно.

Засѣданіе 9-го марта.

1. Прочтено было особое мнѣніе, подписанное двадцатью членами Комитета грамотности по первому вопросу Съѣзда. Вотъ положенія, въ которыхъ должно-бы выразиться, по ихъ мнѣнію, отношеніе Комитета къ вопросамъ Съѣзда: 1) Всякая спеціализація начальнаго народнаго образованія была-бы въ ущербъ его научной и общественной цѣнности. 2) Серьезная, научная постановка профессіональнаго обученія невозможна безъ общаго образованія, на которое оно должно опираться. 3) Профессіональныя учебныя заведенія должны быть организованы независимо отъ системы общаго образованія и 4) Надѣленіе школъ землей оторветъ учителей отъ дѣла, разовьетъ интересы и гремленія, вредныя для народнаго образованія.

2. Предсѣдатель г. Михайловскій представилъ Собранію крестьянина Ивана утогина, завѣдывающаго приходской библіотекой (безплатной) въ с. Вазовкѣ 700 дворовъ) Вольскаго уѣзда, Саратовской губ. Библіотека помѣщалась въ ерковной сторожкѣ и сгорѣла вмѣстѣ съ церковью прошлымъ лѣтомъ. Изъ .000 книжекъ уцѣлѣло около 200, больше—духовныхъ, которыя въ чтеніи

были во время пожара. Основалась библіотека по иниціативѣ священника и при содѣйствіи мирового посредника около 30 лѣтъ тому назадъ и составилась вначалѣ, конечно, болѣе или менѣе случайно, изъ пожертвованныхъ книжекъ, въ числѣ которыхъ были и журналы, наприм., «Современникъ». Библіотека стала настолько уже органической необходимостью для крестьянъ, что, препроводивъ Лутогина въ Петербургъ для сбора подаяній на возстановленіе храма,—они поручили ему вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовать передъ Комитетомъ грамотности о посильной помощи на возстановленіе библіотеки. Сообщенія Лутогина ограничились этими свѣдѣніями, къ которымъ приводимъ нѣкоторыя дополненія изъ статьи «Городскія и сельскія народныя библіотеки и читальни» (Педагогическій Календарь на 1891—92 г., Воскресенскаго): «Число лицъ, пользовавшихся библіотекою въ 1890 году, доходило до 1.495 человѣкъ, число прочитанныхъ книгъ—1.739. Возрастъ читателей: до 14 л.—325 ч., съ 14 до 20—441, съ 20 до 30—240 ч. и свыше 30 л.—469 ч. Наибольшимъ спросомъ пользовались книги религіозно-нравственнаго содержанія (1.221 требованіе) и беллетристическаго (410)». Цифры эти извлечены изъ вѣдомости Лутогина, присланной въ 1891 году въ Комитетъ грамотности при просьбѣ мѣстнаго церковно-приходскаго попечительства—прислать книжекъ, такъ какъ изъ-за неурожаевъ крестьяне не могутъ на этотъ разъ удѣлить изъ своихъ средствъ на пополненіе библіотеки.

3. Поставлены были на баллотировку и отвергнуты всѣ остальные пункты, предложенные на обсужденіе Съѣздомъ русскихъ дѣятелей по техническому образованію. Для редактированія резолюцій Собранія согласно съ положеніями февральскаго доклада г-жи Калмыковой, выражавшими взгляды большинства членовъ Комитета, рѣшено было избрать особую коммиссію. **Д.**

Засѣданіе общепедагогическаго отдѣла Педагогическаго Музея.

23-го января 1893 года.

Предсѣдательствовалъ генералъ-маіоръ А. Н. Макаровъ.

Занятія состояли въ слѣдующемъ:

1) Прочтенъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2) Докторъ *В. Г. Дехтеревъ* предложилъ на обсужденіе собранія свой докладъ подъ заглавіемъ: «Гипнотизмъ и педагогика».

Докладъ этотъ является переработкою другого доклада, сдѣланнаго г. референтомъ въ Парижѣ на французскомъ съѣздѣ въ Обществѣ поощренія наукъ.

Гипнотизмъ еще не сказалъ своего послѣдняго слова: онъ обѣщаетъ многое въ будущемъ, и намъ нужно ознакомиться съ тѣмъ, что дѣлается по этому вопросу на Западѣ. Въ развитіи гипнотизма можно указать на миѳическій и героическій періоды, когда ему приписывали необычайныя силы, когда на него возлагались черезчуръ смѣлыя надежды. Большинство упованій оказались обманутыми,—и увлеченіе охладилось. Но начиная съ 1886 года во Франціи ежегодно поднимался вопросъ о гипнотизмѣ, и въ 1889 году, во время всемірной Парижской выставки, состоялся первый международный гипнотическій съѣздъ.

Ознакомленіе съ гипнотизмомъ, по мнѣнію докладчика, полезно для педагоговъ какъ съ теоретической стороны вообще, такъ съ психологической—въ частности.

У дѣтей встрѣчается масса нервныхъ патологическихъ явленій, и педагогамъ необходимо знать, когда имъ слѣдуетъ обратиться къ врачу. Въ настоящее время собрано большое количество фактовъ и наблюденій, и началась усердная теоретическая ихъ разработка. Пр. Бони при Сорбоннѣ пришелъ къ тому заключенію, что «гипнотизмъ для психологіи имѣетъ такое-же значеніе, какъ вивисекція для физіологіи».

Слово *гипнотизмъ*, какъ назвалъ это ученіе англичанинъ Брэдъ въ 1842 году, происходитъ отъ слова *гипнозъ*, т.-е. искусственный сонъ. Въ него погружаютъ человѣка посредствомъ особыхъ манипуляцій; сонъ этотъ отличается различными особенностями. Состояніе гипноза (fascination) было извѣстно еще факирамъ Индіи, которые пользовались имъ въ виду какъ религіозныхъ, такъ и лѣчебныхъ цѣлей. Въ концѣ прошлаго вѣка Месмеръ пользовался этимъ состояніемъ и помогалъ своимъ паціентамъ; но вскорѣ такая система лѣченія обратилась въ шарлатанство, въ средство легкой наживы, и была дискредитирована. Въ началѣ нынѣшняго вѣка пріѣхавшій изъ Индіи аббатъ Фаріа тоже прибѣгалъ къ гипнозу, но достигалъ его грубыми средствами, какъ, напр., внезапными приказаніями, которыя вызывали испугъ. Брэдъ первый старался поставить гипнотизмъ на научную почву. Съ 1876 года началъ производить свои наблюденія пр. Шарко въ больницѣ Сальпетріеръ и въ 1882 году представилъ сдѣланные имъ выводы въ Парижскую академію наукъ.

Съ тѣхъ поръ вопросъ о гипнотизмѣ сталъ быстро развиваться, и къ 1888 году создалась цѣлая литература, такъ что Максъ Дессуаръ составилъ отдѣльную книгу по библіографіи гипнотизма. Это движеніе захватило и Германію, и Голландію, и Швецію, и Россію. Гипнотизмъ обнаруживаетъ свое вліяніе и на медицину: въ новѣйшихъ медицинскихъ книгахъ и даже учебникахъ цѣлыя главы посвящаются гипнотизму.

Серьезное, научное отношеніе къ гипнотизму показало тщетность надеждъ, нѣкогда возлагавшихся на него; но, по словамъ знатока и приверженца этого ученія, Прейера—будущее за гипнотизмомъ.

Что-же есть цѣннаго въ гипнозѣ съ практической стороны? Во-первыхъ, при боляхъ цѣненъ и самый сонъ, въ который погружается больной безъ помощи вредно дѣйствующихъ наркотикъ; во-вторыхъ, важна возможность, при этомъ снѣ, дѣлать внушенія: сонъ тогда является средствомъ, цѣль котораго—внушеніе.

Сила внушенія въ состояніи бодрствованія извѣстна педагогамъ изъ практики; въ медицинскихъ книгахъ трактуется вопросъ о внушеніи въ бодрственномъ состояніи паціента. Гюйо въ своей книгѣ «о воспитаніи и наслѣдственности» говоритъ, что задача воспитанія состоитъ въ измѣненіи качествъ индивидуума путемъ внушенія. И во время нормальнаго сна возможно дѣлать внушеніе, какъ на это указываетъ случай съ однимъ изъ журналистовъ, который, уходя рано утромъ изъ дому, внушилъ своей спящей женѣ, чтобы она приготовила извѣстный завтракъ къ его возвращенію. Пробудившись, жена его сдѣлала то, что ей было внушено во снѣ. Въ состояніи бодрствованія внушеніе производится труднѣе, потому что ему противодѣй-

ствуютъ различные отвлекающіе элементы, какъ, напр., воля субъекта, вліяніе окружающей обстановки и т. д., и хоть всегда сильный можетъ повліять на слабаго, но все-таки внушеніе производится гораздо легче, когда оно не встрѣчаетъ препятствій, т.-е. въ состояніи гипноза: гипнозъ удобенъ для закладки приказаній въ корковое вещество мозга.

Способы гипнотизированія—механическіе, съ цѣлью периферическими вліяніями утомить центральную нервную систему и погрузить субъекта въ сонъ. Достигается это раздраженіемъ кожныхъ, глазныхъ нервовъ, однообразными звуками, сознаніе перестаетъ противодѣйствовать приказаніямъ, субъектъ обращается *почти* въ автомата, такъ что можетъ совершиться раздвоеніе личности, и взрослый человѣкъ будетъ воображать себя то ребенкомъ, то старикомъ, сообразно произведенному внушенію. Но сознаніе не вполнѣ спитъ: вы *убѣждаете* субъекта въ необходимости совершить извѣстныя дѣйствія или воздержаться отъ нихъ. Способы гипнотизированія различны для различныхъ лицъ, но во всякомъ случаѣ, при внушеніи слѣдуетъ допускать какъ можно меньше насилія надъ субъектомъ.

Пробужденіе отъ гипноза часто сопровождается разными случайностями и иногда судорожными явленіями, почему не всякаго можно безвредно гипнотизировать, и прибѣгающій къ гипнозу врачъ долженъ обладать не только физіологическими и медицинскими, но и спеціальными знаніями по этому вопросу. Но имѣетъ-ли право врачъ приводить субъекта въ гипнотическое состояніе и, такимъ образомъ, врываться въ его личность? Дѣйствительно, гипнотизація постыдна, какъ зрѣлище, и производитъ вредное вліяніе на зрителей, почему она въ качествѣ публичныхъ сеансовъ для удовлетворенія празднаго любопытства и запрещена почти во всей Европѣ, и можетъ быть разрѣшаема только врачамъ-спеціалистамъ ex consilio: гдѣ гипнозъ является чисто лѣчебнымъ средствомъ, тамъ онъ такъ-же допустимъ, какъ, напр., ампутація ноги.

Спрашивается: желательно-ли и возможно-ли внесеніе въ школу гипнотизма, какъ лѣчебнаго средства? есть-ли у дѣтей такія-же серьезныя формы нервнаго разстройства, какъ и у взрослыхъ? можно-ли разрѣшить педагогамъ прибѣгать къ гипнотизаціи?

На гипнотическомъ съѣздѣ только одинъ Декроа высказался за предоставленіе педагогамъ права лѣченія гипнозомъ, но встрѣтилъ единодушную оппозицію. По вопросу о вредоносности такой системы лѣченія, съѣздъ высказался за то, что примѣненіе гипноза можетъ быть и полезно, и вредно, подобно тому, какъ можетъ быть и полезнымъ и вреднымъ примѣненіе хлорала или опія. Во всякомъ случаѣ педагогъ, какъ только замѣтитъ ненормальныя явленія въ ребенкѣ, немедленно долженъ обращаться къ врачу: оба они должны быть солидарны и нераздѣльны. У дѣтей встрѣчаются очень серьезныя формы нервнаго разстройства, какъ, напр., пляска св. Витта, дѣтская истерія, есть дѣти-меланхолики, дѣти—врожденные преступники и т. д.

Въ началѣ развитія ученія о гипнотизмѣ видѣли въ немъ нѣчто въ родѣ нравственной ортопедіи; думали, что внушеніемъ можно радикально переработать характеръ; но въ настоящее время пришли къ заключенію, что характеръ—слишкомъ сложная машина, а частое погруженіе въ сонъ вредно отзывается на организмѣ.

По мнѣнію г. докладчика, лѣченіе гипнотизмомъ можетъ быть примѣняемо въ школѣ къ слѣдующимъ случаямъ:

1) *Онанизму*, который составляетъ въ школахъ очень распространенное явленіе. Г. докладчикъ привелъ примѣръ излѣченія упорнаго онанизма путемъ внушенія: молодая русская мать повезла заграницу сына, страдавшаго этою болѣзнью и не могшаго, несмотря на искреннее желаніе, отдѣлаться отъ пагубной привычки; никакія лѣкарства, никакія механическія мѣры не приводили къ положительнымъ результатамъ; три года провелъ онъ въ лѣчебницѣ въ Нанси, и, наконецъ, къ нему было примѣнено внушеніе: послѣ двухъ сеансовъ послѣдовало временное прекращеніе болѣзни, а черезъ нѣсколько сеансовъ мальчикъ совершенно исправился и излѣчился.

Замѣчено было, что внушеніе слѣдуетъ производить не болѣе двухъ разъ въ недѣлю, и въ клиникѣ Берильона при его примѣненіи не замѣчалось вреда для дѣтей. Иногда не оказывается нужды въ полномъ гипнозѣ, и достаточно бываетъ полусна, такъ что опасность усыпленія можетъ быть очень уменьшена, а между тѣмъ вредныя привычки уничтожаются.

Замѣчено было, что люди съ болѣе сильной волей гипнотизируются труднѣе, что душевно-больные тоже не поддаются гипнозу, что при большей культурѣ субъектъ оказывается менѣе способнымъ къ гипнотизаціи: прежде поддавались ей 50%, а въ настоящее время 33% вовсе не поддаются гипнозу.

2) *Ночному недержанію мочи*, результатомъ котораго являются прѣлости, сыпи, простуда живота и т. д. Здѣсь увѣщанія очень часто бываютъ совершенно безполезны, между тѣмъ какъ внушеніе, производимое въ искусственномъ полуснѣ, оказывается дѣйствительнымъ, а затѣмъ мало-по-малу образуется привычка воздержанія—и субъектъ выздоравливаетъ.

3) *Наслѣдственному алкоголизму* у дѣтей хроническихъ алкоголиковъ, что проявляется въ возрастѣ отъ 12—14 лѣтъ въ неудержимомъ стремленіи къ вину и пиву. И въ такихъ случаяхъ помогаетъ внушеніе.

На основаніи всего высказаннаго выше, г. докладчикъ приходитъ къ тому выводу, что педагогамъ необходимо познакомиться съ литературою гипнотизма съ теоретической стороны для болѣе сознательнаго отношенія къ нервно-мозговымъ процессамъ ребенка. Важны общіе взгляды, высказанные въ этой литературѣ: они прольютъ новый свѣтъ на указанные процессы. Врачъ и педагогъ должны быть неразрывными друзьями и все обсуждать сообща. Правъ Лейбницъ, признавшій за истину, что хозяинъ воспитанія—хозяинъ страны.

Г. докладчикъ выставилъ слѣдующіе тезисы:

1) Гипнотическое внушеніе не можетъ быть пока примѣняемо съ чисто-педагогическими цѣлями (измѣненіе характера, возбужденіе прилежанія и т. п.), какъ нѣкоторые надѣялись вначалѣ.

2) При нѣкоторыхъ нервозныхъ болѣзняхъ дѣтей функціональнаго характера (навязчивыя идеи, извращеніе вкуса, также при упорной безсонницѣ) гипнотическое внушеніе составляетъ могучее средство терапіи.

3) При ночномъ недержаніи мочи, упорномъ онанизмѣ и стремленіи къ алкоголю, особенно на наслѣдственной почвѣ, лѣченіе гипнотическимъ внушеніемъ является часто единственнымъ радикальнымъ средствомъ, и къ нему надо обращаться какъ можно ранѣе.

4) Всѣ манипуляціи и все вообще веденіе гипнотическаго лѣченія можетъ быть предоставлено только врачу.

5) Ознакомленіе педагоговъ съ современнымъ состояніемъ ученія о гип-

нотизмѣ и его литературою будетъ содѣйствовать расширенію психологическихъ знаній и болѣе правильнымъ взглядамъ на нервно-мозговые процессы дѣтей и юношей.

Послѣ перерыва засѣданія, г. предсѣдатель предложилъ сдѣлать замѣчанія по реферату въ полномъ его составѣ.

Я. Г. Гуревичъ, высказавши, что сообщенный д-ромъ Дехтеревымъ докладъ представляетъ живой интересъ, и выразивши надежду, что результатомъ его будетъ ознакомленіе педагоговъ съ гипнотическимъ ученіемъ, обратилъ вниманіе на степень примѣнимости того, что высказано въ докладѣ, къ современной школѣ. По его мнѣнію, въ докладѣ мало фактическихъ указаній на то, что сдѣлано для школы въ тѣхъ странахъ, гдѣ уже разработанъ гипнотизмъ, какъ теорія. Въ каждомъ учебномъ заведеніи есть дѣти съ указанными въ докладѣ недостатками, но, сколько извѣстно, до сихъ поръ у насъ не примѣняли къ нимъ гипноза, и врачи даже не указывали на него. Обращались-ли во Франціи въ такихъ случаяхъ къ врачамъ-гипнотикамъ, и если обращались, то каковы были результаты? Если гипнотическое лѣченіе дѣйствительно въ указанныхъ случаяхъ, то школамъ слѣдуетъ скорѣе переходить къ практикѣ, а между тѣмъ и у насъ, въ столицѣ, очень немного врачей-спеціалистовъ даже по нервнымъ болѣзнямъ вообще. Какъ-же поступать при такихъ условіяхъ?

Д-ръ Дехтеревъ замѣтилъ, что этотъ новый способъ лѣченія пережилъ еще очень короткую, десятилѣтнюю давность; что явленія, къ которымъ примѣняли этотъ способъ, довольно сложны и прихотливы; что до сихъ поръ и во Франціи очень много врачей или вовсе незнакомыхъ съ гипнотизмомъ, или не рѣшающихся примѣнять его. Въ Петербургѣ насчитывается только четыре врача-гипнотика *); но явится спросъ, явится и предложеніе. Молодые врачи уже будутъ знакомы съ гипнотизмомъ; вѣдь только теперь въ медицинскихъ книгахъ появились особыя главы о немъ

Методъ гипнотическаго лѣченія, по своей новости, не могъ еще внушить достаточнаго довѣрія и родителямъ больныхъ дѣтей. Систематическое лѣченіе по этому методу во Франціи производится только въ Сальпетріерѣ и въ Нанси. Берильонъ издаетъ отчеты по своей клинической дѣятельности; изъ нихъ можно почерпнуть и статистическія указанія: къ нему приводятъ дѣтей, и, какъ видно изъ отчета, было нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ исцѣленія. Все новое вообщѣ распространяется медленно, и въ настоящее время, по отношенію къ гипнотизму, есть много скептиковъ какъ среди публики, такъ и среди врачей.

Г. Гуревичъ. Потому-то врачъ и въ особенности школьный врачъ откажется прибѣгнуть къ этому способу лѣченія. Если во Франціи есть убѣжденіе въ спасительной силѣ гипнотизма, то оно должно оправдываться множествомъ случаевъ излѣченія, почему *въ вопросѣ о примѣненіи гипнотизма къ школѣ очень важны точныя статистическія данныя.*

Д-ръ Дехтеревъ. Дѣло въ томъ, что лѣченіе такихъ явленій, какъ недержаніе мочи или онанизмъ, часто сводилось и сводится къ вопросу школьной дисциплины. Но въ первомъ случаѣ такія мѣры, какъ бромистые препараты, отдѣленіе отъ товарищей, насильственное бужденіе, а во второмъ—

*) Д-ра Данилло, Дехтеревъ, Мочутковскій и Рыбалкинъ, которыхъ назвалъ г. референтъ.

механическія приспособленія, хотя-бы въ родѣ жестяного крана д-ра Быстрова, не приводили къ окончательному излѣченію...

Д-ръ Нижегородцевъ. Важенъ вопросъ о томъ, насколько примѣнимъ гипнотизмъ въ школѣ. Мы знаемъ, что главное, основное свойство гипнотизма заключается въ психическомъ автоматизмѣ; знаемъ также, что основное свойство психической организаціи ребенка—автоматизмъ, подражательность. Слѣдуетъ-ли усиливать это свойство, еще болѣе развивать эту Nachahmungsautomatie? Нѣтъ, примѣненіе гипнотизма широкой рукой будетъ вредно для ребенка: и безъ того въ нервной системѣ есть наклонность къ повторенію. Многіе изъ врачей скептически относятся къ гипнотизму, и они совершенно правы: отъ времени до времени въ медицинѣ возникаетъ мода на тѣ или другія средства, и мы еще такъ недавно пережили моду Коха. Одною изъ главнѣйшихъ задачъ воспитанія является развитіе воли, способности самоуправленія, а гипнотизмъ стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ развитіемъ воли. Что-же даетъ гипнотизмъ, какъ лѣчебное средство? Основныхъ страданій онъ не излѣчиваетъ и можетъ помочь только въ отдѣльныхъ явленіяхъ. Самъ референтъ указалъ только три такихъ явленія. На международномъ съѣздѣ 1889 г. было высказано, что къ гипнотизму надо обращаться какъ къ послѣднему прибѣжищу; но я не знаю случаевъ, относительно которыхъ съ увѣренностью можно было-бы сказать, что въ примѣненіи къ нимъ были исчерпаны всѣ медицинскія средства. И въ такомъ частномъ случаѣ, какъ недержаніе мочи, примѣненіе гипнотизма иногда можетъ оказаться полезнымъ, а иногда и вреднымъ, когда, можетъ быть, нужно было дѣйствовать на общую систему. Къ какимъ-же выводамъ мы должны придти? Въ примѣненіи къ воспитанію гипнотизмъ или не играетъ никакой роли, или имѣетъ отрицательное значеніе; роль его, какъ лѣчебнаго средства, въ примѣненіи къ частнымъ явленіямъ очень ограничена; какъ лѣкарство, онъ допустимъ только въ крайнихъ случаяхъ; идеи, внушаемыя при помощи гипноза, чтобы сдѣлаться сознательными, должны находиться въ связи со всѣмъ психическимъ содержаніемъ субъекта: слѣдовательно, и въ психическомъ воздѣйствіи его роль незначительна.

Д-ръ Дехтеревъ замѣтилъ, что онъ далекъ отъ мысли обвинять врачей за ихъ скептическое отношеніе къ новому способу лѣченія. Даже и въ указываемыхъ трехъ случаяхъ пусть сначала прибѣгаютъ къ извѣстнымъ общемедицинскимъ средствамъ и дисциплинарнымъ мѣрамъ и обращаются къ гипнотизму тогда, когда они окажутся безсильными Г. референтъ заявилъ, что онъ не фанатикъ гипнотизма. На Пироговскомъ съѣздѣ гипнотическое лѣченіе было признано и полезнымъ, и опаснымъ, почему въ примѣненіи его нужно соблюдать осторожность, что, съ своей стороны, рекомендуетъ и г. докладчикъ. Принципіальный вопросъ о томъ, что основное свойство гипнотизма есть психическій автоматизмъ, устраняется многими. При внушеніи человѣкъ не обращается вполнѣ въ автомата, внушеніе вступаетъ въ ассоціацію съ сознаніемъ. Сумасшедшіе не поддаются внушенію именно потому, что у душевно-больныхъ ослаблена способность ассоціаціи идей. Моль и пр. Форель въ Цюрихѣ свидѣтельствуютъ, что гипнотическое внушеніе не содѣйствуетъ развитію автоматизма, что такое внушеніе переходитъ въ самовнушеніе. Вѣдь и педагоги сначала приказываютъ безъ объясненій, а впослѣдствіи и такія внушенія переходятъ въ самовнушеніе,

да и что такое совершается въ человѣкѣ въ періодъ его воспитанія, какъ не переработка различныхъ внушеній въ самовнушенія. Такимъ образомъ, и принципіальный вопросъ о вредѣ внушенія отпадаетъ. Конечно, для нѣкоторыхъ субъектовъ гипнотизмъ можетъ оказаться вреднымъ, но дѣло врача въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшить вопросъ о томъ, не будетъ-ли опасности отъ примѣненія гипнотизма. Г. референтъ замѣтилъ, что онъ не имѣетъ въ виду примѣнять гипнотизмъ широкой рукой. Въ самую природу дѣтей заложено сильное противоядіе вредному дѣйствію гипноза: изъ дѣтскаго мозга быстро улетучивается внушенное. Но, вѣдь, противъ автоматизма въ извѣстной мѣрѣ нельзя возставать и съ педагогической точки зрѣнія: пріобрѣтеніе извѣстныхъ навыконъ, доведенныхъ до автоматизма, необходимо въ воспитаніи. Идеаломъ такого автоматизма можетъ считаться виртуозъ-піанистъ. Что касается вопроса о модѣ въ медицинѣ, то г. референтъ отклоняетъ отъ себя этотъ упрекъ и указываетъ на примѣры Шарко и пр. Фореля, которые въ вопросахъ гипнотизма не слѣдуютъ модѣ. Въ началѣ дѣйствительно существовало модное увлеченіе гипнотизмомъ, но тогда референтъ и возставалъ противъ такого увлеченія; теперь мода прошла, настала пора напомнить о томъ средствѣ, за которымъ спеціалисты признаютъ будущее. Международный съѣздъ 1889 г. предложилъ гипнотизмъ, какъ *послѣднее средство* потому, что педагоги хотѣли забрать его въ свои руки. Гипнотизмъ не помогаетъ окончательно въ основныхъ страданіяхъ, въ душевной болѣзни, при наслѣдственности—это такъ, но и то хорошо, если онъ облегчитъ страданія, хотя-бы на нѣсколько мѣсяцевъ, если не на нѣсколько лѣтъ.

Д-ръ Виреніусъ. Разсматривая вопросъ съ психической стороны, я не могу согласиться съ тѣмъ, что воспитаніе есть внушеніе. Это только красивая фраза: путемъ быстраго внушенія невозможно достичь того, что достигается медленнымъ процессомъ воспитанія; если-же при внушеніи исчезаетъ сознаніе, то въ такомъ случаѣ педагогу и дѣлать нечего. Къ исправленію указанныхъ недостатковъ ведетъ закаливаніе питомцевъ, правильное ихъ питаніе, гигіеническія мѣры, а гипнотизмъ вовсе не нуженъ.

За позднимъ временемъ дальнѣйшее обсужденіе реферата было отложено до слѣдующаго засѣданія.

Засѣданіе 13-го марта 1893 года.

Предсѣдательствовалъ генералъ-маіоръ А. Н. Макаровъ.

Занятія состояли въ слѣдующемъ:

1) Прочтенъ и утвержденъ протоколъ предшествующаго засѣданія.

2) *Д-ръ Дехтеревъ*, во избѣжаніе могущихъ возникнуть недоразумѣній при обсужденіи реферата по тезисамъ, нашелъ нужнымъ дополнить психологическую сторону доклада. Пренія могутъ сдѣлаться безплодными вслѣдствіе разницы въ пониманіи психологическихъ терминовъ. Съ теченіемъ времени происходитъ переработка въ психологической терминологіи. Вундтъ въ своей физіологической психологіи прибѣгаетъ къ терминамъ, установленнымъ еще Кантомъ. Между тѣмъ, нынче тѣ процессы, на которые прежде смотрѣли, какъ на нѣчто единое, нераздѣльное, начинаютъ диференцироваться. Такъ, напримѣръ, память признается какъ что-то собирательное: существуетъ слуховая, зрительная память; есть разныя состоянія памяти, какъ

разныя состоянія сознанія; подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ ядовъ, извѣстные виды сознанія утрачиваются; иногда, напротивъ, во время сна субъектъ припоминаетъ и обсуждаетъ событія прежней своей жизни, а проснувшись, вовсе не помнитъ о нихъ; у одного и того-же лица можетъ явиться нѣсколько разныхъ состояній сознанія: такъ, одна дѣвушка послѣдовательно сознавала себя то старухой, то офицеромъ, то продавцемъ и т. д. Теперь, вслѣдствіе многочисленныхъ опытовъ, напр., проф. Бони, накопился громадный матеріалъ, вслѣдствіе котораго придется измѣнить психологическую номенклатуру.

Укрѣплять сознаніе нельзя, да оно само по себѣ и не имѣетъ вліянія на поступки; оно усиливается вслѣдствіе увеличенія количества заложенныхъ въ него впечатлѣній, и только самое содержаніе сознанія можетъ вліять на дѣятельность.

П. Ѳ. Каптеревъ остановился на первомъ тезисѣ, который больше касается педагогической сферы. Изъ редакціи этого тезиса можно вывести какъ-бы отрицаніе за гипнотическимъ внушеніемъ педагогическаго вліянія; но вмѣстѣ съ тѣмъ этому вліянію, такъ сказать, открывается дверца словомъ *пока*. Въ самомъ рефератѣ есть ссылка на излѣченіе гипнотизмомъ психическихъ недостатковъ; замѣчено было, что имъ можетъ быть поддержано вниманіе, что онъ можетъ вліять на измѣненіе характера. Оппонента удивила статья Токарскаго въ «Журналѣ философіи и психологіи»: примѣненіе гипнотизма иногда приводитъ къ отрицательнымъ результатамъ, иногда онъ излѣчиваетъ временно, но иногда и окончательно, да притомъ еще въ очень трудныхъ случаяхъ. Въ созданіи человѣческой личности есть участіе многихъ могучихъ условій, каковы, напримѣръ, наслѣдственность и воспитаніе, а гипнотизеръ, какъ видно изъ цитируемой статьи, сразу дѣлаетъ человѣка другимъ; внушитъ ему: «люби добро!»—и паціентъ начинаетъ любить добро. Много-ли фактовъ исцѣленія серьезныхъ недостатковъ и дѣйствительно-ли это факты, а не апокрифы?

Д-ръ Дехтеревъ отвѣтилъ, что онъ съ намѣреніемъ поставилъ первый тезисъ осторожно, во-первыхъ, потому, что хотя въ настоящее время и собранъ уже большой матеріалъ, но въ немъ еще много сомнительнаго; во-вторыхъ, потому, что въ проведеніи новаго всегда слѣдуетъ соблюдать осторожность; въ-третьихъ, потому, что хорошо обоснованные случаи лучше уяснятся во время преній. Слово *пока* прибавлено потому, что, по убѣжденію г. докладчика, впослѣдствіи будутъ пользоваться примѣненіемъ гипнотизма и къ педагогіи. Дѣло въ томъ, что прежде всего надо отдѣлить матеріалъ, который недостовѣренъ или самъ по себѣ, или вслѣдствіе ненадежности наблюдателя. Такого рода сомнительные факты обыкновенно относятся къ области болѣе сложныхъ явленій, которые и не затрогиваются референтомъ. Другіе факты подвергались продолжительной и хорошей провѣркѣ и приводили къ положительнымъ результатамъ. Психіатръ Вуазенъ въ Сальпетріерѣ указываетъ на такой случай: поступила дѣвушка съ истерическими припадками, въ высшей степени недисциплинированная, отличавшаяся не только грубостью, но и циничностью рѣчи, крайнею неряшливостью и положительнымъ отвращеніемъ къ труду. Прибѣгли къ внушеніямъ, которыя повторялись, но не часто. Сначала приказанія удерживались недолго, но потомъ все дольше и дольше; мало-по-малу она перестала грубить, сдѣлалась опрятнѣе, пріобрѣла привычку къ работѣ. Впослѣдствіи ее оставили сидѣлкою въ

той-же больницѣ, и она вела себя совершенно прилично. Можетъ быть, тѣ-же результаты были-бы достигнуты и воспитаніемъ, но, конечно, гораздо медленнѣе. Путемъ внушенія нельзя измѣнить основныя свойства личности, но можно отучить отъ другихъ привычекъ. Такъ, напримѣръ, потомки алкоголиковъ, которые не отличаютъ добро отъ зла, не поддаются такой переработкѣ потому, что у нихъ самый мозгъ дурного качества. Но истеричные параличи излѣчиваются быстро, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ исцѣленіе приказаніемъ совершенно тождественно съ исцѣленіемъ вѣрою.

Въ настоящее время въ сферѣ практической медицины встрѣчается много отрицателей новаго метода лѣченія; но со временемъ и они сами начнутъ изучать его. Брейеръ въ Вѣнѣ нашелъ, что нѣкоторыя нервныя явленія поддаются излѣченію внушеніемъ, если извѣстна ихъ причина. Въ бѣдственномъ состояніи субъектъ не помнитъ причины и не можетъ указать ее; въ гипнозѣ онъ возстановляетъ картину прошедшаго, и, руководствуясь его показаніями, Брейеръ приступаетъ къ лѣченію.

Г. Каптеревъ предложилъ г. референту вопросъ: можно-ли считать безвреднымъ гипнотическое внушеніе, т.-е. можно-ли считать его абсолютно безвреднымъ, или вреднымъ, но лишь въ слабой степени? Въ рефератѣ была высказана та мысль, что у дѣтей внушенія *выравниваются:* значитъ, есть же въ нихъ вредъ. Можетъ быть, въ первую, вторую, третью недѣлю они выравниваются окончательно; но то-же-ли будетъ и дальше? не захвораетъ-ли паціентъ отъ лѣченія?

Д-ръ Дехтеревъ. Каждый случай слѣдуетъ разсматривать отдѣльно. Гипнотическія манипуляціи измѣняютъ состояніе кровообращенія и другіе органическіе процессы: такія измѣненія могутъ быть и вредны, и безвредны, смотря по организму. Но вѣдь и хининъ—общепризнанное средство, цѣлительно дѣйствующее при лихорадкѣ, а между тѣмъ есть примѣры больныхъ маляріею, на которыхъ хининъ дѣйствовалъ, какъ отрава. У дѣтей всѣ процессы выравниваются скорѣе, и минимальное насиліе проходитъ у нихъ скорѣе, чѣмъ у взрослыхъ; гипнотизмъ дѣйствуетъ на нихъ въ три, въ пять, въ семь сеансовъ... Нельзя сказать, чтобы гипнотизація всегда была безвредна для дѣтей, но часто она, въ сравненіи съ болѣзнью, гораздо меньшее зло. Врачъ долженъ умѣть выбрать, какъ слѣдуетъ поступить въ данномъ случаѣ. Когда къ г. докладчику обратился купецъ-алкоголикъ съ сильнымъ порокомъ сердца, то пришлось отказаться отъ примѣненія къ нему гипноза.

Д-ръ Нижегородцевъ возразилъ противъ нѣкоторыхъ положеній, приведенныхъ референтомъ во время преній. При оцѣнкѣ современнаго состоянія психологіи нельзя утверждать, что ее можно свести цѣликомъ на физіологическія явленія. Высказанное г. референтомъ мнѣніе, что сознаніе тѣмъ богаче, чѣмъ въ немъ больше представленій, докторъ Нижегородцевъ признаетъ за lapsus linguae: намъ важна не масса содержанія, а выработка психическаго механизма, который приводилъ-бы къ правильнымъ волевымъ дѣйствіямъ; бѣда наша въ томъ, что нынче слишкомъ набиваютъ сознаніе фактическимъ матеріаломъ, упуская изъ виду формальное развитіе. Въ дѣлѣ воспитанія, при исправленіи вредныхъ наклонностей, надо прибѣгать не къ гипнотизму, а къ другимъ средствамъ. Въ рефератѣ указывается частное явленіе онанизма; но если онъ не болѣе, какъ привитая привычка, то можетъ быть излѣченъ и другими путями; въ случаяхъ наслѣдственнаго алкоголизма гипнозъ является

какъ ultima ratio, но пользы не приноситъ. Въ настоящее время гипнотизмъ играетъ такую-же роль, какую нѣкогда играли наркотики.

Въ отвѣтъ на эти замѣчанія, *д-ръ Дехтеревъ* высказалъ, что въ школѣ педагогъ какъ можно раньше долженъ прибѣгать къ врачу; тогда и для наслѣдственнаго алкоголизма гипнозъ перестанетъ быть ultima ratio, а запущеннаго, конечно, не вылѣчишь. Надо замѣтить, что есть такія болѣзненныя формы, которыя прямо можно излѣчивать гипнозомъ, не прибѣгая предварительно къ другимъ средствамъ. И въ настоящее время мы не обходимся безъ наркотикъ, но вопросъ въ томъ, что вреднѣе при погруженіи въ сонъ: доза хлорала, или сеансъ гипноза? Г. докладчикъ высказался за меньшій вредъ гипноза. **В. Г.**

Воззваніе о подпискѣ на капиталъ имени Н. И. Лобачевскаго.

22-го октября 1893 г. исполнится столѣтіе со времени рожденія знаменитаго русскаго геометра Лобачевскаго.

Николай Ивановичъ Лобачевскій принадлежитъ несомнѣнно къ числу тѣхъ ученыхъ XIX столѣтія, работы которыхъ явились не только цѣннымъ вкладомъ въ науку, но и открыли ей новые пути.

Геніальнымъ умамъ, прокладывающимъ новые пути, часто приходилось отвергать положенія, считавшіяся до нихъ неоспоримою и нетребующею доказательства истиною.

Такая-же почетная роль въ наукѣ выпала и на долю Н. И. Лобачевскаго, этого «Коперника геометріи», какъ назвалъ его покойный Клиффордъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Евклидъ построилъ безсмертное зданіе своей геометріи на немногихъ опредѣленіяхъ, аксіомахъ и постулатумахъ, принятыхъ имъ безъ доказательства, истина этихъ основаній геометріи не подвергалась сомнѣнію; всѣ усилія ученыхъ всѣхъ странъ и вѣковъ были направлены на сведеніе числа этихъ аксіомъ и постулатумовъ къ наименьшему; наука представляетъ, напримѣръ, цѣлый рядъ попытокъ вывести, такъ-называемый, постулатумъ Евклида о встрѣчѣ перпендикуляра и наклонной, какъ математическое слѣдствіе прочихъ опредѣленій, аксіомъ и постулатумовъ; истина самого постулатума не подвергалась сомнѣнію.

Лобачевскій первый увидѣлъ здѣсь вопросъ, который можетъ быть рѣшенъ только опытомъ и, придя къ убѣжденію, что, утверждая существованіе евклидова постулатума, мы принимаемъ тѣмъ самымъ извѣстныя свойства нашего пространства, которыя могутъ быть провѣрены только путемъ опыта или наблюденія, показалъ возможность построенія геометріи безъ постулатума Евклида. Свою мысль Лобачевскій осуществилъ въ рядѣ мемуаровъ съ послѣдовательностью и точностью «истиннаго геометра», какъ выразился Гауссъ.

Этотъ «princeps mathematicorum» привѣтствовалъ работы Лобачевскаго еще въ 1846 г.; но привѣтствіе Гаусса прошло незамѣченнымъ и нужно было пройти еще извѣстному времени для того, чтобы высокое научное и философское значеніе работъ Лобачевскаго было признано всѣми. Такому признанію работъ Лобачевскаго способствовали труды многихъ первоклассныхъ ученыхъ нашего времени, которые выяснили, между прочимъ, что геометрія

Лобачевскаго для двухъ измѣреній представляетъ геометрію на поверхности съ постоянною отрицательною кривизною, а геометрія трехъ измѣреній даетъ понятіе о новыхъ протяженностяхъ, пространствахъ, имѣющихъ кривизну.

Изученіе геометріи Лобачевскаго, или неевклидовой геометріи, образовало въ послѣднія два десятилѣтія особую вѣтвь математическихъ знаній, имѣющую обширную литературу. Къ изслѣдованіямъ по геометріи Лобачевскаго примыкаютъ и составляютъ ихъ непосредственное продолженіе изслѣдованія по геометріи гиперпространствъ, которыя, бросая яркій свѣтъ на многіе вопросы геометріи, въ то-же время являются незамѣнимымъ пособіемъ при изученіи важнѣйшихъ вопросовъ анализа.

Высокому научному значенію изслѣдованій Лобачевскаго соотвѣтствуетъ не менѣе высокое философское значеніе. Съ одной стороны, они открываютъ умозрѣнію новый вопросъ объ изслѣдованіи свойствъ пространства; съ другой стороны, они бросаютъ новый свѣтъ на вопросъ о происхожденіи нашихъ геометрическихъ аксіомъ и имѣютъ, такимъ образомъ, высокую важность для теоріи познанія.

Императорскому Казанскому университету выпала завидная доля имѣть Лобачевскаго своимъ воспитанникомъ и своимъ сочленомъ; въ немъ Лобачевскій исполнялъ обязанности профессора съ 1812 по 1846 г. и ректора съ 1827 по 1846 г. Казанскому университету Лобачевскій дорогъ не только по своимъ ученымъ трудамъ и своей преподавательской дѣятельности. Исторія жизни и работъ Лобачевскаго, говоритъ его біографъ, неразрывно связана съ исторіею нашего университета; онъ былъ первый его питомецъ, занявшій профессорскую каѳедру; ему обязанъ Казанскій университетъ постройкою лучшихъ зданій и организацією библіотеки.

Физико-математическое Общество, состоящее при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ, не могло поэтому не обратить особеннаго вниманія на достойное ознаменованіе столѣтней годовщины дня рожденія великаго русскаго математика. Исходатайствовавъ Высочайшее разрѣшеніе на открытіе подписки для образованія капитала съ цѣлью увѣковѣченія имени Н. И. Лобачевскаго, оно обращается теперь къ ученымъ всѣхъ странъ и къ русскому обществу, дорожащему научною славою Россіи, съ просьбою принять участіе въ подпискѣ на составленіе капитала имени Лобачевскаго.

Смотря по величинѣ собранной суммы, Общество предполагаетъ или учредить премію имени Лобачевскаго за ученыя сочиненія по математикѣ (преимущественно по тѣмъ отраслямъ ея, которыя находятся въ связи съ работами Лобачевскаго), или поставить его бюстъ въ зданіи университета. Если предложеніе Общества вызоветъ сочувствіе, оно найдетъ возможнымъ осуществить и ту, и другую цѣль, и Казанскій университетъ будетъ украшенъ изображеніемъ лица, озарившаго его безсмертною славою, и молодые ученые, посвятившіе себя любимой Лобачевскимъ наукѣ, найдутъ въ преміи его имени поддержку и одобреніе.

Предсѣдатель Физико-математическаго Общества *А. Васильевъ.*

Товарищъ предсѣдателя Физико-математическаго Общества *Ѳ. Суворовъ.*

Профессора Чистой Математики въ Императорскомъ Казанскомъ университетѣ.

Взносы адресуются: Казань, Физико-математическое Общество.

Указатель иностранной педагогической литературы.

L'évolution intellectuelle et morale de l'enfant, par *Compayré*. 1 vol. 10 fr. Авторъ поставилъ себѣ цѣлью прослѣдить психологію ребенка на основаніи собственныхъ наблюденій и научныхъ изслѣдованій, имѣющихся по этому предмету. Онъ беретъ ребенка съ его рожденія и шагъ за шагомъ слѣдитъ за его развитіемъ до 4 лѣтъ, когда оно уже болѣе или менѣе ясно опредѣляется. Авторъ нетолько описываетъ, но и старается во всѣхъ подробностяхъ выяснить психологическій ростъ ребенка, пытаясь установить вмѣстѣ съ тѣмъ основные его законы. Указывая, какъ ребенокъ постепенно начинаетъ пріобрѣтать всѣ способности, умственныя, нравственныя и др., какъ онъ начинаетъ ходить, говорить и понимать все окружающее его, авторъ повсюду обращаетъ вниманіе на значительную роль воспитанія на ряду съ дѣйствіемъ человѣческой природы. Книга заслуживаетъ полнаго вниманія.

(Rev. de l'ens. sec. 10).

Le caractère de l'enfant à l'homme, par *Bernard Perez*. Paris. 308 p. 5 fr. Въ своемъ новомъ сочиненіи авторъ предлагаетъ вниманію психологовъ и педагоговъ свои этологическія изслѣдованія. Онъ хочетъ намѣтить основы для изученія характеровъ и даетъ имъ классификацію по степени быстроты и силы движеній, насчитывая шесть слѣдующихъ видовъ: живые (vifs), живо-энергичные (vifs ardents), энергичные (ardents), медленные (lents), медленно энергичные (lents-ardents) и уравновѣшенные (équilibrés). Каждому такому типу авторъ посвящаетъ очеркъ (étude), въ которомъ сгруппированы всѣ отличительныя черты типа. Для иллюстраціи даны портреты разныхъ историческихъ лицъ (по два на каждый типъ). Далѣе авторъ изучаетъ всѣ комбинаціи, могущія существовать между различными элементами характера. Онъ послѣдовательно останавливается на веселости, печали, мужествѣ, страхѣ, доброжелательствѣ, злорадствѣ, самолюбіи и т. д. Книга читается очень легко и по обилію собраннаго въ ней матеріала, массѣ тонкихъ наблюденій заслуживаетъ вниманія, хотя, надо замѣтить, что не всѣ заключенія и утвержденія автора вполнѣ вѣрны. (Rev. de l'ens. sec. 23).

L'imagination et ses variétés chez l'enfant. Étude de psychologie expérimentale, appliquée à l'éducation intellectuelle, par *Frédéric Queyrat*. Авторъ этой небольшой книги поставилъ себѣ цѣлью начертать основы разумнаго интеллектуальнаго воспитанія. За исходную точку своей теоріи, изложенной имъ здѣсь, авторъ беретъ различный способъ воспринимания дѣтьми внѣшнихъ впечатлѣній путемъ зрѣнія, слуха и осязанія (les images tactiles-musculaires), оставляя въ сторонѣ чувства вкуса и обонянія, вліяніе которыхъ на развитіе интеллектуальной жизни весьма ничтожно. Въ каждомъ человѣкѣ, говоритъ авторъ, замѣтно преобладаніе одного рода впечатлѣній, съ чѣмъ и связано существованіе склонности и способности къ наукѣ, къ искусству или къ ремеслу. Угадать эту склонность, дать ей настоящее направленіе и развитіе и составляетъ задачу воспитателя. Но преобладаніе одного рода впечатлѣній имѣетъ и свои дурныя стороны, поэтому воспитатель долженъ заботиться такъ воспи-

тать ребенка, чтобы мозгъ его воспринималъ различныя впечатлѣнія, и тѣмъ самымъ сдѣлать его способности болѣе разнообразными. Вотъ основныя мысли книжки, выраженныя просто и доступно для всякаго, и не занимавшагося спеціально психологіей. Кромѣ того, она имѣетъ еще то достоинство, что всѣ свои философскія замѣчанія авторъ дѣлаетъ или на основаніи личныхъ наблюденій, которыя не трудно провѣрить читателю на самомъ себѣ, или исходя изъ утвержденій извѣстныхъ психологовъ. Авторъ обнаруживаетъ большую начитанность и умѣнье справляться съ матеріаломъ. (Rev. pédag. 1).

L'éducation des facultés mentales, par *J. Nogier*. 2 fr. Эта небольшая книжка представляетъ элементарное изложеніе физіологической психологіи. Помимо того, она заслуживаетъ вниманія какъ доказательство тѣхъ успѣховъ, которые сдѣланы новой психологіей, и какъ примѣръ той пользы, которую можетъ извлечь педагогія изъ популяризаціи элементарныхъ знаній по физіологіи души и тѣла.

(Rev. scientif. t. 49. № 2).

Die Pädagogische Patologie oder die Lehre von den Fehlern der Kinder, von *Ludwig Strümpell*. 2 bedeut. verm. Aufl. Leipzig. 348 s. 6 M.

Проф. Штрюмпель—ученикъ Гербарта. Придерживаясь его метафизической точки зрѣнія, онъ занимается разработкой психологіи Гербарта, дополняя и расширяя его взгляды на основаніи новѣйшихъ физіологическихъ изслѣдованій. Новая книга проф. Штрюмпеля имѣетъ своимъ предметомъ установленіе границы между нормальнымъ душевнымъ состояніемъ ребенка и ясно выраженнымъ помѣшательствомъ, разсмотрѣніе котораго не входитъ уже въ область педагогики. Въ новомъ изданіи прибавлены весьма интересныя наблюденія вюртембергскаго психіатра Коха надъ патологическими дѣтьми, которыя даютъ возможность автору довольно ясно провести границу между тѣми случаями, когда требуется леченіе врача или достаточенъ надзоръ воспитателя. Конечно, такое разграниченіе весьма важно, и, вообще, только тогда такія изслѣдованія и наблюденія, которыя собраны съ большой тщательностью и искусствомъ въ этой книгѣ, могутъ быть полезны, если педагоги близко ознакомятся съ физіологическими причинами случаевъ дѣтской ненормальности, а врачи воспользуются наблюденіями воспитателей и родителей. Для этой цѣли можетъ прекрасно служить, между прочимъ, и настоящая книжка проф. Штрюмпеля.

(Deutsche Literaturz. 4).

L'éducation dans l'Université, par *Henri Marion*.—Paris. 4 fr. Эта книга извѣстнаго парижскаго профессора педагогики имѣетъ цѣлью дать общій очеркъ организаціи учебнаго дѣла во Франціи. Рѣчь идетъ преимущественно о среднемъ образованіи, авторъ останавливается также на положеніи его во всей системѣ образованія и на отношеніяхъ его къ низшему и высшему образованію. Книга дѣлится на двѣ части. Въ первой идетъ рѣчь объ организаціи, администраціи и учителяхъ, во второй—объ ученикахъ. Въ послѣдней обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія главы: «Воспитаніе воли и развитіе характера», «Классная дисциплина, авторитетъ учителя и нравственное воспитаніе въ школѣ», «Воспитаніе путемъ обученія» и т. д. Книга представляетъ большой интересъ какъ для учителей, такъ и вообще для всякаго, желающаго поближе познакомиться съ системой обученія во Франціи. Особеннаго вниманія заслуживаетъ II-я часть, гдѣ авторъ затронулъ и прекрасно освѣтилъ нѣсколько весьма интересныхъ педагогическихъ вопросовъ. (Rev. de l'ens. sec. № 7).

Deutsche Erziehung, von *Fr. Schulze*. Leipzig. 5 M. 332 s. Подъ воспитаніемъ авторъ понимаетъ гармонію между богатымъ общимъ образованіемъ и прочнымъ нравственнымъ характеромъ съ рѣзко выраженной индивидуальностью. Его весьма содержательная книга даетъ прежде всего теоретическую основу ученія о воспитаніи, и затѣмъ останавливается на его практическихъ задачахъ. Въ первой главѣ идетъ рѣчь о главной цѣли всякаго воспитанія, послѣ чего авторъ переходитъ къ выясненію отношенія индивидуальности ребенка къ этой цѣли, т.-е. говоритъ о его прирожденныхъ способностяхъ и пріобрѣтаемыхъ имъ представленіяхъ, о педагогическихъ средствахъ ихъ развитія, далѣе—объ образованіи характера, пріученіи къ порядку въ жизни и о достиженіи всего путемъ воспитанія и обученія, разсмотрѣніемъ метода котораго и заканчивается весьма интересная книга извѣстнаго дрезденскаго профес-

сора философіи и педагогики. Ее можно рекомендовать родителямъ и воспитателямъ, какъ весьма полезное и стоющее вниманія сочиненіе.
(Volksschule. III).

Was schulden wir unsern Kindern? Allgemeines deutsches Erziehungslexicon für das Haus, von dr. *H. Adegg.* Heft I. Stuttgart. 64 s. 50 Pf. Сочиненіе это, предполагающееся въ 12 выпускахъ, обѣщаетъ быть хорошимъ руководствомъ для родителей. Отдѣльныя статьи представляютъ основательныя и разумныя разсужденія по самымъ разнообразнымъ вопросамъ физическаго и нравственнаго воспитанія дѣтей. Изложеніе общедоступное. Въ первомъ выпускѣ обращаютъ на себя вниманіе статьи о приличіи (Anstand), приказаніи(Befehl), примѣрѣ (Beispiel), одеждѣ (Bekleidung). Статьи расположены въ алфавитномъ порядкѣ ихъ заглавій. (Cornelia. 1).

L'enseignement supérieur en France: ce qu'il est, ce qu'il devrait être, par *Ferdinand Lot.* Paris. 144 p. 2 fr. Въ этой книжкѣ авторъ смѣло и талантливо ставитъ нѣкоторые вопросы французской системы обученія; главнымъ образомъ, указываются недостатки университетскаго преподаванія и проводится параллель между французскими и германскими университетами; авторъ указываетъ на прекрасную организацію этого дѣла въ Германіи и совѣтуетъ ею воспользоваться. Книжка написана очень интересно и заслуживаетъ вниманія. (Rev. internt. de l'ens. VIII).

L'éducation de nos filles, par *Jules Rochard.* Paris. 3 fr. 50. Это новое сочиненіе Рошара содержитъ въ себѣ много разумныхъ совѣтовъ. Авторъ начинаетъ съ выясненія цѣли женскаго воспитанія. Взгляды, высказанные по этому поводу, не отличаются ни шириной, ни новизной. Главная часть книги посвящена вопросу о физическомъ воспитаніи дѣвушекъ. Авторъ указываетъ на громадную важность его и необходимость реформъ въ этой области. Эта часть книги, гдѣ авторъ, извѣстный гигіенистъ, группировалъ много полезныхъ совѣтовъ, какъ заботиться о физическомъ развитіи дѣвушекъ, заслуживаетъ вниманія. (Rev. intern. de l'ens. IV).

Stimmen hervorragender Schulmänner dieses Jahrhunderts zur Beachtung für Lehrer und Laien bei der Erziehung und beim Unterrichte der Jugend, von *Ed. Bock.* Leipzig. 3 M. Эта очень хорошо составленная книжка имѣетъ цѣлью посредствомъ совѣтовъ и указаній лучшихъ педагоговъ нашего столѣтія помочь родителямъ правильно вести обученіе и воспитаніе дѣтей и побудить ихъ идти рука объ руку со школой. Сочиненіе Бока заслуживаетъ серьезнаго вниманія. (Volksschulfr. 3).

Der französische Sprachunterricht im neuen Kurs., von *L. Bahlsen.* Berlin. 66 s. 1.40 M. Авторъ въ своей книжкѣ, написанной по поводу новыхъ учебныхъ плановъ въ Пруссіи, весьма сочувственно отзывается объ аналитически-индуктивномъ методѣ преподаванія новыхъ языковъ. Онъ останавливается на выясненіи его особенностей и при этомъ даетъ весьма много полезныхъ практическихъ указаній, основанныхъ на собственномъ опытѣ.
(Liter. Centralbl. 9).

Die Erziehung, pädagogische Aussprüche aus den Werken grosser Denker und Dichter, von *Oscar Willsdorf.* Dresden. 1 M. 50 pf. Этотъ сборникъ содержитъ тѣ части сочиненій знаменитыхъ педагоговъ, знакомство съ которыми необходимо для всѣхъ, занимающихся воспитаніемъ дѣтей. Матеріалъ распредѣленъ по плану систематической педагогики и снабженъ примѣчаніями составителя. Очень полезная книжка. (Allg. d. Lehrz. 5).

Die Schule und ihr neuer Aufbau auf natürlicher Grundlage, von *Joh. Adolf Herzog.* Zürich. 153 s. 1 M. 60 pf. Среди многочисленныхъ и по большей части мало интересныхъ сочиненій, появляющихся въ послѣднее время по поводу реформъ въ школьномъ дѣлѣ Германіи, настоящее заслуживаетъ вниманія. Оно представляетъ основательную критику современной системы обученія въ Германіи и предлагаетъ различныя разумныя мѣры для его улучшенія. Авторъ говоритъ, главнымъ образомъ, о томъ, что должна преслѣдовать школа, и потому—каково должно быть ея устройство на различныхъ ея ступеняхъ. При этомъ авторъ затрогиваетъ много примыкающихъ сюда весьма интересныхъ вопросовъ, какъ, напр., образованіе учителей, учебныя пособія и др.

Книга представляетъ большой интересъ для всѣхъ педагоговъ.
(Paedagog. 6).

La réforme de l'éducation en Allemagne au XVIII siècle. Basedow et le philantropinisme, par *A. Pinloche.* 537 p. Сочиненіе это, увѣнчанное французской академіей, дѣлится на три части: 1) Базедовъ и его педагогическія сочиненія. 2) Ученики и послѣдователи Базедова (Bahrdt, Rochow, Campe и др.) и 3) Филантропинизмъ и его вліяніе въ Германіи и сѣверныхъ странахъ. Особенный интересъ въ этой книгѣ представляетъ попытка, впервые сдѣланная и весьма удачно выполненная, показать, что Базедовъ неправильно считается послѣдователемъ Руссо и заимствовавшимъ у него нѣкоторыя идеи. Авторъ, на основаніи различныхъ изысканій и документальныхъ данныхъ, показываетъ, что Базедовъ уже въ 1752 году, т.-е. за 10 лѣтъ до появленія «Эмиля», говорилъ многое, что приписывается Руссо, какъ впервые имъ сказанное

(Revue critique. 52).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

ПРОСЯТЪ О ПОМОЩИ
ДЛЯ СПАСЕНІЯ ЛЮДЕЙ ОТЪ СЛѢПОТЫ.

Слѣпота есть великое несчастіе въ жизни человѣка, между тѣмъ въ Россіи есть множество бѣдныхъ людей, которыхъ посредствомъ во время сдѣланной операціи, или иного рода лѣченія, можно бы спасти отъ слѣпоты; но у насъ такъ мало спеціалистовъ по глазнымъ болѣзнямъ, что такая помощь доступна лишь весьма немногимъ, а большинство гибнетъ, навсегда теряя зрѣніе.

Попечительство о слѣпыхъ, сознавая весь ужасъ этого положенія, желало бы приступить къ образованію летучихъ отрядовъ, составленныхъ изъ молодыхъ окулистовъ, и командировать ихъ въ разныя мѣстности Россіи, для подачи нужной помощи страдающимъ глазными болѣзнями; но, не имѣя на это свободныхъ средствъ, Попечительство обращается къ частнымъ благотворителямъ съ просьбою оказать ему свое доброе содѣйствіе къ спасенію людей отъ слѣпоты. Приношенія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ Канцеляріи Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (Большая Конюшенная, № 1, кв. 24), у Предсѣдателя Совѣта Статсъ-Секретаря Грота, въ томъ же домѣ, и у члена Совѣта Николая Павловича Забугина (Департаментъ Таможенныхъ Сборовъ).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

а) Для подписчиковъ:

1) Редакція принимаетъ на себя отвѣтственность предъ подписчиками за своевременную доставку лишь въ томъ случаѣ, если подписка адресована непосредственно на ея имя. Всякая корреспонденція можетъ быть адресована такъ: Въ Редакцію «Русской Школы», С.-Петербургъ (адресъ почтамту извѣстенъ).

2) При сообщеніи адреса, куда слѣдуетъ высылать журналъ, должны быть четко обозначены: имя, отчество и фамилія, а также точный адресъ подписчика, т.-е. должны быть обозначены губернія, уѣздъ и ближайшее почтовое учрежденіе, въ которомъ допущена выдача журналовъ.

3) Жалобы на неполученіе какого-либо нумера журнала слѣдуетъ высылать не позже, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ по выходѣ въ свѣтъ неполученнаго нумера; кромѣ того, жалоба должна быть удостовѣрена мѣстною почтовою конторой. При неисполненіи этихъ двухъ условій претензія подписчика, по почтовымъ правиламъ, не можетъ быть удовлетворена.

4) Въ случаѣ перемѣны адреса въ заявленіи объ этомъ долженъ быть сообщенъ также и прежній адресъ подписчика; кромѣ того, при заявленіи должно быть приложено 50 коп. почтовыми марками.

5) Гг. сельскимъ учителямъ и учительницамъ, а также учителямъ городскихъ начальныхъ школъ дѣлается съ подписной платы одинъ рубль уступки и, кромѣ того, допускается разсрочка платежа: три рубля должны быть внесены при подпискѣ, а остальные три рубля высланы не позже 1-го іюня; въ противномъ случаѣ высылка журнала будетъ пріостановлена.

б) Для авторовъ:

1) Рукописи, присланныя для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, редакціоннымъ измѣненіямъ; въ случаѣ несогласія на таковыя измѣненія авторы приглашаются дѣлать объ этомъ оговорки на самой рукописи, подъ заглавіемъ оной. Кромѣ того, рукописи должны быть снабжены четкою подписью автора и указаніемъ его адреса. При этомъ статья можетъ быть напечатана за тою подписью, которою авторъ пожелаетъ снабдить свою статью въ печати, о чемъ авторы приглашаются заявлять на самой рукописи, подъ своею настоящею подписью, которая, по желанію автора, останется извѣстною только редакціи журнала.

2) Обратную пересылку рукописей редакція принимаетъ на себя только за счетъ автора, притомъ въ видѣ посылки или подъ заказною бандеролью, смотря по тому, въ какомъ видѣ ею данная рукопись получена отъ автора.

3) О пригодности или непригодности данной рукописи для журнала редакція извѣщаетъ авторовъ только въ случаѣ, если для этой цѣли приложена почтовая марка семикопеечнаго достоинства; свѣдѣнія этого рода редакція можетъ дать автору не ранѣе, чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, и не позже, чѣмъ чрезъ три мѣсяца по полученіи рукописи.